

Глава 1. Служанка господина Карфакса

Когда тебе платят деньги, приходится мириться с чудачествами заказчика. Я укупорила последнюю бутылку с болотной водой и положила её в корзину. Где-то на плетёном дне под ещё девятью такими же бутылками лежала записка от Карфакса. Моего нанимателя, благодетеля и выжившего из ума старикашки. «Мери, — писал он. — Принеси мне десять бутылок болотной воды до рассвета. В оплату получишь золотой. Но учти. Если опоздаешь — останешься с пустыми руками».

Меня звали Мередит, но вредный Карфакс постоянно сокращал «слишком длинное для служанки имя». Много чести и всё такое прочее. Лишь бы уязвить побольнее. Хотя, быть может, я только воображала себе обидный тон старика. Карфакс не разговаривал со мной. Вообще. Мы виделись-то всего один раз, когда он и принял меня на работу. Я шаталась по рынку, пытаюсь узнать, не нужна ли кому из господ заезжих купцов служанка. Три раза взашей из палаток выгнали. На четвёртый я ещё и пощечину от купца получила. Он принял меня за воровку. Несправедливо принял! Ничего я не «разнюхивала, чтобы спереть!» Пыталась понять, унесу ли тяжеленные корзины с рыбой или лучше не соваться на такую работу? Вот и получила по лицу. Села у бочки с водой и разрыдалась, а Карфакс мимо шёл. «Пойдём» — то ли сказал, то ли мне послышалось, и рукой за собой поманил.

С тех пор я каждый вечер приходила к его замку. Раньше в наших землях жил лорд. Деревенский староста платил ему налоги каждый месяц. А потом лорд умер и наследника после себя не оставил. К старосте другой лорд пришёл, ему платить велел. Куда старосте деваться? Сначала на север подводу с золотом отправлял, теперь на юг. Разницы-то никакой. А замок опустел. Триста лет простоял никому не нужным. Поговаривали, что там призрак старого лорда по ночам бродил. Врали, естественно. Я не верила в призраков. В расшалившихся мальчишек, в разбойников, облюбовавших каминную махину, верила, а в призраков нет. Но то ещё ерунда была. Когда в замке три года назад появился Карфакс, его и вовсе жилищем колдуна прозвали.

— Колдун, — смеялась я, читая странные поручения в записках. — То земли ему принеси с холма, то воды из болота, то молока с рынка.

Если он колдун, то я — жена лорда. Обычный выживший из ума старик, напустивший на себя таинственности. А мне семье помогать нужно. Золотые на дороги не валяются. Семеро нас у отца с матерью. Я — самая старшая. Вот и работаю, пока братья с сёстрами подрастают.

— До рассвета, значит, — вздохнула я и подняла с земли корзину. — Ох, тяжёлая. Но рыба, наверное, тяжелее была. Да и корзина там больше.

Горящий факел я с камня забрала и пошла к замку. Горизонт ещё не занимался рассветом, успею. Карфакс заставлял меня работать по ночам, но и платил гораздо больше, чем другие наниматели. До зимы у него проработаю — есть досыта весь год будем. А там, глядишь, к следующей зиме на приданное себе соберу.

Крепостная стена у замка в одном месте обрушилась. Я перелезала через гору камней и шла через заросший бурьяном двор до западной башни. Там у самой земли болталась веревка с крюком. Карфакс ни разу больше ко мне не вышел. Вечером спускал из верхнего окна пустую корзину с запиской, а утром забирал полную. Если его всё устраивало — возвращал корзину с золотым и новой запиской. Просто чудо, а не наниматель. Никакой ругани и пощёчин!

Однако сегодня корзина стояла на земле слишком долго. Я успела замёрзнуть, сосчитать все камни в стене, даже дважды дёргала за верёвку, но Карфакс не отзывался.

— Уснул, что ли? — вздохнула я. — Или заболел?

В его возрасте уже можно осторожно подумать, что умер, но я гнала такие мысли прочь. Если заболел — я лекарства принесу. Пусть живёт, мне деньги нужны.

Кричать мне запрещалось. Карфакс десять первых записок посвятил тому, как важно молчать в замке. Клялся, что уволит меня с работы, если хотя бы слово произнесу. Так сильно ненавидел женскую трескотню? Допустим. Сейчас-то как его позвать? Я иногда бормотала себе под нос, ничего страшного не происходило. Но если заору во всё горло — точно уволит. Эх, а если не заору, то останусь без жалования. Вдруг ему, правда, плохо?

Горизонт угрожающе посветлел, времени на раздумья не осталось. Я взяла корзину с бутылками и пошла искать главный вход. Заходить в замок тоже запрещено, но я ведь о хозяине беспокоюсь!

Дверь в полтора моих роста оказалась заперта. Конечно. Как же иначе? Но я кое-что знала о замке. Когда-то друг моего отца взялся доказать, что никаких приведений здесь нет, и наткнулся на спуск в погреб. Ох, вся деревня гуляла на вино старого лорда! И пускай там оставалось всего шесть бутылок, чудом сохранившихся под опрокинутым стеллажом.

Я дошла до восточной башни и потянула за ручку неприметной двери. Ай, удача! Карфакс забыл про погреб! То, о чём я знала только по рассказам отца, вдруг открылось перед глазами. Факел трещал и шипел, роняя искры, из глубины погреба пахло чем-то кислым. Обрушенные стеллажи покрылись пылью, но они меня и не интересовали. Я толкнула дверь из погреба во внутренние комнаты замка и обрадовалась ещё одному чуду. Не заперто! Где же может спать Карфакс? Неужели придётся идти до западной башни? Моё везение скоро кончится. Упрусь носом в кованную решётку и привет! То есть «до свидания, дорогая Мередит». Но кто-то будто ждал меня. В первом же зале тускло горел голубой огонёк.

Факел я поставила в держатель, подошла ближе и от страха чуть не задохнулась. Передо мной, склонив голову на руки, за широким дубовым столом распластался человек. Карфакс! Я узнала седые космы его волос.

— Ай, да как же так, — прошептала я, и голубое свечение стало ярче. Его испускал шар размером с маленький вилок капусты. Именно он освещал мертвенно-бледное лицо моего нанимателя. — Господин Карфакс, очнитесь! — крикнула я, уже догадываясь, что меня не услышат.

Шар тут же выпустил голубое облако света, и замок задрожал. Каждый камень в его кладке затрясся, с потолка посыпалась пыль. А тот, кого я сочла мертвецом, открыл глаза.

— Господин Карфакс, — повторила я и чуть не упала.

Пол ходил ходуном, со стола попадали книги. Бежать нужно было, но я, как заколдованная, смотрела на пульсирующий голубым светом шар.

— Что ты надела? — с ужасом спросил Карфакс. — Мери, что ты натворила?!

От грохота закладывало уши. Шар вспыхнул ослепительной вспышкой, и я потеряла сознание.

Очнулась в том странном состоянии, когда ничего не видишь в темноте, но уже догадываешься, где очутилась. В подвале замка меня запер Карфакс. Пахло вокруг точно так же, как в бывшем винном погребе, и камни холодили спину. Святые предки! Я ненавижу спать на спине! Всё тело затекает, как у старухи. Поднимаюсь потом на ноги еле-еле, кряхтя и проклиная всех вокруг.

Но это ещё не самое худшее, что могло случиться. Дышала я носом, потому что Карфакс засунул тряпку мне в рот. Самый настоящий кляп, ага. Я, наивная, считала, что его можно выплюнуть или вытолкнуть языком. Не-а. Челюсти не двигались вообще. И руки связаны. И ноги. «Ну всё. Пропала ты, Мередит». Если от подвальной сырости и холода потечёт насморк — я задохнусь. Если Карфакс всё-таки болен и помрёт, то я сдохну от жажды. Позвать на помощь невозможно, самой не выбраться. Беда. Вся надежда на родителей. Они ждали меня на завтрак. Раз не пришла, то пойдут искать. Хорошо, что знают, где именно. Нужно только дождаться их.

Успокоившись, я попробовала расслабиться и немного подремать. Чем ещё заниматься в темноте и тишине? Главное, чтобы крысы, тараканы, сороконожки и прочая живность не пожелали составить мне компанию. Я ж брезгливая. К навозу в хлеву относилась ровно, а шуршание чужих лапок на коже не переносила совершенно.

Дверь скрипнула, в темноте вспыхнул жёлтый росчерк света. Карфакс занёс лампу в мою темницу. Я зажмурилась, глаза болели. Как бы проклятый голубой шар не выжег их. Наниматель вместо приветствия пнул ведро рядом со мной и сунул что-то в лицо. Бумажку. Она шуршала. Карфакс умел говорить, я слышала, но почему-то снова предпочёл молчать.

— Э-э-а, — ответила я сквозь кляп.

Должно было получиться что-то вроде: «Любезный господин. Не соблаговолите ли вы развязать мне руки или хотя бы держать бумажку так, чтобы я разглядела буквы? И лампу уберите. Нет, не сюда, в другую сторону. Ладно, вот так нормально».

Худо-бедно, но я разобрала торопливо написанное послание:

«Мери, ты совершила страшное преступление. Разбудила древний артефакт. Я потому запрещал тебе разговаривать, что он откликается на человеческий голос. Теперь его сила, как маяк, светит всем лиходеям, желающим получить великий дар богов. Шар исполняет желания. Любые. Нужно только произнести их вслух».

Твою ж курицу, раздавленную повозкой! Вот тебе и голубой шар! Зачем Карфакс вообще держал его при себе? Почему до сих пор не стал властелином мира, раз шар исполнял любые желания? Я ничего не понимала, а текст уходил на обратную сторону бумажки. Через пару мгновений наниматель догадался её перевернуть.

«Я должен был убить тебя только за то, что ты увидела шар. Но я слишком стар и слаб, чтобы

продолжать хранить его в одиночку. Ты останешься моей служанкой. Будешь жить в замке и ходить в деревню за продуктами. Но учти, Мери, если ты кому-нибудь проболтаешься о шаре, он сам тебя убьёт».

Ещё не легче. Умирать мне не хотелось. Я испуганно моргала, сопела и пыталась хоть немного подумать.

Если шар убивал тех, кто о нём рассказывал, то почему Карфакс жив? Ах, да, я же сама увидела артефакт. Наниматель не собирался его показывать, а теперь вроде как поздно секретничать. И раз уж в полку знающих о шаре прибыло, то почему бы не воспользоваться этим? Хитро. Я оставалась служанкой, продолжала бегать с поручениями, только теперь можно было не прятаться. Очень хитро. Настолько, что я начала подозревать старика в злом умысле. Уж не подстроил ли он всю историю с шаром? Затаился в подвале, открыл дверь погреба, выложил артефакт рядом с собой и уснул. Ага, силки расставил. «Лети ко мне, птичка». Гад ползучий! Интриган хитровымудренный! Ещё на рынке, наверное, меня приглядел. Три года слуг в замок не пускал, а тут сподобился нанять помощницу. Я засопела совсем уж громко и уставилась на него.

«Подожди», — жестом показал он и полез в карман. Много бумажек написал? До следующего утра прочитаю?

«Я развяжу тебя, если ты поклянёшься, что будешь молчать. Мы в большой опасности. Чем громче звучит человеческий голос, тем сильнее разгорается шар. На его свет придёт тот, кто легко убьёт нас обоих, а потом уничтожит весь мир. Мы можем спастись, если шар остынет. А для этого нужно молчать».

Поняла. Шар, как чайник на горячей печке. Ставишь — кипит, снимаешь — остывает. Я кивнула, что буду молчать. Деваться всё равно некуда. С колдовскими штучками лучше не играть. Все беды в нашем мире от колдунов пошли. Уж их самих почти не осталось, а всё аукается то там, то здесь. Вот и мне досталось. Обида на Карфакса заедала, аж жуть. Слёзы наворачивались, пока верёвки мои развязывал. Лучше бы ударил, как торговец рыбой, чем эдак вокруг пальца обвёл. Я уйти от него хотела, когда денег заработаю — и что теперь? До смерти в обнимку с шаром жить? Состариться в замке, как его новый хозяин?

Кляп у меня изо рта Карфакс вынул в последнюю очередь. Из вредности хотелось заорать на весь подвал, но дико болела челюсть. Язык, наверное, долго не сможет нормально шевелиться. Так и буду мычать и бляеть. Матушка прицепится: «Ты пила вино, Мередит! Ух, я тебя за уши оттаскаю».

Кстати о родителях. Их бы предупредить, что я переезжаю к нанимателю. Сказать, что нужна теперь всё время под рукой, и платить поэтому будут больше. Отец обрадуется. Мало того, что минус одна тарелка на семейном столе, так ещё и плюс жалование. К нему, правда, голубой шар-убийца прилагался, но об этом велено молчать.

Я встала, цепляясь за пыльные полки, и показала пальцем на дверь. Уйти хочу, да. Но скоро вернусь. Карфакс мне ещё за болотную воду должен. Как бы требовать свой золотой, не открыв рта? Наниматель-колдун отходить от двери не спешил. Перебирал заранее написанные бумажки. На все случаи жизни подготовился? «Если Мери будет орать, эту усну. Начнёт драться — эту. Рыдать — третью».

«Вот», — резким жестом протянул он мне сразу две бумажки.

«Можешь пойти домой и собрать вещи. Здесь нет платьев, щёток для волос и прочих женских премудростей. Принесёшь сама. Советую прямо за порогом замка, не откладывая, что-нибудь громко сказать. Увидишь, как крепко тебя держит шар. А как только испугаешься, ускорь шаг. Срок тебе — до заката».

Какое доверие. А если сбегу? Или он думал, что золото вместе с шаром держат крепче верёвок? На счёт денег он не совсем прав. Я, конечно, бедная, но если Карфакс начнёт издеваться надо мной в замке, то станет плевать на жалование, голодную семью и приданное — уйду. И никакой колдовской шар меня не остановит!

«Свой золотой за десять бутылок получишь, когда вернёшься», — значилось во второй записке. Я громко фыркнула и смяла бумагу. Старик-стариком, а действительно всё учёл. Ох и наниматель мне достался! Ей-ей, лучше десять торговцев рыбой, чем один колдун.

В коридор я вышла нетвёрдой походкой пьяницы, даже не оглянувшись. Жаловаться на утро, проведённое в подвале, некому, да и бесполезно. Слуги привыкли к дурному обращению. Всё, что можно сделать, если совсем неумоготу — уволиться. Но иногда с деньгами настолько плохо, а другой работы настолько мало, что терпят любую гадость. Особенно старые слуги, которые никому, кроме их таких же старых хозяев, уже не нужны. Мне ещё повезло. Пустой замок, а не шумный трактир с постояльцами, норовящими ущипнуть симпатичную подавальщицу за зад. И не рынок, где от перетаскивания тяжестей спины не разгибаешь. Всего-то колдун. Всего-то его страшный шар,

при котором нельзя говорить. «Перетопчемся, — как любила повторять мама. — Выдержим».

Мою корзину с бутылками от подножия западной башни Карфакс забрал. Я заметила краем глаза, когда шла по двору до провала в стене. Солнце стояло в зените. Отец давно ушёл на работу, а мать хлопотала по дому. Осталась я без завтрака, но, может, хоть обедом накормят?

За стеной замка сидела долго. Всё не решалась проверить, как меня будет убивать шар, вздумай я трепать о нём языком. Прилетит из подвала и по голове стукнет? Или снова ослепит? Вот же мерзкая колдовская штуковина.

— Дрянь, — выругалась я сквозь зубы.

Голубое свечение пробежало по голым рукам и больно защипало кожу.

— Ох, ты ж, чтоб тебя!

Мстительный артефакт охватил мои руки огнём. Я завизжала и запрыгала, пытаюсь стряхнуть призрачное пламя, но боль ушла только, когда я догадалась заткнуться. Терпела, дышала носом и свечение погасло. Доходчиво. Интересно, а дома мне тоже придётся молчать? Матушка сразу же заподозрит неладное. Так прицепится, что не отстанет, пока не услышит правду. Буду гореть при ней. Или шар только на оскорбления отзывался? Хоть бы.

— Миленький хорошенький, — елеино пропела я.

Искры угрожающе вспыхнули на коже, но вреда не причинили. Уже неплохо. А если совсем о нём не говорить?

— Погодка нынче чудесная, — продолжила я напоказ веселиться. — Тёплый ветерок, солнышко над головой, — шар не реагировал, — голубое небо...

Тьфу ты, пропасть! На слово «голубой» искры снова ужалили меня за руку. Кажется, я поняла, как пиликала эта дудочка. Шар зацепил меня магией, когда я заговорила при нём, и теперь следил за каждым словом. Вдруг проболтаюсь? Ух, не зря его Карфакс в подвал запер. С таким ненормальным артефактом никакое мировое господство не нужно. От шара бы отделаться!

Я встала с камней и пошла домой.

Малыши Грета и Клаус играли во дворе. За ними присматривали трое средних братьев, заодно складывая в поленницу нарубленные вчера отцом дрова. А Елену мама учила варить суп.

— Ещё не готово, горох сухой и долго варится. Мередит! Ты сегодня поздно.

— С господином Карфаксом разговаривала, — сказала я почти-правду. — Мама, меня повысили.

Деревянная ложка выпала из её рук и громко звякнула о край котла. На усталом лице матери появилась робкая улыбка. Я видела, как они с отцом не щадили себя ради детей, как тяжело приходилось. Любая хорошая новость считалась чудом, а у меня колени дрожали от страха. Если колдун не смог избавиться от власти шара, то у бедной служанки и подавно не получится. Я приговор себе зачитывала.

— Я теперь в замке работаю. Убираться буду, за двором следить, на кухне готовить...

— Ой, дочка, целый замок!

— ...на рынок за продуктами так же ходить...

— Он такой большой, ты не справишься одна!

— ...комнату мне выделили.

Мать вскрикнула и тут же зажала рот рукой. От радости её глаза стали огромными, дыхания не хватало.

— Дочка, — простонала она. — Мери. Тебя же... Тебя же экономкой назначили! В замке! Ох, отец на работе, не слышит. Нико, Лука! Бегите сюда, у нас новости!

Братья примчались с улицы, и пол старого дома протяжно заскрипел разошедшимися половицами. Мать умела устраивать вокруг себя вихрь. Её голос звучал на половину улицы. За сбивчивым пересказом пошли указания:

— Перво-наперво набери новых слуг. Сразу же поставь себя главной. Пусть другие на посылках бегают. О, Мередит, это такая удача!

Я слушала, кивала, отбивалась от вопросов любопытных братьев и старалась увернуться от завистливого взгляда Елены. Глупой девочке казалось, что я попала в сказку. Целый замок, важная работа, вся семья в восторге.

— Оденься поприличнее, — выдохнула мать. — Не позорь нас. Давай платье твоей тётки достанем. — Елена окончательно губы надула. За секунду я стала врагом. Тётино платье мама ей в приданное обещала. А теперь, не моргнув глазом, распахнула крышку тяжелого сундука и нырнула в наши скудные богатства по самые локти. — И чепец! У любой уважающей себя экономки должен быть красивый чепец!

— Мама!

— Тише, Елена! Сестра ради всех нас старается. Бери, дочка, бери.

«Знали бы они, — стучало у меня в голове. — Знали бы они!»

Столько планов было на жизнь, столько желаний. Большие дом грезился в большом городе, достойный муж, собственная карета с лошадьми — всё прахом пошло. Сгорело голубым пламенем. Остались тётино платье, чепец экономки и проклятый колдун со своим шаром!

— Спасибо, мама, — прошептала я. — И давайте быстрее. Карфакс ждёт к вечеру. Опаздывать нельзя.

Глава 2. Старый замок

В старомодном платье с оборками на груди я выглядела до ужаса нелепо. Оно пахло сундуком и никак не хотело разглаживаться. А ещё чепец. Кружевное безобразие. «Мечта старой девы». Я выбросила его, стоило выйти из деревни. Скажу, что потеряла. Или ничего не скажу. Вернуться домой мне уже не суждено, а в суеде даже попрощаться толком не дали. Клауса поцеловать, Грету. Вместо этого нарядили, нагроузили и вытолкали за порог.

Матушка, казалось, половину нашего добра сложила в мою корзину. Кружку глиняную отдала, ложку, тарелку. «Пусть не думают, что мы совсем нищие, с пустыми руками тебя отправлять». Мешочки с горохом, пшеном и фасолью. «На первое время. Вдруг готовить сейчас не из чего?» Даже книгу, по которой мы с братьями грамоту учили. «Если читать не захочешь, то просто открой перед собой и сиди. Экономка должна выглядеть умной».

Эх, мама, ну какая из меня экономка? Они годами учатся, в толстых учётных книгах что-то пишут. А я читать едва умею и считать до ста. Ошибся Карфакс с помощницей. Хоть тут промахнулся, чем подарил повод вытереть слёзы и злобно улыбнуться. «Ну что, колдовское жилище, ты готово вздрогнуть? Сейчас бедная и малообразованная служанка Мередит наведёт в тебе порядок».

При свете дня замок выглядел хуже тётушкиного платья. Да, когда-то хозяева им гордились, но я родилась позже, чем он растратил своё величие. Между двумя высокими башнями громоздились остальные постройки, в стене зияла брешь, а к навсегда закрытым воротам я так и не решилась подойти. Но если раньше я лишь вздыхала над унылостью и запустением, то сегодня оглядела новое место работы придирчивым взглядом. Черепица с крыш поотлетала. В верхних комнатах от дождя развелось болото. На нижние тоже протекало. Если в замке имелась библиотека, то книгам конец. Гобеленам и коврам тоже. Эх, столько придётся выбросить, что ничего не останется. Как бы я со своей ложкой и кружкой не оказалась богаче Карфакса.

Кстати, колдун поразил меня в самое сердце. Вышел встречать служанку прямо во двор. Стоял напротив бреша и ждал, сложив руки на груди. И его я тоже как следует рассмотрела только сейчас.

Седую голову скрывал капюшон. Вместо мантии, нарисованной на всех гравюрах в книгах о колдунах, Карфакс носил удлиненный камзол, высокие сапоги и плащ. Святые предки, кто сейчас так одевался? Заезжие господа ржали бы над чудачком в голос, аки кони на конюшне. Лет сто в наших краях не видели настолько «дедушкиного» наряда. Прошла мода на камзолы и бриджи. Может, поэтому Карфакс не снимал плащ? Сейчас вот, правда, распахнул его полы. На дворе стояла не по-весеннему жаркая погода. Взопрел господин наниматель.

— Добрый вечер, — вежливо поздоровалась я и тут же больно прикусила язык.

Шар! Проклятый артефакт не спал и на моей коже мгновенно вспыхнули синие искры. Карфакс скрипнул зубами. Изуродованное морщинами лицо перекошилось и стало ещё безобразнее.

«Всё, всё, поняла, не тупая, буду молчать» — постаралась показать я жестами.

Будет сложно. Исполнять приказы, не высказанные вслух, — самый страшный кошмар любой служанки. Поди догадайся, чего господин хочет и когда. Хоть лоб расшиби, всегда будешь не права, не расторопна и кругом виновата.

«За мной», — жестом пригласил колдун.

Ну вот. Обычная церемония ввода в курс дел началась. Хотя нет, вру. Необычная. Молчаливая. Карфакс привёл меня во внутренний двор, вручил скатанные тугой трубкой свитки и попрощался.

Что? В смысле? Куда он пошёл?

Я, как дура, приготовилась к долгим походам по замку, десяткам крупных поручений «что нужно сделать вообще», сотням мелких из разряда «сейчас и немедленно», больной голове, нервной дрожи, провалам в памяти. А хитрый колдун написал мне кипу длинных писем и отправился сторожить шар дальше. Хорошо устроился, однако. Не придерёшься.

А почерк у него красивый. Сидел, значит, за столом, выводил буквы, никуда не торопясь. В итоге они напоминали ажурный узор чепца. Сплошные завитушки и росчерки. Я двадцать жизнью проживу от рождения до старости — всё равно так не научусь. Книжку мне велела матушка держать открытой перед колдуном, чтобы умной казаться? Ха-ха.

«Любезная Мередит, ты стоишь посреди вверенного твоим заботам замка, преисполненная (как я надеюсь) искренним стремлением быть полезной. Но прежде чем ты, очертя голову, бросишься в омут трудовых подвигов, мне хотелось бы направить твой жар в нужное русло».

Нет, он всё-таки издевался! Я хоть и не понимала половины слов из длиннющего свитка, но чувствовала, с каким ехидством колдун их писал. Специально подобрал настолько замудрённые названия?

«Обрати свой трепетный взор на приземистое строение с особенно печальной дырой на крыше, — продолжал колдун. — Видишь его? Это кухня. Вернее то, что от неё осталось. Когда луна коснётся верхним краем оголовки флюгера на западной башне, я хочу увидеть на столе ужин. Приступай».

Слушаюсь и повинуюсь. Ужин? В такой разрухе? Да легко! Вам сколько блюд на стол подавать — десять или двенадцать? Поросенка целиком жарить или на порции резать? Весёлой будет работа, ничего не скажешь. Тут колдовству нужно учиться, чтобы всю грязь из кухни вымести и давно погасший очаг оживить, а не матушкины рецепты вспоминать. До ужина — как до соседнего города пешком. Ползком. Со связанными руками и ногами. Ох.

Я была готова сдаться, даже не начиная. Рот не закрывался в немом крике всё время, пока я бродила по внутреннему двору и осматривала ту часть замка, что предназначалась для слуг. Ни одного чистого котелка, ни одной целой глиняной тарелки. И колодец пересох. Где хочешь, там и бери воду, чтобы прибраться. Еду тоже. Карфакс написал, что деньги на расходы выдаст, но это будет завтра. Кстати, мой честно заработанный вчера золотой колдун положил на кухонный стол рядом с пустыми бутылками. Я в десятый раз пожалела себя за то, что вляпалась в историю и, наконец, разрыдалась.

Где боевой настрой, когда он так нужен? Был ещё днём, да сплыл. Я размазывала слёзы по щекам и чувствовала себя мерзко. Умная женщина пошла бы к Карфаксу и честно призналась, что ничего не выйдет. Показала мешочки с горохом, пообещала сварить похлёбку и выпросила несколько дней. А потом потратила бы все свои припасённые на будущую свадьбу золотые, чтобы каменщики, плотники, бакалейщики и зеленщики превратили разрушенную замковую кухню в нормальную кухню. Умная и дальновидная экономка точно бы так поступила, но я была слишком зла на колдуна.

Какого рожна он ни разу не сподобился открыть хотя бы одну умную книгу и прочитать малюсенькое заклинание, чтобы вода в колодец вернулась? Его предки моря осушали, дожди вызывали, бурю делали, а он с дырявыми котлами справиться не мог! Упрямый какой! «Лучше молча сдохнуть рядом с шаром, чем нормально поесть!»

Шаром! Ах ты ж, чтоб его! Совсем забыла. Колдовская штукавина исполняла желания. Любые, если верить Карфаксу. Я аж подпрыгнула и рванула к винному погребу. Лишь бы колдун не спрятал шар так, чтобы его никто не нашёл. Но и тут меня догадка осенила.

— Кис-кис-кис, — игриво прошептала я и завертела головой. Не моргнёт ли где синяя искорка? — Цыпа-цыпа-цыпа. Иди ко мне, хороший.

Из дальнего угла коридора показалось голубое свечение, а искры на моих руках вторили ему. Я не шла, я почти летела, уже мысленно составляя меню ужина. Гулять, так гулять! «Гусь в яблоках, пирожки с куриными потрохами, заливная рыба, посыпанная укропом, сыр, вино».

Шар лежал в сундуке. Карфакс запер его на замок, но колдовская диковинка слышала меня сквозь любые преграды. Аж по ту сторону разрушенной стены. Так что быстро зачитаю ему список блюд и пойду накрывать на стол.

— Желаю жаренного гуся на серебряном блюде, — смело начала я, с удовольствием наблюдая, как разгорается голубое свечение. — К нему печёных яблок и свежей брусники! — Интересно, где появится исполненное желание? Прямо у меня в руках? Тогда их нужно вытянуть и расставить пошире. — Ну, давай уже. Жареный гусь...

— Ты забыла сказать «пожалуйста».

Сердце в пятки ушло и в глазах потемнело. Оборачивалась я бесконечно долго, больше всего на свете страшась увидеть того, кто совершенно точно стоял за спиной. Выглядеть глупее, чем я сейчас, наверное, невозможно.

— Господин Карфакс, — слова в горле застревали, но злость и обида подхлестывали не хуже кнута. Нет, ну почему? У него такая сила в руках, а он погребла пустыми держит! Я облизнула губы и заговорила смелее: — Вам жалко, что ли? Одно желание.

Сундук с шаром раскалился от голубого свечения, но стены ещё не дрожали. Мёртвый свет делал черты лица колдуна резче и острее. Странно, но я не чувствовала его ярости. Лишь удивление и холодное любопытство. От этого спина сама собой выпрямилась, но взгляд я на всякий случай опустила. Вспомнила перед кем стояла. Вовремя, ага.

Карфакс тяжело вздохнул. О чём подумал, и так было ясно. Ленивая служанка-неумеха одного дня не выдержала. Хотя какого там дня? Вечера. Сразу же побежала к артефакту, чтобы он сделал за

неё всю работу. Но я, правда, не понимала! Если шар создан для того, чтобы исполнять желания, то почему колдун рядом с ним молчал?

— Желание всего одно, — очень тихо ответил он. — Не стоит тратить его на гуся.

Я шмыгнула носом и спрятала руки за спиной. О таком не догадаешься, если не знать. Выходит, я только что чуть не испортила Карфаксу дело всей его жизни? Чуть не потратила зря драгоценный дар шара?

— Простите, — искренне сказала я.

Колдун снова вздохнул, подхватил сундук и понёс его прочь из подвала. Не зная, что делать, я пошла за ним. Сквозь щели в крышке сундука шар светил не хуже фонаря. Казалось, что в темноте распускались ночные цветы. Голубые, хрупкие. Я глаз не могла оторвать, а потом мы вышли во двор.

Переложив сундук под другую руку, Карфакс забрал прислонённую к стене лопату. Я испуганно отшатнулась, но колдун не собирался убивать излишне любопытную служанку. Вонзил лопату в землю и начал копать.

Да, наверное, так будет лучше. Пусть спрячет шар подальше от соблазна. Я даже отвернусь, чтобы не запомнить место. Честно-честно ни разу сюда не приду. Что ж он дышит так шумно? Устал?

Я осторожно обернулась. Колдун отложил лопату и вытирал пот со лба рукавом. Ямка вышла неглубокой. Как раз под сундук.

— Ужин, — напомнил Карфакс. — И запрет на разговоры. Свободна.

Я кивнула и с деревянной спиной пошла на кухню.

Первый рабочий день вышел провальным, но он ещё не закончился. Сподобившись дочитать выданные свитки до конца, я выяснила, что скудные запасы в замке оставались. Просто хранились не там, где их положено хранить. Из-за разрухи Карфакс перенёс всё ценное из подвалов и кладовых в одну из спален на втором этаже господского крыла. Здесь лежали завернутые в простыни гобелены, перевязанные верёвками стопки книг, и стояли сундуки со старинным мужским гардеробом. Наверное, он принадлежал старому лорду. А, колдун, выходит, донашивал вещи за бывшим хозяином замка? Грустно, если так. Вообще всё грустно. Каково это — годами сидеть возле шара, не решаясь загадать желание? Всего одно. «А если продешевишь? А если попросишь не то, что нужно?» Не завидовала я Карфаксу. Мне бы и гуся хватило.

Из съестного в комнате нашелся мешок зерна, изрядно высохший хлеб и уже скисшее молоко. Копнув запасы поглубже, я достала бутылку вина. Не густо. Уж точно не королевский пир.

Ладно, вот как мы поступим. Сегодня господин Карфакс обойдётся хлебом и вином, завтра я пойду на рынок, а горох и фасоль от матушки посажу во дворе. Будет в замке деревенский огород. Весна за окном. Самое время.

Уже привыкнув не спать по ночам, убиралась я до утра. Чистую воду брала в реке, болотная решительно не годилась. Идти дальше, но я носила сразу по два ведра. Господину, поэтому на позднем ужине самым наглым образом не прислуживала. Некогда было. Пока Карфакс с непробиваемым спокойствием жевал чёрствую краюху хлеба, я успела вымыть пол в его спальне. Подивилась ещё на большущую кровать под балдахином. Тут десять человек положить можно, не то, что тощего колдуна. А почему он камин не топит? Не мёрзнет? Странно. Замок, что погреб — вечно стылый. Завтра золу выгребу и огонь разведу. Плевать, что лето скоро. Хоть чуть-чуть каменные стены прогреются — всё веселее будет.

Комнату мне Карфакс от щедрот своих душевных выделил в господском крыле. Ага, рядом с собой. Но я не обольщалась почём зря. Двор совсем не жилой, а когда я под боком, то дальше от шара и следить за мной можно. Хотя бы слушать, чем занимаюсь. Ладно, пусть приглядывает. С меня не убудет, скрывать нечего, а ему развлечение. Других-то нет. Книжки вон, и те верёвкой завязаны.

К восходу солнца спина нещадно болела, руки покраснели, опухли, а я всё продолжала драить и скоблить. Одна комната, чтоб её! Один единственный трапезный зал, и я уже с ног валилась. До своей кровати не помнила, как дошла. Рухнула спать, не раздеваясь.

«Молодец, Мери, — подбадривала саму себя. — Ещё двадцать таких залов и ты у цели! Если не сдохнешь раньше». Работа мечты, мама права.

Следующие несколько дней ничего не менялось. Разве что двигалась я всё медленнее и медленнее. Из замка к реке, оттуда обратно в замок и за работу. Грязную воду на огород. Раз в день на рынок, три раза в трапезную с завтраком, обедом и ужином. Во дворе уже тропинки натоптались, но

надолго сил не хватило. Я ведь не железная. И что самое обидное — лучше не становилось. Чуть-чуть чище, чуть-чуть ухоженнее, но и всё. Замок продолжал уныло щериться на меня потемневшими окнами, а с его стен с издевательским шурушанием осыпалась штукатурка. Я вылила очередное ведро на землю и села возле грядки.

«Бесмысленный труд, — как любил говорить отец. — Утром толкаешь камень в гору, вечером он скатывается вниз, а на следующее утро ты опять его толкаешь».

— Сдохну здесь, — прошептала я. — Точно сдохну.

Надо же. Шар не отзывался. Или я так устала, что перестала чувствовать собственное тело?

— Там за речкой тихоструйной есть высокая гора, — бормотала я, вытягивая больные ноги, — в ней глубокая нора. В той норе во тьме печальной гроб качается хрустальный.

Так плохо стало, что хуже некуда. И если жаловаться песней, то мир не рухнет. Даже если где-то закопан колдовской шар.

— Не видать ничьих следов, — продолжала я, — вокруг того пустого места.

«В том гробу твоя невеста», — так и застряло в горле. Я даже глаза кулаками потёрла, чтобы прогнать наваждение. На чёрной земле грядок, где ещё мгновение назад ничего не было, колосились молодые ростки гороха.

— Чтoб мне пусто было, — выругалась я сквозь зубы и на коленях подползла к грядке. О платье, конечно же, забыла. Кого волновало платье, когда после моих слов у ростков прорезался ещё один листочек?

— Да ладно, — выдохнула я.

Листочек стал больше.

— Ты шутишь?

Стебелёк утолщился, и появились усы. Побег гороха качался на ветру, пытаясь уцепиться за что-нибудь, и росли от звука моего голоса!

— Ты ж моя колдовская прелесть, — улыбнулась я, мысленно поглаживая шар по голубому боку. — Кабы я знала, что ты так умеешь, сразу бы пришла. Мы же сейчас с тобой ух! Мы же о-о-о-х, как хорошо будет! Лежи здесь, никуда не уходи!

Побеги превратились в зелёный ковёр. Окна хозяйской спальни выходили на другую сторону, но Карфакс иногда спускался во двор. Почему-то мне казалось, что если колдун заметит разросшийся вопреки законам природы огород, то немедленно выкопает шар. А я надеялась на урожай. Собрать бы осенью хотя бы пару мешков, тогда я зимой буду реже ходить на рынок. Шуба служанкам не полагалась. Да и сапоги у меня дырявые.

— Так, так, так, — щелкала я языком, поднимаясь по лестнице. — Где, где, где?

Тряпку бы какую-нибудь большую, покрывало старое. Набью вокруг грядок колышков, сделаю укрытие для гороха и буду ему петь.

«Да, Мередит, ты сошла с ума! Собираешься дружить с колдовским шаром!»

Он хороший, он нас прокормит. Если не распахивать весь двор, то Карфакс ни о чём не догадается. «А я что? Я покрывало сушу. Вот, посмотрите». Два, три урожая точно соберу. Потом можно будет капусту вырастить, помидоры. Ай, заживём! Такие супы варить буду, колдун в миг растолстеет! Нахваливать станет, подобреет. А песен у меня хватит. Голубому шару скучать не придётся.

Скотину бы ещё завести. Хотя бы кур. Вдруг и цыплята под голубым колдовским свечением раздобрееют? Сегодня жёлтенькие и пищат, а завтра взрослыми петухами под нож, а? Здорово же. И золото Карфакса целым останется. Вот теперь я, и правда, экономная экономка!

Откуда силы взялись? Я разломала ограду возле сарая, заострила колышки и вбивала их обухом топора с поистине молодецкой удачью. Под грохот ударов продолжала шептать всё, что приходило в голову. Покрывало закрыло горох уже с тонкими лепёшками стручков.

«Родной мой. Ай, молодец», — мысленно похвалила я шар и встала на ноги.

Пора идти на кухню. Не привлекать слишком много внимания к покрывалу.

Из тех дел, что ещё срочно хотелось сделать — растопить камин. Он стоял так, что грел гостиную,

спальню Карфакса и моей коморке чуток доставалось. Золу я ещё вчера выгребла, а дров не нашла. Снова обошла самые дальние кухонные закутки, повздыхала над пустым дровяником и узрела, наконец, через разбитую раму разверзнутую пасть конюшни. Что там желтело с правого нижнего бока?

В конюшню я до сих пор из принципа не заглядывала. Если лошадей в хозяйстве нет, то и делать там нечего. А Карфакс туда берёзовые чурки приказал сложить. Чурки. В конюшню. Мда. Нет, я не спорю, крыша осталась целой, было сухо, но почему колдун в свитках ни разу о запасе дров не обмолвился? Решил, что до зимы они нам не понадобятся? А как бы я готовила? Ох, до чего же неприспособленный к хозяйству мужчина! Или, наоборот, слишком приспособленный и продуманный. Ловко управлялся посреди разрухи с тем что есть, а чего не было — магией доставал. Огонь, например. Или с ним так же не получалось, как с водой в колодце? Кстати, а я ведь ни разу не видела, чтобы колдун колдовал. Уж не засохла ли его сила со временем? Такое бывает вообще?

Обратно в конюшню я вернулась с топором в руках. Расколю чурки прямо здесь, а потом буду носить поленья в дровяник. Да, я умела рубить дрова. Когда в голодные зимы отец с матерью уезжали на заработки, кто-то должен был смотреть за домом и за младшими детьми. И плевать, что не женское дело.

— Топор бы ещё наточить, — проворчала я сквозь зубы, уже не переживая, что шар услышит. — Исполнял бы ты мои маленькие желания, цены б тебе не было. А самое главное и большое, так уж и быть, Карфаксу оставил. Эх, как там было? «Раззудись плечо, размахнись рука?»

Сухое дерево с удовольствием раскалывалось на части. Двор наполнился ритмичным грохотом, а я быстро вспотела. Много всё равно не нужно. Вот ещё две чурочки и хватит.

Колдун громко постучал по дверному косяку прямо у меня за спиной. Я научилась не взвизгивать от неожиданного появления хозяина замка, но вздрагивала до сих пор.

«Колокольчик бы вам на шею повесить, господин Карфакс», — подумала я и широко улыбнулась.

«Что это?» — спросил он, вытянув подбородок.

Я упрямо молчала, делая вид, что не понимаю. Сам придумал запрет на разговоры — сам пусть и выкручивается.

«Это зачем?» — повторил немой вопрос колдун. Ради большей выразительности даже сбросил капюшон с головы, поднял брови и наморщил лоб.

«Где? — уставилась я на него с выражением лица, как у самой глупой служанки. На дрова нарочито не оборачивалась и топор в руках не замечала.

«Здесь», — Карфакс терял терпение. Зашёл в конюшню и пнул первое подвернувшееся под ногу полешко.

«Дрова», — пожалала я плечами и снова улыбнулась.

Колдун побагровел. «Сломалась служанка». Не доходили до неё простые намёки нанимателя, а ответы тем более не выглядели доходчивыми. Что делать будет? Неужели отменит свой глупый запрет? Правда? Я доживу до этого дня?

Злорадство делало мою улыбку гораздо шире и беззаботнее. Где-то на пятом ударе сердца колдун догадался, что я над ним издевалась. Ох, как жаль! Ну зачем? А можно мне ещё чуть-чуть насладиться этим... Как его? Слово такое красивое, музыкальное. Как звон дорогой посуды. Триумфом! Вот.

Карфакс постоял немного со сложенными на груди руками, громко фыркнул и отобрал у меня топор. Легко так выдернул из пальцев, я даже испугать не успела.

— Ой.

Игру в молчанку я почти проиграла. Открыла рот, подобрала платье и едва успела отскочить, как туда, где я стояла, прилетело первое полено. Колдун рубил дрова! Если мы состязались, кто будет вести себя глупее, то он выиграл. Не нашёл же ведь ничего лучше! Прислуга рядом стоит, глазами хлопает, а он топором машет. Чушь! Телега подхватила лошадь и сама повезла её по дороге. Река обернулась вспять, ростовщики на рынке перестали обманывать. Мамочки, да кому расскажу — не поверят!

Карфакс ещё и разделся. Сначала скинул плащ, потом расстегнул камзол, сбросил его и закатал до локтей тонкие рукава батистовой рубашки. Белой-белой, чистой-чистой, несмотря на пересохший колодец. И ну опять топором махать!

Я морщилась, страдала и зажимала рот. После таких выступлений хозяев нерадивую прислугу обычно увольняют. И топор не отобрать. Колдун махал им без передышки, страшно было под руку лезть. Как же быть? Что опаснее? Позволить хозяину самому сделать работу, за которую мне платят или заговорить? Он испытание такое придумал, да?

Наконец, колдун устал, и мои терзания прекратились. Пять чурок валялись, разбитые в щепки, будто их и не было. Я представляла, как у Карфакса гудели руки, а он смотрел на них с широко открытыми глазами.

— Сила вернулась, — прошептал колдун и сжал кулак.

Глава 3. Колдовской огород

Я старательно отмалчивалась и смотрела в землю. Ветошью бы ещё прикинуться для пущей безопасности. «Не отсвечивать», как любил говорить отец. Не нужно быть учёной и шибко умной, чтобы связать буйный рост гороха на грядках с пробуждением мужской грубой силушки в руках Карфакса. Он это всё, он! Мой круглый и голубой приятель. Надо же как дело обернулось. Нет, я, конечно, собиралась проверять, как шар действует на животных, но хотела цыплят взять, а не колдуна. Человека. Своего нанимателя. «Мама дорогая, что творилось-то?»

Вот именно сейчас запрет на разговоры очень помог. Я в стацию на крыше городской ратуши превратилась и мечтала, чтобы Карфакс ушёл обмозговывать новость подальше от меня. Пусть ещё пару чурок разрубит или обвалившиеся камни из стены с места на место поперекладывает, лишь бы вопросы задавать не начал. Что-то в духе:

«Мери, ты ничего не хочешь мне сказать?»

«Нет, господин Карфакс. Я простая служанка. Откуда мне знать колдовские особенности закопанного в землю шара?»

Да, кстати! Он же сам его закопал. Неужели не предполагал, что шар такое умеет?

Судя по вытянувшемуся лицу колдуна — нет. Серьёзно? Вот это новость! Колдовская игрушка, чьих способностей не знает даже её хозяин — это очень опасно. Настолько, что желание немедленно сбежать из замка отозвалось противным холодком внутри. Ну уж нет. Где ещё я найду такой волшебный огород с мгновенно растущим урожаем? Да и Карфаксу стало лучше. Нет, правда. Какой старик не мечтал бы вернуть силу? Снова рубить дрова, как молодой? По женщинам шастать...

Я всё-таки осмелилась поднять взгляд и посмотреть, чем занимался колдун, пока я о нём думала. Морщины считал. Водил кончиками пальцев по тыльной стороне ладоней. Раньше там пузырились синие вены, я помнила, а сейчас бугры будто бы стали меньше. И нос вроде не такой крючковатый.

Карфакс вообще ничего так. Крепкий. Другие в его возрасте живот отращивали, горбом обзаводились, а колдун держал спину прямо. Со стороны глянешь — настоящий лорд. Особенно в «дедулькиной» одежде. Ему безумно шла рубашка с кружевным воротом. И грудь под ней казалась красивой, мужской. Мне даже совестно стало, что я его разглядываю. Стыд жаром залил щёки. Так, нужно отвлечься! Дровяник сложить, например. Вон сколько поленьев.

Я набрала охапку, а мыслями всё ещё витала около чёрного камзола на одной из чурок и фигуры Карфакса. Если захочет женщину в замок привести, то пусть без плаща «на охоту» выходит. Так его хотя бы оценить можно будет. Что не совсем дряхлый старик. Раз дрова рубит, то и по этой части сила найдётся. Наверное. Хотя какая мне разница? Наоборот. Появится в замке хозяйка — гонять меня начнёт. «Сколько раз ты пол вымыла, Мередит? Вижу, что всего два, а нужно пять. Бегом за тряпкой. Ух, я тебя!» И чем-нибудь тяжёлым бросит. Попадёт обязательно, как же без этого? Хозяйки по служанкам не промахиваются. Карфакс хотя бы молчит, а будущую колдуншу точно не заткнёшь. И шар ей будет не помеха.

Я со вздохом выложила четверть первого ряда в дровняке и снова задумалась. Растащило меня сегодня, не остановишь.

Вместо хозяйки лучше любовницу на одну ночь. Да, точно! Свежую постель в спальне Карфакса постелю, балдахин во дворе от пыли выбью, луговых цветов в вазу поставлю — красота будет. Не королевские покои, конечно, но тем не менее. Им хватит. Разок старой кроватью поскрипят, постонут, поохают на радость голубому шару и утром разойдутся. Колдун потом довольный будет. Мужчины любят это дело. Я насмотрелась, когда в трактире подавальщицей служила. Ни один ещё в горе от любовницы не ушёл. А уж как кричали иногда — стены дрожали. Я мигом отучилась от стеснения. «Такова жизнь, Мери, — вздыхали другие подавальщицы. — Все человеческие грехи у нас на виду. Привыкай».

Я старалась. Раз уж сама пока ни одному мужчине не досталась — подавальщиц расспрашивала. Они хихикали, но на пальцах объясняли. Ага, то самое. Что и куда суют. «Дети же как-то на свет появляются. Уж не от колдовства, знамо дело».

Нет, дети от Карфакса вряд ли будут. Прошло его время. Потешится — и хватит.

Вернувшись в конюшню, колдуна я там не нашла. Хвала предкам! Пронесло. Пусть думает, что ему внезапно полегчало. Само собой. А уж с шаром я как-нибудь договорюсь.

Вязанку дров я унесла в замок и долго растапливала камин. Дымоход забился, тяги почти не было. Если мелкие щепки горели охотно, то брёвна едва занимались пламенем и сразу тухли.

— Гадство, — бормотала я под нос. — Хоть бы ветер подул, а? Помог дымоходу вытягивать воздух.

Я ещё дома заметила, как весело горел наш очаг в ураган. Пламя ревело. Но и в безветрие мы в холоде не оставались. Просто терпения требовалось чуть больше и внимания. Как маленькому Клаусу. Ох, и скучала я по дому! В замке и так невесело, а с нелюдимым колдуном вообще тоска. Вот бы мимо пробежали мои братья. Всколыхнули пыль над старыми коврами, открутили голову начищенному доспеху. Я цыкала бы на них и топала ногой, а потом улыбалась.

С гостиной тяжелее всего приходилось. Хозяйское добро из неё разворовали в первую очередь. Посуду из шкафов вынесли, столовое серебро, статуэтки с полки над камином. И, конечно, картины со стен снимали. Светлые дыры на потемневшей краске смотрелись особенно сиротливо. Такая пустота, что не сразу догадаешься, чем закрыть. Я разворачивала гобелены, но оттуда мыши выбегали. Ага, любили они шерсть. С удовольствием грызли. Как этот «дырявый сыр» людям показывать? Стыдно же. Но сегодня особенно хотелось уюта, и я решила перевернуть вверх дном весь замок.

«Хоть старые шторы, но найду и повешу!»

Запутанные коридоры то заводили меня в подвал, то поднимали обратно в господское крыло. Уже перед тем, как окончательно сдаться, я вспомнила о комнате, где нашла сундук с шаром. Если Карфакс спрятал его там, то и что-нибудь другое мог хранить. О, я не ошиблась! Из множества когда-то висевших в замке картин уцелело штук десять. У двух были разбиты рамы, а у одной оторвали кусок холста. Наверное, поэтому воры на них не позарились, а у колдуна рука не поднялась выбросить. Я стёрла грязь с лица на портрете и надолго застыла с открытым ртом.

— Карфакс?

Язык онемел, в груди стало тесно. Тот же чёрный камзол, тот же ворот кружевной рубашки и волосы, собранные в хвост. Тогда ещё они вились крупными локонами и были тёмными. Вот только в левом верхнем углу портрета стояло совсем другое имя.

— Роланд Мюррей, — прочитала я, чувствуя, как пол уходит из-под ног. — Старый лорд!

Невероятно. Совершенно невозможно. Колдуны со всей их магией жили не намного дольше людей. Триста лет! Это не он!

— Внук, — твёрдо решила я. — Нет, прапрапраправнук.

Сколько нужно «пра», чтобы прошло три века? А нос тот же самый. И взгляд. Умный, насмешливый. «Любезная Мередит, когда луна коснётся нижним краем...» Да что же это такое?! Я отказывалась верить. Портрет старый, тёмный, мне померещилось! Всё из-за камзола. Колдун нарядился в гардероб лорда, вот я их и перепутала. Нужно спрятать картину и не вспоминать о ней. Если Карфаксу хочется хранить хлам, пусть. Весь замок — один сплошной сундук с хламом. Какой же душой я буду выглядеть, когда приволоку портрет в спальню колдуна и буду вопросительно тыкать в него пальцем. «Ну и? — пожмёт плечами Карфакс, а потом обязательно вскинёт брови. — Дальше что?»

Вот именно. Что дальше? Начну кричать на каждом углу: «Старый лорд вернулся!» — мне не поверят. «Сбрендил, — скажут. — Головой больно ударились, когда камин чистила. Или с лестницы упала». Ага. Прямо в подвал. И носом уткнулась в пыльный холст. А если Карфакс сбрендил? Вдруг он притащил собственный портрет и просто написал на нём имя лорда? Никто ведь уже не помнил, как Роланд выглядел. Прискачет гонец от нынешнего лорда, захочет выставить колдуна из замка, а он ему картину выложит. «Смотрите, мой прапрапрапрадедушка. Видите, как похож?» Ещё и земли себе назад потребует. А что? Налоги сам собирать начнёт и новому лорду кукиш с маслом покажет.

— Ох, Мери, зачем тебе всё это нужно? — спросила я и вытерла руки о передник. — То господское дело, не твоё. Иди уже на огород и горохом займись. Всё лучше, чем одного старика с другим сравнивать.

Но и возле грядок спокойнее не стало. Не успела я согреться на солнце после стылого подвала, как снова дрожью проняло. Во-первых, горох вытянул усы из-под покрывала и стелился по земле. А, во-вторых, мне опять мерещилось.

— Да хватит уже! — простонала я, трогая ровную стену башни.

Ещё утром там была дыра. Я сама подобрала вывалившийся кусок камня, сложила его в корзину и вынесла прочь со двора. А теперь он стоял на месте. Я ногтями скребла стену, но не могла найти борозду. Не было её. Замок затянул первую рану.

— Ты помог, да? — спросила я у шара.

— Не ты, а вы, — поправил меня колдун. — И нет, это был не я.

Он по воздуху летал, что ли? Умел исчезать и появляться? Как ещё объяснить дурную привычку пугать меня до икоты?

— Извините, господин Карфакс, — ответила я, раз уж он заговорил.

Выпрямилась во весь рост и вытянула спину, словно перед отцом, когда он возвращался с полей и был не в духе. Колдун протянул мне свиток. Ага. Желания побеседовать, как нормальные люди, хватило ровно на одну фразу. Излагать оставшийся поток мыслей Карфакс предпочел на бумаге.

«Я догадался, что ты нарушила запрет и постоянно разговаривала возле шара».

Спасибо, что без витиеватостей и завитушек на буквах. Мой злой отец брался за ремень, а у злого Карфакса менялся почерк. Становился отрывистым, рублёным. Будто словами пытался меня высечь, как розгами.

«За это я вычитаю из твоего жалования два золотых».

Старая бумага затряслась вместе с моими руками. Это несправедливо! Два дня работы! Да как ему в голову пришло такое написать?! Ярость клокотала во мне, грозясь выплеснуться, но одновременно я понимала, что сама виновата. Кого взялась обманывать, дура? Колдуна? Вот и получила. Хорошо, что не уволил. Но, с другой стороны, я ещё не дочитала свиток до конца. Может, к последней строчке Карфакс так разойдётся в праведном гневе, что придётся бежать прочь из замка.

«Это безответственно, Мередит!»

Согласна.

«Колдовские артефакты такой силы — не игрушка».

Кто же спорит?

«Ты подумала хотя бы, что шар и на тебя влияет? Нет, не подумала? А зря. Я молодею, замок восстанавливается — что с тобой будет? В младенца превратишься?»

Мамочки! Вот теперь к трясущимся рукам добавились колени. Платье прилипло к вспотевшей спине, и перед глазами поплыли цветные круги. Я не хочу обратно в пелёнки! Мне всего двадцать. Если Карфакс помолодеет на тридцать лет, то даже не заметит, а я исчезну!

— Что же делать? — беззвучно шевелила я губами.

Бросаться в ноги к колдуну и умолять вернуть всё как было? Да! Но не сейчас. Вон как взглядом буравит и раздражением дышит. Точно выпорет. Дождётся, пока превращусь в ребёнка, и за розги возьмётся.

«Дальше читай», — колдун требовательно ткнул пальцем в свиток.

Хорошо-хорошо!

«Я надеялся, что шар успокоится. В сундук его спрятал, во дворе закопал, но ты и там его нашла! Теперь я понял смысл выражения «из-под земли достанет».

Да, это я. И если прежде мне многое сходило с рук, то теперь, кажется, я по-настоящему влипла в неприятности. А ведь хотела как лучше. Об урожае мечтала, сытном ужине. Хотела, чтобы стол господина Карфакса ломился от блюд. Неужели самому нравилось жевать чёрствый хлеб? Но лучше помалкивать. Не лезть к нему с советами и возражениями. Я ещё помнила, как лихо он дрова колот. Силищи сейчас через край.

«Молчать уже бесполезно, — продолжал колдун. — Шар слишком активен. Пульсирует энергией, даже если рядом тишина. Он создан исполнять желания, а его триста лет держали взаперти. «Что теперь будет?» — спросишь ты меня. Хорошо, я скажу. Мы позволим шару вернуть мне не только молодость, но и колдовские чары. Иначе с артефактом не справиться. Бросай все дела, мы идём в гостиную. Будешь петь и танцевать».

Блеск! Сначала запретил разговаривать, потом лишил двух золотых за бубнёж над огородом, а теперь петь требует. Мужская логика!

«Нет», — качнула я головой и пошла искать пруттик, чтобы написать ему на земле, что не согласна. А как же превращение в младенца? Испугались и забыли?

— Говори, — приказал колдун.

«Нет», — снова мотнула я головой, а потом повторила вслух:

— Нет!

Прутик никак не находился. Вот тебе и вымела двор начисто. Ни соринки, ни пылинки.

— Мередит, — запыхтел Карфакс за спиной. — Или говори, или читай дальше. Есть второй свиток.

Он помахал им, как костью перед носом собаки. Ещё и рукой меня поманил. Точно старый лорд! Хотя колдуны тоже были заносчивыми, высокомерными и совершенно невыносимыми. Я на деревянных ногах шагнула к нему, но Карфакс ловко спрятал свиток за спину.

— Там все объяснения о шаре, какие ты хотела услышать. Два признания, три сюрприза и одна страшная тайна. Поможешь вернуть силу — получишь их.

Я была уже в совершенно растрёпанных чувствах, поэтому вместо вежливого: «Да, господин Карфакс» фыркнула и упёрла руки в бока.

— Нет. Хотите силу? Сами пойте и пляшите, а я деньги больше терять не собираюсь.

Колдун остолбенел. Натурально вытаращился на меня, как Нико или Лука, когда я посылала кого-нибудь из них мыть посуду вместо себя. То, что яхватила лишку, поняла почти сразу, но было поздно. Путь к отступлению закрыт. Теперь только выпячивать грудь колесом и делать вид, что я отстаиваю свои интересы. Так, кажется, богатые купцы говорили?

— Я отменил запрет, — холодно ответил Карфакс. — Можешь говорить. Или тебе грамоту разрешительную написать? Печать поставить?

«А у вас есть? — рвалось с языка. — Печать-то. Именем Роланда Мюррея подписывается?»

Но хватит с меня глупостей на сегодня. Допрыгалась уже на два золотых.

— Нет, не нужно. Объясните про младенца, пожалуйста. Я, правда, молодеть начну вместе с вами?

— Не знаю, — убийственно холодно и безразлично ответил колдун. — Проверим?

Шире у меня рот уже не открывался. Челюсть и так хрустела. Вроде как хрустела, во дворе замка на самом деле стояла тишина. Карфакс даже не издевался, он в конец утратил ум, честь и совесть.

«И на этого сумасшедшего ты работала, Мери?» — должен был спросить внутренний голос, однако и в голове была пустота. Как в колодце, ага. Крикнешь в него «Бу!», и эхо полдня затихает.

— Ну... вообще, — кое-как выдавила я из себя, подобрала юбки и собралась на выход, но колдун ещё раз помахал вторым свитком.

— Ты не избавишься от проклятия шара без моей помощи. Уйдёшь сейчас — будешь всю жизнь молчать или гореть синим пламенем. Я хочу помочь. Что мне сказать, чтобы ты поверила?

Главное, что он говорил. Я видела, как после каждого слова усы гороха вылезали из-под покрывала ещё чуть-чуть. Как-то живо представилось, что горох дорастёт до деревни, оплетёт мой дом и задушит всех, кто там живёт. А что? Шар же обещал убить, если проговорюсь. Почему бы не так? Колдовские артефакты действительно не игрушка. И как назло последний колдун в трёх королевствах стоял прямо передо мной. Других не было. Идти за помощью больше не к кому.

— Хорошо, — зажмурившись, ответила я. — Только поклянитесь, что не причините мне вреда.

— Я думал, ты поверила в это, пока жила в замке.

«До того как оказалась связанная в подвале, ещё сомневалась, а вот сразу после — конечно да. Поверила. Вы — самый предсказуемый мужчина на свете. И артефакты у вас интересные. Милые. Мне совершенно не о чем беспокоиться. Пфф. О чём речь?»

Ехидство изливалось бесконечным потоком, но только в мыслях. Наяву же я смотрела на колдуна, вытянувшего спину в позе оскорблённого достоинства, и понимала, что он говорил серьёзно.

— Эээ, — протянула я, мечтая напомнить о подвале и кляпе во рту.

Умная служанка так бы и поступила, но у меня вдруг включилась чуйка. Карфакс был весь такой важный, сверлил меня взглядом, ждал ответ. Что-то точно сейчас творилось из разряда хитрых проверок. «Одно из главных достоинств прислуги — преданность». Да? Об этом речь? Или о доверии? Думай, Мери, думай. Эх, не успела.

— Мередит, — колдун осторожно шагнул ко мне. — Ты прожила со мной в замке месяц. Будь у меня хотя бы одна мысль надругаться над тобой, неужели сдержался бы? Понимаю, ты не боялась старика. Какой от меня толк, как от мужчины? Но я обещаю, что когда сила вернётся — ничего не изменится. Я пальцем тебя не трону. Так, кажется, это называется?

Поразительно, куда свернула его мысль. Я стояла, опустив взгляд, и отчаянно краснела. Под «причинить вред» я имела в виду побои, превращение в младенца, жабу, крысу, летучую мышь. Другие неприятности от колдовства вроде язв по всему телу или бесплодия. А Карфакс подумал, что я боюсь у него в постели оказаться.

Нет, я, конечно, боюсь. Связывает он по рукам и ногам ловко, силы у него — моё почтение. Особенно теперь. Криков моих из пустого замка никто не услышит, да и вообще. Ох, мамочки.

— Я так не думала, — едва слышно проговорила я. — Честно.

Вот не сойти мне с этого места! Если бы колдун сейчас о насилии не заикнулся — даже не вспомнила бы, что такое бывает. Да, некоторые господа не брезгают служанками, но их так мало, что рассказы о постельных утехах больше похожи на сказки. Особенно, когда они заканчиваются свадьбой. Ну надо же кому-то верить в чудеса. Жаль, что я не из таких. Или не жаль.

— Славно, — кивнул колдун и поманил меня за собой. — Пойдём. Пусть шар останется в земле, раз ему там нравится. Свежий горох — это тоже не плохо. А то запасы хлеба скоро кончатся.

Никогда его таким болтливым не видела. Даже странно стало слышать ещё чей-то голос среди унылых стен замка. Словно моё одиночество взяло и кончилось. Но что-то я размечталась. Словоохотливость Карфакса ветром сдует, как только он получит свою колдовскую силу обратно. Тогда и я снова стану для него безмолвной и безликой тенью. Служанкой.

Глава 4. Разговоры у клавесина

Дрова в камине трещали весело, по комнате разливалось тепло, и должен был создаваться тот самый уют, ради которого всё затевалось, но лично мне не помогало. Трясло, как от холода, и зубы стучали. Несмотря на огородную дружбу с шаром колдовские фокусы я всё-таки недолюбливала.

— Нужно вытащить клавесин на центр гостиной, — распорядился колдун. — Он стоит за ширмой. Поможешь, Мери?

Видела я за ширмой какую-то громоздкую бандуру, но ни за что не заподозрила бы в ней что-нибудь полезное.

«Что такое клавесин?» — вертелось на языке и щекотало остатками пыли в носу. Каюсь, сюда я с генеральной уборкой добраться не успела. Наскоро стёрла тряпкой толстый слой грязи, убрала разводы, но всё равно осталась недовольна.

— Внутри не заглядывала? — будто угадал мои мысли колдун. Поднял крышку, закрепил её и наклонился над антикварным гробом. — Хотя тут особой трагедии нет. Надеюсь, зазвучит.

Ага. Музыкальный инструмент, значит. Да, точно, Карфакс же грозился, что заставит меня петь. Вон и струны натянуты. Много. Он щипать их будет? Как арфу?

— Забыл уже всё, — пожаловался колдун, разминая пальцы. — Попросил бы тебя уши заткнуть, но чего уж там? Старики мы с ним. Скрипим, как можем.

Клавесин действительно скрипел. Его хриплый, пронзительный голос резал слух. Я не стонала и не просила прекратить пытку только потому что была вышколенной служанкой. А ещё я засмотрелась.

Длинные пальцы колдуна летали над клавишами и замирали с благоговением. Он останавливался, думал, вспоминал, а потом позволял себе играть дальше. Обрывки мелодии сложились в песню. Красивую, старинную. Тишина замка обволакивала её, смазывала болезненное горло клавесина бальзамом, лечила его раны. Я закрыла глаза и представила эту же гостиную триста лет назад. Горели канделябры, вино плескалось в изящных кубках. Разговаривали гости тогда медленно, с чувством, о высоком. Но в тот момент просто стояли возле инструмента, а хозяин играл.

— Увы, любовь, мне жизнь губя, ты рвёшь со мной без стыда, — пел Роланд Мюррей. — Я столько лет любил тебя и счастлив бы с тобой всегда.

Дамы в платьях с длинными рукавами, мужчины в камзолах и бриджах. Золотая вышивка, тонкое кружево. Лица тех, кто давно ушёл. Фигуры с потемневших портретов.

— Тебе я преданно служил и потакать готов был вновь, — неожиданно легко и чисто пел колдун. — Я жизнь и землю положил за милость твою и любовь. Не счесть подаренных платков, где так узор изящно лёг. Я дал тебе и стол, и кров, и мой не скудел кошелёк.

Он пропускал припевы, просто играл и мыслями был ещё дальше, чем я. Узник замка, хозяин голубого шара. Как он потерял силу? Что могло произойти? Неужели женщина постаралась? Та, кому он пел песню, и чьё имя скрывалось в куплете. Великого колдуна сгубила любовь? Не шар с единственным желанием, не ускользающее из рук господство, а прекрасная леди в платье с длинными рукавами?

Она умерла, да? Жена лорда. Он столько лет её любил, что Смерть позавидовала. Забрала. Тогда Ролланд и схватился за шар. Колдовской артефакт, исполняющий любое желание. Богатство — пожалуйста, власть, — вот она. Мог ли он оживить любимую? Решился ли Карфакс когда-нибудь об этом попросить?

Ох, в далёкие дали меня унесло воображение! Хорошая получилась бы история для романа, но я поспешила угадывать. Колдун бережно опустил крышку инструмента и взялся за край короба.

— Сейчас, — опомнилась я. — Помогу.

Клавесин чуть не развалился по дороге до центра гостиной. Тяжёлый инструмент, неповоротливый. Я окончательно из сил выбилась, пока его тащила. Дышать было нечем. Ещё и камин жарко натоплен.

— Окно надо открыть, — сказал Карфакс и щелкнул пальцами.

«Ну? — подумала я, когда ничего не случилось. — Ну и?»

Колдун щелкнул ещё раз. Замер, прислушался. Будто прямо сейчас творилась магия. Жаль, разохшаяся деревянная рама и не думала поддаваться.

— Не работает? — с надеждой спросила я.

— Кхм, — ответил колдун. — Странно. Но мы продолжим. Твоя очередь петь.

Рано я обрадовалась, что нервная дрожь прошла. Ох, рано. Руки снова было некуда деть и плечи против воли опускались.

— Я не умею.

Честное признание. Надеюсь, колдун оценит.

— Кто тебе сказал? — хмуро поинтересовался Карфакс, и я обреченно подняла на него взгляд. — Плюнь ему на спину, разрешаю. Все умеют петь. Просто кто-то хуже, а кто-то лучше.

— С вашим талантом мне не сравниться. Братья смеялись, когда я открывала рот.

— Нашла кому верить, — изогнул бровь колдун. — Когда я учился магии, мои друзья-соратники, мои практически названные братья вместо курицы подкладывали в моё блюдо лягушек. Приготовленных. Пару раз я их ел, не понимая, в чём дело. Откуда едва сдерживаемый хохот за столом?

— Вы им отомстили? — вырвалось у меня.

— Я их пережил. Этого достаточно. Сколько песен ты знаешь, Мередит? Начни с самой любимой.

«Ноль», — подмывало ответить и уклониться от позорного занятия, но я не любила врать. Не получалось. Отец говорил, что хитрость у меня на лбу написана. И по лбу же я буду получать всякий раз, когда захочется обмануть.

— Две знаю наизусть и ещё две не очень. Но они бранные. Трактирные. Не для ваших ушей, господин Карфакс.

Колдун покачал головой и снова поднял крышку инструмента. Табурета не нашлось, пришлось взять стул с высокой спинкой. Усаживался музыкант долго. Чинно поправлял кружевные манжеты, расстегнул пуговицу на камзоле и, наконец, спросил:

— Насколько бранные?

— Ни одного пристойного слова.

— Так уж ни одного? Я думаю, ты преувеличиваешь. Но чтобы справиться с твоим стеснением, предлагаю пари. Ты поёшь, я считаю, каких слов больше. Если бранные перевесят — получишь золотой.

Вот и зачем ему это? Нравится смотреть, как девушка из порядочной семьи краснеет? Или по трактирной брани соскучился? Так можно сходить в город и приобщиться. В нашем трактире этого добра больше, чем пива с мясом. Воистину наниматель у меня с причудами. Но золотой можно получить легко и быстро. Осталось совладать со страхом. Не бранилась я никогда. Даже в самые тяжёлые времена. Разве что один раз. Но тогда мне кованный сундук матери брат поставил прямо на ногу. Ох, Нико услышал...

Ладно, петь всё равно придётся. И проиграть колдуну спор — не такой уж плохой выход. Бездна с ним, с золотым. По-другому заработаю. Без брани.

Я набрала в грудь воздуха, облизнула губы и запела:

— Ну-ка мечи стаканы на стол, ну-ка мечи стаканы на стол, ну-ка мечи стаканы на стол и прочую посуду. Все говорят, что пить нельзя, все говорят, что пить нельзя, все говорят, что пить нельзя, я говорю, что буду.

Карфакс расхохотался и захолопал в ладоши.

— Прекрасно, Мери! Давай ещё раз!

Я начала с начала, а он подхватил игрой на клавишине и отстукивал ритм ногой. Попадал. Каким-то чудом, не зная мелодии, не видя нот, знал, что играть. Меня захватило пение. Было в простых словах то, что мешало сидеть на месте. Ноги сами просились в пляс. Я подхватила юбку и застучала каблуками.

— Ну-ка мечи стаканы на стол, ну-ка мечи стаканы на стол, ну-ка мечи стаканы на стол и прочую посуду...

— Все говорят, что пить нельзя, — подпевал Карфакс, — все говорят, что пить нельзя, все говорят, что пить нельзя, я говорю, что буду. Всё. Достаточно.

Он резко хлопнул крышкой инструмента и обернулся к окну. Мне показалось, в сложенной щепоти пальцев вспыхнула алая искра. Колдун, не читая заклинания и не сходя с места, распахнул раму.

— На меня шар тоже реагирует, — улыбнулся хозяин замка. — Но твой голос ему нравится больше.

Правильно, шар же не дурак. Я с самого начала считала его мужской сущностью. А мужчинам больше по нраву молодые девушки, чем старые колдуны.

— И сколько дней подряд мне нужно петь, чтобы вы стали прежним? — осмелилась спросить я.

— Хороший вопрос, — Карфакс приподнял бровь и почесал пальцем висок. — Мы потратили с тобой достаточно сил, а магия вспыхнула крошечной искрой.

— Почему она вообще пропала?

Колдун запнулся в конце предыдущей фразы и посмотрел на меня исподлобья. Да, я догадалась, что дело не только в старости. Вернее, вообще не в ней. Колдуны копили знания и умения всю жизнь. Вот как раз, когда голова становилась седой, они и обретали могущество. А Карфакс еле-еле окно открыл. Что-то тут явно было не так.

— Служанка не должна быть умной, Мери, — строго сказал наниматель. — Это опасно.

Я потупила взор и шмыгнула носом.

— А куда мне свой ум девать? Положить в мешок и закопать во дворе?

— Не выпячивать хотя бы, когда сюда придут охотники за шаром.

Ловко он ушёл от темы пропавшей магии. Настолько мощно перебил её новым известием, что я снова рот открыла.

— Я ведь предупреждал тебя, — со строгостью в голосе продолжил Карфакс. — А ты меня не послушала и продолжила болтать с шаром. Теперь нас ждёт не только богатый урожай гороха, но и серьёзные неприятности.

— Вы будете драться? М-м-магически?

— Не исключено. Но я надеюсь, что успею уничтожить шар или хотя бы поставить на замок хорошую защиту. Петь придётся целыми днями, ты права. Или разговаривать, как мы сейчас. Я могу заставить тебя читать вслух, книг в библиотеке много. И да, это большая удача, что ты вообще умеешь читать. В деревне хватает безграмотных девушек.

Вроде похвалил, а неприятный осадок остался. За других служанок стало обидно. Не всех, как меня, готовили в экономки. Это была мамина мечта. Многих устраивала любая работа, лишь бы кусок хлеба в дом приносить.

— И как же вы выяснили, что я умею? Следили за мной?

— Почти, — ничуть не смутился колдун. — Случайно заметил, как ты приглядывалась к тумбе с объявлениями на столбе у дома старосты, а потом шёл за тобой до городского рынка.

Злость закипела с новой силой. Мало того, что обманом заставил найти шар, так ещё и расчетливо выбирал жертву!

— Однако, какой вы... продуманный. А голос мой тоже заранее давали шару послушать? Мало ли, вдруг не понравится?

— Нет, я вообще не хотел тебя к нему подпускать. Шар вытягивал мою магию, я стал слишком слаб, чтобы заботиться о себе. Смерть маячила впереди. Я пытался найти для шара другой источник магии. Отправлял тебя на холм за землёй, где в древности шли магические поединки, просил принести болотную воду.

— Там тоже сражались?

— Нет, там утопили колдуна Радагора. Я надеялся, что вода хоть чуть-чуть впитала его силу. Тебя долго не было, я потерял сознание и тут почувствовал взрыв. Я ведь так и не сказал «спасибо» за спасение моей жизни. И прости, пожалуйста, Мери, за то, что связал тебя и оставил в подвале.

Вот сейчас было приятно. Пусть с опозданием и как бы между делом, но всё же. В словах Карфакса чувствовалась искренность. Одичал немного за триста лет, вот и чудил, а так человек он хороший.

— И где же сейчас шар берёт магию?

— В тебе. Ты тоже колдун, Мередит. Колдунья.

Сердце почти остановилось. Я в ужасе смотрела на Карфакса и никак не могла поверить в услышанное. Какой-то бред.

— Не может быть. Я же никогда. Ни единого раза вот так пальцами, как вы, окон не открывала. Да мои родители — обычные люди...

— Значит, необычные. Все колдуны — выходцы из знатных родов не потому что только у их наследников проявлялся дар, а потому что в древности люди с даром и стали первой знатью. Кто теперь остался? Из живых, наверное, один я, но уверенности в этом нет, а потомков много. Вот согрешила какая-то из твоих бабушек с лордом...

— Не смейте так говорить о моих бабушках! — взвилась я. — Они все — порядочные женщины!

— Пусть так, — не стал спорить колдун. — Значит, прадедушка был младшим сыном обнищавшего лорда. Без толку гадать. Шар чувствует в тебе магию и через неё возвращает мне силу. Попросту ворует, приумножает и выдаёт обратно уже обоим. Потому я и испугался, что ты тоже помолодеешь до младенца. Не хотелось бы. Я к тебе привык.

— А сейчас не страшно? — с подозрением спросила я.

— Нет, — усмехнулся он. — Это же была шутка, Мередит.

Что-то мне по-прежнему не смешно. Чёрт с ним, с младенчеством, как поверить, что я — колдунья? Сделать что-нибудь? Наколдовать?

— А я смогу окна открывать?

— Попробуй, — махнул рукой Карфакс и откинулся на спинку стула.

Так, ладно. «Момент истины», как пафосно изрекал дедушка, отправляясь «до ветру». Нужно в точности повторить то, что делал колдун. Сложить пальцы щепотью, посмотреть на раму и щёлкнуть.

— Раз, — прошептала я, чувствуя себя глупо. Искры на пальцах не появилось, рама не шелохнулась. — Мимо.

— А ты заклинание произносила? — коварно улыбнулся Карфакс. — Бездна с ним «вслух», хотя бы мысленно?

Прилетел щелчок по носу, ага. Я сконфужено разгладила передник и буркнула в ответ:

— Нет.

Я же ничего не знаю. Он опять надо мной издевался!

— Нужно учиться, Мери, — вздохнул колдун. — У тебя есть дар, но он бесполезен без знаний. Сегодня же возьмишься за книги.

— Только с делами закончу. Колдовской огород после наших бесед совершенно точно нуждается в прополке.

— Хорошо. И на рынок сходи. Я дам тебе больше денег, чем обычно. Устроим пир.

О, какая щедрость! Неужели, наконец-то, получится досыта наесться? Или по меркам обнищавшего колдуна «Пир» — всего лишь дополнительный кусочек чёрствого хлеба? Я выставила вперед руки, ожидая, когда в них посыплется золото, но Карфакс снял с пояса кошелек и дал мне пять монет. Да уж. Больше, чем обычно, ага. На одну минуту.

«Скупердяй» — мысленно обругала его я и, поклонившись, вышла из гостиной.

Любопытство жгло проверить огород. Я думала, что во дворе сразу же попаду в непроходимую чащу, но из-за башни всего лишь показался побег гороха. Мда. И это после двух песен и содержательной беседы. Сколько же лет нам придётся возвращать Карфаксу силу? Кто бы ни охотился за шаром, он прибудет в замок намного раньше, чем колдун сможет дать отпор.

«А ты? — тоненько пискнул внутренний голосок. — Мери, ты ведь теперь колдунья».

Ага, ведунья-неумеха. Лекарка-калекарка. В смысле калечить буду, а не лечить. Засуху вызывать вместо дождя и губить посевы. Эдак и до восстания в деревне дело дойдёт. Староста соберёт народ, вооружит их вилами и отправит в атаку на замок. Не о такой жизни я мечтала, ой, совсем не о такой.

Непролазные дебри за башней всё-таки нашлись. Стебли гороха собрали покрывало в комок, туго его перемотали и подняли над моей головой. А уж какие там висели стручки.

— Однако! — с громким свистом сказала я, потянувшись к гигантскому гороху.

Две моих ноги сложить — и то будет мало. Знатный стручок! Королевский. Надеяться не стоило, что смогу оторвать его голыми руками. Ножи тоже не годились. Я взяла топор, растянула стебель по земле и от души рубанула. Остро запахло свежескошенной травой. Стручок отделился, а вскрывать его всё равно пришлось долго. Пальцы болели, как я кромсала ножом толстенную кожуру. Горошины внутри выросли до размера маленькой капусты.

— Вот вам и пир, господин колдун. Ораву детей прокормить можно.

Горошину я решила попробовать. И очень расстроилась, когда лезвие ножа с трудом в неё воткнулось. Ну да, перезревший горох твердел, а потом усыхал. Прямо до слёз обидно. А если её сварить? Купить на все деньги Карфакса новый котелок и кипятить до утра? Получится позавтракать? Эх, вряд ли.

С досады я надавила на нож, и горошина треснула, как арбуз. Я чуть из рук её не выронила. Резанула глубже, а изнутри посыпался самый настоящий горох. Крупный, зелёный, ароматный. Кто ж его туда засунул? Он таким вырос? Невероятно. Вместо шести горошин в стручке получилось шесть кульков отборного гороха!

— Ай, да шар! — вскрикнула я и от восторга закружилась на месте. — Ну придумал. Ну молодец!

Интересно, что ещё он мог? Выращивать помидоры, уже засоленными в банках? Огурцы в мой рост? А если посадить тыкву, то в ней жить можно будет? У меня голова кружилась от картины грядущего изобилия, но тот же противный внутренний голосок живо напомнил:

«Это всё из твоей силы Мери. Ты тратишь себя на огород».

Действительно. Теперь я знала, кто оплачивал наш пир, и в груди впервые шевельнулась жадность. Эдак я стану как Карфакс. Слабой безобразной старухой. Зато с закромами, полными еды. Нет, так дело не пойдёт. Горох соберу, и хватит нам урожая. Пусть лучше шар мою силу на восстановление замка тратит. Всё полезнее, чем сотни мешков гороха. А то, что мы с колдуном не съедим — продать можно. Никто не заподозрит, что горох какой-то не такой. Выглядит он вполне обычно. Главное, стручки покупателям не показывать. А если сделка сладится, то и золота станет больше.

Сколько лет Карфакс расходовал свои денежные запасы, что до такой скупости дошёл? Новых-то богатств не появлялось. Где колдун вообще шлялся триста лет? Старого лорда Роланда Мюррея всерьёз считали мёртвым. Не загулявшим, не пропавшим без вести, а мёртвым. И как он себе врагов нашёл, которые собирались прийти за шаром? Ох, загадок становилось только больше. Ладно, солнце ещё высоко, работа ждёт. Я принесла с кухни мешочек для муки, насыпала туда гороха и пошла на рынок.

Бойкая утренняя торговля уже прошла. У палаток остались либо самые упорные из купцов, либо самые невезучие. Кто весь день «лицом проторговал», как они сами любили шутить. Свежего хлеба и рыбы уже не найти, мясная вырезка кончилась, зато с овощами у зеленщиков полный порядок. Они всегда стояли до последнего. Уж лучше продать, чем завтра выбросить увядший укроп с петрушкой.

По местным порядкам я не могла поставить свою корзину и кричать цену на весь рынок, зазывая покупателей. Разрешение требовалось взять в городской рагуше. Да ещё и не всем его давали. Крестьяне, чего лорду оброком не платили, приносили раз в год на ярмарку. Служанки, вроде меня, вообще за одними покупками приходили. «Коли трудишься на господина, то какая тебе торговля?» Оставалось договориться с зеленщиком и тихонько выложить ему свой товар на прилавок. Себе мизерную плату попросить, а там, за сколько продаст — всё его. Я так и настроилась поступить. Уже рот открыла и воздуха глотнула, но задумалась.

Зеленщика хорошим видом гороха не проведёшь, он обязательно спросит: «Где взяла? Да ещё и так много, как мне обещаешь?» Сама я вырастить горох в начале лета не могла. Пусть земля будет трижды чёрная и жирная, природу не обманешь. С юга привезла? Зачем? Да и не довезла бы совсем уж с дальнего юга, горох бы испортился по дороге. Что же соврать? Заикнусь о погребах Карфакса, все купцы на рынке разом побледнеют. «Колдовской горох! Нам его даром не надо! Шла бы ты

отсюда, девка. Да поживее!» Засада. Выходит, зря притащилась сюда в такую даль? Наберу скудной снеди на ужин и обратно пойду? Обидно станет. Нет, выход должен быть!

За разрешение на торговлю мне самой не заплатить. Слишком много в ратуше за него просили. Купцы приезжали с товаром и с деньгами. Морщились, но платили, потому что знали — в накладе не останутся. А мне хоть в лепешку расшибись, столько денег не достать. У родителей попросить? Им тоже придётся объяснять, откуда горох. К Карфаксу обратно идти и долго рассказывать, зачем мне торговое место? Он не согласится. Я в замке нужна. За книгами должна сидеть, шар разговорами развлекать. И тут никак.

Оставался трактир. Я битый час смотрела на его окна за рыночным забором и вздыхала. Ага, ничего толковее не придумать. Там на кухню брали всё. Иной раз такое мясо гостям подавали, что хотелось глаза закрыть. «С пивом потянет», — отмахивался хозяин, а подавальщицы чуть не плакали. Брань и тумачи от гостей ведь им терпеть. В итоге еду выносили только после трёх кружек пива. Когда нух отбивался, и становилось всё равно, чем пузо набивать. Мой горох, конечно, заслуживал большего, но иначе нам с Карфаксом не прожить. Я мысленно пообещала себе, что если услышу «нет» от повара, то сразу уйду, и отправилась в трактир.

Глава 5. Трактир

В огромном зале на десять столов, наоборот, было пусто. Публика собиралась только к вечеру. Тогда же на сцену выходили музыканты, и девица со странным именем Коко пела весёлые песни.

— Анна! — громко позвала я, лавируя между стульями. С кухни доносились запахи еды и звон посуды. Напрямую к повару лучше не идти. Он всегда зол и жутко занят. — Анна, это я, Мередит!

Румяная толстушка выпорхнула ко мне, на ходу вытирая руки.

— Чего орёшь? Сейчас полтрактира сбежит на тебя посмотреть. Ой, какое платье! В матушкином сундуке достала? Ну, даёшь! А ты сейчас где? У кого служишь?

Анна работала здесь, сколько я себя помнила. Нарожала пятерых детей, каждого сплвила матери в соседнюю деревню и прогнала, наконец, мужа-пьяницу. Я из трактира сбежала, чтобы не влипнуть в точно такую же судьбу. Какой ещё она могла быть у подавальщицы?

— В замке, — ответила я, уже понимая, что матушка всем разболтала. — У господина Карфакса.

Глаза Анны горели интересом. Её вопросы звучали как подначки: «Ну же, быстрее, я хочу стать первой, кто услышит самые свежие сплетни!» Главное сейчас — не позволить ей вцепиться мёртвой хваткой. Иначе я до вечера буду объяснять, какого цвета гобелены на стенах в замке и не успею пристроить горох.

— Слушай, его тут искали намеренно, — Анна понизила голос и потянула меня за руку поближе к огромным бочками пива. — Пришла важная дама. Сама вся разодетая, что леди, но я тебе так скажу. Никакая она не леди. Они скромные все, тихие, глаза от пола не поднимают, а эта, что наша Коко. Яркая, наглая. Развалилась за столом и ну золотом швыряться. Вина ей, еды подавайте. Хозяин нас мокрым полотенцем гонял, чтобы поскорее прислуживали. Сам к ней вышел. О природе мол потолковать с высокой гостьей, о погоде. Какими судьбами в городе, не нужны ли услуги? «Нужны, — ответила она. — Расскажи, где мне найти колдуна».

Я стояла с широко открытыми глазами и вдохнуть боялась. Уже искали? Так быстро? А почему не хмурые всадники со злыми лицами? Почему женщина?

— Хозяин ей сказал? — обмирая от ужаса, спросила я.

— Ага, как же. Он что, дурак? — Анна даже подбоченилась и в глазах мелькнула гордость. — Забесплатно-то. Он тумана напустил, что сам не знает, но в трактире часто бывает странник, который в курсе. И если госпожа придёт завтра, то он сведёт по-тихому. Сегодня то есть. А он и сегодня никакого странника ей не подсунет. Всё будет вокруг да около ходить, лишь бы госпожа золотом платила. «Завтра, мол, будет странник, послезавтра».

— Она догадается, коль сама не дура.

— Была бы умной, сразу в замок пошла, — фыркнула Анна. — Что-то не так с этой госпожой, помани моё слово. А колдун? У вас ничего странного не творится?

— Да нет, — насупилась я, поправляя корзину с горохом. — Ничего.

Сердце из груди выпрыгивало, ноги ватными стали. Если странная госпожа — колдунья и пришла за шаром, то плохи наши дела с Карфаксом. Не сможем отбить артефакт, кто-то другой желание загадает. А я останусь без замка, без огорода и без нанимателя, наверно. Кто знает, чем кончатся магические битвы? Одного колдуна вон в болоте утопили.

— Правда, ничего, — пробормотала я, тушуясь под пристальным взглядом Анны всё больше и больше. Нужно срочно её отвлечь. Если она догадается, что Карфакс боится гостей, то обязательно кому-нибудь ляпнет. И тогда ушлый хозяин пойдёт к воротам замка уже с другой сделкой. «Вы мне золото, господин Карфакс, а я отваживаю от вашего дома всех непрошенных посетителей». Как же, как же. Пустое хвастовство. Лишь бы деньги взять и с тех, с других. А потом отойти в сторону и посмотреть, как господа колдуны дерутся».

— Я вот зачем пришла, — сглотнула я слюну, на ходу придумывая как бы побыстрее всучить горох и сбежать. — Овощей повару предложить.

— С замковой кухни?

Глаза Анны загорелись ярче прежнего. Дыру во мне прожигали. В воровстве подозревала? Знаю, многие служанки еду из хозяйских запасов домой таскали, но в моей семье так не принято.

— А вот и нет! — почти обиделась я. — Господин Карфакс под замком кладовые нашёл, немного

распродать их решил.

— Точно колдун, — присвистнула подавальщица. — Там же всё по камешкам уж сто лет как растащили.

— Туда не добрались, — тихо ответила я и поправила корзину с горохом. — Поговоришь с Питером? Есть свежее, есть сушёное, мочёное, в банки закатанное.

— Зерна нам не надо, — сразу осадила Анна. — Овёс, наверное, лошадям пригодится. Мяса бы нормального.

— С мясом плохо, — прошептала я, оглядываясь на дверь в кухню. — Овощи есть. Я же не прошу высокую цену. Сама понимаешь... — Я выразительно закатила глаза и тяжело вздохнула. — Кто мой наниматель...

— Понимаю, — осторожно ответила Анна и тоже оглянулась. — Ладно, поговорю. Стой здесь.

Питер сам вышел на горох посмотреть. Долго его нюхал, перебирал заскорузлыми пальцами, даже на зуб попробовал, а потом начал торговаться. Предлагал так мало, что возмущалась даже Анна.

— Брось, Питер, такая удача, а ты нос воротишь. На рынке Мери куда больше выручила бы, да некогда ей за прилавком стоять. Целый замок в хозяйстве. Чего там только нет...

— Кладовые говоришь, — задумался повар и заскрёб пятернёй в затылке. — Добро, давай так. Тащи всё, что Карфакс будет готов отдать, посмотрим.

Я кивнула, отдала горох, забрала деньги и ушла. Тяжёлых мыслей в голове меньше не стало. Наоборот, добавилось.

Сплетни, как вода в решете. Сколько не держи язык за зубами, а всё равно хоть одно слово, да просочится. Не навредила ли я себе пуще прежнего, заикнувшись о кладовых? Воры давно считали замок старого лорда своей житницей. До последнего камешка всё разнесли и растащили, а тут «снова здорово». Полная кладовая! Незамеченная, невскрытая. Как так? А вдруг там кроме гороха золото есть? И тогда к нам в гости не только подозрительная леди-колдунья нагрянёт, но и местные лиходеи. Сомневаюсь, что от них будет легче отбиваться. Скорее, наоборот.

Золото, вырученное в трактире, уже не радовало. Я наспех набрала продуктов из того, что осталось на рыночных прилавках, и поспешила в замок. Солнце катилось за горизонт, колдун ждал ужин. Я решила порадовать Карфакса коронным пирогом моей бабушки.

«Запомни Мери, — ласково говорила старушка, полжизни отслужившая в доме городского главы. — Мы люди простые, пища нам нужна грубая, под стать тяжёлому труду, а господа совсем не такие. Вот готовишь ты ему курицу, а по вкусу она должна быть совсем не курицей. Не такой курицей, что может любой бедняк съесть. Особенной».

Я долго не понимала, о чём речь. Как можно сделать разную пищу для богатых и для бедных? Мы по одной земле ходили, одну дичь в лесах добывали, а у лордов что-то особенное обязано на столах стоять. Но ларчик просто открывался. Специи! На них-то я и потратила золото Карфакса. А на сдачу купила у зеленщика пастернак, мяту и чёрную смородину. Неожиданно, правда? Бабушка знала толк в господской кухне. У городского главы каждый вечер за столом важные люди собирались. Повара весь день в поте лица трудились, чтобы на ужин изысканную снедь выставить. Купцы да чиновники языками цокали, нахваливали. «Ай, Марта, ай кухарка». А мне бы единственному колдуну угодить. Тогда, может быть, он не так разозлится на ложь о найденных кладовых и опасность завлечь в замок разбойников.

Тесто я готовила быстро. Почти с закрытыми глазами. Мяла его, раскатывала, снова мяла. Пока оно расстаивалось, за начинку взялась. На две пригоршни измельчённого пастернака три щепотки мяты, столько же сыра, сливочного масла, два яйца, немного сахара и всю смородину.

«Эка, — говорила матушка, — я тебе из всего подряд сама любой пирог сделаю. Не велико умение. Хватай, чего под руку попадётся и режь».

— Дура ты, Хельга, — возражала бабушка. — Тут же вкус! Специи!»

Дорогущую корицу я прямо в начинку высыпала, а к ней мускатный орех добавила. Бабушка бы стучала кулаком по столу, чтобы побольше, побольше, но я испугалась за Карфакса. Столько дней на одном хлебе сидеть — желудок, поди, разучился работать. Опасно ему много специй за раз подсовывать. Вдруг выплюнет? Хотя бабушка говорила, что господам нравилось. Они без соусов, перца, тмина, горчицы, мёда считали еду слишком пресной. Простецкой. Для бедняков.

— У нас же пир? — пожала я плечами, задвигая пирог в печь поближе к огню. — Вот пусть и пирует,

а я каши из пшена поем. Мне эта дорогая корица даром не нужна.

Подол платья от последнего похода на рынок загрязниться успел. Дождь вчера лил, как из ведра, и земля не успела толком просохнуть. Я со вздохом ушла переодеваться. Обидно, что к ужину выйду в старом наряде, но прислуживать за столом нужно в чистом. И чепец надеть, да. Тут уж не до страданий по загубленной красоте. Ни один волос с головы служанки не должен упасть в хозяйскую еду. А то уволят. Вот и когда читать? Зря, наверное, Карфакс пообещал мне обучение магии. Усталость уже одолевала так, что глаза закрывались. Со стола уберу, посуду помою и замертво спать упаду. Набегалась за день.

Колдун снова играл на клавесине. Я слышала скрипучий голос инструмента, пока несла огромный пирог в гостиную. Стол заранее накрыть успела и теперь гордо появилась на пороге.

Карфакс завершим игру особо сочным аккордом, и со скрипом старого стула обернулся ко мне.

— Пирог, ваша колдовская светлость, — присела я вместе с блюдом. Особая наука для служанки, бабушка учила. Маленько не так сделаешь — и все кулинарные труды на полу окажутся. — Разрешите подавать?

Колдун усмехнулся на «светлость», кивнул, что разрешает и пошёл к столу. Свечей я сегодня зажгла больше обычного, не стала экономить, а то слишком уж темно вечерами. Красоты моего пирога не видно.

— С чем он? — якобы безразлично спросил колдун, а сам слюной давился и глаз с блюда не спускал. Голодный же. — С горохом?

— Секрет, — кокетливо улыбнулась я. — Попробуете — узнаете.

Надеялась, что кокетливо. Стрелять глазами меня учила Анна. Я не очень доверяла её мастерству. Самой себе она только на пьяницу настроляла. Вдруг чего неправильно делала? А бабушка и вовсе запрещала такие вольности с господами. «Забудь, Мери! Не твоего поля эта ягода». Но мне край было нужно умаслить Карфакса.

— Хорошо, — протянул он и взялся за нож.

Резал пирог осторожно, будто я, подобно столичным поварам, дошла до такого уровня мастерства, что была способна запечь в тесте живых птичек. Кушанья с секретом на потеху делали. Птички разлетались, гости смеялись, а пустой пирог потом на кухню возвращали.

— Пахнет необычно, — то ли похвалил, то ли поругал Карфакс, но морщиться не стал. — Пикантно. Он сладкий?

— Я надеюсь.

— С ягодами?

— Конечно.

С великим трудом я отвернулась, чтобы не смотреть колдуну в рот. Не мешать пережёвывать. Сердце испуганно трепыхалось. Да, всего лишь пирог, но от него сейчас многое зависело. Моя женская репутация хозяйки, в конце концов! Неужто я не в состоянии накормить единственного мужчину в доме?

Жевал он как назло бесшумно, и через мгновение я не выдержала. Посмотрела на Карфакса. О, святые предки! У него щеки покраснели и глаза казались безумными!

— Специи, — сдавленно выдохнул он и потянулся за кубком с вином. — Мери, у тебя рука дрогнула над блюдом? Зачем так много? Слишком много.

Проклятье, это провал! Я вцепилась в край передника и шумно сглотнула слюну.

— Простите, господин Карфакс.

— Корица, — продолжал он, словно не слышал извинений, — мускатный орех, что-то ещё.

— Перец, — дрожащим голосом ответила я, уже мысленно снимая мокрое платье с верёвки и завязывая походный узелок. — Его, и правда, могло быть чуть больше, чем в рецепте.

Колдун залпом осушил второй кубок вина и медленно выдохнул.

— Рецепт, значит? А где ты его нашла? Случайно не перепутала в библиотеке кулинарные записки с колдовскими фолиантами по изготовлению ядов?

— Зачем вы так? — обиженно всхлипнула я и прикусила дрожащую губу. — Моя бабушка никого не хотела отравить. Она господам такой пирог на стол подавала.

— Ах, бабушка, — склонил голову Карфакс, — тогда понятно. А её учила её бабушка, так? Дома вы такие пироги не готовите? Я прав.

— Правы, господин.

Я окончательно расклеилась, опустила плечи и не собиралась поднимать голову до самого ухода из замка. Позорного бегства, чего уж там. Чуть не убила нанимателя! Отвратительные меня ждут рекомендации. Даже в трактир с такими не устроиться.

— Это раньше повара на господских кухнях перебарщивали со специями, — с неожиданным терпением взялся объяснять колдун. — Я по молодости тщательно выбирал, к кому пойти в гости, чтобы не нарваться на устриц в меду. У меня в замке так не готовили, но друзья-соседи уже не могли иначе. Простая еда казалась пресной. Твоя бабушка, наверное, у кого-то из них служила. Да перестань дрожать, я ни в чём тебя не обвиняю.

«Да уж, конечно. А замечание про книгу ядов как понимать?»

Трясло меня так, что зуб на зуб не попадал. Я чудом не плакала.

— Мери, — колдун шумно отодвинул стул, и я услышала звук шагов. За новой бутылкой вина пошёл? В горле до сих пор горело? — Мередит, посмотри на меня!

Я вздрогнула особенно сильно и подняла взгляд. Карфакс стоял рядом. Даже пытался тронуть меня за плечо, но не решался коснуться рукава платья.

— Откуда трагедия? Я переборщил с показными страданиями? Извини, второй бокал вина, чтобы залить перец был лишним. Пирог вовсе не плох, просто специй многовато. Убери их подальше. Соль оставь. Без неё на кухне никуда.

От детских всхлипов и шмыганья носом я удержалась, но вздох всё равно получился тягостным.

— Простите, пожалуйста. Я хотела, как лучше.

— Знаю, — совсем тихо ответил Карфакс. — Моя вина, что не обсудил с тобой меню на вечер. Не думал, что так быстро управишься с готовкой. Сел за клавесин и потерял счёт времени. У нас есть ещё что-нибудь, кроме пирога?

— Каша, — неуверенно ответила я.

— Отлично! — воскликнул колдун. — Неси!

Помилование придало мне сил, на кухню за кашей я неслась быстрее ветра. Она ещё не остыла в чудом раздобытом на рынке котелке. Остатки сливочного масла от пирога я уже не стесняюсь добавила к разваренному пшени. Себе-то пожадничала, но кто же знал, какое блюдо в итоге станет главным на столе? Господин колдун собрался есть простую крестьянскую кашу! Эка невидаль. А всё проклятый пирог виноват. Чтоб я ещё раз послушала бабушку!

Торжественный вынос решила не повторять. Бочком протиснулась в гостиную и водрузила котелок на стол.

— Ну вот, — с улыбкой сказал Карфакс и схватился за ложку. — Другое дело. Пахнет изумительно.

— Тоже пикантно? — не удержалась я от подколки.

Язык мой — враг мой.

— Божественно, — стрельнул в меня взглядом хозяин замка и надолго занялся кашей.

Судя по тому, как быстро он махал ложкой, ужин спасён. Каша не подгорела, с солью я угадала. Теперь можно сесть на стул возле стены и ждать. Вдруг колдун пошлёт на кухню за добавкой или велит убрать пустую посуду?

— Феерично, — продолжал сыпать Карфакс длинными и малопонятными словами. — Умопомрачительно. Не знаю, может быть, от перца язык раздражился так, что сейчас я каждый оттенок чувствую, но каша заслуживает самой высокой похвалы. Мередит, браво!

Я всё-таки покраснела ярче свёклы. Проклятье, приятно-то как. Особенно после разноса за пирог.

— Больше никаких специй? — робко спросила я.

— Да, — кивнул колдун. — Только простая еда. Иначе мы с тобой до конца обучения колдовству не доживём. Кстати, об этом. А ну, марш в библиотеку! На ночь глядя читать не заставлю, но книги выдам. Пойдём, пойдём. Смелее, Мередит.

Ох, привязался-то! От одной напасти избавил, так сразу же другой озадачил. Я зевала украдкой всё время, пока мы шли до комнаты, громко названной библиотекой. Три десятка книг, сложенных в одной из немногих сухих спален второго этажа. Зато Карфаксу не пришлось слишком долго искать для меня учебники.

— Начни с этого, — распорядился он, опустив мне в раскрытые ладони рукописный дневник. Его тёмно-синий кожаный переплёт был украшен странными символами. — Мои первые записи. Кратко всё, сжато, тезисно, но чтобы уловить суть магического искусства — самое подходящее чтение. Потом за труды Белфаста можно взяться. Пишет он легко и с юмором. Не каждый колдун так умеет.

— А он жив? — спросила я, стараясь поднять подбородок как можно выше. Труды Белфаста оказались четырьмя толстенными и тяжеленными книгами.

— Нет, давно умер, — мотнул головой Карфакс. — Слишком смелые эксперименты ставил. Котелок взорвался и сжёг Белфаста вместе с лабораторией.

— Одного утопили, другой взорвался. А своей смертью кто-нибудь умер или у колдунов так не принято?

Я поняла, что сморозила глупость, когда у Карфакса лицо вытянулось. Ох, мамочки! Да что сегодня со мной такое?

— Простите, господин, я имею в виду, что судьба известных мне колдунов крайне трагична.

— Я понял, — остановил меня Карфакс. — Хорошая вышла бы шутка, не будь она грустной правдой.

— А почему?

Книги я бережно сложила в угол. Руки почти до пола от тяжести оттянулись, передохнуть надобно. Да и колдун настроился на долгий разговор.

— Мы живём дольше обычных людей. В те годы, когда к крестьянам, горожанам и господам приходит старость, мы ещё полны сил и увлечены обучением. Некогда создавать семьи. Да и незачем. Те, кто решался, видели смерть любимых жён, детей, внуков, правнуков. Долгие годы невыносимой боли от тягостных утрат. Колдовская сила из поколения в поколение передавалась всё реже и реже. В пору моей юности нас в королевстве осталось всего десять. За исключением трёх отшельников, сгинувших где-то в лесах, я лично знал каждого колдуна. Их книги ты сейчас видишь здесь. Последние крупницы некогда великого знания. Не старость забрала моих друзей, а жажда власти и собственная беспечность. Одного утопили в болоте собственные слуги, позарившись на золото, другой смешал недопустимые ингредиенты и взорвался, третий решил, что бессмертен, всемогущ и в такой глупости, как еда, больше не нуждается.

— От голода околел? — догадалась я.

— Верно, Мери. Сила питала его, но пищу заменить не могла. Четвёртый сгорел вместе с замком. Перешёл дорогу королю. Во сне сгорел, иначе смог бы потушить пожар. Наверное. Пятый сам себя проклял. Надоело жить. Шестой замёрз на вершине горы. А седьмой сделал шар, исполняющий желания и решил его спрятать ото всех.

Я чуть не пропустила такой важный конец рассказа. Увлёклась загибанием пальцев и не сразу поняла, что Карфакс о себе говорил.

— Не по зубам мне оказалось собственное творение, — грустно улыбнулся колдун. — Триста лет скитался по трём королевствам, но нигде покоя не нашёл. Мы с тобой последние обладатели силы, Мередит. Учись использовать её разумно. Только это нам и остаётся.

От волнения у меня язык онемел. Проблемы трактира, странной не-леди, магического гороха и чудом спасённого ужина уже не волновали так, как невыносимый груз, только что взваленный на меня Карфаксом.

— То есть как последние? А три отшельника? Вы говорили, колдунов было десять.

— О тех отшельниках давно никто ничего не слышал. Даже если живы, то больше не колдуют.

— А их дети?

Карфакс собрался осадить меня. Я видела, как открыл рот и глубоко вдохнул, но осёкся. Сам себя оборвал на полуслове.

— Не знаю про детей. Может, ты — единственная из потомков, а, может, ещё кто-то есть.

— Вроде странной девушки, путешествующей по городам и трактирам? — против воли вырвалось у меня. — Она спрашивала, не живёт ли поблизости колдун. Уж не учителя ли себе искала?

Я замерла, беспомощно уставившись на книги. Последние крупницы знаний. Вот что самое ценное в кладовых замка. Даже не шар-артефакт, о котором никто не знает, а это.

— Как её зовут? — холодно спросил колдун.

— Мне не сказали. Я пошла в трактир, чтобы продать излишки выросшего на огороде гороха и местная подавальщица, Анна, шепнула про девушку. Молодая вроде как. Яркая.

Карфакс мгновенно стал чернее тучи. Я испугалась, что сейчас со злости разнесёт ползамка, а потом снова запрет меня в подвале и болтать запретит. Молча буду колдовскую науку изучать, дабы шар уничтожить.

— Странно, — наконец, выдал из себя колдун. — Почему не толпа лиходеёв или городских стражников?

— Тоже так подумала, — робко заговорила я. — Уж с колдуном-то одной девице не справится.

— Напротив, — фыркнул Карфакс и заметался по комнате. Никогда его таким взбудораженным не видела. Даже когда орал на меня и наказывал за разговоры. — Нет, я всё понял. Они правильно рассчитали! Именно девица и нужна.

— Почему? — хлопнула я глазами. — Простите, господин колдун, я, правда, не понимаю. И кто «они»? Ваши враги? Но если другие колдуны мертвы, то кого вы боитесь?

— А вот глупую из себя не строй, — Карфакс резко остановился и вперился в меня горящим взглядом. — Не понимает она. А почему вопросы тогда правильные задаёшь? Что-то ещё разузнала? Признавайся?

— Ничего, — голос у меня задрожал. Совсем ничего. Разве что...

И я вывалила ему всё. Про портрет Роланда Мюррея, про сходство колдуна со старым лордом, про появившиеся из-за моего недомыслия кладовые с сокровищами. А, главное, наблюдения Анны. «Леди, которая не леди». При чём тут она я по-прежнему не представляла.

Колдун долго молчал в ответ, я успела замерзнуть. Жар от растопленного камина сюда уже не дотягивался, а старый замок никак не хотел прогреваться от летнего солнца. Будто вся его сила теперь навеки шла из земли, где закопали шар.

— Да, я действительно Роланд Мюррей, ты права, — наконец, ответил Карфакс. — Но враги мои никогда не умели колдовать. Я ведь тоже перешёл дорогу королю. Ровно триста десять лет назад он вызвал меня в тронный зал и приказал поставить у моих ног сундук с золотом. «Сделай мне такой артефакт, Роланд, чтобы любое желание исполнял. — Любое? — переспросил я. — Да, — ответил король. — Любое». А чего мог хотеть одержимый властью старик?

— Бессмертия? — попыталась угадать я.

— И власти, — добавил колдун. — Столько, сколько никто до него и представить не мог. Ты понимаешь, на что способен человек с такими желаниями? Он бы все королевства поставил на колени. Казнил неугодных одним движением пальца, возвышал своих прихвостней, а потом низвергал их, чтобы все боялись. Все. Нельзя, чтобы один человек правил миром. Ничего хорошего из этого не выйдет.

Мне не хотелось спорить. Я понимала, о чём говорил Карфакс.

— Вы от него шар прятали?

— Да. Когда осознал, что у меня получилось сделать невозможное, то сразу положил артефакт в сундук и сбежал в лес. Бросил замок, крестьян, мастеровых, что помогали мне в лаборатории. Моя колдовская сила продлевала мне жизнь, а королю нет.

— Вы ждали, когда он умрёт? — догадки сыпались на меня, как яблоневый цвет на ветру. — А потом, когда умрут все его приближённые, слуги, ваши мастеровые, их дети, внуки. Все, кто мог хотя бы случайно услышать о том, какой артефакт король заказал колдуну. Триста лет тишины и забвения.

— Да, — эхом повторил колдун. — Я бы и дальше прятался, но шар вышил мою силу. Мне пришлось вернуться в свой замок. Я даже обрадовался, когда нашёл его в запустении. Но страх, что за шаром

придёт новый король, до сих пор не отпускает. Слишком много жадных людей ходит по земле. Я разрываюсь между двух огней. С одной стороны, нужно отправить тебя в трактир и разузнать всё о девушке, а с другой, хочется снова взять шар и уйти в лес. На этот раз вместе с тобой. Что скажешь? Как поступим?

Я аж присела на мешок с зерном. Вот чего точно не ожидала, так это того, что колдун будет со мной советоваться. Да, ему лучше носа из замка не показывать, а полностью положиться на меня, но, проклятье, страшно!

— А если девушка не за шаром пришла? — выдала я ненароком промелькнувшую мысль. — Вдруг она ищет колдуна совсем по другой надобности? Не леди по происхождению, но выйти замуж за знатного хочется. Как это сделать? Нацепить на себя хозяйское платье, всеми правдами-неправдами получить приглашение на пир. Явиться туда и подлить в вино будущему мужу особое снадобье. Колдовское. Чтобы разум у господина отшибло, страсть разыграла, и он кричал: «Женюсь! Женюсь!» А что? Огонь-затея. Точно бы выгорела, найди ловкая девица колдуна.

— Ох, Мери, — Карфакс с трудом сдерживал смех, — велика же твоя фантазия! Снадобье! Подумать только.

— А что нет такого, да? — я почти расстроилась. Так гладко всё шло. Самой бы снадобье пригодились, окажись я кем-то вроде Анны. Но нет. По любви хотелось замуж. Не за деньги или титулы. — Вот и надо проверить. Давайте сделаем и первое, и второе. Я разузнаю в трактире про девицу, и, если она всё-таки явилась по вашу душу за шаром, то мы сразу сбежим в лес. Вместе.

— Хорошо, — подумав, ответил колдун. — Но прежде, чем я отпущу тебя в трактир, выучишь пару защитных заклинаний. Заодно на огороде новый урожай созреет. Да и я со временем перестану быть таким бесполезным. Начни с дневника в кожаном переплёте. Вот как проснёшься утром, так сразу и начти.

— Будет сделано, господин колдун, — с улыбкой сказала я.

Глава 6. Леди - не леди

Утром я не стала жаловаться Карфаксу, что из-за хлопот по хозяйству не успеваю читать его дневник с колдовской наукой. Я придумала, как выкрутиться. Вернее, вспомнила. В детстве мать учила меня читать, не отрываясь от работы. Пока я, пыхтя от усердия, водила пальцами по строчкам, она успевала принести воды, сварить суп и развесить мокрое бельё. Сейчас я собиралась повторить её подвиг. А куда деваться? Самой страшно идти в трактир, не умея дать отпор.

Воды я заранее натаскала полные бочки, чтобы не бегать каждый день к реке. Поэтому, едва причесавшись, набрала таз и встала мыть овощи, одним глазом поглядывая в дневник. Затея себя окупила сразу же. Читала я быстро, а думала медленно. И без того мудрёная речь Карфакса раскрасилась двумя дюжинами новых слов. Проглотишь фразу — и перевариваешь её, как съеденный обед. Крутишь в голове и так и эдак, слова переставляешь. Нет, лучше не становится.

— Проклятые колдуны, — ругалась я сквозь зубы. — Теперь я понимаю, почему они живут в одиночестве. Кто ж их вытерпит? Такое занудство!

— Отчего же? — раздался голос за спиной.

Мокрая свекла выскользнула из рук и забрызгала меня водой из таза. Не может нормальный человек так тихо ходить! Это колдовство! Врождённое, мужское. То, которое позволяло бесконечно подтрунивать над женщинами. Подкрадываться вот так издали, заставить в неловком положении, а потом со скучающей улыбкой ждать развязки.

— Сплошные высокие материи, — ответила я, вытирая лицо тыльной стороной ладони. Передник испорчен, нужно переодеть. — Сила, энергия, поле. Вот какое поле, скажите мне, господин Карфакс? Ржаное или пшеничное?

— Внутреннее, Мери, — с усмешкой сказал колдун. Стоял на пороге кухни, привалившись плечом к дверному косяку. Первый парень на деревне! Такой же вальяжный и сытый котяра. — Твой дар — это высочайший уровень внутренней энергии. Твоя сила. Представь пылинку на рукаве. Тебе нужно её сдуть. Обычный человек от натуги покраснеет, чуть не лопнет, но пылинка не сдвинется. А ты пальцами щёлкнешь — ураган будет.

— Да-а-а? — с сомнением протянула я. — Что ж я такой силы ни разу не чувствовала? Огород вспахала бы, коли на то пошло. Или дров нарубила без топора.

— А ты ругалась когда-нибудь? Так чтобы все спорщики потом заболели? И тот сильнее заболел, на кого ты громче кричала?

Я отмыла комочек земли с моркови и отложила её в сторону. Холодом по спине потянуло. Было такое и не один раз. То братьям доставалось, то матери с отцом.

— Подавальщица в трактире, — пробормотала я, замирая от ужаса, — после ругани шла домой, споткнулась и ноги переломала. Это я, выходит, ей навредила?

— Да, Меридит, — безжалостно ответил Карфакс. — Это ты. Точнее не ты, а неуправляемая сила. Ты кузнечным молотом мух разгоняешь. Не удивительно, что всё вокруг в щепки разносишь. Ведь ты не видишь молот в своих руках. Не веришь, что вообще способна его взять. Научись собирать силу в пучок и направлять её — огород вскопаешь. Почему нет? А пока в приступах гнева давишь людей, мучаешь. Им тяжело, Мери. Они тоже не знают, что поле твоё размером с деревню. А то и больше.

— А то и больше, — далёким эхом повторила я и закрыла лицо руками.

Я — чудовище. То самое из сказок о рыцарях и принцессах. Огромное, тупое, злое. Братья с животами мучились, мне так жалко их было. А Лина? Она же до сих пор хромала!

— Как меня остановить? — выцедила я сквозь зубы, а потом закричала: — Как перестать это делать?!

— Успокойся сначала, — тихо ответил колдун и погладил меня по плечу. Осторожно, ласково. — Это главное сейчас. Помни, какой силой обладаешь, и не трать её зря. Поверь, ты научишься. Слабым трудно. Они артефактами пользуются, разум в чистоте держат, упражняются от рассвета до заката. А тебе всего-то нужно направить себя в правильную сторону. Сколько страниц ты прочитала?

— Семь, — послушно ответила я, чувствуя, как от ладони колдуна шло тепло. Помогало оно мне, успокаивало.

— Хорошо. Значит, про самый простой щит знаешь. Его будто для тебя придумали. С такой мощью

он выйдет непробиваемым даже сейчас, когда ты почти ничего не умеешь. Слова заклинания запомнила?

— А чего бы нет? Их всего два.

— Вот, — с довольной улыбкой ответил колдун. — Они пригодятся. Представь, что ты на кого-то очень и очень зла. Ненавидишь так, что хочешь убить. Метлу, например. Ты устаешь от уборки, правда? Накажи метлу. Ударь её мысленно и слова заклинания не забудь добавить.

Карфакс отпустил мои плечи и пошёл в дальний угол кухни. Там кроме метлы стояли грабли и лопата, чудом найденная в сарае. Целая. Деревенские все локти себе искусали бы, узнав, что проморгали в старом замке такую полезную вещь, но повезло мне. А вот метлу я, и правда, не любила. Огромный двор замка сколько не мети, ветер всё равно сор приносит. Уши пухли от бесконечного «вжик-вжик» и рядом со старыми мозолями на ладонях появлялись свежие.

— Подожди немного, — попросил Карфакс, забрав метлу и вернувшись к мойке. — Меня не зацепи. Так далеко ты, наверное, не достанешь, с двух шагов попробуем. Теперь можно. Давай.

Он прислонил метлу черенком к печке и ушёл в сторону.

Возненавидеть, значит? Сейчас попробую.

«Ах, ты ж, зараза деревянная! Дубина стоеросовая! Век бы тебя не видеть и сломать через колено. Горацим деи!»

Я вперилась в неё взглядом и почувствовала, как жар вышел из груди. Воздух качнулся, кухня поплыла. Метла с оглушительным треском сломалась.

— Отлично, — тоном учителя, гордого за ученика сказал колдун, а у меня колени задрожали.

«Чудовище, — стучало в голове. — Ты самое настоящее чудовище, Мери!»

— А с человеком что было бы? — запинаясь, спросила я. — Тоже пополам переломился? Как метла?

— Человек мягче деревянного черенка, — с непрошибаемым спокойствием ответил Карфакс. — Его не так просто сломать. Согнулся бы пополам и отлетел к стене. А уж там, как ударился... Мог голову разбить. Не бледней, Мери. Заклинание щита предназначено для защиты. Когда на тебя бросятся двое крепких мужчин с мечами наголо, ты будешь счастлива, если они упадут возле стены и не встанут какое-то время. Достаточное, чтобы сбежать. Я не призываю тебя к убийствам. Я всего лишь хочу, чтобы ты вернулась живая из трактира. Пойми, шар — слишком ценная вещь, за него будут драться насмерть.

Я понимала, не дура. Зная силу колдунов, никто не пойдёт отбирать у Карфакса шар с голыми руками. Будь я королём, отправила бы пару отрядов. А лучше маленькую армию. Уж если служанка-неумеха двумя словами заклинания метлу сломала, то что мог Роланд Мюррей на пике своего могущества?

И всё равно страшно.

— А если я нечаянно кого-нибудь хорошего зацеплю? Анну, например. У неё пятеро детей, как они будут без матери?

— Поэтому важно учиться, — строго сказал Карфакс. — Заклинания в руках умелого колдуна мягче и податливее глины. Тот же щит можно растянуть вокруг себя, как сеть, и смотреть на заходящихся бессильной злобой нападавших. Щит не подпустит их близко, сколько не руби его мечом. Знай себе стой на месте и похихикивай.

Такой вариант мне нравился больше. Я даже плечи расправила и подняла голову.

— Не надо больше ничего ломать. Давайте учиться, господин Карфакс.

Колдун кивнул и потянулся за дневником.

О приготовлении завтрака из трёх блюд пришлось забыть. Солнце уже поднималось к зениту, а я всё упражнялась с магическим щитом и дровами. Чурки на части не разваливались, но летали по двору хорошо. Низко-низко, как утки над прудом.

— Когда же сеть? — радостно спросила я, метнув очередного деревянного врага в стену замка. — Жуть как хочется попробовать.

— Завтра, — пообещал Карфакс, вытирая пот со лба. Жарко ему стало. Ещё бы. Солнце палило нещадно, а он сидел, замотанный в тряпки по самые уши. Деревенский мужик давно бы разделся,

не глядя на моё смущение, но лорду нельзя. — Мы правильно сделали, что сосредоточились на одном заклинании. У тебя получается. Будем развивать. Если до сети вдруг не дойдём, то остановимся на чем-то промежуточном, но тоже полезном.

— А успеем? — с тревогой спросила я. — Вдруг нашей не-леди надоест впустую тратить золото на байки хозяина трактира? Плюнет, махнёт хвостом и уйдёт?

— Не уйдёт. Я ей нужен больше, чем она мне. Раз подобралась настолько близко, то уже не отступит. Золота у неё должно быть много. Не через трактирщика, так через кого-нибудь другого до правды дознается. А потом к нападению начнёт готовиться.

— И то верно, — кивнула я. — А мы защищаться будем. Ещё чурочку?

— Воды, — наморщив лоб, попросил колдун.

Ох, я бестолочь!

— Сию минуту, господин!

Я побежала к бочкам, стоящим возле двери на кухню, но Карфакс окликнул в спину:

— Мери, ты куда? Колодец же здесь.

«Так в нём воды нет», — чуть не сорвалось с языка, но я вовремя остановилась. Колдун знал, что колодец пуст. Ни разу бровью не повёл, когда я моталась с ведрами до реки и обратно, а сейчас вдруг вспомнил о давно пересохшем источнике. Странно. Нужно проверить.

До колодца я шла крадучись, оглядываясь то на хозяина замка, то на петли колдовского гороха, торчащие из-за угла, то на восстановленную часть стены. Магия творила чудеса, я твёрдо это уяснила. Жаль, что могла покалечить, но и польза от неё была. Я откинула деревянную крышку с обода колодца, уже догадываясь, что увижу на дне.

— Вода вернулась! Господин Карфакс, вода вернулась!

Вот теперь радость плескалась через край. Прощайте больные руки и негнущаяся спина! Больше ни одного похода к реке! Я ж теперь и мыть буду, и стирать, и купаться, оставаясь в стенах замка. Сколько времени сэкономлю, о добрые предки!

Протанцевав на кухню за кубком и обратно, я благоговейно поднесла воду колдуну. Пахла она изумительно. Никакой затхлости и гадкого привкуса. Почти вино, будь оно прозрачным. Шар знал, на что использовать одолженную у меня силу.

— Благодарю, — Карфакс с лёгким поклоном принял кубок и приложился к нему надолго, а у меня созрел план.

— Я ведь могу представиться колдуном. Выполнить обещание трактирщика познакомить нашу не-леди с нужным человеком. Пусть Дерек покажет ей меня в вашей одежде. Натолкаю сена в камзол для ширины плеч, простынь вокруг живота обмотаю...

— Огурец в штаны положишь, — подхватил Карфакс, а я смутилась. Щёки загорели.

— Зачем огурец? Разве леди будет туда смотреть?

— Обязательно. И на десять других важных вещей, кажущихся тебе мелочами. Превратить женщину в мужчину очень сложно. Будь я в полной силе и то поостерегся бы. Хотя... Это лучший способ узнать, что ей нужно, ты права. Тот, кто прячет ото всех могущественный артефакт, не станет показывать лицо, и говорить не будет. Он отдаст нашей гостье письмо с предложением встретиться на окраине деревни в заброшенном доме. Ты пройдёшь через весь трактир под заклинанием отвода глаз и положишь свиток на стол. Никто не запомнит, что ты была там. А девица, если действительно ищет колдуна, отправится, куда велено.

— Побежит, — хмыкнула я, — и толпу лиходеев за собой потащит.

— Это мы тоже проверим, — Карфакс поставил кубок на землю и потёр ладони. — Найдёшь в деревне быстрого и остроглазого мальчишку? Отдай ему золотой, пусть проследит за нашей гостьей.

Зачем его искать? Братья мои есть. Нико и Лука все деревенские окрестности вдоль и поперёк излазили, ловчее их никто с задачей не справится, но я снова испугалась. Опасное дело. Я-то магией умела пользоваться, а их никто не защитит. Каково это вот так, свою кровиночку, братьев родных, под верную смерть подставить? А с другой стороны, если девица одна и колдуна ищет по безобидной надобности, то я Нико и Луку лишь заработка. Золотой в другую семью уйдёт, а моя

голодать будет.

— Мери, — позвал колдун, щёлкая пальцами, — ты здесь?

— Да, господин, задумалась. Вечером всё сделаю. Можно ведь сегодня пойти?

Поговорю с братьями, пусть решают. Хоть и дети пока, а я в их возрасте за любую работу хваталась. Ещё обидятся, что даже не предложила.

— Сегодня и нужно, — ответил Карфакс. — Я встречу на завтра назначу. Дадим лиходеям время основательно подготовить засаду, а тебе пару заклинаний выучить. Упражняйся пока, я пойду в кабинет письмо писать.

— Хорошо, господин.

Ох, не до тренировок мне. Желудок урчал от голода, рассортированные и отмытые овощи высохли. Половину на еду пущу, остальные в огороде высажу. И к зеленщику снова надо, в трактир опять же. Эх, где ж такое заклинание, чтобы время останавливало? Я учила бы только его.

Соскучилась я по родным. Едва с делами управилась, заклинание отвода глаз вызубрила, как в дорогу собралась. Вещи Карфакса оставила в покое, своё платье надела. Стирку бы устроить, раз уж вода появилась, но некогда. Письмо тугим свитком скатала, за шиворот спрятала и пошла.

Надо же, как жизнь переменялась. Кем я была в начале весны? Никем. Девочка на побегушках, «принеси-подай», служанка. А теперь в войне за магический шар участвую, заклинания учу. Золота, опять же, полные карманы...

Тут я сбилась с шага и расхохоталась над собой. Да уж, мало мне надо. Только лишний золотой в кошельке зазвенел, как богачкой себя возомнила. «Эх, Мери, Мери, ты не исправима». Я уже мечтала похвастаться матери, что владею магией. Швырять по двору поленья на потеху братьям, показать отцу важное послание с печатью, что велено доставить, но ничего этого нельзя делать. Тайну надобно хранить. Я больше не Мередит, дочь Хельги и Оливера из деревни. Я — колдунья, и вести себя должна, как другие колдуны. Молчать чаще, чем говорить, постоянно думать на два шага вперёд и держать в узде гнев. Вон от него сколько бед бывает, ежели сила колдовская подключится. Ничего, я всех лечить буду. И тех, кому успела навредить, пока про силу не знала, и тех, кому ещё не успела.

— Мери пришла! — заголосил Клаус у ворот и бросился к дому.

Здесь меня по-прежнему любили и ждали. Мать накормила домашним супом. Аккуратно сосчитала все золотые, что я ей принесла и спрятала их в шкатулку.

— Много как, дочка, — от счастья она чуть не плакала. — Младшим одежду купим, а то они поизносились, Елене приданное начнём собирать.

— Поешьте хорошо, — попросила я. — Не откладывайте деньги впрок, они сейчас нужны.

— Ты-то там как? — мать ласково погладила меня по волосам. — Смотрю, похорошела. Не обижает тебя господин Карфакс?

Да уж, похорошела. Мозоли от работы недавно зажили, круги под глазами исчезли. А вообще, какой была, такой и осталось. Но маме, наверное, виднее.

— Хорошо. У меня добрый хозяин, лишним не нагружает.

— Хвала предкам, доченька, — по её щеке слеза скатилась. — Я так рада за тебя, так рада.

В груди защемило и в носу защипало. Чтобы не поддаваться на мамину «сырость», я позвала Нико поговорить. Хотелось, конечно, прийти домой просто так, но дело было.

— Ну? — брат сурово сдвинул брови и поглядывал на двор. Мы встали возле сарая. Прятаться смысла нет, проще говорить совсем тихо.

— Ты возле заброшенного дома давно был?

— Настучать отцу хочешь? — дёрнулся Нико. — Не я это, кому говорю? Да, мимо проходил, но внутрь не лазил! Не знаю, почему там кто-то воет и свечу ночью зажигает. Родители у всех, как с цепи сорвались. «Озоруετε, озоруετε!» Ганса в конюшню работать отправили, Луке досталось. Моя очередь?

Вот так новости, не знаешь, куда класть! А Карфакс в том доме встречу назначил. Не ошибся, выходит. Угадал, ткнув пальцем в небо. Ну силён. И что теперь делать? Сворачивать лавочку? Я ещё

не ходила в трактир. Успевала вернуться в замок и всё рассказать колдуну. Но что изменится? Мы так и думали, что засада готовится. Вот и посмотреть на неё нужно поближе.

— Как далеко свечу видно? Шагов с десяти?

— Прямо, — Нико ссутулился и посмотрел на меня из-под длинной чёлки. — Окна маленькие, свеча в комнате глубоко. Не дурак тот призрак на всю деревню ею светить, прячется. Хочешь увидеть? К дому подойди.

— И ты не испугался?

— Я маленький, что ли? — вздёрнул брат подбородок. — Ссыкотно, не ссыкотно, это Ганса подловили. Луку ещё можно. А я уже после всех ходил узнать, что там такое. Ну свеча, ну стоны, ну призрак. Говорят, душа старого лорда вернулась. Его замок разграбили, вот и нет покоя. Будет теперь женщин наших по ночам пугать да посева портить. А чтобы успокоился, надо разграбленное обратно вернуть. Не приносили пока к твоему порогу дырявых котлов?

Ещё интереснее. Не брат у меня, а ходячее сокровище. За такое два золотых не жалко. Кто-то не просто поселился в доме, а распустил слухи о бывшем хозяине замка. Уж не думают ли враги Роланда Мюррея, что колдун шар в замке спрятал? А раз его не нашли за триста лет, значит, украли, как безделицу, не зная, что им в руки попало. Украли и держат у себя, не хотят выбрасывать. Как выманить-то? Призрака сочинить в надежде, что деревенские умрут со страху. Ага, и бросятся всё возвращать. А лиходеи потом спокойно разгребут кучи хлама и заберут шар. Ловко, ой, как ловко. Конечно, если я права.

— Ничего не приносили, — ответила я брату. — Но хозяин мой о призраке слышал. Неуютно ему, что чужой дом занял, понимаешь?

— Эка! — расплылся в улыбке Нико. — Карфакс же колдун! И ему страшно? Чудны дела твои, Мери.

— Не страшно, — покачала я головой. — Интересно. Правда ли призрак старого лорда? Его же тогда изгонять придётся. Деревенский староста может за это денег заплатить. Но дабы без боязни предложить ему колдовские услуги, уверенность нужна. Смекаешь?

— Ага!

Нико на месте не мог устоять. Я видела, как горели его глаза, и во второй раз переживала, что втягиваю брата в неприятности. Историю на ходу сочинила. Врала направо, но во благо. Пусть Нико думает, что Карфакс решил развести старосту на деньги. Зато мне не придётся рассказывать правду про шар и про тех, кто на него охотится. Уберегу брата хотя бы так. Мальчишка, рассказывающий глупости о призраках, не опасен. Его не тронут.

— Золотой хочешь? — выдохнула я, чувствуя, что вспотела от переживаний.

— Спрашиваешь? Хочу!

— Тогда слушай. Мы сейчас уйдём вместе. Я скажу родителям, что ты мне нужен в замке помощником. Воды принести, поленницу сложить, ну и так, по мелочи. Нужен до завтра. Сама в город, а ты в дом заброшенный. Ходи вокруг него, в окна заглядывай и жди, когда призрак появится. Внутрь не лезь! Ты меня понял? Поклянись.

— Да понял, понял. Клянусь!

— Хорошо. Работа сложная, платит за неё Карфакс хорошо. До завтра возле дома просидишь и в замок беги рассказывать, что видел. Я тебе золотой дам. Договорились?

— По рукам! — подпрыгнул Нико. — Я смогу! Я всю ночь не буду спать, вот увидишь!

— Куда золотой-то хочешь потратить? — улыбнулась я, видя горячность брата. Он справится. Упрямый.

— Конфет куплю. Много. Мы с Лукой только на ярмарке их пробовали, а младшие даже не нюхали. Пусть порадуются.

— Пусть, — порывисто обняла я брата. — Добытчик ты мой.

— Не всё тебе золото домой носить, — буркнул он. — Я тоже могу. Посчитай, второй мужчина в семье после отца.

Я всё-таки расплакалась.

Как же я их всех люблю.

В трактир я пришла вечером, как и положено. Столы уже были заняты, горожане из тех, кто мог себе позволить, выпивали и закусывали. Не богатая публика, прямо скажу. Купцы предпочитали в гости друг к другу ходить, а здесь люди попроще ошивались. Набатрачат за день, смотришь — вечером уже всё спустят. А то и в долг пьют. Хозяин их запоминал, но кого-то и записывал. Ненадёжные были. Таких должников, вздумай они буянить и деньги не возвращать, Генрих из трактира взашей выталкивал. Иногда целая драка затевалась, повара на помощь звали. Кулачищи у Питера не хуже, чем у Генриха. Вмиг гостей утихомиривал. Но что-то я не видела среди выпивающих девушку, одетую, как леди. Сердце в пятки уходило от волнения. Неужели Нико просто так ночью будет возле дома мёрзнуть?

— Анна! — помахала я рукой от двери.

подавальщица поставила на разнос две кружки пива и махнула мне в ответ:

— Сейчас. За стойку иди.

Заклинание отвода глаз я читать не стала. От кого тут прятаться? Упорхнула птичка, мы силки расставить не успели. Где теперь её искать, откуда ждать подвох?

— Ну, — спросила Анна, вытирая руки передником и заглядывая в мою корзину, — на продажу чего-нибудь принесла?

— Два кулька гороха, — призналась я.

— Давай сюда! — у подавальщицы вспыхнули глаза, будто я о золоте говорила. — Он так хорошо с картошкой пошёл, мы только его и продавали. Гостей за уши не оттащишь. Питер утром спрашивал, куда ты запропастилась. Цену больше не предложит, не надейся, но всё, что принесла, купит.

— Ого, какая удача, — радовалась я вполне искренне. — Вкусный, значит, горох?

— Не то слово, — Анна потащила меня поближе к кухне. — Только Питер готовит сейчас. Подождёшь?

— Конечно, — я специально встала так, чтобы хоть чуть-чуть гостей видеть. Не дала увести себя далеко. — Слушай, Анна, помнишь, ты про леди рассказывала, которая с повадками не-леди? Нашла она колдуна?

— Будто ты не знаешь, что нет, — усмехнулась подавальщица и заговорила мне в ухо. — Хозяин наш её обхаживает. Так возле неё крутится, что скоро дырку в полу протопчет.

— Жениться собрался? — попыталась я пошутить.

— Ага, два раза. В койку тащит. Но наша леди, как и положено настоящей леди, ломается изо всех сил.

— Она у него сейчас? — догадалась я. — В комнате?

— Верно думаешь, — улыбка Анна стала похабной. — И до утра не выйдет. Такой момент был, такой момент. Как в книжках этих, что леди читают. Примелькалась она здесь. Уж который день ходила, а всё одна сидела. Вот наши бабники городские и решили, что не хай добру пропадать. Собрались в кучку, в кучке три штучки, и подсели к ней за столик.

— Приставали?

— В корень зришь. Сначала разговоры разговаривали, а потом руки распустили. Леди в крик: «Пустите, не смейте, помогите!» Но гостям-то что? У них потеха. Стулья развернули, пива отхлебнули и смотрят. Генрих наш заволновался, да только не успел. На крик леди хозяин прибежал. «Пошли вон!» — гаркнул. И рукой так... Мол, идите. Они и пошли.

— Ох, — не поверила я. — Встали и пошли?

— А то, — расхохоталась Анна. — Леди тяжело дышит, к бледным щекам платочек прикладывает. Волнение у неё.

— Кручина сердечная, — подсказала я. — По чуть было не загубленной чести.

— Да, да. А хозяин наш рыцаря из себя корчит: «Не переживайте, прекрасная, они вас больше не побеспокоят. Воды? Или, может быть, вина? Пойдёмте. Не нужно вам здесь сидеть среди грубой публики. Манер нет, воспитания тоже».

Чем спектакль закончился, я уже знала. Но как теперь свиток от Карфакса передать? Засада. Выходит, что никак. Хозяин дверь запер, чтобы добыча из лап не выскользнула, стучать бесполезно.

Так далеко пошлёт, что дороги не найду.

— Ладно, где там Питер? — вздохнула я. — Будем ждать.

Глава 7. Колдун-спаситель

Повар из кухни вышел неожиданно быстро. Вцепился в мой горох крепче Анны и долго загибал пальцы, перечисляя, что ещё ему нужно. Морковь, репу, свёклу, пастернак — всё свежее и такое же колдовское.

— Ох, Мери, — бормотал на ухо Питер, обнимая за плечи так, что кости трещали. — Ты почему сразу не сказала, что Карфакс над кладовыми потрудился? Старик стариком, а дело знает.

— Вы сами-то горох пробовали? — не утерпела я.

Подозревала, что заметив чудесные свойства гороха, вся кухня резко отказалась брать его в рот. Мало ли что.

— Пробуй я всё, что готовлю, давно в три раза шире стал бы, — отмахнулся Питер и сразу же о другом заговорил: — Мяса бы. Достанешь хотя бы двух куриц? Ну... из замка?

Неугомонный. Мясо ему подавай. Ценник на блюдо поднять хочет и пьяницам животы едой забить, чтобы они дольше сидели и больше пили. А потом на весь город кухню трактирную расхваливали. Тогда купцы в заведение потянутся, а то и до господ дело дойдёт. Знала я мечты повара. Вряд ли они изменились.

— Попробую, — осторожно ответила я. — Цыплят надо взять.

— Я тебе скажу у кого, — оживился Питер. — Он дешёво отдаст. На меня только кивни, поняла?

— Поняла.

— И пусть Карфакс над теми цыплятами руками поводит, — Питер заговорил так тихо, что я еле разобрала. — Слова колдовские пробормочет. Да не трусь, Мери. Стоишь вся деревянная. Гости животами с гороха не мучаются, наоборот, довольные ходят. Неси, что сказал, я заплачу.

Быстро он загадку гороха разгадал и выгоду свою увидел. Ладно, мне же лучше. Пока шар в земле и мы не знаем, что с ним делать, пусть кормит двух своих колдунов. Золотом обеспечивает. Когда Роланда Мюррея признали мёртвым, он потерял свои земли, а без них какой доход? Никакого, как я подозревала. Голодал Карфакс, истощились его запасы. Прежним делом не заработать — шар прибегут отбирать, узнав, что колдун вернулся, а нового не найти. Не умел лорд горшки обжигать, да лошадей подковывать. Ну ничего. Мы и здесь сообразим, как выкрутиться.

Питер мне на пальцах объяснял, где искать торговца цыплятами.

— Прямо, прямо, налево до рядов с дичью и сразу направо. Людвиг его зовут, запомни.

— Людвиг...

Из комнаты хозяина трактира раздался грохот, будто тяжелый сундук упал.

— Что, не понравилось? — со смехом спросила Анна. Гости отреагировали ещё сдержаннее. Пару мужчин переглянулись, зашептались и снова взялись за пиво. Грохот повторился на полтона тише, раздалась грубая ругань. — Ай, жаль голову хозяина, — не унималась подавальщица. — Такая крепкая на вид была. Но, кажется, наша не-леди там скоро всё разнесёт. Не пора ли Генриху вспомнить, зачем он здесь стоит?

Трактирный вышибала уверенно двинулся к двери, а я схватилась за ворот платья. В завязавшейся драке будет не до послания колдуна. Питер уже ушёл, Анну просить нельзя, она ненадёжна. Как же мне выполнить поручение Карфакса?

— А-а-а! Отпустите! — закричала женщина. — На помощь! Кто-нибудь!

Генрих ускорил шаг. Я ждала, что он пинком распахнёт дверь и выволочет хозяина за шиворот, но всё случилось иначе. Платили Генриху не за тишину и порядок, а за то, чтобы мебель в трактире оставалась целой. Кружки ещё, бочонки с пивом, но никак не девичья честь залётной гостьи. Высоченный бородач заглянул внутрь, удовлетворённо хмыкнул и закрыл дверь. У косяка потом встал, чтобы никто из гостей не вздумал побеспокоить хозяина во время плотских утех. Никто и не рвался. Те, кому было дело до происходящего в комнате, отпускали сальные шуточки. Хохотали и стучали кулаками по столу.

— Думать нужно было, куда идёшь, — сказала Анна на очередной жалобный крик. — Здесь тебе не святилище предков. Быстро к столу нагнут и юбки поднимут.

А меня злость разбирала. Ну сглупила девочка, ну поверила не тому, кому следует, что теперь? С

ней можно вот так? Насильно? И где толпа стражников, что должны были с Карфаксом сражаться? Их «приманке» грозила беда, а они в ус не дули? Что за мужчины пошли? Почему всем наплевать?

Застолье в трактире продолжалось. Гости гремели кружками, требовали музыку, а в комнате хозяина раздался последний полустон-полуплач и окончательно всё стихло.

«Нет, так нельзя».

Я сжала кулаки и скрипнула зубами. Колдовской арсенал — два заклинания, куда я лезу? Генрих на голову меня выше, хозяин трактира в два раза толще, и оба в пять раз сильнее. Шансов нет. Я впустую растрачу силу, разнесу полтрактира, платить за ущерб буду до старости, а девушке всё равно не помогу. Ещё и зашибу её упавшей потолочной балкой ненароком. Слишком рано ввязываться в колдовской поединок, но как устоять? Во мне огнём горело желание остановить непоправимое. Я зажмурилась и прошептала заклинание отвода глаз. А потом представила, что вместо стульев стоят чурки и началось.

Щепки летели во все стороны, кричали гости. Многие тут же бросились наружу, остальные крутили головами и не могли понять, откуда пришла беда. Стулья летали! Генрих выдержал три моих точных удара и рухнул возле двери. Хвала удаче она открывалась вовнутрь. Я перешагнула через тело вышибалы и толкнула её плечом.

Хозяин с гостьей лежали на кровати. Несчастливая молчала, но продолжала брыкаться изо всех сил. Колотила мужчину по спине и пыталась оттолкнуть от себя голыми ногами.

Я чувствовала жар в груди. Поле колдовской силы колыхалось перед глазами, как марево в летний зной. Дохну гневом — всё в щепки разлетится.

«Спокойнее, Мери, — сказал бы Карфакс, — ты должна направлять себя. Думай, куда бить».

Если «от себя», то нужно зайти в изголовье кровати. Хозяин ничего не видел даже с заклинанием отвода глаз. Слишком сильно был занят упирающейся девушкой.

— А ну угомонись! — рычал он. — Лярва! Столько денег на тебя потратил. Отрабатывай бесплатные ужины!

Гостья снова застонала, а я встала у неё над головой и вытянула руку.

— Горацим деи.

Получилось вслух. Не до красот безмолвного колдовства, высшего умения таких мастеров, как Карфакс. Зато получилось. Хозяина ураганом сорвало с кровати. Он потащил за собой визжащую девушку и врезался спиной в шкаф. Мгновение не-леди барахталась на бесчувственном теле, а потом встала. Времени у меня не осталось. «Отвод глаз» невозможно держать вечно. Я в три шага оказалась рядом, с силой дёрнула её за руку, вложила свиток в открытую ладонь и сбежала.

— Проклятье, проклятье, — бормотала, перепрыгнув через Генриха, — проклятье, — уже на улице и по дороге к замку.

Несколько сломанных стульев и треснувший шкаф не беда. Колдовское представление — вот, что хуже. Да, гостья поверит, что письмо написал именно Карфакс, что он был в трактире и спас её. Но точно так же поверят все. Городские, деревенские, ушлые, пришлые, залётные, перелётные. Недели не пройдёт, слухи разлетятся. И даже если до сегодняшнего вечера за голубым шаром Карфакса никто не охотился, то теперь мы по-настоящему влипли.

— Ох, беда, беда, — заныла я и припустила по дороге быстрее.

Совесть, что самое обидное, не так уж сильно глодала. Стоило ли спасение девушки от насильника грядущих неприятностей? Я считала, что стоило. Ни на миг не сомневалась. А ещё приятно было. Самую малость. Будто щекотал кто-то за живот. Я смогла! Я победила! А к войне мы и так готовились. Чего теперь убиваться?

Новая мысль заставила остановиться и счастливо отдышаться. Всё же получилось, ну! Злодеи наказаны, письмо в руках не-леди, Нико засел возле заброшенного дома и ждёт. «Золотой тебе, Мери, за усилия». Можно, конечно, и нагоняй за представление в трактире, но похвалу я тоже заслужила. Так что до замка дошла уже спокойно.

Во дворе горел фонарь у стены кухни, да в западной башне светилось окно. Карфакс читал, наверное. Ужин я пропустила. Придётся доставать остатки каши, разогреть и подавать с чёрствым хлебом. Но сначала показаться пред хозяйские очи и доложить, что поручение выполнено.

По лестнице я поднималась, придерживая юбки. До сих пор смотрела под ноги на каждом шагу, хотя замок за последние дни стал выглядеть лучше. Трещины затягивались, исчезнувшие камни возвращались на место. Ещё пара недель, и лестница станет окончательно похожа на целую, нормальную, недавно построенную лестницу, а не на обглоданную краюшку хлеба, с которой упасть — раз плюнуть. Шею можно сломать, ноги.

— Господин колдун, — я дошла до спальни Карфакса и постучала в дверь, — к вам можно?

— Да, входи.

Протиснулась я бочком и замерла на пороге. Испугалась так, что шагу не смогла ступить. Колдун лежал в ванне! Сам вытащил её из-за ширмы на центр комнаты, наполнил водой из колодца, вскипятил пару ведер в очаге на кухне, выстлал дно простынями и улёгся! Вот дела.

— Зачем? — простонала я. — Господин Карфакс, это же моя работа! Предупредили бы загодя, я всё приготовила и потом пошла в трактир! Ну нельзя же так.

— Можно, — тоном абсолютно счастливого человека ответил колдун. В ванне лежал, свесив длинные руки с бортов и высоко запрокинув голову. Глаза не открывал и улыбался блаженно. — Три года, пока торчал здесь, мечтал о ванне. Думаешь, я вытерпел бы полдня? Не-е-ет...

Я рассмеялась, заразившись его настроением. Хорошо было Карфаксу, да. А я впервые разглядывала его руки без слоёв одежды и длинные волосы с проседью. О, они стали гораздо темнее, молодость возвращалась к колдуну. Морщины на лице исчезли, мышцы под кожей налились буграми. Он и раньше восхищал меня мужской статью, а теперь к природной силе добавилась красота.

«Порода», сказала бы бабушка. Лорд Роланд Мюррей походил на повара Питера так же как певчий соловей на дворового петуха. Я не знала, что именно накладывало такой отпечаток: магический дар или годы жизни в роскоши. Длинные волосы точно были данью прошлому. Тогда считалось, что только богатый человек способен тщательно за ними ухаживать. Карфакс их уже вымыл и зачесал пальцами назад.

— Кипяточку подлей, пожалуйста, — промурлыкал колдун и вытащил из воды ноги. Теперь лежал совсем свободно. Едва помещался в ванне, свисал со всех бортов, но ему было наплевать. Позавидовать, что ли? Не стоит, наверное. Мне до такого удовольствия, как до соседнего города пешком.

— Вода остыла, — расстроено сказала я, прикоснувшись к ведру, — сейчас схожу на кухню, подогрею и вернусь.

— Стой, — приказал Карфакс и всё-таки открыл глаза. — А магия тебе на что? Поставь ведро на пол и вскипяти в нём воду. Помнишь, я описывал в дневнике процесс кипения? Вода прекрасно поглощает энергию. Прочитай над ней заклинание огня.

Ладно, раз уж не получилось поставить ванну, то хотя бы поучусь. Я склонилась над деревянным ведром и вспомнила ощущение жара в груди. Интересно, а если ненароком подожгу пол в спальне, замок залатает чёрную проплешину? Старостью такой ущерб уже считаться не будет.

— Мери, не отлынивай, — фыркнул Карфакс и опустился в ванне ниже, — читай заклинание.

То, что его не смущало моё присутствие, это нормально. Да, лорды предпочитали мужчин личными слугами. Постельничьими, как мы их называли. Но и женщин не прогоняли. Надев фартук служанки, я теряла свой пол. Никого не волновало, что я думала о теле колдуна и о его обнажённом мужском достоинстве. Не положено мне было думать. Скоро придётся мочалкой спину Карфаксу тереть. Сам-то он не дотянется. Такая же работа, кстати, как всё остальное. Вот только ноги у меня почему-то задрожали.

Вспоминалось то своё нетронутое естество, то крики не-леди в трактире. Её лицо, искаженное одновременно ужасом и злостью. Нет, Карфакс ничего лишнего себе не позволит. Во-первых, он не такое грязное животное, как хозяин трактира, а, во-вторых, он мне обещал.

— Гранулолс вивариус, — подсказал заклинание колдун. — Или ты хочешь, чтобы я замёрз?

— Никак нет, господин.

Ощущение жара всё ещё теплилось в груди. Я провела ладонью над водой и пробормотала заклинание. Вроде не пыталась разнести ползамка, а получилось сильно. Ведро заплесало и перевернулось.

— Ай! — взвизгнула я, поднимая юбки.

— Ну вот, — расхохотался колдун, — заставили бурю удержаться в стакане воды. Ноги хоть не обварила?

— Нет. Но вода тёплая.

— Уже хорошо. Не руби с плеча, чётко отмеряй силу. Сейчас это главное, чему тебе нужно учиться. Смотри.

Колдун поднял руку над ванной и за его пальцами потянулись струи воды. Через мгновение тоненькие ручейки слились в ровный комочек, будто ребёнок зимой снежок на улице слепил. Карфакс подбросил его в воздух и поймал.

— Здорово, но сложно, — вздохнула я. — Лучше ещё раз попробую воду вскипятить.

— Как хочешь.

Колдун снова расслабился, а я над вторым ведром ещё долго пыхтела. Приходилось держать его, чтобы не улетело, а воду проверять пальцем.

— Как всё прошло в трактире?

Вот он, намёк на признание. Выдавать правду или нет? Я замешкалась, но решила, что хуже не сделаю, если немного попридержу новости.

— Я отдала письмо, как вы приказали. Брата к заброшенному дому отправила. Утром он придёт в замок с докладом.

Тогда и скажу, клянусь! Не стоит портить колдуну настроение. Да и неизвестно ещё ничего. Может, леди так испугается, что сбежит, и мы больше о ней не услышим. А гости трактира примут летающие стулья за видение с перепоя. Призрак же! Точно! Можно всё свалить на призрака из заброшенного дома. Я окончательно расслабилась, и даже с заклинанием удалось справиться. Вода забурлила.

— Отлично, — пробормотал Карфакс, когда я добавила в ванну кипяток. — Всё идёт по плану, теперь просто ждём. И о другом деле. Я второе письмо написал, отнесешь его завтра городскому главе. Там извещение о прибытии в замок Альберта Мюррея. Имя я сегодня придумал. Назовусь собственным внуком и верну земли по праву наследования.

Я застыла, облокотившись на борт, и хлопала глазами. Что он задумал? Что за колдовские проделки? Разве не опасно вот так ворошить прошлое?

— Мы тут шар прятать вообще-то собирались.

— Шар в земле, — ответил колдун, поднимая над ванной две пригоршни воды. На этот раз он сделал рыбок и гонял их по кругу друг за другом. — А старика Карфакса больше нет. Я слишком сильно помолодел. Обрежу волосы, переоденусь в то, что сейчас носят и заявлю права на замок. Родовая печать есть, завещание от имени Роланда я напишу. Потом отсчитаю необходимое количество пра-пра-пра и включу Альберта в генеалогическое древо.

Я поджала губы и надолго задумалась. С одной стороны, налоги — это хорошо. Подвода с золотом от всех окрестных градоначальников залатает дыры в замковых стенах даже быстрее, чем голубой шар. А если затребовать долг за триста лет, то вообще озолотиться можно. Но с другой стороны...

— Новый лорд будет против. Он не поверит в наследника. К каждой букве в бумагах начнёт придирааться. Кому охота терять земли? Он слишком долго считал их своими. Нет, не отдаст.

— А ты его очаруй, Мери, — расхохотался колдун и толкнул ко мне одну из водяных рыбок. Я еле увернулась. Не то стояла бы уже мокрая. — Бьюсь об заклад, он захочет на меня посмотреть. Сравнить лицо наследника с портретами предков. Соль с собой привезёт, чтобы защититься от колдовства. За триста лет из всех средств только она осталась. Засыплет тут тебе всё. Так ты ему и объясни, что не надо.

— А почему я?

Вторую рыбку колдун тоже нацелил на меня и заставил плавно плыть по воздуху. Окатить бы его водой с ног до головы, чтобы не придумывал ерунды. Очаровать, как же. Где я, а где новый лорд? Он молодой совсем. Его отец на охоте с коня сверзился и шею повредил. Теперь сын всем владел. И хватка у него, говорят, железная.

— Потому что ты юная, привлекательная девушка, — с какой-то странной интонацией ответил Карфакс. — Заподозрить в тебе матёрого колдуна совершенно невозможно.

Рыбка подлетела к моему лицу и чуть не ткнулась в нос.

— Мне обижаться или радоваться? — Ведро рядом, но рыбка ближе. Я зачерпнула совсем немного силы и толкнула её обратно к Карфаксу. — Я ведь умею колдовать.

— Докажи.

Карфакс остановил рыбку в воздухе, сделал из неё шар и добавил ещё воды. Он мне вызов бросил? Хорошо. Силы я вложила побольше, намереваясь смыть самодовольное выражение с лица колдуна. Пусть обтекает. «Горацим деи», ага.

Удар получился хлётким, шар пошёл волнами, но к Карфаксу сдвинулся всего ничего.

— Не поняла...

— Говорю же, я помолодел, — колдун хохотал так, что вода в ванной плескалась. — Сила вернулась. Теперь мы с тобой равны. Защищайся.

Я еле успела пробормотать заклинание во второй раз. Шар расплющился об щит, брызги полетели в лицо, но сгусток воды никуда не делся. Гадство. Ну держитесь, господин Карфакс, сухим точно не останетесь.

В новый удар я вложила всё, что у меня было. Так жажнула, что воздух вокруг ванны прогрелся, а в груди нестерпимо жгло. С водяным шаром творилось что-то невероятное. Серебристые струйки в нём переливались, как нитки в туго намотанном клубке. Я отвлеклась, расслабилась и пропустила ответный удар.

— Горацим деи, — прошептал колдун, обрушив на меня всю воду, что была в воздухе.

Остывшую колодезную воду с горьким привкусом поражения. Платье намокло и потяжелело, на полу растекалась лужа. Вот тебе и ванна, будущая колдунья. Ну как? Нравится?

— Прости Мери, — сказал Карфакс, когда я протёрла глаза. — Не думал, что получится так много.

— Ничего.

Вышло ворчливо, но сил улыбаться уже не было. Лиф платья промок, хоть выжимай. А я ведь вниз одну тонкую рубашку надела. Думала, что бежать от трактира придётся, ни к чему в тряпки кутаться. Ох, не нести же с собой эту воду. Я плюнула на всё и руками принялась выжимать ткань.

Грудь могла быть и поменьше, куда мне столько? Мнёшь её, мнешь. Сосцы ещё от холода затвердели и торчали из-под платья. Но вроде не видно, я ж руками.

— Мери, — хрипло позвал Карфакс, и я подняла голову.

Колдун сидел в ванне, выпрямив спину. Глаза блестели ярче звезд, и тянуло от него чем-то приторным, будоражащим. Я бы даже не посмотрела вниз, в ванну, но Карфакс сам прикрыл ладонью естество между ног.

Жарко стало пуще, чем от колдовства. «Чего я там не видела?» уже не работало. Четырёх братьев с младенчества пеленала, но чтоб взрослый мужчина... никогда. Это он на меня так отреагировал? Это я виновата?

От стыда дыхание перехватывало. Мокрое платье хуже тисков, из него не вырваться, от себя не убежать. Чем думала, дура? А сейчас почему стояла? Мало было?

— Простите, господин, — простонала я и бросилась прочь из спальни.

Сердце гулко стучало, ступени ушли из-под ног, я чуть кубарем не покатила. Каменный мешок, а не замок. Зачем его построили таким большим? Коридоры, коридоры, окна, повороты, камни, камни. Я заблудилась и не помнила, как оказалась в подвале. Платье снять не получалось. Прилипло ко мне проклятое намертво, хоть криком кричи. Я рычала и дёргала мокрую ткань, а потом разрыдалась.

Что теперь будет? Конец всему? Карфакс решит, что я специально хотела его охмурить и выставит за дверь? Не нужна навязчивая прислуга, недостойная. Таким, как я, место в трактире среди сальных шуточек гостей. Чтоб за зад шипали, ага. Святые предки, какой позор!

«Мери, — слышался мне голос колдуна и его тяжелые шаги за стеной. — Давай поговорим».

Слышался, но не звучал. Колдун остался в спальне. Много чести что-то со мной обсуждать.

«Подотри сопли, — приказала бы бабушка, — и работай. А то на самом деле выгонят». Она права, но сил подняться я не находила. Ещё немного поукоряю себя и точно встану. Ноги моей больше не будет в господской спальне, когда колдун там. Пусть жалования лишает. Хватит с меня одной ванны. Накупались! Оба!

Глава 8. Тайна призрака

До утра я играла в интересную забаву «будь полезной служанкой и не попадайся на глаза господину». Умудрилась подать ужин, ни разу не встретившись с ним. Всё время пока Карфакс ел, нарочито громко скоблила пол в библиотеке, переставляла книги на полках. Наверное, он ждал меня. Сидел за столом слишком уж долго. Выговор хотел сделать или уволить — я не дала ему шанса. Уже на рассвете убрала посуду в пустой гостиной и без сил рухнула спать.

Через пару часов меня разбудил голос Нико. Брат пришёл к замку, как условились, а во двор попасть не смог. Разлом в стене затянулся. Теперь для приёма гостей оставались главные ворота, но с их механизмом я бы сама ни за что не справилась. Слишком тяжелый, да и ржавый. Не провернёшь. Проще ходить через крошечную калитку для слуг. Проклятье, нужно было сказать о ней Нико!

— Ме-ре-дит! — раздавалось на всю округу. — Ме-ре-дит!

Святые предки, что ж он так орал? Карфакс спал не больше моего. Сейчас рассвирепеет и не глядя жажнет в окно магией. Достанется брату. Ладно, если заклинанием щита на землю опрокинет, а вдруг огонь пошлёт? Ох, пора бежать.

Платье я и в лучшие времена не могла быстро надеть, поэтому плюнула на приличия, запахнула халат и рванула по лестнице вниз. Нико успел охрипнуть, пока я считала повороты в коридорах, но к счастью не пострадал.

— Не ори, — зашипела я, открывая дверь, и вышла из стены в десяти шагах от брата.

— Мередит, — повторил он не намного тише. — А я думал, ты меня кинула с золотом. Принимай работу.

— Сюда иди! Я предупреждала, что дело секретное...

— Ну ты спать, — Нико добрался до меня вразвалку и по дороге пнул пару камней. Хулиган малолетний. Совсем его мать распустила. — Мы там всей толпой переживаем, как «Мери упахалась в замке», а ты...

— А я тебя за уши оттащу...

— Ещё и в халате...

— Нико!

— Ладно-ладно, по лицу вижу, что легла недавно. Вон вся опухшая. Я тоже ночью не спал. Есть, что рассказать, пойдём.

Брат за мгновение стал серьёзным. Почесал в затылке, огляделся по сторонам и юркнул мимо меня в калитку.

Я отвела его на кухню. Во-первых, кухня была по-прежнему самой обжитой комнатой во всех дворовых постройках, а во-вторых, завтрак сам себя не приготовит.

— Рассказывай, — велела я, надев поверх халата фартук и взявшись за нож.

— Сначала я сидел тихо, — Нико облокотился на стол и хмуро следил, как я шинкую овощи. — Аккурат до первой звезды не высывался из кустов и боялся, что от зевоты свихну челюсть. Уже слёзы из глаз катились. Ну ты знаешь, как бывает. Занудные бабушкины наставления вместе со мной слушала.

— Ага, помню. Ты есть будешь? Каша со вчера осталась. Она не хозяйская, не волнуйся, специй я не сыпала. Холодная только.

— Сойдёт. Буду.

Нико с радостью уселся на табурет и шумно пододвинулся к столу.

— Горох положить?

— Он лущёный, что ли? Давай я сам с грядки нарву, если можно. Жалко твой труд.

— Ешь, — улыбнулась я, сервируя стол. Кашу поставила прямо в кастрюле, положила ложку, два ломтя хлеба и отдельно поставила миску с колдовским горохом. Нельзя Нико на огород. Он там такое увидит, что сразу о призраке в заброшенном доме забудет. — Ешь и рассказывай.

Брат прекрасно умел делать и то, и другое. Пока стучал ложкой по тарелке, в красках описывал каждый шорох и писк полевой мыши.

— Пару раз помянуть тебя недобрым словом успел, Мери. Думал, ты поиздеваться надо мной решила. Голяк же полный. Но тут фонарь вдалеке показался. Призрак, ити его за ногу! Белый-белый, тощий-тощий и воет хуже зверя лютого. Я аж проверить полез — не наложил ли в штаны со страху? Так трясся, что кусты качались. Призрак подплыл ближе, ещё ближе...

— Не томи, Нико, уже мне страшно.

— Да баба там была. Девушка. Шла и рыдала, а мне чудилось, что выла. Рубашка рваная на ветру развевалась, волосы летали. Ты хоть халат надела, а она в исподнем по пригорку шла.

— Ох, мамочки, поругалась с кем-то? Ты её узнал?

— Нет, она точно не из наших. Была бы Лиза или Клара какая-нибудь — плюнул и убрался восвояси, но она чужая. Тащила ещё в руках комок чего-то тёмного. Я сколько не приглядывался — не понял, что такое.

Нико доел кашу и взялся за горох. Пока пережёвывал его тщательно, я думала.

Уж не моя ли это знакомая из трактира? Одежду на ней хозяин порвал, это точно. В руках она могла платье нести, а рыдать из-за случившегося. Неужели хозяин очухался и закончил начатое? Мерзавец!

— Дальше что было?

— Да ничего, — Нико пожал плечами. — Почти. Она в дом зашла, и тут я понял, откуда взялся призрак. Фонарь. Но мы ж не дураки, чтобы не признать его всей деревней, правда? Хотя за Ганса я бы говорить не стал. Так вот был фонарь, обычный, жёлтый, а стал синий. — Брат руками показал, будто моргает. — Шморг, шморг и ага. Зловеще так, аж жуть. Если б я девуцу не заметил, точно бы обгадился от ужаса. Она ж выть опять начала. Ау-у-у.

— Понятно, — я сложила овощи в миску и села на второй табурет. Синяя тряпка на фонаре и плачущая девушка всех напугали. — Больше к дому никто не приходил? Мужчины какие-нибудь? Стражники?

— Нет. Она ж мне спать не давала своими страданиями. Я только харю сплешу, как «Ау-у-у-у. Хлюп, хлюп». До утра промаялся, но больше никого не заметил. Одна она там. Если хочешь, вторую ночь просижу, — Нико улыбнулся, — за отдельную плату.

— Нет, — я достала золотой из кринки и протянула брату. — Спасибо, ты очень помог.

Монету Нико вынул из моих пальцев очень осторожно. Повертел её, поразглядывал, потом хмыкнул и спрятал в карман.

— И всё-таки поговори с колдуном. Девушка не из наших, спектакль с изгнанием призрака может выгореть. Я бы помог. Поговорил с ней, например, чтобы вы не светились.

— Ловкий какой, — поддела я брата, — призрак увидел, чуть в штаны не наложил, а теперь вперёд повозки с лошастью бежишь?

— Да не опасная она. Обычная девчонка. Бросил её кто-то, обрюхатил, наверное, вот ей домой и стыдно идти.

— Много ты понимаешь.

За «обрюхатил» я хотела отвесить подзатыльник, но брат увернулся. А мысль стоящая. К колдунам раньше ходили не только за магическими артефактами, но и чтоб дитя неудобное в утробе извести. Но тогда я не понимала, как не-леди оказалась в комнате хозяина трактира. Обманутые девушки долго мужчин стороной обходили. Всеми правдами и неправдами старались держаться от них подальше. А эта настолько глупа, что дважды на одни грабли наступила? Нет, так не бывает.

— Домой иди, — велела я брату. — В следующий раз если позову, то двор мести или дрова колоть. К призраку больше ни ногой. Понял?

— Ну, Мери, ну не трус!

— Иди, я сказала! Маму поцелуй, Клауса, Грету. И выпипись, как следует.

— Тебе тоже надо, — Нико встал из-за стола и порывисто меня обнял, — сестрёнка.

Я махнула рукой ему вслед. Дорогу из замка брат и без подсказок нашёл.

С завтраком провозилась долго. Успела переодеться, приготовить три блюда, позволить им остыть, а ноги по-прежнему не хотели нести меня к колдуну. Со двора я видела башню с хозяйской спальней. Окно Карфакс не открывал, занавески не раздвинул и вообще будто бы не просыпался. Может, заболел? Да нет, вчера здоровым выглядел. Даже слишком. Я до сих пор краской стыда заливалась, стоило вспомнить, как рукой прикрывался. Надо же было настолько помолодеть, чтобы разглядеть во мне женщину. С одной стороны, это приятно. Вчерашняя паника ушла, утром я посмотрела на приключение с водой другими глазами. Даже воспоминания изменились. Теперь вместо собственного «Что я натворила?» звучал шепот Карфакса. Его низкий голос с совершенно мужскими нотками. Одно имя, «Мери», а у меня волна дрожи по телу пробежала. Но с другой стороны, всё, что я чувствовала, мне запрещалось.

Как теперь работать? всю жизнь от колдуна в замке прятаться? Молча носить ему еду, подгадывать время для уборки? Воровать из комнаты письма, написанные городскому главе? А про заброшенный дом, Нико и призрака как рассказать? Чёрт с ним, с признанием о магическом представлении в трактире. Карфакс сам решил поведать всему миру, что он колдун. Но задание обеспечить встречу с не-леди никто не отменял. Как о нём доложить? Брать перо и бумагу? Читать-то я худо-бедно умею, а пишу отвратительно. Да и Карфакс обидится. Я его избегаю. Намеренно. Ни одному мужчине такое не понравится. Колдун уже на меня злится. Вон из комнаты так и не вышел. Хотел, чтобы я вчера осталась рядом с ванной?

Воспоминания снова затопили с головой. Я будто бы стояла в мокром платье посреди комнаты и слышала «Мери, иди ко мне». Воздух слаще патоки, жар от камина, сильные мужские руки на моих плечах, поцелуй...

— Мередит.

Я вздрогнула, вернувшись в холодную кухню. Карфакс стоял на пороге. Волосы обрезал, как обещал, но причёска не получилась. Одна сторона оказалась длиннее другой. Камзол тоже поменял. Вместо чёрного достал тёмно-зелёный. Единственный, который я успела постирать. Носила его к реке. Плащ колдун забыл в спальне, сапоги начистил. Не знай я о магическом шаре, решила бы что к господину Карфаксу родственник приехал.

— Письмо городскому главе я сам отнёс, — от вчерашних ноток в голосе ничего не осталось. Хозяин замка не просто злился, он был в ярости. — Не смог тебя утром разбудить. Как дурак полчаса топтался под дверью.

Не смог, потому что я спала на первом этаже в комнате для прислуги, а он стучался в другую. Соседнюю со своей спальней. Но меня туда ноги не донесли. Вернее, донесли, но я схватила одеяло, подушку, халат и сбежала. Плохая идея была выделить мне комнату в господской части замка. Чем дальше прислуга от хозяина, тем лучше. Особенно после мокрого платья. Я уже себе на увольнение «заработала». Ванну не убрала, письмо не доставила, завтрак вовремя не приготовила.

— Виновата, господин. Такое больше не повторится.

— Не сомневаюсь. Приходил твой брат? Что рассказал про дом?

— Наша не-леди, — начала я и проглотила следующее слово. Никаких «наше» я себе позволить уже не могла. Шутливый тон тоже. Кончилось придумывание «что делать» и обучение магии. Отныне и до конца я — безмолвная тень. Служанка. — Нико просидел под стенами всю ночь. Девушка из трактира и была тем призраком, что бродил по заброшенному дому. Одна она там. Никто за ней не пришёл и не стал помогать.

— Допустим, — ответил колдун и молчал несколько мгновений. Прохаживался по кухне, пока я стояла, опустив взгляд. — Стоило поставить ещё один пост возле трактира. Её могли встретить там, объяснить, что делать и скрыться. Или она заходила куда-то по дороге. В лавку к торговцу, например. Или, чего уж там, в ратушу к городскому главе. Не понравился мне его тон. Письмо не хотел принимать, мерзавец. С чего вдруг таким смелым стал? Забыл силу имени Мюррей? Да, Альберт пока не имеет прав, но он наследник. Эти земли принадлежат мне. Первое что сделаю, когда получу бумаги — поменяю городского главу. Распустился тут.

В гневе колдун наткнулся на стол, шкафы и дважды запнулся о корзину с овощами. Я по-прежнему молчала. Не хотела попадать под горячую руку. Пусть сам разбирается с властями. Не моё это дело.

— Пошли в заброшенный дом, — рявкнул Карфакс. — Я назначил девушке встречу, я на неё приду. Хватит прятаться. Вспоминай заклинания, Мередит. Кроме огня, щита и отвода глаз нужен паралич. Если мало упражнялась, займётся по дороге. Время, время, — колдун хлопнул в ладоши, — не стой столбом.

Вот тебе и ласковое «Мери». Получила? Поделом.

Я подорвалась, как ошпаренная, и выскочила из кухни.

Как накладывать паралич я помнила, но подходящую для тренировок жертву не нашла. Птичек жалко, по рыбкам не понятно, целиком они заморожены или нет, звери на дороге не попадались. Карфакса, конечно, хотелось шибануть заклинанием, чтобы не срывал на мне дурное настроение, но я и так была кругом не права. Колдун продолжал злиться. Шёл впереди, не оборачиваясь до самой деревни, и остановился только у забора нужного нам дома.

— Я тебе неприятен, да?

Вопрос прозвучал окриком. Я замерла, не ожидая таких слов, и глупо хлопала глазами, а колдун продолжил:

— Знаю, первое впечатление самое сильное. Ты запомнила меня стариком и теперь не видишь мужчину.

Он о чём вообще? У меня мгновенно уши запылали и взгляд сам пригвоздился к дороге. Дом окружали заросли, из окна нас было не видно, но если постараться услышать.

— Отойдём, — Карфакс был сам не свой. То рычал на меня, но поворачивался спиной, а сейчас забыл, зачем мы здесь и дёрнулся в сторону от жилища не-леди.

— Господин? — я пошла за ним.

Уж не в этих ли кустах девушку-призрака караулил Нико? Заросли в половину моего роста, а за ними деревья. Карфакс с трудом заставил себя стоять на месте. Я видела, как сжимал кулаки и кусал губы.

— Помню, что обещал тебя не трогать, но как удержаться? Давно не мальчишка, должен, а не получается. Реагирует тело. Столько лет вообще никак. Кончилось желание, я смирился. Думал, уже всё, а тут такая страсть. Ты испугалась? Понимаю. Всю ночь себя ненавидел. Двадцать объяснений придумал, три письма написал, а ты дверь не открыла.

Я стояла чуть живая и боялась пошевелиться. Оказалось, гнев Карфакса так легко перепутать со смятением. Чего было больше? И почему вообще было? Мужчины становились безумными от похоти, Анна предупреждала. Но то у простых, у равных. Хозяина трактира, повара, торговца. Лорды себе не позволяли. И уж точно потом не оправдывались перед служанками.

— Простите, господин, — пробормотала я. — Не хотела вас... расстроить.

Он обернулся ко мне. В тёмных глазах отражалось безумие. Я заметила прежде, чем снова опустить взгляд. Через мгновение он уже стоял рядом. От колдуна пахло сладостью и тянуло жаром. Всё, как в моём видении. Не хватало прикосновений и самого главного.

— Мери, — шёпот тот же самый. Я качнулась назад, но Карфакс удержал. Ладони грели даже через платье. Воздух кончился, я не могла вдохнуть. — Почему ты молчишь? Скажи хоть что-нибудь. Я совсем не чувствую, что правильно, а что нет. И ничего не понимаю, разум помутился. Я отвратителен, правда? Слишком стар для тебя?

— Нет! — я тоже не понимала, но не могла врать. Внутри разбушевалась буря, мысли путались. — Не правда. Вы такой...

Да что же слова не придумывались? Я перестала видеть мир вокруг нас, он исчез. Карфакс поглаживал моё плечо большим пальцем и тянул ближе к себе.

— Какой? Скажи мне. Мери, пожалуйста. Только не убегай, я не хочу снова всё испортить. Ты невинна? В этом дело?

Ноги подогнулись, но неожиданно стало легче. Будто камень с души упал. Я упёрлась руками в грудь колдуна и тихо ему ответила:

— Да. А теперь отпустите меня, пожалуйста.

— Хорошо, — сказал Карфакс, шагая назад и возвращая мне дневной свет. — Хорошо, я не буду торопиться. Прости за эту сцену, но иначе я бы и вторую ночь не спал. Всё в порядке, Мери, приходи в себя. Я жду возле дома.

Кивнул мне и ушёл, а я села на траву.

Действительно безумие, Анна права.

Анабель

Руки до сих пор дрожали, а на теле будто горели отметины от рук и губ грязного трактирщика. Мерзость, мерзость, мерзость! Мать говорила, что мужчины могут быть хуже животных, что они часто глупы и омерзительны, но я никогда не думала, что это действительно так. Ведь от кого-то меня она родила? А от кого не говорила. Не важно, мол, мужчины не умеют быть рядом долго — сразу пропадают. Особенно не маги. Эти ещё и мрут как мухи: быстро и бессмысленно.

Заваренный на скорую руку успокоительный чай совсем не помогал. Напротив, казалось, что это тот напиток, который мне дали в трактир перед тем, как...

Рыдания снова стали рваться из груди. Страшно. Боги, как же страшно вне леса! Здесь каждый хочет причинить вред. Там ведь было много людей и никто не вступился. Они смеялись надо мной. Смеялись над тем, что со мной хотели сделать.

Мерзость, мерзость, мерзость!

Впервые в жизни захотелось кого-нибудь проклясть. Мама учила. Многому учила, но этого оказалось недостаточно. Она просто не успела. Хотела и не смогла — угасла. «Иди к Мюррею, — шептала она в горячке. — Он не откажет в помощи. Мать говорила, скорее небо на землю обрушится, чем он сдохнет. Значит живой. Найди его, Бель».

А потом кашляла долго и натужно, успокаивалась и снова повторяла: «Иди к Мюррею...»

Я пришла туда, где его видели в последний раз. Терпеливо ждала обещанной подсказки от хозяина трактира, радовалась, что мама и бабушка были не правы: вот какой мужчина хороший. Понял, что денег у меня не так много, и кормит бесплатно. Глупая, глупая Бель!

Уснула под утро. Где-то далеко уже кричали петухи, а я только сумела смежить опухшие веки. Платье заштопала. Дорогое. На него треть маминых накоплений потратили. А вот синяки и ссадины смазать было нечем. Под рукой не оказалось ингредиентов даже для простенькой заживляющей мази. Зря я не взяла с собой трав. Посчитала, что огромная сумка на плече выдаст с головой моё простое происхождение и лорд Роланд Мюррей не захочет разговаривать. «Он заносчив, — предупреждала мама, — и временами совершенно невыносим. Но ты найди его. Найди обязательно».

В дверь постучали. Сквозь сон показалось, что один из петухов подлетел к кровати и долбанул меня клювом прямо в темечко. Я хотела отбиться. Вздрыгнула, махнула рукой, и в дверь постучали ещё раз.

На языке крутились мелкие вредные проклятия, но сдерживаться я умела. Одеваться быстро тоже научилась. Когда живёшь в лесу этому вообще сразу учишься. Причесалась, волосы повязала лентой. Как одеваются благородные? Я понятия не имела.

Дверь открыла рывком, зажимая в другой руке какое-то полено. Дом, в котором я ночевала, был старым. Двери скрипели, потому я ждала чего-то особенно зловещего. Если трактирщик — сразу получит в лоб и по лбу, да по несколько раз. Замахнулась что надо. Но притормозить удар успела.

Нет, это был не трактирщик.

Высокий, широкоплечий мужчина с цепким взглядом. Смотрел удивлённо, будто ожидал встретить вместо меня тетерева в сорочке или гуся с галстуком.

— Добрый день, — буркнула себе под нос, швырнула полено куда-то за спину и снова посмотрела на гостя. Он как-то знакомо хмурился, высверливал меня взглядом и долго молчал. — С чем пожаловали?

— Я назначил здесь встречу юной особе из трактира. Написал ей письмо. Вы служанка?

— Я — особа, — не совсем уверенно ответила, раздумывая, как могла так сглупить. Сама же вчера радовалась приглашению мага. Да еще и после спасения. — Можно подумать, вы не узнали. Вчера я, правда, рыдала и брыкалась, но за ночь не сильно изменилась.

Жестом пригласила гостей внутрь. Мужчина шёл впереди, а за плечом его — девушка. Потерянная, будто ей только что сообщили, что земля круглая. Что ещё бросилось в глаза, так это одежда мага. Возможно, он просто очень богат, но я никогда не видела такого кроя. Он выглядел... Странно. Но достойно. Нет! Благородно. Вот то слово, которое больше подходило.

Я смотрела на него и пыталась понять, таким ли я его представляла, когда слушала наставления матери. Нет, явно моложе. В моих мыслях он выглядел не таким взрослым, не было седины в волосах и даже намёка на морщины. Откуда морщины у мага, в самом деле?

— Итак, вы нашли колдуна, — Роланд Мюррей сел на единственный в комнате стул, не дожидаясь

моего приглашения. Девушка осталась у него за спиной. — Я вас слушаю.

Слова мигом выветрились из головы. Совершенно забыла, что хотела сказать, а ещё язык прилип к небу и челюсть свело. Глупости. Просто страх. А чего бояться? Нечего. Обычный мужчина. Он ведь даже смотрит по-человечески. Да и спас. Стал бы он меня спасать, если бы был плохим человеком? А, может, он и сам всё знает? Если это вообще он...

— Я маг, — выдохнула, будто в прорубь нырнула. Окунулась сразу с головой, а теперь пыталась выплыть обратно на поверхность. — Слабенький, активных сил почти нет, да и те использовать не умею. Но большой запас пассивной энергии, есть знания и навыки работы с травами. Снадобья, зелья, лечебные мази... Мама сама меня всему учила. А когда совсем плоха стала, велела найти Роланда Мюррея, потому что он едва ли не единственный выживший маг. Я... Вы... не могли бы взять меня в ученицы? Я пока не в состоянии много заплатить, но отдам всё, что есть.

Детское желание зажмуриться в ожидании ответа пришлось подавить. Правда, с трудом получилось. Всегда ведь так раньше делала. Спрошу у мамы что-то, а потом закрываю глаза, страшась, что велит не болтать о пустяках и думать головой сначала.

— Маг, — Роланд Мюррей уронил слово, будто тяжёлый камень. Девушка за его спиной впервые оттаяла и подняла на меня взгляд. В нём тоже промелькнула какая-то неведомая сила. Или я уже разум потеряла от волнения? — Признаться, не ожидал, — гость отклонился на спинку стула и положил ногу на ногу. — Мама учила? Ещё удивительнее. Где же вы жили? Нет, подождите, не отвечайте. Чтобы мы не тратили время зря, продемонстрируйте умения. Вы же маг? Заклинание «горацам деи» должны знать. Видите девушку у меня за спиной? Её зовут Мередит. Ударьте её заклинанием щита. Толкните силу вперёд. А я отойду в сторону, чтобы не мешать.

Маг действительно встал со стула и прижался спиной к стене. В тесном доме отчаянно не хватало места.

Я всё-таки зажмурилась, задышала тяжело. Не поверил. Конечно, не поверил, магов совсем мало осталось. И что теперь, действительно доказывать? Объяснила же, что толком ничего не умею.

— Я боюсь навредить. Сил немного, но и их нужно направить правильно, иначе вся мощь в один удар и утекает. Не знаю, что с этим делать, — наконец призналась я. — Давайте хотя бы не на Мередит? Могу стол с места сдвинуть или стул ударить. А применять магию против человека — последнее дело. Если бы я не боялась нанести вред, вам бы меня не пришлось спасать.

— Я в замешательстве, как вы вообще попали в ту ситуацию, — маг приподнял бровь, — Неужели матушка не учила остерегаться мужчин? Но мне сейчас нет дела до ваших страхов. Если хотите учиться, то должны в точности выполнять все указания. Я приказал ударить Мередит заклинанием щита. И поверьте, если причините ей хоть какой-то вред, то я сразу же поведу вас в библиотеку замка. Читать древние фолианты. Вперёд. Давайте, я хочу на это посмотреть.

Я поджала губы, выдохнула почти зло. «Матушка не учила вас остерегаться мужчин?» Матушка научила меня тысяче и одному способу, как закопать труп в лесу, чтобы его никто не нашёл. А ещё научила варить суп из мухоморов. Собственно, после него трупы и предполагалось закапывать... Спасибо, что не человеческие, конечно, но наглого енота тоже было жалко.

Нет, остерегаться мужчин меня никто не учил!

Магия грела изнутри, как бабушкина настойка, покалывала на кончиках пальцев, обманчиво послушная.

— Надеюсь, не мне вас лечить потом придётся, — извинившись своеобразным образом, я постаралась тихонько ударить Мередит щитом.

«Горацам деи», — мысленно прочитала заклинание, пассом руки направила поток и как всегда лишилась всего резерва сразу.

Лёгкий ветерок всколыхнул старые рваные шторы, но и только. Я, не веря своим глазам, стала мысленно производить расчёты, но быстро плюнула на это.

— Невозможно! Я правильно обозначила вектор, удар должен был смести её к стене! Магическое поле взволнованно, вы это должны видеть. Но мою магию... Как будто что-то сожрало! Здесь накопитель? — Ответа я не ждала, продолжала сама искать. Шарила взглядом по фигуре Мередит в поисках амулета-накопителя и не находила его. Пока глаза девушки не выдали магическую искру. Едва заметную, но я успела разглядеть. — Она тоже? Тоже маг, да?

Вот теперь стоять на месте я не могла. Подошла ближе, взяла за руку и, не обращая внимания на слабость, пустила импульс в тело новой знакомой. Мередит улыбнулась от приятной щекотки, а я получила ответ на свой вопрос. Да, да, да! Боги, она тоже была магом!

— Так нечестно! Почему вы скрыли?! А что это за щит? А как так получилось, что он магию мою поглотил? А ты её теперь использовать можешь? Хотя нет, наверное, она же инородная, тело отторгнет, да?

Я чуть не подпрыгивала на месте от бурлящих эмоций. Восемьдесят лет изо дня в день мне повторяли, что я последний маг женского пола! Восемьдесят лет! А, оказывается, нет, совсем нет! И если Мередит маг, значит, может быть ещё много других? Целый город... Нет, о нем бы мама рассказала. Но ведь кто-то ещё должен быть?

Я обернулась на Мюррея и сполна насладилась его ответным удивлением. Мужчина улыбался, как-то тепло глядя на мои нелепые попытки узнать всё и сразу. Стало не по себе, я отпустила руку Мередит и зацепилась взглядом за пол. Надо было помыться хотя бы вчера, неудобно. Пусть дом чужой, но такая грязь ни одну девушку не красит.

— Вы видели, что я маг, — пришлось говорить снова, потому что Роланд молчал и продолжал смотреть. — Теперь верите? Возьмёте на обучение?

— Я подумаю, — осторожно ответил он. — Ожидайте здесь. К вечеру я пришлю ответ. И последний вопрос. Как зовут вашу мать? И об отце мне хоть что-нибудь расскажите.

— Мать звали Кейтилин. Про отца не знаю. Либо сбежал, либо помер — мама по-разному всегда говорила. От него мне даже имени не осталось, — оттароторила, словно меня подгоняли. — Как долго мне ждать? До заката? Если вы откажете, мне нужно будет уходить. Здесь мне... не рады. Почему-то.

— Здесь, — Роланд Мюррей обвел взглядом комнату заброшенного дома, — точно нет. Да и в трактире тоже. Ждите до заката. Может быть, я решу быстрее. Мередит, прощайся. Мы уходим.

Девушка-маг кивнула и ушла так же молча, как стояла в углу комнаты всё это время. У меня до сих пор дрожали руки. Столько лет ждать встречи — и вот она случилась.

И что? Что дальше?

— Кстати, — колдун обернулся уже в дверях. — Вы так и не назвали своё имя.

— Анабель, лорд Мюррей. Меня зовут Анабель.

— Хорошо.

Он склонил голову в лёгком полупоклоне и вышел из дома.

Глава 9. Колдун-учитель

Мерedit

Такого никто не ожидал. Не-леди — колдунья! С ума сойти. Я долго верила, что она изображает приманку, а теперь как?

— Чужого присутствия вокруг я по-прежнему не чувствую, — тихо сказал Карфакс, раздвигая кусты. — Специально несколько раз обошел вокруг дома. Ни единой искры магии. Колдунов моего уровня так в ловушку не загоняют. Тут всё должно быть утыкано артефактами. Хотя бы самыми простыми. Но в окрестностях пусто. И эта девушка. Анабель. Она вообще не колдовала, пока ждала нас.

— Это странно?

— Необычно. Магия хуже вина. Когда долго пьёшь из источника собственной силы, остановиться уже не можешь. На любую мелочь найдётся заклинание. Ведро с водой от колодца становится лень донести. Да чего там ведро? Мы с колдунами когда за столом встречались, куски жареного кабана друг другу по воздуху передавали. Лень было встать и потянуться к блюду. А тут восторженная девица, чуть не запрыгавшая до потолка, когда её удар разбился о твой щит. Кстати, Мерedit, прими моё восхищение. Поставить щит-зеркало, чтобы отразить удар всего лишь первый уровень. А ты вышла на следующий. Полностью поглотила чужую магию. Хорошая работа.

Услышав, как Карфакс науськивает на меня молоденькую колдунью, я думала совсем не об уровнях заклинания. «Её зовут Мерedit. А теперь деритесь. В бой, девочки, я хочу на это посмотреть». Весело ему было, да? Ярмарочные бойцы кулаками машут на потеху публике, а мы ведь могли покалечить друг друга. Я испугалась и как безумная повторяла: «Лишь бы назад не отскочило, лишь бы не отскочило». Такое чувство, что магический шар услышал моё желание и помог исполнить. А сама я понятия не имела, как там выстроились потоки силы. Зеркало, поглощение... Тёмный лес.

— Спасибо, господин колдун, — тем не менее ответила я на похвалу.

— Не за что. Какой вывод делаем? Анабель сказала правду?

Кто ж знает? Из беды в трактире её никто не спас, мне пришлось. Дом пустой, подмоги рядом нет. Сейчас мы развернёмся, уйдём, Анабель встретит закат, поймёт, что колдун отказался её учить и уберётся восвояси. Всё, история закончена. Не-леди ни разу не заикнулась о голубом шаре-артефакте. Но это мог быть хитрый ход.

— Она рвётся в замок. Там книги, золото, сокровище в кладовых и кое-что закопанное...

— Я помню, — остановил Карфакс. — И ты права про замок. Если Анабель действительно дочь колдуньи и мать рассказывала обо мне, то она знает наши порядки. Ученик живёт в доме учителя. Ест с ним за одним столом, одевается у одного портного. Книги, свитки, перья для записи заклинаний — всё должен покупать я. Живи мы триста лет назад, я написал бы её отцу и предложил разделить расходы. Всё же его дочь получает бесценные знания. Благородный лорд не посмел бы отказать. А некоторые, не дожидаясь писем, сами отправляли подводы с золотом и добром вдогонку за детьми, поступившими на обучение. Но я не знаю, кто отец Анабель. Мне даже её мать не знакома. Кейтилин. Кто она? Одна из потомков лесных отшельников? Или такая же, как ты? С внезапно проявившимся даром.

— Кто тогда учил саму Кейтилин?

— Вот именно. Я скитался, остальные умерли. Значит, отшельники.

— Хорошо. Значит, мы ей верим?

Колдун не спешил отвечать. По траве не топтался, кусты не тревожил. Смотрел на заходящее солнце и думал.

Ещё одно прожорливое брюхо мы в замке не потянем. Золота мало, а колдовской горох придётся уничтожить вместе с огородом. Не видать мне откормленных магией цыплят, молодых телков, растущих, как на дрожжах. Здравствуй, чёрствый хлеб и колодезная вода. Ага. Воды тоже не будет. Она у нас появилась благодаря магии. А из-за гостыи Карфаксу придётся выкопать шар и перепрятать далеко-далеко.

Ох, а кто будет вместо голубого артефакта чинить каменную кладку и латать дыры в старых гобеленах? Я не справлюсь без его помощи. Шар вытворял с замком то, что называлось красивым словом «возрождать». И Карфакс снова постареет.

«А ведь это мысль!» — я чуть не подпрыгнула на месте, совсем как восторженная Анабель. Если проснувшаяся мужская сила угаснет быстрее, чем вода уйдёт из колодца, то прятаться от колдуна больше не понадобится. У нас всё станет как прежде. Песни у клавесина, занятия магией. Да и на вторую ученицу Карфакс хорошо отвлечётся. Она уже не сходила у него с языка. «Анабель, Анабель».

Но тут кольнуло болью где-то под сердцем. Колдун тогда совсем обо мне забудет. Кому нужна служанка, когда рядом дочь леди? Да, она жила отшельницей, но кровь никуда не делась. Вон в ней сколько силы, а я еле-еле удержала удар щитом. Несколько занятий вместе и начнётся: «Мери принеси, Мери подай. Пошла прочь! Не мешай». И Анабель я тоже буду прислуживать? Расчёсывать по утрам волосы, шнуровать платье? Постель им с Карфаксом стелить свежую.

Проклятье, куда меня опять мыслями понесло? Она совсем девчонка. Моложе меня. Как Елена, наверное. Или как Нико. Ручки тонюсенькие, глаза в пол-лица, голос детский. А если Карфаксу всё равно? Влюбится и замуж её позовёт?

— Нужно соглашаться, — твёрдо сказал колдун. — Брать Анабель на обучение. Всегда лучше приобретать союзников, чем наживать врагов. Женщины обидчивы. Откажу — она затаит злобу и через несколько лет обязательно вернётся, чтобы отомстить. Книги остались не только у меня. Найдёт, где выучить боевые заклинания. Или сама догадается. Не велика наука, когда дар есть. Ты вон единственным «горацим деи» чурки в щепки разбиваешь и водой управляешь. Всё, решено. Возвращаемся. Бессмысленно тянуть с ответом.

Анабель

Дверь за гостями захлопнулась, и ноги ослабели. Если они не вернуться, то мне придётся уходить. А куда? Обрато в лесную хижину? И что мне там делать без мамы? Нечего совершенно. Значит, буду искать другое место для жизни. Пора учиться жить в мире людей по их законам. Хотя бы попытаться, потому что уйти в изгнание и провести остаток дней в полной изоляции я всегда успею. Отмерено мне ещё много. Мама прожила почти триста лет и, если бы не подхватила странную болезнь, которая не лечилась ни травами, ни магией, жила бы и дальше. Маги практически бессмертны. В общем понимании. Сменится три-пять поколений людей, умрут короли, а маг все ещё будет жить. Страшно.

Так я и сидела на стуле, глядя в одну точку перед собой и прокручивая невеселые мысли. Может, где-то остались другие чародеи? Если здесь их двое, то, возможно, где-то, пусть даже очень далеко, я смогу найти ещё? Хотя бы одного, кто меня научит. Или даст книги. О, мама рассказывала, что у каждого уважающего себя мага есть огромная библиотека и обязательно — рукописная книга с заклинаниями. Что-то вроде личного дневника. И мне такой подарили, я писала в него рецепты зелий и снадобий.

Да, кто-то должен быть ещё. А если так, то Мюррей не последняя надежда. Найду мага, книги, да хоть наскальные рисунки! Наплевать! Главное, не опускать руки. Остановка — смерть. Учитывая длительность моей жизни, долгая и мучительная смерть. Без волшебства.

Но не успела я испугаться возможного будущего, как во дворе замаячили фигуры только что ушедших гостей. Окинула взглядом комнату, пытаюсь найти, что они могли забыть. Ничего подходящего не заметила, а потому напряглась. Передумали? Сейчас откроют дверь, войдут. Роланд окинет меня высокомерным взглядом и скажет: «Не жди, можешь уходить сейчас. Никто за тобой не придёт, я не хочу учить такого слабого мага!» А потом уйдёт с Мередит. Верно, она ведь колдунья. И сильная. У Мюррея уже есть ученица. Зачем ему ещё одна?

От досады захотелось плакать, но я осталась сидеть и смотреть в одну точку.

Если так, то пусть сначала скажет, что я ничтожество и могу убираться отсюда. Пусть скажет. Я выслушаю и уйду. Я справлюсь. Выбора другого всё равно нет. Есть обида на всех сразу, а выбора нет, и не будет.

Скрипнула дверь. Снова вошёл сначала мужчина, а потом девушка. Я продолжила сидеть, лишь боковым зрением наблюдая за гостями.

— Собирайся, — приказал Роланд Мюррей. — Чужого из дома не бери, а своё сложи в сумку. Я выделю тебе комнату в замке, Мередит покажет библиотеку. С едой у нас плохо. Насколько ты привередлива в выборе блюд?

— Вообще не привередлива, — медленно проговорила, переводя взгляд на мага. — Ем простую еду. Ту, что могу приготовить сама.

Только после этого поняла, что меня не только спросили про еду, но и сказали, что я должна собираться прямо сейчас. Так быстро по этому дому я ещё не бегала! Покидала в сумку всё, с чем сюда пришла, завязала тесемки и мысленно пробежалась по списку вещей. Платье «благородное»

на мне, два самых обычных, ещё матерью сшитых, в сумке. Обувь у меня только одна, она на мне сейчас. Зимние валенки я дома так и оставила. И всю тёплую одежду. Как бы я её на себе тащила? Слишком много внимания. Интересно, отпустит меня потом колдун, чтобы я могла вещи собрать до конца?

— Я готова, — улыбнулась нервно, поправляя сумку на плече.

— Давай помогу, — Мередит подошла ближе и протянула руку. — Тяжело ведь.

— Так и тебе тяжело, а вдвоём нести неудобно, — я махнула рукой и улыбнулась. Мередит пыталась быть дружелюбной, но как-то неуверенно. Не хотела делить внимание учителя? Да, верно, теперь он будет меньше времени уделять урокам с ней. — Сейчас в замок? Когда мы начнём обучение? Деньги вам отдать сейчас?

Пока я тараторила, вторая ученица медленно убрала руку за спину, а колдун выдохнул с коротким смешком.

— Какая ты шустрая. Как метла в руках у Мередит. Вжик-вжик, — маг показал движение ладонью, а девушка вспыхнула и шагнула назад. Однако. Между ними какая-то напряженность или мне показалось? — От меня будет пара распоряжений, — продолжил Роланд. — Встаньте рядом. Мери, я жду. Хорошо. Я только сейчас понял, что меня смущает в вас обеих. Колдуньи так не выглядят. Когда-то давно, если в замок брали сразу несколько учеников, они носили одинаковую одежду.

— Форму? — голос Мередит звучал тускло.

— Да, — припечатал Роланд. — Слушайте первое задание. Найдите в городе портного и закажите ему два платья. Покрой — на ваш вкус. Но помните, что будете сидеть за книгами, а не танцевать на балу.

— Нам не хватит, — опять бесцветным тоном проговорила вторая ученица и осеклась на полуслове.

— Проследите, — маг не обратил на неё внимания, — чтобы портной умел шить ещё и мужскую одежду. Я триста лет не обновлял гардероб. Сам себе напоминаю старый матрас с клопами. Золота хватит. Откроем сундук. Ко мне обращайтесь «учитель» или «господин Мюррей». Всё понятно?

— Понятно, — я кивнула, подумала и спросила. — В город идти с сумкой, господин Мюррей? Или оставить здесь, а потом вернуться за ней?

Маг щелкнул пальцами, и сумка, плавно скатившись с моего плеча, зависла в воздухе.

— Я донесу. Идите.

Мередит

Жизнь ещё раз махнула хвостом и показала мне спину. Не успела я привыкнуть к должности экономки в большом замке, осознать свой дар и раскидать заклинанием пару мужиков в трактире, как снова плелась по пыльной дороге в город и недоумевала, куда вляпалась. Допустим, Карфакс решил, что много выбора нет. Но не слишком ли замахнулся? Собрался вернуть себе земли, набрал учеников, послал за портным. Нас ждут выходы в свет? Полный замок гостей? Снова допустим. А магический шар? Он таинственным образом исчезнет? Уж не для этого ли колдун отослал меня в город вместе с Анабель? Чтобы без нас перекопать огород и засунуть артефакт в новую темницу. Он поэтому «откроем сундук» сказал? Сплошные загадки. Нет, ну что он делал? Зачем рисковал? Мы недавно с ним вдвоём мечтали сидеть в тишине, пока не найдём способ уничтожить шар. А теперь что? Раз Анабель не представляет опасности, то всё? Можно выпятить грудь колесом и гордо заявить на всё королевство: «Я колдун»? Не тот самый Роланд, но тоже Мюррей?

Это молодость виновата. Точно. И вернувшаяся мужская сила. Вон как Карфакс обрадовался, что у него стало две ученицы вместо одной. А я ревновала, да. Мне не нравился блеск в глазах Анабель. Тот восторг и обожание, с какими она смотрела на господина учителя. Ещё влюбится ненароком. Спасителем ведь его считает. Победителем мерзкого трактирщика. Фу, сколько яда в мыслях! «Хватит, Мери, тебе нельзя. Посмотри на девочку, она же совсем ребёнок. Пожалей её, помоги».

Проклятье, не получалось! Меня трясло от мысли, что ванну Карфакс будет принимать вместе с Анабель. Они ведь поместятся вдвоём в то огромное корыто. «Мери, вскипяти воду, а то холодно», — зазвучал в мыслях тонкий голосок навязавшейся на голову ученицы. Я снова себя обругала и зло сплюнула накопившуюся на языке желчь в траву.

— Мередит, расскажешь, как у вас всё устроено? — защebetала Анабель — Я постараюсь не доставлять хлопот. Не хочу злить господина Мюррея лишний раз и мешать тебе. Я понимаю, что навязалась, но мне очень нужно освоить хотя бы азы активной магии. Понимаешь?

— Понимаю, — вздохнула я. — Ты, наверное, всегда мечтала жить в замке и читать книги, тебе мама рассказывала. А меня к другому готовили. Давай я тебе сразу во всём признаюсь, чтобы потом не было круглых глаз и заламывания рук, как у вас, у благородных принято. Я — служанка. Простолюдника. Безродная девка из деревни. Господин Роланд Мюррей подобрал меня на рынке и устроил в замок полы драить. Мой магический дар — случайность. Ошибка моей прапрабабушки с лордом. Я книгу заклинаний первый раз в руки взяла неделю назад. Читаю через пень-колоду, а пишу ещё хуже. И уж тем более никогда не расскажу, что там случилось, когда наши магические щиты встретились. Теперь можно фыркать и цокать языком.

Я резко остановилась и преградила ей дорогу. Пусть говорит, что думает, не увиливает. А то я их напускную вежливость знаю. Карфакс, когда ругался, такие витиеватости в письмах писал, что голова до сих пор болела, стоило вспомнить.

— И всё? Я восемьдесят лет безвылазно сидела в лесу, — не-леди улыбнулась. — Было время научиться читать и писать, потому что больше там делать нечего. Приготовить обед-ужин из того, что получится добыть, приготовить лекарства, которые мама потом отнесет к аптекарю, набрать трав для следующей партии и читать. Читать, читать, читать. Благородное происхождение? О нём ещё моя бабка забыла. Никогда не говорила, почему, но наплевала на всех в молодости и...

— Подожди, подожди, — я половину слов мимо ушей пропустила. — Восемьдесят лет? Ты не шутишь? Выглядишь чуть старше моего брата Нико. А ему пятнадцать.

— Возраст тела — семнадцать. И так ещё лет двадцать будет, если мама права. Мы с тобой маги. Я колдую с детства, это замедляет процесс старения. Сейчас неплохо. А вот, когда я десять лет с прыщами ходила...

Меня ноги еле держали. Я села прямо в придорожную траву и закрыла лицо руками. Восемьдесят лет! Поверить невозможно. Одно дело старик Карфакс. Тот момент, когда он был стариком. Там хоть триста лет, хоть пятьсот — ощущалось одинаково. Но Анабель.

— Говоришь, в лесу жила? — котелок моей головы кашу совсем не варил. — Мама, аптекарь. Восемьдесят лет читала. А я буквы лет пять назад выучила. Когда отец взялся за воспитание младших братьев. «Нельзя, мол, без чтения». До этого работала и не переживала. Кому нужна грамотная служанка?

Бубнила я теперь почти, как Анабель, только голосом низким и гнусавым. Осталось обнять руками колени и раскачиваться вперёд-назад, вперёд-назад. У нас в деревне блаженный один жил. Когда последние мозги пропил — так же делал.

— Ты научишься, — заверила меня Анабель. — Нужно только побольше практиковаться. А теория магии... Если хочешь, я буду тебе помогать.

— Хочу! Очень хочу. А то пока кухню отдраишь, обед приготовишь, уже подавать пора, а я ни одной страницы не прочитала. Почерк ещё у Карфакса... У тебя такой же? С завитушками?

Я рукой в воздухе показала густые волны, как кудри Нико.

— С завитушками, да. Бабушка ещё поставила. Говорила, что хороший почерк помогает контролировать себя. Представь, сидишь по много часов в день, чтобы научиться писать буквы идеально. А на улице тепло. Хочется пойти на ручей или покачаться на качелях. Но ты сидишь. Даже, когда тебя не контролируют, продолжаешь сидеть. Воспитываешь сдержанность и силу воли. И потом, когда что-то пишешь, приходится выверять всё, включая силу нажатия на бумагу. «Аккуратность, точность и контроль, Анабель, вот твои лучшие друзья!», — явно кого-то передразнила девушка. — Я помогу с магией, чем смогу. Буду читать вслух или пересказывать своими словами. Постараюсь по хозяйству помочь. Но я, наверное, многое не умею.

— Спасибо, — я встала и отряхнула юбку. — А по хозяйству... Там нечего уметь. Это же не почерк. Берёшь метлу и машешь. Вжик-вжик.

Я, в свою очередь, передразнила Карфакса. Сейчас казалось смешным, как сильно тогда обиделась. Думала, носом тыкает в то, что по сравнению с Анабель, моё место на кухне. А ведь нормальная оказалась девчонка. Забыть бы ещё, что моя бабушка моложе неё.

— Пойдём к портному. Денег у меня с собой не очень много, но на задаток хватит. Торговаться я буду. А то если ушлый Гензель увидит, что ты недавно из лесного заточения выбралась, то на радостях не оденет нас с тобой, а разденет. Да не бледней. Я образно. Мето... Мета...

— Метафорически? — прошептала девушка.

Явно ведь трактирщика вспомнила. Кто меня за язык тянул?

— Да. Пойдём, а то со всеми примерками до заката не управимся.

Анабель

Дом портного стоял на богатой улице. По крайней мере, мне она показалась богатой, потому что наша хижина была раз в пять меньше, бледнее и страшнее. Не было белого забора, красной крыши, похожей на нарисованную. Зато трава зелёная и цветы, ягоды. А здесь — какие-то кусты, казавшиеся искусственными.

Я с любопытством крутила головой, запоминая улицу. Та, где стоял трактир, какая-то серая, скучная, грязная. Здесь всё по-другому.

— Портные богатые люди?

— Не все, — Мередит расправила плечи и шагала гораздо увереннее, чем от моего заброшенного пристанища, — Гензель шьёт городскому главе, его приближённым и зажиточным купцам. В общем, тем, у кого есть золото. Дерёт за свои платья втридорога, но и ткань берёт не абы какую. Нашему колдуну по его происхождению положено обшиваться только здесь. Заходи.

Ученица толкнула плечом неприметную дверь, и я с порога чуть не налетела на деревянного человека.

— Ох, простите! — извинения вырвались прежде, чем я поняла, что пострадавший не живой. Лица у него не было, тело напоминало жуткую модель человеческого, но какое-то.... Не целое, будто из разных частей собрали и с помощью механизмов скрепили. Я подняла его «руку», ожидая, что та упадёт обратно, но конечность зависла в воздухе, как поставили. — Точно какой-то механизм!

Вошла глубже и огляделась по сторонам. Такие куклы стояли повсюду, на них — самая разная одежда. Красивые, будто волшебные платья, но не такие пышные, как рассказывала бабушка. Ну она-то жила в столице, а здесь маленький город. Зачем такие платья? Но все равно — красивые!

— Это манекены, — пояснила Мередит. — На них одежду удобно вешать, чтобы покупатели видели товар лицом. А есть ещё без головы и рук. Смотрится жутко, но шить на них удобно. Портным нравится...

— Манекены, — я кивнула. Почему среди такого количества прочитанных мною книг не было ни одной про портных? Сейчас не выглядела бы идиоткой!

— Мередит, — мужчина посреди лавки появился, словно его наколдовали, — какими судьбами? Уж не понадобилось ли моё портное искусство господину, живущему в замке?

— Пару месяцев назад он со мной через губу разговаривал, — едва слышно прошептала девушка и шагнула вперёд. — Доброго вечера, Гензель. А что? Разве в твоей лавке есть что-нибудь, достойное лорда?

Маленькие глазки портного алчно блеснули. Он облизнул тонкие губы и чуть-чуть сгорбился. Ровно до такой степени, чтобы посмотреть на рослую Мери снизу вверх.

— А ты больше не служишь Карфаксу, да? О каком лорде говоришь?

— О лорде Мюррее, конечно, — ответила за спутницу, прежде чем вспомнить, что меня просили помалкивать. Опомнившись, хотела исправиться, но стало любопытно. — Кто такой Карфакс? Прежний житель замка? Гость господина Мюррея? Нашего учителя?

Мери зубами скрипнула. Да так громко, что Гензель на неё обернулся.

— Так, так, так. Мюррей? Ты не шутишь? Тот самый?

— Новость дня, — вздохнула вторая ученица и, разжав сведённые судорогой челюсти, оскалилась в кривой улыбке. — Прапрапраправнук нашёлся. Новый хозяин замка. А Карфакс умер. Вот прям перед тем, как новый господин приехал, старый управляющий и помер.

— А ты, значит, по наследству Мюррею досталась? — портной расправил плечи, но грудь слишком далеко не выпячивал. — Как и вся прислуга замка?

— Одни мы там с Анабель, — спутница наступила мне на ногу и толкнула локтём в бок. — Учимся хозяйским премудростям. С какой стороны еду подавать, куда сор со двора мести... За формой вот пришли. И с заказом. Господин Альберт Мюррей желает обновить гардероб.

— Так что ж ты молчала? — Гензель сорвался с места и вежливо поддержал Мередит за локоть, — заказ принят, всё сделаю в лучшем виде. Дувр! Дувр, неси нашим красавицам самую лучшую ткань. А ты садись, Мери, садись. И ты Анабель. Вот сюда. Образцы сразу посмотрим, а потом я мерки с

вас сниму. Форму сошью лучшую в городе. Даже не сомневайтесь! И главное. Когда господину удобно принять меня в замке?

— Завтра, — не думая, ответила вторая ученица. — Чем раньше, тем лучше.

— Не изволь сомневаться, заявлюсь с рассветом. Дувр? Где тебя нелёгкая таскает? Наши дорогие гости уже заждались. Сейчас, девушки, сейчас.

Перемена в поведении портного сбила с толку. Я послушно села, куда указали, пытаюсь понять, что происходит. Кто-то умер? Старый хозяин замка? И почему Альберт Мюррей? Учителя ведь Роланд зовут. Красивое ведь имя. Интересно, какое было у моего отца? Такое же как у мага — мурлыкающее и мягкое? Или грубое, похожее на карканье вороны?

Пока я думала о том, каким мог быть мой потерянный родитель, Мередит деловито перебрала образцы тканей, отодвинув некоторые. Рассматривала их и так, и этак, чтобы в конце концов указать на тот, что никак не отличался от остальных. Одинаковые же тряпочки! Как можно определить, какая подойдет именно нам?

— Мне кажется, я прочитала недостаточно книг, — пробормотала я, стараясь не говорить слишком громко, чтобы не отвлекать людей от работы.

Сидеть без дела пришлось недолго. Вскоре они договорились о цене и фасоне, Мередит поинтересовалась моим мнением, но я только кивнула, что «да». Откуда я знаю, как лучше одеваться ученицам мага? Мама купила мне красивое платье, чтобы я могла сойти за городскую девушку, но вместо этого оно только привлекло ко мне ненужное внимание.

Нет уж, пусть Мери сама выбирает. Нельзя сидя в лесу научиться разбираться в одежде. Или в ценах.

— Так, всё, — спутница отложила образцы и со стоном разогнула спину, — с юбкой не переборщи, воланов не нужно, талию оставь на месте, остальное на твой вкус.

Гензель хитро улыбался и соглашался абсолютно во всём. А потом выставил на середину комнаты табурет и скомандовал:

— Анабель, ты первая. Давай, я не кусаюсь. Десяток мерок — и отпущу. Мередит, она откуда такая пуганная? Ещё и замороженная.

— За языком следи, — насупилась вторая ученица. — Нормальная она. Не всем хихикать и краснеть, когда кобели вроде тебя хвостами машут.

— Да я ж со всей серьёзностью намерений, — развёл руками портной. — Да я жениться могу.

— Катись в бездну, — фыркнула Мередит, — жених. Доставай свои верёвки. И руки не распускай.

— Как же их не распускать, когда измерять надо?

— По хребту получишь! — в глазах ученицы мага недобро сверкнула та самая искра, что я видела в своём доме. Страшно стало за портного. — Запомни, если хоть пальцем её тронешь, я тебе всё тут разнесу.

Она могла. Я знала, а Гензель нет. Но он на своё счастье предпочёл не спорить. Проворчал: «Ладно, ладно, пошутить уже нельзя», и снова пригласил меня на табурет. За окном стемнело.

Глава 10. Птичка в клетке

Меридит

Поздравляю, тебя, Мери, ты только что убила колдуна Карфакса. Нет, ну а что с ним было делать? Морщины уже не вернуть, волосы и дальше будут чернеть. Помолодеет до юноши — что рассказывать станет? Действие шара-артефакта всем объяснять? Ха-ха. Нет, я правильно поступила. Осталось Анабель предупредить.

Мы бодро шагали к замку практически в полной темноте. Практически, потому что портной Гензель любезно одолжил фонарь. Я не стала зажигать его в лавке, вынесла на улицу и уже там запалила фитилёк щелчком пальцев. Анабель оценила. Знала бы она, что в первый раз вообще не получилось.

Или молчать пока? Изменения у колдуна не каждый день происходят, немного времени в запасе есть. Пусть сам выкручивается? Точно. Зачем я лезу поперёк учителя в пекло?

— Ты не рассказала про замок. — Бель прикусила губу и посмотрела по сторонам. Безрадостный пейзаж, ага. — Как там всё устроено? Что мы будем делать помимо учёбы? Уборка, готовка?

— И то, и другое, и третье, — вздохнула я, вспоминая полуразрушенную махину. — Замок старый, штата прислуги нет. Учитель не зря предупреждал, что нам нечего есть. Золота мало. Платить всем, кто положен по статусу, не получится. Я даже сплю не в особой комнате, а в одной из хозяйских спален, представляешь? Увидел бы другой лорд — заболел от возмущения. Но Карфа... лорд Мюррей сам меня туда поселил. Тебе, кстати, придётся жить там же.

И это отличная новость. Я даже разрешения спрашивать не стану. Во-первых, раз всё одинаковое: форма, книги, уроки, то и кровати должны стоять в одном месте. Да, рядом со спальней колдуна, но между мной и его проснувшейся похотью теперь постоянно будет Анабель. Безмолвный надзиратель и живой ограничитель неуместных желаний. Словами не передать, как мне повезло. Девочку, правда, жалко. Карфакс сейчас хуже подростка. Ему абсолютно всё равно, кого по углам обжимать.

Ой-ой-ой. Как же я не подумала? Если Гензелю или трактирщику я легко рожу на бок заклинанием сверну, то с колдуном мне не тягаться. Уже стояла вся мокрая рядом с ванной. А за день сила Карфакса ещё выросла.

— Какая разница, где спать? — Анабель продолжила разговор, ничего не зная о моих тяжёлых мыслях. Шаг только замедлила, чтобы я не слишком отставала. — И как мы поделим обязанности? Кто-то будет готовить, кто-то делать уборку?

— Да, так проще, — пробубнила я, не вдумываясь. — Ты убираешь комнаты, я готовлю, стираю и по огороду...

Или лучше по-другому? Кухня дальше от спальни Карфакса. Там Анабель будет реже попадаться ему на глаза. Значит, готовить она будет. Ох, а как же огород? Колдунья — не дурочка. Вмиг сообразит, что нормальные овощи так не выглядят. Стручки размером с корыто и горошины с арбуз. Нет, на огороде придётся мне. Но как приглядывать за ней? Ревности к колдуну я больше не чувствовала, а за вторую ученицу боялась. Её оберегать нужно. Иначе привыкнет, что все мужики — больные на голову кобели, и замуж никогда не захочет.

— Мери тебе нездоровится? — Бель поднесла фонарь чуть ближе к моему лицу. — Что-нибудь болит? Я зелье могу сварить от головы, от желудка. Ингредиенты только нужны...

— Нет, всё хорошо, — запротестовала я и отступила на шаг. — Пойдём.

— Значит, я убираюсь? — не унималась колдунья. — Ты покажешь, где ведра, тряпки?

— Да, да. Пойдём, а то рассвет скоро. Не знаю, как ты, а я умираю с голоду. Может, ещё успеем что-нибудь пожевать перед сном.

Камни шуршали под ногами, фонарь монотонно раскачивался. Свет больше бил в глаза, чем показывал дорогу, но без него мы вообще заблудились бы. Да, я помнила каждый поворот тропинки наизусть. Но в голове такой кавардак творился, что дважды чуть не свернула в болото. Наконец, башни замка закрыли луну. Чёрные исполины на фоне тёмно-серого неба казались тенями богов. Бель восхищенно ахнула и пошла быстрее. Дом, милый дом. Жить нам там с ней, судя по среднему возрасту колдунов, предстоит очень и очень долго. До меня только сейчас дошла эта мысль. Родители состарятся, бабушка умрёт, Нико отрастит пивной живот и обзаведётся внуками, Елена станет почтенной женщиной, а я останусь такой же молодой. Ещё сто лет, и надгробия на их могилах зарастут мхом. А я буду поднимать воду из колодца и готовить Карфаксу ужин.

— Бель! — позвала я, побежав за ней. — А сколько лет учатся колдуны?

— Не знаю, — в темноте раздался её звонкий смех. — Колдовских книг много. Читать и читать!

А ведь ей восемьдесят лет. С ума сойти можно.

Карфакс открыл замковые ворота. Знатно тут расколдовался, раз механизм не пострадал. В чёрном проёме главного входа виднелся колодец и фонарь над ним. Намёк мне, что не натаскала воды?

— Учитель ждёт нас, — восторженно пропела Бель и рванула туда.

Я поздно сообразила, что нужно спешить за ней. Не почувствовала в тот момент опасности. А могла заметить голубые искорки, пробежавшие по рукам.

— Колодец, как у нас, — радовалась колдунья. — Невероятно! Точно такой же.

Слишком громко. Слишком глупо. Птичка угодила в магические силки, как когда-то умудрилась я.

Шар лежал в пустом ведре. От голоса Бель в глаза ударил яркий голубой свет.

Анабель

Мне казалось, всё вокруг замка дышит магией. Каждый шаг давался легче предыдущего, меня буквально наполняло чем-то тёплым и ласковым — это магия струилась по венам. Мать рассказывала, что древние замки маги себе строили в особых местах, но я и представить не могла, что ощущения будут настолько необычными.

Хотелось бегать, кричать, танцевать как в лесу, когда никто не видит. Будто бы солнце нагревало полянку, можно было носиться по траве босиком и петь незамысловатые песни. Вот я и рванула к колодцу. Точно такому же, какой был у нас. Частичка прошлой жизни порадовала. Я заглянула в ведро и замерла. Из пустой посуды шло мягкое голубое свечение. Ведро мелко вибрировало. Я как зачарованная смотрела на светящийся голубой шар.

— Я съем свои башмаки, если это не магический артефакт! — воскликнула я, с удивлением наблюдая, как после каждого слова шар сильнее вспыхивает. — Он реагирует на слова? А зачем он нужен?

Я обернулась к Мередит, по бледному лицу соученицы поняла, что случилось нечто страшное. Настолько неприятное, что ответить она не могла: хватала воздух ртом и хлопала ресницами. Сердце пропустило несколько ударов, а потом забилося, словно желая наверстать упущенное. Я медленно отступила от опасной находки и стала искать, чем можно защититься. Второе ведро? Полено, неизвестно как оказавшееся здесь? Глупости. Магия — не пчелиный рой. Она проникает сквозь любые преграды.

— Мери, — позвала я, — ты ответишь?

Где-то с невидимым звоном упала последняя капля. Стены замка затряслись, земля ушла из-под ног. Падая, я успела увидеть то самое полено прямо под головой, а потом меня проглотила пустота.

В ушах не звенело, боли не было. Только то чувство, когда хочешь проснуться и не можешь.

— Ну и зачем? — громко спрашивала девушка, чем-то похожая на Мередит.

Нет, не она. У соученицы нотки мягче. А эта совсем злая.

— Ты думаешь, я бы рассказал ей тайну шара просто так?

Господин Мюррей. Его голос звучал тише, но я узнала. Голова оставалась тяжёлой — не поднять. Даже глаза не открыть.

— Тайну можно было не рассказывать совсем, — продолжала сердито выговаривать собеседница мага. — Хватит двух хранителей. Зачем ломать девочке жизнь? Приковывать к замку?

— Она сама захотела учиться. А шар, как ты помнишь, давно часть замка.

— Часть меня, часть вас. И всё потому что забирает нашу силу. Вы ему третью жертву на корм привели? Господин Карфакс, это подло!

Опять это странное имя. Кто и когда мог так называть учителя? Его-то голос я ни с кем не спутаю...

— Это ради её блага. Думаю, Анабель будет приятнее знать, кто питается её силой, чем пребывать в неведении.

— Да? А то, что шар её убьёт, если Анабель о нём проговорится — это как? Тоже приятно?

— Не кипятись, Мередит, артефакт себя защищает.

— Вы его таким сделали! Из-за вас он способен на что угодно! Ещё и уничтожить не можете. Тоже мне, великий колдун.

— Мери, ты забываешься!

От резкого окрика у меня заболела голова и глаза, наконец, открылись.

Я лежала в комнате, под головой чувствовалась подушка, а с потолка свисал пыльный коврик с рисунком. У нас с мамой такой в сенцах лежал. Мы об него ноги вытирали. Да, точно такой же. Белые лошади, рыцари в латах.

— Она очнулась? — удивлённо спросил маг и обернулся ко мне.

Мередит сердито дула на него губы.

— Артефакт, — простонала я. Голова болела, мысли то лениво ворочались, то носились туда-сюда. Пришлось приложить усилия, чтобы поймать за хвост одну или несколько: будто кусок мыла пыталась сжать мокрыми руками, а он ускользал в последний момент. — Зачем нужен этот шар? Что он делает? Что значит «привязать к замку»? Мне нужно будет жить здесь постоянно, иначе голубое свечение меня сожжет? Или только если расскажу о нем кому-то?

— Болтать нельзя, — кивнул маг. — Показывать, где лежит шар, тоже. Рисовать план, как до него добраться, намекать, как он выглядит. Шар почует любую попытку выдать его тайну и причинит тебе боль. Прости, такие предосторожности были необходимы. Шар исполняет желания. Любые, даже самые безумные и невозможные желания. Триста лет назад за ним охотился король. Думаю, сейчас тоже. Если не его потомки, то потомки его приближённых. Вы с Мередит нужны мне. Я хочу уничтожить шар, чтобы через него не сотворили великое зло, но не знаю как. Артефакт поглощает все известные мне боевые заклинания. Вообще любую магию. И возвращает её, как захочется. Чинит замок, например.

Мередит дёрнулась и открыла рот, чтобы добавить фразу к словам учителя, но промолчала. Пару мгновений они с лордом Мюрреем сверлили взглядами друг друга, а потом он продолжил:

— Возможно, я не всё перепробовал. Вероятно, что-то пропустил. Вы обе молоды и не скованны правилами. Я уверен, вы увидите больше, чем старый отчаявшийся колдун. И найдёте решение.

— А, — я кивнула и снова заставила голову думать. Задача не из простых, учитывая, сколько новой информации дал мне учитель. Желания, король, защита... Котелок вот-вот взорвётся, но времени остудить его нет. — А сколько раз можно загадывать? Сколько угодно?

— Один раз, — ответила Мередит. — А потом шар сам себя уничтожит. Я не ошиблась, учитель?

— Нет, — сухо сказал Роланд Мюррей.

— Почему тогда просто не загадать какое-то желание?

— Какое? — сощурился он. — Мне давно ничего не нужно. Мередит просила жареного гуся. Давай загадаем твоё. Есть идеи?

— У меня всего два желания. Первое — познать магическую науку, и с ним я справлюсь сама, с вашей помощью. Второе нарушит законы мироздания. Темная магия, могущественная и бессмысленная. Вернуть кого-то из моих близких. Верну, а потом потеряю снова, потому что их нет давно. Это только что умершего можно поднять, заставив сердце снова биться. А того, кого уже предали земле... Нет уж, лучше жареного гуся.

Маг фыркнул совсем, как матушка.

— Я потратил триста лет жизни, чтобы поставить на стол гуся? Нет, дорогие мои.

— Так вы всё равно хотите уничтожить шар. Какая разница? Так мы хотя бы вкусно поедим, — я улыбнулась. Мюррей действительно напоминал мою мать. Такой же вредный. Так же хмурится. Возможно, все взрослые маги такие? — Не хотите гуся, загадайте полную сокровищницу золота. А лучше такую, чтобы наполнялась сама по мере опустения. Несметные богатства ведь всем городским нравятся?

— Бель дело говорит, — Мередит покачала пальцем в воздухе. — Золото лишним не бывает. Посуду купим, кладовые запасами набьём. Гобелены эти, да простят меня предки, на болото выбросим. В них же пыли больше, чем самой ткани. Рассадник клопов! Жуть какая-то. Избавимся от хлама и

каменщиков позовём, плотников. Портному Гензелю нужно чем-то платить. Ну не упрямитесь, пожалуйста. Сколько проблем сразу пропадёт.

— Ж-ж-женщины, — зарычал от ярости маг. — Вам лишь бы тряпки и посуду! Всё к деньгам сводите.

— Ну вы же хотели свежий взгляд, — невозмутимо ответила Мери. — И никаких правил.

Лорд Мюррей застонал и закрыл лицо руками.

— Так, всё. Приказываю не тратить могущество великого артефакта на девчачьи глупости. Вопрос закрыт. Устраивайтесь спать и утром за книги. Учиться будете!

Злой маг вышел из комнаты и громко хлопнул дверью.

— Учиться, — хмыкнула Мередит. — Заметь, Бель, на пустой желудок. Эх, мужчины. Колдуны. Им лишь бы о высоком. А мы думай, где спать, что надевать и чего в котёл бросать на похлёбку. Ладно, давай устраиваться на ночь. Сил уже нет.

Моя подруга по учению взяла одеяло и постелила себе прямо на полу. Кровать-то одна. И в сон тянуло. Я пообещала себе решить проблему завтра и закрыла глаза.

Мередит

Анабель оказалась толковой соседкой. Утром мы вместе затащили в комнату вторую кровать и пошли готовить завтрак. Я боялась, что её оголтелая прыть и желание сделать всё прямо сейчас станут мешать, но Бель увлеклась работой быстро и закапывалась в неё глубоко. Овощи резала прям красиво. Ещё бы. Пятьдесят лет непрерывной практики. Любой достигнет вершины мастерства. Жаль, Елена не такая. До сих пор за неё всё мать делала, а сестра ныла, что хочет замуж. Куда ей? Муж дрянную хозяйку бить начнёт, когда напьётся. Лучше пусть сидит дома. Целее будет.

— Ну и как тебе здесь? — спрашивала я вторую ученицу.

— Хорошо, — она щурилась на яркий свет из узкого окна и всё время улыбалась.

«Блаженная» — сказал бы Нико и заржал, как конь.

И правда. В замке такая разруха, а она счастлива.

— Почему? — не вытерпела я. Спросила.

— Думаешь, я дома жила лучше? Чище и уютнее — да, но не богаче. А теперь и в замке две женщины. Справимся. Ещё успевать будем лишний раз повторить урок.

Мне бы её веру в добро. Даже Карфакса за его выходку с шаром простила, не моргнув глазом. Плечами пожала, будто ничего не случилось. А зря. Мужчинам нельзя давать спуску. Они быстро чувствуют власть и входят во вкус. Как хозяин трактира. Эх, мало Бель знала людей. Потому и смотрела на всех открытыми глазами. Чистая, доверчивая. Лесное чудо, а не колдунья.

Но практическая сметка у неё была. И с шаром быстро сообразила, что делать и на кухне не терялась совершенно. Повезло мне с соседкой.

— Слушай, Мери, я вот что подумала, — Бель говорила, не выпуская нож и морковь из рук. — Если шар исполняет любое желание, то почему бы не попросить его уничтожить самого себя? Ведь это же логично.

— Святые предки, — выдохнула я и звонко хлопнула себя по бедру. — Да! Одно желание и никаких проблем с магией. Но знаешь что? Сдаётся мне, Мюррей не сильно-то хотел его уничтожить. Триста лет терпел, кругами ходил и не догадался правильно попросить? Ой, вряд ли. Темнит учитель. Вдруг он опростоволосился?

— Это как? — хлопнула ресницами Бель.

— Шляпу ветром сорвало, — попыталась объяснить я. — Про господ так иногда говорят. Ухом хлопнул, рот разинул и всё.

— Потерпел поражение, — перевела вторая ученица на язык свитков и книг. — Сделал артефакт, а он не работает, как нужно. Не все желания исполняет, например. Или совсем ничего не делает. Просто заставляет тех, кто о нём знает, молчать.

— А нам врёт, — кивнула я. — Он же меня сюда позвал, чтобы я с хозяйством помогала. Кстати,

точно так же в ловушку заманил, как тебя.

— Вот да, — Бель, наконец-то, отвлеклась от ровных кубиков моркови. — Я всё утро над этим думаю. Если шар пресекает любые намеки, любые попытки о нём рассказать, указать путь, нарисовать схему, то почему не помешал учителю заманить меня к колодцу? Раз артефакт читает мысли и чувствует намерение, то, как позволил? Лорд Мюррей ведь не горел синим пламенем, когда я заглянула в ведро, правда?

— Правда.

Я аж села на стул и посмотрела на неё другими глазами. Экая простушка-то замысловатая оказалась. Восемьдесят лет в лесу сидела, а соображала быстрее и лучше великого колдуна.

— Может, он уловку какую знает? Может, он о другом думал?

— Нужно выяснить, — твёрдо сказала Бель. — Учитель придумал нам испытание. Первое магическое испытание в замке. Дело чести во всём разобраться.

— Ага, — не стала я спорить. — Завтрак только приготовим.

— Да, — слабо улыбнулась Анабель. — А то есть хочется.

«Девочка, — хотелось сказать и ласково погладить её по голове. — Морковь-то тебе на что?» Где-то утренняя-преумная, а в остальном суций ребёнок.

— Сейчас кашу поставлю. Надеюсь, ты любишь горох.

— Обожаю, — расцвела она.

Карфакс появился на кухне, когда мы с едой уже управились. И выдал первый нагоняй. Объяснил, чем ученицы отличались от служанок. Есть нам было положено вместе с учителем. Не за одним столом, конечно, но в одном с ним трапезном зале. Магический дар предполагал, что кровь благородная. Значит, можно. Что ж он раньше мне не сказал, а? И здесь темнил? А если бы Бель не появилась в замке? Я бы триста лет прислуживала учителю, не смея поднять глаза? Ох, мужчины. Как они метко и ловко забывали важные вещи. Хорошо хоть вспомнил.

Похлёбка вышла наваристой. Бель успела сбегать за стену замка и нарвала ароматных трав. С ними бульон «играл благородными оттенками специй», как говорила моя бабушка, даже без мяса, корицы, шафрана. Всем понравилось. Я вообще наелась первой и вскочила, чтобы убрать посуду.

— На будущее, Мередит, — раздался голос колдуна, — ученицы не встают, пока учитель ест.

Ох, ты ж, чтоб меня разорвало! «Этикет на рынок подвезли и продавали по десять золотых». Ладно, его мы тоже переживём. Учиться, так учиться.

— Хорошо, господин Мюррей, — улыбнулась я, но видимо как-то не так. У колдуна щека дёрнулась. От злости? — Простите, господин Мюррей. Больше не повторится.

Бель прятала усмешку в кулаке, а на улице раздался крик.

— Хэй! Есть кто дома? Фьють!

На Нико не похоже, он не умел так лихо и громко свистеть. На Гензеля тоже. Слишком вольное обращение. Портной ведь знал, куда идёт. Кто же там, мамочки? Сердце в груди стучало, шея вспотела. Хорошо, что ворота колдун ночью закрыл, а я заперла калитку для слуг. Это же замок. Сквозь его стены просто так не пробраться. Верно же, да?

— Гости пожаловали, — Карфакс встал из-за стола. — Сидите здесь. Обе. Это приказ. Сам разберусь.

Глава 11. Странный гость

Анабель

Визитерам учитель даже не удивился, стало понятно, что он ждал кого-то. Я посмотрела на Мери, та нервно кусала губы и комкала салфетку в руках. Переживала. За Мюррея?

— Как думаешь, кто это? — я не выдержала первая. Заерзала на стуле.

— Охотники за древними могущественными артефактами? — предположила она.

— Об артефакте никто не знает. Об этом, по крайней мере. Если только старый король поведал тайну сыну, а тот своему сыну. Сколько королей сменилось, пока учитель прятал шар? Неважно. Если бы это были люди короля, замок уже осадили бы.

— А с чего ты взяла, что нет?

— А ты прислушайся. Глаза закрой и слушай, что замок говорит. Тут же всё магией пропитано. Колдовать без заклинаний можно, а уж увидеть, что происходит за стенами — проще простого. Закрой глаза, ну? Ты ведь хотела учиться?

— Не за обедом, — буркнула Мери.

— Мы уже поели, а вставать из-за стола запретили. Все равно делать нечего. Ну что? Попробуем поглядеть, кто к нам пожаловал?

— А бездна с тобой, — Мередит улыбнулась. — Парни же за девками на реке подглядывают. Почему бы и нам за одним единственным одетым мужчиной не подглядеть?

Потом она фыркнула и покраснела, совсем как я, когда бабушка рассказывала, чем мужчина от женщины отличается.

— Закрывай глаза, — начала я объяснять. — Дыши глубоко, будто злишься и нужно срочно успокоиться. Два вдоха и длинный выдох. Слушай удары сердца. Если будет проще — считай их, — сама зажмурилась, потянулась мысленно к учителю. — Теперь представь господина Мюррея у ворот замка. Он стоит, сложив руки за спиной. Видишь? А напротив него другой мужчина.

— Вижу, — поражено выдохнула Мери. — Вижу!

— Тише, успокойся. Жаль, не слышно, о чем они говорят. Хотя...

— Что?

— Есть одна штучка, — я улыбнулась, вспоминая, как бабушка научила меня пользоваться подслушивающим заклинанием. Она, конечно, делала это, чтобы я могла смотреть за зельями, пока работаю в огороде. Но хитро намекнула, что некоторые вещи, о которых мама не хочет говорить мне, они обсуждают наедине. Вот так играючи обошла обещание не рассказывать мне о том, кто мой отец, а кто дедушка. — Попробуем кое-что сделать?

Мери согласилась. Не только у меня любопытство было главным пороком. Господин Мюррей одинаково поймал нас в ловушку с сияющим шаром. Так что через несколько минут соученица принесла глиняную посудину, до краёв наполненную водой, а я достала маленький пузырёк и капнула зелье в воду.

— Здесь только травы. Если хочешь, дам потом рецепт. Единственная сложность зелья в том, чтобы правильно рассчитать пропорции. У меня не с первого раза получилось, хотя я очень старалась. Полезная вещь, кстати, но не в лесу, где нет никого, за кем хочется послушать. Не за кроликами в норах же мне шпионить? — я хмыкнула и вернулась к насущному. — Три капли на полведра чистой воды, короткое заклинание и ты уже слышишь всё будто через дырку в стене. Немного приглушенно, но разобрать слова можно.

Я прочитала заклинание, Мери беззвучно повторила его несколько раз, желая запомнить. А потом... Вода пошла рябью и стала передавать разговор учителя с гостем.

—... вам повторяю, в замок мы не пойдём. Обращайтесь в суд, если хотите. Никаких переговоров в моём доме.

— Да не пугайте вы меня судом! — зло ответил магу незнакомец. — Я прибыл по распоряжению нынешнего лорда этих земель. У меня работа такая, понимаете? Ехать, куда скажут, смотреть документы и докладывать, всё ли законно.

— Всё законно, — я почти видела, как Мюррей весело кивнул после этих слов. — Ваш хозяин хорошо смотрел за моими землями, пока я отсутствовал. Но теперь в его услугах больше нет необходимости. Настоящий наследник вернулся.

— И все-таки позвольте взглянуть на упомянутое вами завещание?

— Вы разве не нагляделись? Бросьте. На что вам тогда артефакт-обнаружитель магии? Кстати, его достаточно просто сжать в кулаке. Не обязательно теревить, встряхивать и скрести ногтями, будто у вас нервный припадок. Ну и как? Нашли завещание?

— Нет, — глухо ответил собеседник. — Я принёс артефакт не за этим. Хотел удостовериться, что вы тоже маг.

— Тоже? В вас нет ни капли магии, господин Монк.

— Я имел в виду вашего предка. Якобы предка, завещавшего вам замок и все земли Роланда Мюррея. Он был магом. Если в ваших жилах, Альберт, течёт его кровь, то и колдовская сила должна быть.

— Ах, вот оно что, — едко ответил учитель. — Умно, признаю. И заметьте, артефакт нагрелся. Что означает: «Да, человек перед тобой только что колдовал». Сила у меня есть. Довольны? Но на этом всё. Выбросьте артефакт из кармана. С вашей стороны было невероятно бестактно приносить такую вещь в дом колдуна. Это признак недоверия. Будто я везде расставил ловушки и мечтаю вас убить. А это не так.

— Прошу прощения, — ответил поверенный лорда. — Видите? Я выбросил артефакт. Больше при мне ничего нет. Могу я взглянуть на завещание?

Учитель долго думал, и, наконец, сказал:

— Хорошо. Я покажу документы, но на этом мы распрашиваемся.

— Не смею спорить.

Ох, а вот и конец разговора!

— Садись на место, — шикнула я, провела рукой над водой, быстро зачитывая заклинание отмены, схватила посудину и спрятала её под стол. — Вода передаёт слова с задержкой. С какой именно — угадать сложно. Вдруг они сейчас войдут?

— Мы чуть не попались?

Ответом на вопрос Мери стал звук шагов господина Мюррея и его неприятеля. Вернее, слуги его неприятеля. Хвала предкам, не рядом с гостиной, а дальше по коридору. Но я всё равно боялась разоблачения. Кто знает, каков учитель в гневе? Не закончится ли наше с Мери житьё в замке, едва начавшись?

— Уф, пронесло, — подруга вытерла лоб рукавом. — А ты рисковая, Бель.

Я виновато опустила взгляд. От скуки в лесу на что только не пойдёшь. Жаль, в наш дом такие гости не заходили. Лицо мужчины давно растаяло перед магическим взором, но я не могла его забыть.

Красивый.

Скуластый, с тонким носом и глазами серыми, как небо перед грозой. Смотрел внимательно, явно старался подмечать все детали. И губы поджимал. Необычно. А высокий какой! Господин Мюррей ему макушкой еле-еле до носа доставал. Но если учитель в годах, то гость совсем молодой. Статный. Костюм у него дорогой. Я таких в городе не видела. Даже в лавке портного Гензеля не могли похвастаться настолько искусной вышивкой. Долго же мастерица над ним сидела. Все пальцы иголкой исколола?

— Тебе рожа нашего гостя никого не напомнила? — хмуро спросила подруга.

Я потёрла глаза, словно только что проснулась. Странное дело, заклинание так раньше не работало. Фигуру учителя я видела смазанной, как обычно, а вот гостя во всех подробностях. Каждый жест, улыбку, случайно брошенный взгляд. Будто не Роланд Мюррей, а я стояла во дворе замке.

— Нет, не напомнила. А должна?

— Не знаю, — вздохнула Мери. — Сложно объяснить. Ты вроде из семьи колдунов, видела их. Благородных, я имею в виду. Ох, запуталась, скажу проще. Лицо у него породистое. Характерное очень. Тут в подвале замка полно портретов. Клянусь, он мне кого-то из намалёванных на холсте

напоминает.

— А можно посмотреть?

— Лучше послушать, — Мери взяла другую чашку и плеснула в неё воды. — Портреты от нас никуда не уйдут, а странный мужчина может. Да и колдуну веры нет. Порешают там что-нибудь вдвоём, он же нам в последнюю очередь скажет. Я поняла, что замок делают. Чуть не забыла тебя предупредить, чтобы при посторонних ты называла учителя не Роланд, а Альберт Мюррей. Он собрался вернуть себе земли. Но так как для всех давно умер, то придумал наследника. Завещание написал сам на себя. Давай узнаем, чем дело кончится. Настрой воду на кабинет. Тот, что от трапезного зала прямо и налево. Где там твои две капли на ведро воды?

Ох, Мери, и это я-то рисковая?

Заклинание читали вдвоём. Я пощёлкала пальцами, чтобы голоса звучали громче, и снова окунулась в пропитанный магией воздух замка.

Альберт Мюррей, как его теперь нужно было называть, сидел в кресле с высокой спинкой. Через стол от него странный гость шуршал бумагами. Безжалостно переворачивал хрупкий пергамент и вглядывался в закорючки букв.

— Что вы пытаетесь мне доказать? Завещание составлено триста лет назад. За несколько дней до того, как Роланда Мюррея нашли мёртвым в этом самом кабинете. Ни один наследник не объявился. Земли отошли короне, титул лорда Мюррея был упразднён. А через несколько лет замок с его окрестностями король пожаловал Томасу Гринуэю. Далёкому предку нынешнего лорда Гринуэя. Время ушло. Срок исковой давности истёк, пропал и протух.

— Молодой человек, а вы где законы изучали? — голос мага звучал насмешливо даже через рябь на воде. — Неужели достойные ранее академии стали выпускать откровенных невежд? Срок исковой давности по завещаниям отсчитывается не с момента смерти завещателя, а с того дня, когда наследник об этом узнал.

— Чем докажете, что узнали только сейчас? — не унимался господин Монк. Едкие подколки он все ещё пропускал мимо ушей, но зубами уже скрипел. — Учтите, речь не только о вас, а обо всех наследниках за триста лет, начиная с упомянутого в завещании Генриха Мюррея.

— Моего отца, — улыбнулся маг. — Видите ли, дедушка Роланд спрятал завещание в стене замка. Устроил тайник. А так как жил последние годы один, то не успел никому о нём рассказать. Ни жены у него не было, ни детей. Вся личная жизнь — интрижка с хозяйкой одного из городских трактиров. Кстати, она стала моей бабушкой. А когда намучилась с отвратительным характером дедушки, то не стала отдавать сына Генриха на воспитание колдуну. Решила побережь мальчика. За что он и поплатился. Мало того, что силой магической не овладел, так ещё и прожил до своих двухсот семидесяти лет, перебиваясь скудным заработком городского казначея.

Мери громко фыркнула на «скудный заработок» и я улыбнулась за компанию. Должно быть, казначей хорошо зарабатывал, раз шутка удалась.

Гость сохранял каменное выражение лица. Я не уставала на него любоваться. Соученица права. Было в нём что-то от лордов.

— Лишь на пороге смерти, — продолжал учитель, — Генриха обуюла тоска по оборванной связи с родом. И он пожелал закопать в свою будущую могилу что-нибудь с гербом Мюррей.

— Правда? — господин Монк приподнял бровь. — Как трогательно. И где же он нашёл фамильные ценности?

— В замке.

— Украл?

— Ну зачем же так грубо? — рассмеялся маг. — Взял то, что ему принадлежало по праву рождения. Вернее, что осталось после того, как предок почтенного Питера Гринуэя покинул замок и позволил его разграбить. Итак, приказчик Генриха приехал сюда и тщательно обыскал каждую комнату. Фамильных драгоценностей, понятное дело, уже и след простыл, но приказчик обнаружил тайник. А в нём завещание.

— Какая удача, — цокнул языком гость. — И почему же ваш отец не вступил в права наследования?

— Так он понимал, что не успеет. Замок и земли принадлежат другому роду. Нужен королевский суд, предстоит долгая тяжба. А смерть? Вот она. Не сегодня-завтра. Генрих велел приказчику взять бумагу и составить новое завещание. На сына. Альберта Мюррея. То есть меня.

— Альберта Норфолка, — поправил учителя господин Монк, — в двух завещаниях и у Генриха, и у вас указаны другие фамилии.

— Желание покойной бабушки. Она не хотела иметь ничего общего с «проклятым колдуном».

Мери прыснула со смеху и прошептала: «Ох, сочиняет, ох, плетёт. Уличные артисты обзавидуются. Мастер».

— Допустим, — кашлянул гость, — но почему приказчик не разыскал вас?

— О, Карфакс очень старался. И даже нашёл. Но дело в том, что я рубил камень в каменоломне. А начальник тюрьмы не разрешал заключенным вступать в переписку. Принимал бумаги от Карфакса и складывал в стопку. Ждать пришлось тридцать лет, пока я не вышел на свободу.

У Мери лицо вытянулось. Он прикрыла рукой рот и покачала головой. Хотя мы и знали, что всё рассказанное ложь, но стало неудобно.

— Какое преступление вы совершили? — гость спрашивал холодно, но в его серых глазах зажёгся опасный огонёк. — За что вам дали тридцать лет?

— Пятьдесят, — учитель облокотился на стол. — Столько, сколько положено колдуну за убийство. Пьяная драка в трактире. Единственный раз, когда я на людях швырялся мебелью, не прикасаясь к ней. Обвинитель принёс в зал суда такой же артефакт-обнаружитель, как у вас, и меня признали колдуном. Справка об освобождении есть. Дата, когда я получил от Карфакса письма, тоже. Всё законно. Я хочу получить наследство деда. И чем быстрее, тем лучше.

— Не торопитесь, — поморщился гость, — я должен проверить документы. Нет ли среди них фальшивок?

— Их нет. Поверьте, у Карфакса было достаточно времени. Он искал других наследников и не нашёл. Моя бабушка и мать были обычными женщинами. Одна умерла в пятьдесят лет, другая в тридцать. Сестёр и братьев не осталось. Сам я холост и бездетен. Смиритесь, Монк. Ваш хозяин потерял замок.

— Значит, триста лет назад, — пробормотал гость, взял бумаги и стал внимательно просматривать их под лупой, будто скрытые пометки искал. — А выписки из храмовых книг тоже имеются? О рождении, о смерти? Вижу. Подписи есть, печати, насколько я могу судить, подлинные. Но проверку перед судом всё равно назначат, не радуйтесь. Если хотя бы одна буква в документах не на своём месте, я сумею это доказать.

— Ваше право попытаться, — ответил маг и забрал у господина Монка бумаги. — А теперь прошу вас удалиться. Жду портного с визитом. Не хочу мерить камзол при посторонних.

Гость улыбнулся и встал со стула, а я отменила второе подслушивающее заклинание.

Мереди

Магия начинала мне нравиться. Не будь Анабель с её заклинанием говорящей воды, мы пропустили бы самое интересное. Да и шар-артефакт снова удивил. Замок с ним не только молодец, но и вот что умел, оказывается. Вторая ученица смотрела сквозь стены, плела заклинания и слушала разговоры, а я чувствовала себя мальчишкой, впервые попавшим на ярмарку в день Праздника урожая. Рот не закрывался. Дышалось от восхищения через раз. В голове одно: «ух, эх, как это так?»

А ведь ещё о сложностях с завещанием нужно думать. О хитрости Карфакса, сочинившего историю с наследниками, достойную бродячего театра. О приказчике нынешнего лорда этих земель. О том, как Бель замирала с идиотской улыбкой, разглядывая магическим взором симпатичного господина Монка. Пропала девчонка. Ещё не влюбилась, но пары лишних встреч будет достаточно. Сейчас она спросит, как его зовут, где он живёт.

— Ушёл уже, — вздохнула Бель и несколько раз моргнула. Взгляд прояснился.

— Проследить бы за ним, — предложила я. — Мутный господин. Про завещание тут Мюррею плёл, а на уме незнамо что. Как бы не за шаром приходил. Разнюхивал...

— Ему просто интересно, — тонким голоском ответила Бель и смяла край передника. — Ничего такого.

Ладно, хоть не покраснела. Ой, беда. Я сама ни разу не влюблялась, но со стороны видела, какими дурами становятся девушки. На самом деле дурами. Парень из попоек с друзьями не вылезает, ни в грош её не ставит, а она: «Ничего страшного, он хороший. Поженимся — остепенится». Ага. Два раза. А Монк с его шитым золотом камзолом — вообще далёкая звезда с неба. И тот ещё пройдоха.

Окрутит нашу Бель вокруг пальца, все секреты про шар узнает, обрюхатит и бросит.

— Да он, наверное, женатый, — закинула я второй камень в огород приказчика.

— Скажешь тоже, — вот теперь Бель покраснела. — Одинокий он. Кольца на пальце нет.

Всё. Катастрофа. Она о кольце подумала! «Держите меня семеро, уж замуж невтерпёж». И это восьмидесятилетняя колдунья? Зря её матушка с бабушкой в лесу держали, ой, зря. Что ж мне теперь ото всех мерзавцев её отбивать? А Монк поопаснее трактирщика будет. Образованный, умный, хитрющий, как Карфакс. Они когда на словах грызлись, ни в чём друг другу не уступали. Нет, следить мы за ним не пойдём. Я передумала. Чем дальше от него будет Бель, тем лучше.

— Учитель, — встрепенулась ученица и вытянула спину.

В коридоре слышались шаги. Злой Карфакс заговорил раньше, чем открыл дверь:

— Мередит! На пару слов.

Моя паника отразилась в глазах Бель. Колдун всё понял? Как смог? Мы же не выходили из комнаты и колдовали совсем чуть-чуть. Ладно, куролесили вдвоём, а отдуваться мне одной выпало. Или речь пойдёт о другом? Вдруг Карфакс о Гензеле спросить хочет. Я медленно выдохнула, кивнула притихшей подруге и вышла из трапезного зала.

От колдуна веяло холодом. Он так крепко сжал зубы, что я подумала — уж не свело ли челюсть судорогой? А то и удар хватил. Нет, это невыносимо, пусть говорит, зачем позвал!

— Слушаю, господин Мюррей.

— Мне вешать купол тишины в следующий раз? Я недостаточно чётко выразил приказ никуда не лезть?

— А что случилось? — с притворным удивлением округлила я глаза. — Мы сидели в трапезном...

— Мери, не строй из себя глупышку, тебе не идёт. Шар крепко опутал замок и всех, кто в нём находится. Тебя, меня, Анабель. Двух дней не прошло с тех пор, как она здесь появилась, а я уже начал чувствовать любое движение силы. Даже принесённой извне господином Монком. Обычно, чтобы обнаружить один поисковый артефакт, нужен второй поисковый артефакт или особое заклинание. Но я видел, что происходит. А заодно заметил двух любопытных пичужек, наивно считающих, что приказы учителя можно нарушать.

Меня затошнило от неприятных чувств. Ненавижу, когда ловят за руку. Стыдно очень. Я ведь, правда, считала, что раз колдун не стоит рядом, то ничего не видит. А замок не только помог, но и предал нас с Бель.

— Накажете меня теперь? Сколько золотых вычтете из жалования?

Сил посмотреть на Карфакса я в себе не нашла. Чувствовала, что подошёл ближе. Видела, как тень от его ног накрыла мои. Колдун специально не вызвал Бель на разговор? Думал, что она в третий раз схватится за чашу с водой? Почему вся тяжесть ответа за проступок досталась мне одной?

— Должен наказать, — голос Карфакса прозвучал совсем рядом, — но не могу. Не бойся, Анабель нас не слышит. Хватило ума не подставляться ещё раз. Мы одни в коридоре.

Почему-то теперь стало по-настоящему страшно. Я вспомнила, как он смотрел на меня возле заброшенного дома. Вспомнила то, что случилось в спальне возле ванны.

— Вы обещали не торопиться...

— Как долго прикажешь терпеть? Это сложно, Мери. Голова не тем занята. Должен думать о предстоящем суде, а я... Ты восхитительна, когда колдуешь. Поверить сложно, что на это так приятно смотреть. Куда пропадает вся деревенская простота?словно шелуха слетает. Благородную кровь не спрячешь. Бесполезно.

Он качнулся ко мне, а я сползла спиной по стене. Чудом увернулась от поцелуя. А должна была сбежать. Руками в грудь толкнуть или прочитать заклинание щита. Ага, как же. Ноги не держали, комната подёрнулась туманом.

— Мы ведь плохо поступили, — пыталась я вернуть колдуна в реальность. — Хотя бы нотацию прочтите, что подслушивать нельзя.

Карфакс тяжело выдохнул. Во второй раз увернуться не дал. Поставил руки рядом со мной на стену. Заключил пичужку в клетку.

— Как будто не знаешь. Мама с бабушкой не учили? Сомневаюсь. А мой долг, наоборот, предупредить, что первое правило колдуна — не пались. Второе правило колдуна — если спалился, то всё отрицай. Но я дрянной учитель, Мери. Особенно, когда в ученицах ты.

Клетка превратилась в объятия. Колдун прижал меня к груди. Странно, но я не чувствовала ничего, кроме прикосновений его крепких рук. Замок исчез, мыслей в голове не осталось. Хотелось спрятать лицо и не позволить первому поцелую случиться таким. Почти против воли. Он другим должен быть! Нет!

— Прости, — Карфакс коснулся губами моей щеки и отпустил. — Пойдём в трапезный зал. Я всё-таки обязан отчитать Анабель и объяснить, как умелые колдуны ведут слежку. И заодно, как подделывают документы.

Он ушёл, а я ещё несколько мгновений смотрела в пустоту перед собой. В этом замке все с ума посходили? И я тоже?

Глава 12. Магические тонкости

Анабель

Пока господин Мюррей и Мери разговаривали, я успела убрать посуду со стола. Помыть бы ещё, а то присохнет, потом не ототрёшь. А на мыльное зелье ингредиентов не хватает. Не растёт возле замка нужный корень. Придётся идти обратно в лес к нашему с мамой дому. Но как упросить учителя отпустить меня? Вдруг такое запрещается правилами?

Дверь отворилась с тихим скрипом. Я набросила на грязную посуду полотенце и обернулась. Опять что-то случилось. Мери потухла, будто свечу задули. Не выходила из-за спины мага и не поднимала взгляд.

— Сколько ягод брусники ты кладёшь в подслушивающее зелье?

Теперь всё понятно. Учитель настолько искусен в магии, что обнаружил нас. Мередит наказание уже получила, пришёл мой черед. Хотя нет, не понятно.

— Это же зелье, — пробормотала я. — Оно не создаёт магических потоков, вплетающихся в те, что пронизывают замок. Там другой принцип действия. Я видела. Проверяла! Как вы нас заподозрили?

Совершенно невозможный поступок. Семьдесят лет, пока изучала магию, я чётко видела, чем зелья отличаются от заклинаний. Всем! Сила, заключенная в травах, не смешивалась с той, что колдуны доставали из своей сущности или черпали из мира. Они разные, как земля и воздух.

— Наивное дитя, — покачал головой маг. — Я наизусть знаю сотню рецептов. Две капли в воду — и вот она уже вибрирует в такт нашим с Монком словам. И заклинание отмены ты рукой смахивала. Вот так.

Мюррей показал, а я губу от стыда прикусила. Речь о магических потоках даже не шла. Он видел, что я делала и догадался. Обидный провал. Зря я радовалась, что замок показывает каждую комнату. Подставила нас с Мери.

— Простите, господин учитель.

— Так сколько ягод брусники?

Хмурые складки у него на лбу не разглаживались. Я уже клялась себе, что больше ни одной оплошности не допущу. Двадцать раз проверю прежде, чем колдовать, тридцать. Лишь бы сейчас меня наказали, а не выгнали. Полы во всём замке месяц мыть? Я согласна. Два месяца? Дайте ведро и тряпку. Святые предки, единственный шанс стать полноценным магом, а я чуть не потеряла его из-за любопытства. Нет мне прощения!

— Десять, — совсем тихо ответила учителю. — Нет, в этот раз пятнадцать. Брусника мелкая была.

— Голубику к ней добавляй. Две крупные ягоды. Тогда заклинание отмены не понадобится. Зелье само растворится в воде через полчаса. Полезно, когда приходится оставлять чашу на месте преступления. Подслушивания. И уходить.

От удивления я примёрзла к полу. Стадию облегчения от несостоявшегося наказания проскочила сразу, радость почувствовать не успела, зато испугалась, что забуду про голубику. Две ягоды, две ягоды. Надо же, как ловко. Ни за что бы сама не догадалась.

— А когда их добавлять? До того, как зелье закипит или после?

— Можно даже в готовое и холодное. Но не порть сразу все свои запасы. Если место, где ты сидишь с чашей, надёжное, то лучше не отвлекаться на постоянное обновление зелья. Пусть работает до победного. Мери, не стой у меня за плечом, пожалуйста. Я урок не для одной Анабель читаю. Сядь на стул.

Соученица рухнула на него, как подкошенная. Если бы не пышная юбка, то было бы больно. Я перестала понимать причину её горя и полностью сосредоточилась на учёбе.

— Господин учитель, а можно перо и бумагу взять? Они в сумке остались. Я быстро сбегаю туда и обратно.

— В кабинете возьми, — разрешил маг. — Заодно принеси документы со стола. О них я тоже хочу рассказать.

Представить не могла, что первый урок выйдет настолько потрясающим. Нет, я знала, что Ролланд Мюррей — великий колдун, мама рассказывала. Но как он понимал магию, как интересно объяснял

её тонкости — отдельная история. Даже Мери прониклась и к середине урока перестала быть букой.

— Не привыкайте к тому, что магии в замке много, — наставлял он. — Шар так работает. Отойдёте на несколько шагов от главных ворот, и то, что легко удавалось здесь, перестанет получаться. Учитесь как следует, тренируйтесь. Кроме того, никогда не ставьте прослушку в незнакомом месте. Там, где нет путей к бегству. Где не уверены, что через стену не подслушивают уже вас. За преступления колдунов судят раз в десять строже, чем простых людей.

Да, господин Монк удивлялся, я помнила.

— А подделать завещание — преступление? — подала голос Мереди. Впервые с момента, когда вернулась в комнату.

Учитель как будто обрадовался. Обернулся к ней, спрятал улыбку и заговорил теплее, чем обычно:

— Ещё бы. Но завещание настоящее. Его действительно написал Роланд Мюррей, а состарилось на триста лет оно с помощью магии.

— Заклинание усушки? — не вытерпела я.

— Нет, временной сдвиг. В замке несколько десятилетий было сыро. Пергамент, наоборот, размок.

Мамочки, неужели настоящий «временной сдвиг». Это же высшая магия!

«А вы меня научите?» — рвалось с губ, хоть рот затыкай. Куда делось моё воспитание, старательно привитое матушкой? На стуле ёрзала так, что чуть не протёрла в нём дыру. И постоянно себя одергивала.

«Держи спину ровно, Бель. Вот здесь помолчи. Не лезь с вопросами. Учитель сам расскажет. Отомри и записывай. Быстрее!»

— А выписки из храмовых книг? — Мери по ложке подливала дёготь в бочку с мёдом. — Они тоже настоящие?

— Нет, фальшивка. Вместо печатей и подписей — морок. Если помните, я заставил приказчика выкинуть артефакт-обнаружитель магии. Иначе обман бы раскрылся.

— А в зале суда? — не унималась вторая ученица. — Вы же сами говорили господину Монку, что там артефакты тоже есть.

— Да, есть, — кивнул маг, — но если прочитать над пергаментом заклинание стазиса, то артефакт не почувствует магии.

— «Стазис» не ложится на «морок», — уточнила я. — Они несовместимы. «Морок» сразу улетучивается.

— Если капнуть на пергамент «закрепителем», то никуда не денется, — глаза учителя блеснули азартом. — Напомни рецепт зелья.

— Болотная вода, железная стружка, чёрная смола, — охотно загибала я пальцы и едва дышала от восторга. В книгах такого нет и никогда не будет. Вот что значит опыт, помноженный на талант и годы жизни. И всё это могло пропасть, умри Роланд Мюррей по-настоящему. Как же мне повезло. Какие же мы с Мери счастливые! — птичий помёт и горюн-трава. Много горюн-травы.

— Верно. Так что в суде подвоха с документами не заметят. А если господин Монк будет настолько упрям, что захочет проверить настоящие записи в учётных книгах, то его ждут два неприятных сюрприза. Первый. Здание суда, где якобы осудили Альберта Норфолка, сгорело два года назад. Вместе с архивом, да. И второй. Я специально указал местом рождения Генриха и Альберта деревню Выселки. Знаете, сколько их в королевстве? Пятнадцать. И знаете, где? На выселках. На самых дальних окраинах королевства. Замучается ездить. Полгода потратит. И то, если все другие дела бросит. Я успею выиграть суд, всё будет хорошо. Альберт Мюррей — колдун и точная копия деда. Ни один судья в здравом уме не вынесет решение в пользу Гринуэйя. Замок и земли снова станут моими.

Я верила в это всем сердцем, а Мери, кажется, сомневалась. Или просто до сих пор дула губы невесть на что.

— Так вот, — учитель сцепил пальцы в замок и посмотрел на нас обеих. — Приказ не показываться на глаза господину Монку остаётся в силе. Я до сих подозреваю, что бумаги его волнуют постольку поскольку. Он ищет шар. Сам или по заданию хозяина — не важно. Ищет. А мужчины его профессии верят, что женщины чрезвычайно болтливы. Увидев вас, юных и неопытных, он

обязательно захочет вытянуть как можно больше. Не давайте ему шанса. Близко к нему не подходите. Мы договорились? Или так же, как с приказом сидеть в трапезном зале?

— Мы договорились, — поспешила ответить я. — Ещё раз простите нас, учитель. Больше такого не повторится.

— Хорошо, — ответил он и поджал губы. — Тогда свободны. Задание для тренировок — зелье-закрепитель, заклинания стазиса и морока. Даю два дня на то, чтобы спрятать от меня одну фальшивку среди девятнадцати настоящих документов. Если я её найду, месяц будете спать не в своей комнате, а в подвале. Наказание достаточно суровое или мне ещё подумать?

— Достаточно, — поспешила заверить его я, и Мери согласилась.

Мерedit

Колдун ухаживал за мной набегами, как разбойники из Пустого приграничья разоряли деревни. Он не спрашивал, хочу ли я его внимания. Вопрос «да» или «нет» не стоял. Только «когда ты будешь готова сдать?» А если никогда? Насколько хватит его терпения? Не превратится ли настойчивость в насилие?

Никто не мог ответить мне на этот вопрос. Карфакс молодец и с каждым днём становился сильнее. От простых заклинаний переходил к сложным. От тёмных и старомодных нарядов — к камзолам, как у господина Монка. Портной Гензель не сдерживал себя. Принёс образцы всех тканей, какие были, и набрал работы на год вперёд.

На робкий вопрос «простите, а что стало с вашим гардеробом» колдун ответил «поизносился за пятьдесят лет». Вот так просто и без подробностей, да. Гензель, конечно же, ничего не понял. История с Альбертом Мюрреем, осуждённым рубить камень в каменоломне, ещё не просочилась в город. Карфакс велел нам с Бель засечь время до появления слухов. Хотел проверить, насколько болтлив господин Монк. И, если повезёт, выяснить, откуда пойдёт сплетня.

— Анну в трактире нужно спрашивать, — сказала я. — Она всё обо всех знает.

— Хорошо, — не стал спорить колдун, — но слишком часто туда не ходите. Там может ужинать Монк.

«Что ж нам теперь в городе совсем не появляться?» — хотела огрызнуться я, но смолчала. Если Бель в деле похищения шара оказалась не при чём, то за остальных подозрительных личностей, интересующихся замком и его хозяином, я ручаться не могла. Зато вспомнила о портретах в подвале. Когда вторая ученица начала засыпать над книгой с заклинанием морока, позвала её посмотреть на родственников Роланда Мюррея.

— Большой подвал, — со вздохом сказала она, разглядывая каменные стены нашей будущей темницы. Судя по тому, как медленно варился «закрепитель» и как плохо «морок» на него реагировал, пора обжиться. — Меня дома в погреб сажали за провинности. И лишали книг. В первый день я умирала от страха, а во второй от скуки.

— Мои родители не позволяли детям так долго прохлаждаться без дела, — хохотнула я. — Братьев сразу поролли розгами, а нас с Еленой отправляли на огород. Полоть сорняки на грядке с только что взошедшей морковью — то ещё наказание. Нам направо. Поставь свечу вот сюда.

От магии под вечер тошнило. Не стовариваясь, мы с Бель взяли обычные свечи, подпалили фитильки от лампы и понесли в подвал. Свою подруга поставила на полку, а я сдёрнула ткань со сложенных стопкой картин.

— Роланд Мюррей, — прочитала Анабель надпись. — А он сильно изменился. Ни за что бы не узнала.

Да, стал старше и вреднее характером. Тут гадать не нужно. Триста лет затворничества не могли на нём не отразиться. Изменился. Но сердце у меня одинаково билось, глядя на портрет и на живой оригинал. Глупо врать самой себе, что колдун мне безразличен. И внимание приятно. Захотела бы я посмотреть, как он ухлёстывает за Бель? Конечно, нет. Но и позволять себя целовать я отчаянно не готова.

«Собака на сене, — фыркнула бы Елена. — Ни себе, ни людям».

Пусть так. Мне всё равно не стать леди Мюррей. Ещё немного и колдун поймёт, что похоть лучше утолять на стороне. Натешится с какой-нибудь горожанкой: вдовой или распутной девицей, и успокоится. Станет мне хорошим учителем. Прежним строгим господином. Не опустится он до поступка трактирщика, зря я переживаю. Не тронет. Походит ещё немного вокруг, гордость его заест и отступится. Где это видано, чтобы хозяин за служанкой бегал? Глупость. Временное

помутнение головы. Прихоть помолодевшего тела.

— А Мюрреев-то немного, — вполголоса сказала Бель, перебирая портреты. — Девиль, Шонбли, Граззо.

— Большой род, — кивнула я. — Интересно, все колдуны или обычные люди тоже попадались?

— Мама говорила, что дар в роду может угаснуть. Но проявиться потом через много лет у какого-нибудь троюродного кузена. Этот, кажется, похож. Что скажешь?

Нет, я ошиблась. Думала, наш гость прям вылитый мужчина с портрета, а здесь...

— Разве что глаза, немного нос и уши.

— Томас Граззо, — прочитала Анабель имя на холсте. — Совсем далеко от Монка.

— И от Гринуэйя, — добавила я. — Эх, жаль. Каюсь, была мыслишка, что сам нынешний лорд прискакал в замок посмотреть на прохвоста, мечтающего отнять его земли. Уж больно камзол у приказчика дорогой. Но много чести. Лорд, поди, занят по уши, ему не до нашего захоlustья. А Монк молодой. Его гонять и гонять. Ничего, поспит на постоялом дворе, поест в трактире, потолкается на рынке, только крепче станет.

— Он вроде уже, — пробормотала Бель и опустила взгляд. — Плечи такие... широкие. Руки сильные.

Ой, нет. Ой, всё!

— Пошли учиться, — набросила я ткань на портреты и взяла её за локоть. — Нужно победить проклятый «стазис» и вредный «морок». Дела сердечные подождут.

— Да я не об этом, да я другое имела в виду! — заупиралась Бель. — Учёба для мага всегда на первом месте. Я всего лишь хотела сказать, что господин Монк хорошо выглядит. Не как старый лесник, что жил у нас по соседству. Понимаешь?

На воре и шапка горела, ага. «Господин Монк» уже не сходил с языка, и глаза блестели ярче обеих свечей.

Как у меня, когда я смотрела на Карфакса до злополучной ванны.

«Красивый мужчина. Статный, высокий». Дрова он рубил во дворе замка и впервые снял уродливый камзол.

Ох, Мери.

В голове снова всё перепуталось и сердце застучало так, что ком стоял в горле. Нельзя мне влюбляться. Даже думать в ту сторону. Глупо! Глупо! Глупо!

Но вдруг я уже?

Смеюсь над Бель, а у самой: «Карфакс, Карфакс». На каждом шагу, в любых мыслях и всегда перед глазами. Что со мной?

— Что с тобой, Мери? — вторая ученица тряхнула меня за плечо. — Ты будто уснула. Идём?

— Да, да, — спохватилась я. — Идём.

Анабель

Задание господин учитель дал интересное, но сложное.

Мы с Мери договорились, что писать будем по десять документов, а я возьму на себя всю магическую составляющую. Соученица старательно выводила корявые буквы, но помощи не просила. Гордая. Это хорошо. Если не получится, злиться на себя будет, зато работать сможет больше. На злости всегда легче учиться.

Пока Мередит переписывала сонет из сборника стихов, мне удалось сварить «закрепитель».

— Болотная вода, железная стружка, чёрная смола, птичий помёт и горюн-трава, — бубнила я под нос, записывая для неё рецепт. Сама-то вызубрила ещё лет десять назад, а свежее испечённой колдунье придётся вести тетрадь. И сверяться с записями каждый раз, когда учитель задаст очередное зелье. Ну ничего. Лет через двадцать встанет к котлу и с закрытыми глазами сварит хоть «омолодитель», хоть «утешение желудка». А пока у нас «закрепитель».

Сложнее всего оказалось найти две охапки горюн-травы. Именно столько её требовалось для зелья.

Мне пришлось идти за ворота замка и бродить там в поисках полянки, заросшей красноватой травой. «Горюн» — потому что горела на закате ярко-ярко. С птичьим пометом тоже оказалось непросто. Во дворе никто не гадил. Мери грозилась завести цыплят, но выданные господином Мюрреем деньги ушли на задаток портному Гензелю. А вороны, сороки, орлы, коршуны и прочие облетали замок стороной. Повышенный магический фон чувствовали? Или их когда-то здесь отстреливали из луков? Мери пожала плечами в ответ на мой вопрос.

— Не знаю, кто тут жил триста лет и чем развлекался. Разбойники могли и по птицам стрелять. Потехи ради.

— Ужас, — возмутилась я. — И как им природа не отомстила?

— Их жизнь наказала. Кто не спился, того свои же в драке убили. Или городские стражники в тюрьму посадили, а потом на плаху отправили. В итоге птиц у нас в округе больше, чем разбойников.

— Жаль, что не в замке.

— В деревню надо идти, — хохотнула Мери. — Там в курятниках помёта навалом.

— И то верно.

Поскольку писала соученица совсем медленно, я оставила её «на бумагах», а в чужой курятник залезла одна. Набрала ингредиентов на год вперёд. Курица же птица? Птица. Ну и что, что не летает? Зато помёт свежий. Зелье должно выйти отменным. Скрепя сердце, я ещё и два яйца прихватила. Заведём с Мери своих куриц — верну с лихвой. А то из-за усердной учёбы голод совсем замучил.

Хорошо, что сложности с компонентами зелья на этом закончились. Железная стружка волшебным образом нашлась на полу в подвале, а в болотной воде недостатка никогда не было.

Последним испытанием стала посуда. Я впервые варила в котелке с дыркой на боку.

— Зато не жалко испортить варевом из помёта, — пробормотала Мери, заканчивая подлинники. — Потом выбросим. Делов-то?

— И новый купим, — припечатала я. — Такая посуда — позор для мага.

— Ага, — согласилась соученица. — Зелье проверь. Не то, чтобы я жаловалась, но пахнет мерзко. А мы на кухне.

— Сейчас «проветрю».

Заклинание очистки воздуха я за последний час читала трижды. Зелье кипело вовсю. Но к моей гордости получилось. Сероватое, жидкое. Как в учебнике! Я разлила готовое снадобье по бутылочкам, укупорила их и подписала этикетки.

Когда Мери поставила точку на девятнадцатом подлиннике, я на скорую руку составила фальшивку. Что писать на подложном документе, думала не долго.

«Мерedit и Анабель лучшие ученицы на свете! Я, Альберт Мюррей, никогда не заставлю их ночевать в подвале!»

Проставила сегодняшнюю дату, а для подписи оставила место там же, где и на других документах.

— Ну вот, — сконфузилась Мери, — пока ты делала всю работу, я каракули царапала. Даже на варку зелья толком не посмотрела.

— Наглядишься ещё, — улыбнулась я. — И нанюхаешься. Большинство зелий не из цветов делается. Смотри, что я тебе записала. Тут «прослушка», «противопростудное», «тонизирующее», «сонное» и парочка моих любимых. Только самые простые, ты уже сейчас с ними справишься. Да и потом будем тренироваться. Через месяц перейдём к сложным рецептам. Ты, например, знала, что есть зелье, заставляющее скотину расти в три раза быстрее? Можно не девять месяцев свинью кормить, а всего три. Но предупреждаю сразу, мы замучаемся собирать ингредиенты. Их там сорок по списку.

— Зато с гарантией, — глаза у Мерedit загорелись. — Не то, что шар. Да ну его вообще! «Взбрыкнёт», перестанет работать, и останемся без мяса. Сколько, говоришь, свиней за раз растить можно? Одну себе оставим, остальных Питеру отнесу. Будут деньги и на котёл, и на бумагу с чернилами.

Быстро она общую выгоду сообразила. Чудо, а не соседка по замку. И я теперь знала, как

вдохновить её на учебные подвиги. Достаточно пообещать полезное зелье. Соученица уже вчитывалась в записи и предвкушающе улыбалась.

Закрепитель пришлось лить на фальшивку струёй. Я боялась, что его не хватит, и тогда заклинания не лягут так, как надо. Потом мы вдвоём прочитали «морок» и поверх него «стазис». Вышло хорошо, но мокро. По-настоящему мокро, с бумаги капало. Мери предложила «подогреть на огне», но я послала её в нашу комнату за полотенцем.

— Да пошутила я, — фыркнула соученица и протянула какую-то тряпку. — Не хватало ещё сжечь результаты нескольких дней работы. Вытри, должно помочь.

Вот тебе и сложная, экспериментальная магия. Я как могла высушила фальшивку, положила её к подлинникам, и мы пошли сдаваться господину Мюррею.

Глава 13. Тяжелые разговоры

Мерedit

Будь проклята писанина во веки веков! Пальцы судорогой сводило, а буквы больше напоминали кляксы, чем почерк господ благородных колдунов. На последние листы я без слёз смотреть не могла. И всю учёбу из-за них пропустила. Так что если мы и сдадим задание, то только благодаря Бель.

— Не волнуйся, — шептала она, — мы всё сделали правильно. Я тысячу раз варила это зелье, накладывала «морок» и ещё больше использовала «стазис».

— По отдельности, — ворчала я. — А наша пляска на раскалённых углях в другом заключалась.

Ответить ей было нечего. Ворох бумажных листов шуршал в руках, фальшивка, наконец, просохла, и мы добрались до кабинета Карфакса.

Господин учитель сидел за столом. Старым дубовым монстром с потайными ящиками и дверцами, закрывающимися на ключ. Я в своё время замучилась протирать его от пыли. Она поселилась в каждой трещинке, каждой завитушке сложного узора резьбы. Хуже только фолианты в металлических обложках. Там всё мелкое и острое. Я пять тряпок порвала, пока прибиралась на полках.

— Справились? — с недоверием в голосе спросил Карфакс. — Мери, и ты тоже?

Сердце болезненно ёкнуло и ушло в пятки.

— Д-да. Вот бумаги.

А ложь он тоже заклинанием определял? Или специальное зелье выпил, чтобы видеть нерадивых учениц насквозь? Так я не врала. Писала же вот эти самые бумаги? Писала. Справилась.

Колдун забрал документы и начал проверять. Аккуратно переворачивал каждый лист, подносил к пламени свечи, хмурился. Лишь бы на зуб не пробовал. Там же зелье из помёта! Бель рядом со мной перестала дышать. Мне кажется, я слышала, как она скрипела зубами. И не в подвале дело. У мастеров такое называется «делом чести». Я-то что? Я недоучка. Если облажаюсь, то переживу. А Бель семьдесят лет над книгами чахла.

— Ну что уж совсем в лоб? — проворчал Карфакс, разглядывая фальшивку. — «Лучшие ученицы. Никогда не заставлю». Вы лучшие только потому что единственные. И вот вам последний урок. Думайте, какие документы подделываете. Я в здравом уме ни за что бы такое не подписал. А я в здравом уме. Не напивался в последние годы до бесчувствия, не бился головой о камни. Не докажете, что она подлинная, даже если заклинания наложены правильно.

— Но ведь правильно же? — не сдавалась отважная Бель. — Что показывает артефакт-определитель магии?

У меня язык не повернулся бы перечить Карфаксу. Мысленно отпускать ехидные шуточки — пожалуйста. А вот так смотреть прямо в глаза и гнуть своё? Ох, нет. Не сейчас уж точно. Кажется, такому нужно учиться ещё усерднее, чем магии.

— Правильно, — нехотя ответил колдун, — без магии шара, пропитавшей замок, ни за что не определить. Задание выполнено. Переезд в подвал не состоится.

— Ох, — выдохнула Бель и добавила так тихо, что я едва разобрала: — Все нервы здесь оставлю.

Победа, да. Мне бы радоваться вместе с ней или хотя бы успокоиться, однако я знала Карфакса чуть дольше, чем вышедшая из леса не-леди. Недоволен он. Наказание отменил, но и хвалить не собирался. Сейчас сдвинет брови и что-нибудь скажет.

— На сегодня свободна. Завтра перечитай учебник общей магии и выпиши три способа поднять предметы в воздух.

— А можно я сейчас расскажу? — подняла палец Бель. — Там же элементарно. Левитация, воздушный удар...

— Нет, — оборвал её колдун. — Не можно. Я сказал «завтра». Ступай.

Соученица ошалело хлопнула ресницами и поджала губы. Да, Бель, дело дрянь. Где-то мы крупно просчитались. И Карфакс не настолько добр, чтобы сразу сказать, где.

— Хорошо, мы пойдём. Мери?

Она обернулась ко мне и слово «мы» повисло в воздухе вместе с моим именем. Нет, я не дура. Слушать господина учителя умею. Отпустил он только Бель и задание тоже дал только ей.

«Иди, — махнула я рукой, не отрывая локоть от поясницы. — А я останусь».

Разгребать, расхлёбывать и отдуваться за двоих, раз уж господину Мюррею так угодно. Или только за себя? Странно, но ужас начал хватать за сердце только сейчас. Вдруг я что-нибудь ценное испортила в замке во время уборки и не заметила? Или выбросила любимую вещь колдуна, посчитав её хламом? Святые предки, пусть Бель уходит быстрее!

Дверь с тихим стуком закрылась за спиной, а Карфакс встал из-за стола.

— Вот так, значит, ты отплатила мне за мягкость?

Точно что-то натворила! В животе похолодело, щёки, наоборот, обдало жаром и задрожали колени. Я же не помнила! Не знала! Как теперь оправдываться? Но лучше признаться и сойти за глупую, чем злить колдуна ещё сильнее. Обычный господин поорёт и успокоится, а как отреагирует пропитанный магией замок на вспышку ярости его хозяина — даже представлять не хотелось.

— Отвечай! — Карфакс звонко хлопнул ладонью по столу, и я втянула голову в плечи.

— Н-не понимаю, о чём вы...

— Ах так?! — злость колдуна набирала обороты, воздух в кабинете прогревался, будто я растопила камин. — До победного решила врать? Совсем страх и совесть потеряла?

Да я бы давно прощение вымаливала, если бы знала за что. Почерк в документах некрасивый? Ошибок много?

— Я исправлюсь, господин Мюррей, — пробормотала, не поднимая взгляд. Чужая ярость, помноженная на магию, давила на плечи. — Больше не повторится...

Он стол перевернул. Поднял его, как щепочку, в воздух и опрокинул на пол. Всё, что на нём было, разлетелось по кабинету. Чернильное пятно впитывалось в ковёр, у фолианта треснул переплёт. Ко мне под ноги прилетели наши с Бель магические труды, а я думала только о том, сколько силы появилось у колдуна. На трёх мужчин хватит. Стало ещё страшнее. Если ударит — убьёт.

Слёз так и не было. Мама предупреждала, что если будет совсем плохо, то надо плакать. Последнее средство против любого хозяина-тирана. Как бы ни был зол, увидев женские слёзы, рукой махнёт: «Да что с тебя взять?» Однако оно действительно самое крайнее. Не спорю. Но ведь никак. Я столбом стояла и не могла пошевелиться.

— Видишь, до чего ты меня доводишь? — глухо спросил Карфакс. — Специально, да? Я слаб перед тобой, уязвим. Наказать не могу. А ты пользуешься этим. Учиться скучно? Пусть Бель всё за тебя делает, врёт дураку-Мюррею, он слова не скажет. Потому что влюблен. Так, да? Тебе нравится, что я страдаю?

Теперь я точно ни слова из себя выдавить не могла. С трудом поняла, что наше с Бель разделение обязанностей в учёбе раскрыли, но что последовало потом... в голове не укладывалось вообще. Великий колдун страдал. Чуть придумывал, мебелью швырялся — и всё из-за меня?

Меня разрывало на части. Одной Мери было безумно приятно, что из-за неё, вторая умирала от стыда и страха, третья жалела испачканный чернилами ковёр, четвёртая клялась, что будет учиться ещё усерднее, пятая мечтала сбежать.

— Почему ты молчишь? — спросил Карфакс. — Я своим признанием окончательно всё между нами уничтожил, да? Радуйся тогда, ты добила своего. Великий колдун побеждён без единого заклинания. Тобой побеждён.

— Но я ничего не сделала, — голос вернулся, надо же. Хрипел и срывался, зато я говорила. — Куда мне, слабенькому магу? Криворукому неучу, к тому же. Да я три дня угробила на эти письма. Я в первом же написала больше слов, чем за всю жизнь. Никто не хотел вас обманывать. Я просто не справилась. А Бель добрая и ей не лень со мной возиться. Она помогает, исправляет, объясняет, что не так. Вы же всё перевернули. Вы сами себя обидели и меня оговорили. Зачем? Не надо так, пожалуйста.

— Бель добрая, — повторил он и отступил на шаг. Злость и ярость угасли, словно костёр водой залили. — Возитесь с тобой. Всё правильно, да. Ты свободна, Мери. Учите три способа поднять предметы в воздух. Вместе. Урок окончен.

Всё-таки выгнал меня. Не дослушал, не услышал, снова что-то эдакое решил и выгнал. А уйти я не могла. Горечь душила от слов «всё кончено». Почему я так долго не понимала, что он мне важен? Дорог, незаменим? Что не должно у простой служанки болеть в груди так сильно от слов «ты свободна». Да не хочу я свободы! Я остаться хочу!

Дверь снова скрипнула, и раздался голос Анабель:

— Господин учитель, можно? У Мередит мама в деревне заболела. Она в бреду, никого не узнаёт. Пришёл Нико, старший из братьев. Он просит вас помочь.

Из огня сразу в лёд и обратно. Разные части Мери внутри меня снова не смогли договориться. Кричать, умолять, бежать? Вопросы толпились в голове, зато ноги сами понесли, куда надо.

— Где он? — метнулась я к двери.

Бель заглянула мне в глаза и тут же крепко взяла за рукав.

— Во дворе остался. Я испугалась, что шар тоже его услышит. Нико требовал тебя слишком уж громко.

— Идём, — вмешался колдун. Его голос из всех звуков, пробивающихся сквозь окружившую меня пелену, казался самым тихим. И самым желанным. — Я умею лечить. Надеюсь, будет не слишком поздно. Бред — это уже серьёзно. Слов нет, как же деревенские любят тянуть до последнего. То работа у них, то дети...

Я почувствовала, что он взял меня за локоть. Каменные стены замка полетели мимо. Откуда-то взялся запах гнили, тлена. Так пахло предчувствие смерти?

Нет, только не мама! Только не моя добрая, понимающая и заботливая мама. Отец не сможет без неё. А мы? Клаус ещё слишком мал. И Грета.

— Анабель, останешься здесь, — где-то над моей головой распорядился колдун. — Будешь охранять шар...

— Но я тоже умею лечить!

— ...его нельзя оставлять без присмотра.

— У меня почти готово исцеляющее зелье. Осталось добавить толчёный корень златоглазки и вскипятить. Господин учитель!

— Ты меня слышишь?

— Я хочу помочь.

Замок вокруг меня замер. Я не чувствовала пола под ногами, давно перестала понимать, куда меня ведут. И всё ещё слабо, почти неслышно приказывала себе собраться. Но ничего не вышло.

«Мама! Там моя мама».

Слёзы хлынули горячей рекой. Я зажимала рот, чтобы не стонать. Больно, как же больно!

— Ты очень поможешь, — тихо сказал Карфакс, — если останешься здесь. Тогда я перестану думать о сохранности шара и смогу сосредоточиться на матери Мередит. Замок под твоей защитой, Анабель. Самое время вспомнить всё, что умеешь. Я могу на тебя рассчитывать?

— Да учитель, — ответила она, и мы снова пошли.

Под вечер похолодало, но я не почувствовала этого. Всё горело внутри и становилось только хуже. Карфакс — колдун, он многое может, а если уже слишком поздно? Сколько Нико шёл до замка? Он бежал или еле тащился?

— Мери!

Тёмный силуэт метнулся от ворот. Фонарь над колодцем светил прямо в глаза. Я до сих пор вытирала слёзы, но кудрявую голову брата узнала раньше, чем его голос.

— У матери горячка! Нужно что-то сделать! Где колдун? Где Карфакс?

Я обернулась на колдуна, не понимая, почему Нико спрашивает. Карфакс здесь. Прямо перед его глазами.

— Мой приказчик Карфакс скончался две недели назад, — заговорил помолодевший Роланд

Мюррей, сбивая с толку всех, кто стоял во дворе. — Меня зовут Альберт Мюррей. Я новый хозяин замка и господин ваших земель.

У Нико такая мука отразилась на лице, что я испугалась ещё и за брата. Бледный весь, круги чёрные под глазами. Неужели сам заболел? У него тоже горячка?

— Господин Мюррей, — ответил брат через мгновение и низко склонил голову. — Простите, не знал. Я за мать пришёл просить. Она совсем плохая...

— Я постараюсь помочь, но ничего обещать не могу. Видишь ли, Нико, я и есть колдун, которого ты искал. Карфакс всего лишь перебирал бумаги, даже с хозяйством справиться не мог. А замок хранил мою силу. Отсюда и слухи взялись. Но хватит об этом. Лошадей у нас нет, путь не близкий, пора идти. Показывай дорогу.

«Лошадей нет», брата ожидаемо удивило. Господин же появился в замке. Почему без лошадей? И отговорка никак не сочинялась. Я стояла рядом с мужчинами и молчала.

— Я на телеге, — нашёл решение брат. — Отец доверил мне нашу кобылу Стешу, лишь бы скорее добраться до замка. Уж не побрезгуйте...

— Телега подойдёт, — перебил Мюррей. — Идём.

Нужно купить лошадей. Без них нельзя. Нико сейчас всё равно, но будь на его месте Гензель, разнёс бы новость по городу. Что прощалось чудаковатому старику Карфаксу, никогда не сойдёт с рук лорду. Где лошади? Он точно лорд, а не проходимец?

«Он колдун», — напомнила я себе и тут же потеряла мысль.

Отец дома. Стешу, единственную кормилицу, отдал не доросшему ещё до неё Нико. Никогда бы раньше так не сделал. Разве что... Отчаялся? Мамы уже нет? Или у неё осталось два последних вдоха?

Меня слово кнутом по спине огрели. Я запрыгнула на козлы и схватила вожжи. Кое-как успела заметить, что две тени нырнули за спину. Карфакс и Нико на месте. Можно гнать.

«Прости Стеша», — попросила я и ударила её вожжами.

Не помню, как мы доехали. Телега подпрыгивала на кочках, колдун охал, вцепившись в борта телеги, но ни разу не попросил придержать кобылу. Мой средний брат Лука маячил во дворе. И как только мы проехали ворота, сразу же схватил Стешу за удила.

— Тпру, тпру!

— Мери, — тронул за плечо Нико, — сюда.

Запах тлена стал невыносимым. В душном доме пар под потолком висел. Мама лежала на кровати и тряслась под одеялами.

— Вы что делаете? — крикнула я и бросилась к окну.

— Нет! — взвизгнула Елена. — Не трогай! Ей холодно.

Отца я увидела последним. Он сидел в углу и пытался накормить Клауса с Гретой. Дети не хотели есть кашу, мотали головами.

— Томас, — позвал он и сунул тарелку третьему из моих братьев. — Накорми.

— Папа, это господин Альберт Мюррей, — начал Нико, но колдун не стал ждать официального представления.

Обошёл Елену, открыл окно и сел на кровать к матери.

Такого взгляда я у неё никогда не видела. Как у рыбы плёнкой глаза затянуло. Губы потрескались и пожелтели. А запах. Гнилью было её дыхание.

— Мери, — прошептала она. — Где Мери? Что же никак не идёт?

А я рядом стояла. Рукой дотянуться могла.

— Мама...

— Воды в кружке принесите, — приказал колдун. — Чистой. И пусть все выйдут, кроме Мередит.

Подгонять семью не пришлось. Нико схватил малышей, Елена расплескала полкувшина, но стакан налила, а отец вывел Томаса. Тарелку брат так и унёс с собой.

— Пей воду, — сказал Карфакс, протягивая мне кружку. — Это для тебя. И оставайся рядом. Смотри. Как только её затрясёт, постарайся удержать. Лёгкие затянуло гноем. Будет тяжело тащить.

Я кивнула и залпом осушила кружку. Забыла уже, какой вкус у воды из нашего колодца. Протухшей показалась. Шатало меня так, что хоть за стены хватайся.

«Стоять, Мери», — напомнила я себе и шире поставила ноги.

Буду вращаться в дом, буду вращаться. Пока не понадобится.

— Ти вора. Аскульто дио, — начал Карфакс читать заклинание. У матери глаза закатились, и в чёрном провале рта показался язык. — Ин гирас дом сутиль.

Кто-то зашуршал по углам, пламя свечей заколыхалось.

«Сквозняк, — сказала я себе, — окно открыто, а теперь и дверь». Не примыкала плотно. Усохла. А на замок денег не было.

— Ти вора, — повторил колдун, — аскульто дио.

Тело матери выгнуло дугой. Я дёрнулась к ней и замерла. Не трясло же. А указания колдуна нужно исполнять в точности. Иначе всё сорвётся. Не в замке мы, не на уроке. Святые предки, как же страшно.

— Ин гирас дом сутиль, — громче сказал колдун, и больная захрипела.

Пена выступила на губах. Желтые пузыри лопались и воняли болотом. Бледная кожа пошла красными пятнами.

«Вращаться в дом, — бормотала я про себя. — Стоять».

Мама.

Мы верили, что она будет жить вечно. Что мы состаримся, заведём внуков, а с кухни всё так же будет пахнуть супом. И уже морщинистые руки под неспешную песню постучат ложкой по краю котелка.

Как же быстро кончилась наша вечность.

— Мама! — крикнула я сквозь слёзы.

— Мери, давай!

Её, наконец, затрясло. Жёлтая жижа хлынула изо рта. Карфакс давно держал ноги, а мне кивком головы показал на грудь. Не знаю, откуда взялись силы. Я так придавила маму к кровати, что собственные рёбра затрещали. Она горела. Стала живым факелом и сплошным комком боли.

«Живи, — просила я, — прогони болезнь, пожалуйста. Дай колдуну её вытащить».

За гноем пошла кровь. Две пригоршни чёрной вязкой крови. Она вылилась на подушку и вдруг пожелтела.

— Всё, — выдохнул Карфакс. — Достал. Недуга больше нет.

Мать затихла, а меня в дрожь бросило. Колотило так же, как её мгновение назад. От гноя тошнило, комната качалась перед глазами. Но где-то там далеко-далеко, эхом звучало: «Всё. Недуга нет».

«Поверь, Мери, поверь!»

— Зови своих. Пусть переоденут её и приберутся здесь. Мне надо на воздух.

Колдун, шатаясь, ушёл, а я лежала на груди у мамы и плакала.

Магия повернулась другим боком. Я не знала, смогу ли так же, научусь ли. Чудеса не всегда прекрасны. Они пахнут гноем и остаются на теле липким потом, но дают жизнь.

— Мери, — слабым голосом позвала мать. — Мери, ты пришла.

Елена возила тряпкой по полу и улыбалась. Иногда тёрла рукавом и без того красные глаза. Окно и

дверь распахнули настежь. Воздух с запахом болезни уходил так же быстро, как бледность с маминых щёк. Братья таскали воду, сёстры мыли — красота. Я от счастья мурлыкала что-то под нос, но тут раздались тяжёлые шаги отца.

— Мери? Пойдем, поговорим.

— Я закончу, — Нико тут же отобрал у меня тряпку. — Иди.

Ступени крыльца закрипели под ногами. Я заметила, что братья грязь развели возле колодца. Никак не научатся переливать воду правильно. Зачерпнут полное ведро, а потом его одним махом переворачивают.

— Где господин Мюррей? — спросила я.

Во дворе колдуна не было. Неужели так устал, что обо мне забыл и уехал обратно в замок?

— Спит, — ответил отец. — Я отвёл его на конюшню, у нас негде. Ты не знаешь, как рассчитываются с колдунами за помощь? От денег он отказался.

Разговор начался серьёзный, а мне стало смешно. Пришлось кусать губы, отворачиваться от папы. Господин Роланд Мюррей в комнатухе конюха, должно быть то ещё зрелище. Одежду Гензель пока не прислал. Колдун ходил в своих высокородных шмотках с вышивкой и кружевом. Я представляла его среди соломы и видела рядом портреты брезгливо скривившихся родственников. Да уж, такое падение!

Истерика это. Моя. Так бывает, когда настроение поднимается из бездны отчаяния до вершины счастья.

— Он знает, что мы бедно живём, — кое-как выдавила из себя. — Потому и отказался.

Отец тяжело вздохнул. Один из всей семьи не радовался и выглядел ещё мрачнее, чем был, когда мы с Карфаксом приехали.

— Тогда чего он хочет? Зерно в мешках, посуду нашу, одежду? Я не первый день живу на свете, Мери. Знаю, что ничего просто так не делается.

— Отработаю, — поспешила ответить я. — В замке ещё много дел. Мюррей назовёт цену, и я отдам её из жалования. Не волнуйся...

— Вот этого я и боялся, — оборвал отец. — «Мюррей назовёт цену». А если это ты? Я знаю старые легенды. Колдуны когда-то ходили по деревням и спасали людей. У тех отцов, кому было нечем заплатить, они забирали красивых дочерей. В свою спальню, Мери! Ты понимаешь, о чём я?

Я понимала, но обсуждать тему спальни с отцом было неловко. Дома нам запрещались такие разговоры. Братьев ругали за «слова ниже пояса», Елене и мне приказывали заткнуть уши. И вдруг отец в открытую спрашивал, не захотел ли колдун сделать меня любовницей?

Может, когда-то и хотел, а потом мы крупно поругались. «Учи заклинания! Вместе с Анабель». И выгнал. Мужчины не прощают отказов. Свой я даже вслух сказать не успела — уже от ворот поворот получила. Святые предки, ну какая спальня? В замке бы остаться. Обложиться книгами на кухне и пытаться задобрить взъярившегося колдуна. То новые заклинания учить, то новые блюда готовить. Авось что-то и сработает. Успокоит его сердце.

— Не до постели ему, — ответила я. Тербила край передника и сгорала со стыда. — Проблемы с замком. С наследством. Прости, я не должна рассказывать хозяйские тайны. Занят он, в общем. Сильно занят.

— А много времени и не надо, — припечатал отец. — На колени возле кровати поставил, юбки поднял и вперёд.

Мне дурно стало. Не хуже, чем когда о жизни мамы переживала, но тоже едва на ногах удержалась. Хоть и мечтала провалиться сквозь землю. Голова уже в плечи втянулась, кулаки сжались.

— Мери, в глаза мне посмотри! У вас было что-то? Ты уже рассчиталась за помощь? А я-то, дурак, с деньгами полез. Отвечай!

Почему на меня сегодня все орут? Ничего эдакого не делала, ни о чём крамольном не думала, а словестные затрешины получала только так.

Отец всегда был строг. Твердил, что невинность, потерянная до свадьбы — верная дорога в публичный дом. Мама ему не поддакивала, но и не возражала. Молча собирала нам с Еленой приданное. Молилась предками, чтобы мы не влюбились раньше, чем сундуки наполнятся. «Чтобы

честь по чести вас замуж отдать». А тут Карфакс благородство решил проявить. Помочь, не попросив денег.

Да, я наивно верила, что счёт задним числом он не выставит. И тело моё колдуну уже без надобности. Ох, хватит об этом!

— Не было ничего, — твердила я, чувствуя, что меня колотит от гнева. — Ничего не было. И не будет. Господин Мюррей — высокородный лорд. А я служанка. Место своё знаю, не беспокойся. Не веришь, что господин ко мне не прикасался — к бабушке отведи. Она грозилась посмотреть невинность, если буду врать. Уж не знаю как.

— Обойдётся бабушка, — буркнул отец. — Мне твоих слов достаточно. Вижу, что вскипятилась. Этого и ждал. Так что с колдуном делать? Неправильно отпускать его, не поблагодарив.

Ох, стукнуть бы его! Очередная проверка, да? Как у Карфакса? Вот нельзя поговорить, не доведя меня до исступления. Ладно. Сменим тему, раз уж на то пошло.

— Капусту ему предложи, — пришла в голову дельная мысль. — Бабушкину квашенную. В замке туго с запасами, капуста кстати придётся.

Ягод бы ещё сушеных, грибов. Я не собиралась объедать семью, но иначе отца не уговорить. Заберу капусту, приготовлю пирог. А потом, когда магический огород в замке разрастётся, всё возьму. С лихвой. Нико замучается Стешу туда-сюда гонять. Мне вообще жалование не нужно. Я и так семье его отдаю. Монетами, продуктами — чем угодно. Хотела бы колдовать, но не умела пока.

— Капусту лорду, — вздохнул отец и облокотился на перила крыльца. — Расскажи кому — засмеют. А я ведь не верил городским сплетням. Будто лорд наш — бывший каторжник. Человека убил. И золото у него ворованное. Гензель по потолку в мастерской бегаёт. Бойтся, что ему не заплатят. Вот что, Мери, оставайся дома. Матери уход надобен. Елена одна не справится и с ней, и с хозяйством. Колдун обещал, что Хельга выживет. Болезнь вытащил, но силы нужны, чтобы окончательно поправиться. Супов наваристых поест, поспать подольше. Хватит в замке служить, ты дома нужна.

Плохая новость. Словами не передать насколько. Тысячи просьб, молитв, криков готовились сорваться с языка. «А как же магия? Я же колдунья. Не надо так, пожалуйста!» Отец уничтожил мой единственный шанс стать кем-то. Я любила маму, очень любила, но в замке от меня куда больше пользы.

— Колдун платит, — упёрлась я. Впервые за всю жизнь возражала отцу. Ещё слабо и неуверенно, но голос набирал силу. — Золотой в день, как раньше. Сам говоришь, маму нужно кормить. На что ты купишь продукты?

— Я достану деньги, — отец не собирался отступать. — То не твоя забота. Марш в дом! И спать. Утром я сам поговорю с Мюрреем. Обойдётся без одной служанки.

— Я — единственная!

— Новых найдёт. Хоть пять, хоть десять, хоть пятьдесят. А дочь у меня старшая одна. И мне не всё равно, где ты окажешься через несколько лет. В собственном доме с семьёй или на улице без денег и без чести. Хорошо, если без ребёнка от лорда. Всё, закрыли тему.

Он повернулся ко мне спиной и пошёл в дом. Пытаться уговорить бесполезно. Я давно его знала. И мама мне сейчас не поможет. Ох, вот и сходила домой. Что же теперь делать?

Карфакс едва ли заступится. Выдохнет, наверное, и обрадуется, что проблема решилась сама собой. С глаз долой — из сердца вон. Другая ученица есть. Умная, начитанная, умелая. Пишет красиво. Не то что косорукая Мередит. Сплошной позор, а не колдунья. Избавиться от такой — удача. Да Карфакс бегом в подвал побежит, вскрыет свои тайные сундуки и вынет всё золото, что мне должен, лишь бы не видеть больше. «Не страдать», как он сказал.

Но плакать и переживать я больше не могла. «Вся кончилась», пока стояла у постели матери и разговаривала с отцом. Завтра подумаю, уборка ждёт.

Глава 14. Ночной визит

Анабель

Замок опустел. Казалось, очнулись все древние призраки, дремавшие по углам огромного каменного здания. Они шептали, что я бесполезная, слабая и недостойна учиться у такого мага, как Мюррей.

«На кого он оставил замок? На тебя? Ха-ха-ха. Великий маг, а такой дурак».

Назло призракам я отмыла кухню, убралась в жилых комнатах, сама искупалась и только потом ушла в нашу с Мери комнату.

Мысль, что я могла бы чем-то помочь учителю и подруге по-прежнему царапалась изнутри. Не поддаваться было трудно. Я убеждала себя, что оставлять шар без присмотра нельзя, что всё правильно. Мюррей сильный маг, он точно сможет помочь матери Мередит без меня. Но тревога не отпускала

Уснуть я не могла, сидела на кровати в одной сорочке и прислушивалась к каждому шороху. Вдруг мага отвлекли специально? Нет, это не мог быть господин Монк. Кто-то другой. Выманил всех из замка, а теперь штурмовать пойдёт. А что я сделаю? Одного одолею. Наверное. А если там целая армия? Нужно тщательнее прислушиваться к замку. Магия вокруг подскажет, поможет. Здесь её полно. Здесь я сильнее.

Где-то скрипнуло, и я вздрогнула, оглядывая замок сквозь магическое зрение. Окно открылось. В кабинете господина учителя. А самого Мюррея в замке ещё не было. Я бы почувствовала возвращение. Точно почувствовала бы!

Я сорвалась с кровати и побежала туда, схватив первое, что попало под руку — веник, оставленный в коридоре. Убить целую армию таким оружием не получилось бы в любом случае, но и кабинет учителя не вместит слишком много людей.

Дверь не заперта. Свет я зажгла щелчком пальцев и вскрикнула от неожиданности:

— Господин Монк!?

Приказчик лорда наших земель вздрогнул, замер и больше не двигался. Переоделся ради ночного вторжения в замок. Вместо дорогого камзола с вышивкой раздобыл где-то куртку, как у нашего лесника. Тёмную, не примечательную.

«Что вы делаете?» — рвалось с языка, но я и так знала ответ. И он мне не нравился. Без приглашения поздно ночью в дома к честным людям приходят только ради того, чтобы их ограбить.

— Объяснитесь! Немедленно!

— Доброй ночи, — тускло сказал Монк и взял короткую паузу, — леди. С кем имею честь?

Вежливость ночного гостя сбила с толку. Я отбросила веник в угол, огляделась по сторонам и только потом поняла, в каком виде предстала перед мужчиной. Щёки опалило жаром. Как назло рядом не было ничего, чем можно прикрыться. Сорочка у меня короткая и тонкая, я даже перед Мери боялась в ней ходить. Стеснялась. Прятала тело.

— Анабель, — промямлила я, руками прикрывая грудь, с которой господин Монк не сводил взгляда. Конечно! Такое бесстыдство! Бабушка всыпала бы мне за развязное поведение так, что я не могла бы сидеть ещё неделю точно. Рука у неё тяжёлая была. И била колдунья умело, хоть и редко. — Что вы делаете в кабинете хозяина замка так поздно? Вас не приглашали. Что-то ищете? Хотите подбросить?

Гость не спешил отвечать. Мало того, он разглядывал меня с таким осуждением, будто я стоял перед ним совершенно голая! Я не знала, куда спрятаться.

— Леди Анабель Мюррей, надо полагать? — холодно переспросил он, напрочь проигнорировав мои вопросы. — Супруга лорда Альберта Мюррея?

— Ученица, — пояснила я, пытаясь не смотреть в глаза поверенному лорда. — Я не совсем леди.

Лицо господина Монка вытянулось. Он приоткрыл рот, закрыл его, лягнув зубами, и едва слышно цокнул языком.

— Однако. Теперь это так называется? Ученица? А чем не устроила наложница? Или, скажем, любовница?

Пылали уже не только щёки. Стыдом горело всё лицо. И только после пришла злость. Да, я одета неприлично, но это не значит, что я и учитель... Боги, да это мерзко в конце концов!

Кулаки сжались произвольно. Голубой магический шар наполнил меня энергией, и она требовала выхода. Давление стало таким высоким, что сдерживать силу и дальше стало невозможно. Всё, что я смогла — направить поток так, чтобы господина Монка хотя бы не убило.

Артефакт защищал себя сам. Я была лишь инструментом, через который пропускали энергию. Заряд сырой, неконтролируемой магии вырвался из груди и ударил в поверенного лорда. На секунду показалось, что куртка на нём вспыхнула. Я заслонила рукой от света, а затем почувствовала запах гари.

Мамочки, только этого не хватало! Поверенный закричал и попытался рукавом сбить пламя. Счёт шёл на мгновения. Ещё два удара сердца, и господин Монк загорится весь! А я стояла столбом и слушала звенящую тишину в голове.

— Воды! — закричал неудачливый взломщик. — Горю! Воды! А-а-а!

Колодец слишком далеко. Кувшина на столе слишком мало. Запах становился тошнотворным. Горела плоть. Спасать скоро станет некого. Я ударила тем заклинанием, что у Мери получалось лучше всего. Горацим деи. Простой щит. Если вложить достаточно силы, то он превратится в ураган.

Стены замка содрогнулись. Пламя отчаянно цеплялось за тело Монка, но не смогло удержаться. Весь дым вынесло в окно. Обожженный поверенный рухнул на пол и затих.

— Что я наделала? Что я наделала?

Слова звучали так, будто стонал кто-то другой. Не я. Почему не вспомнила заклинание перемещения воды? Можно было притянуть два ведра прямо из колодца. Через окно. Я убила господина Монка! Плевать, насколько он сам виноват и причём здесь воля шара-артефакта. Я убила человека!

Нет, в это невозможно поверить! Надежда, что всё обойдётся, не оставляла меня. В голове возникла формула «стазиса». Не знаю, зачем я кинула её в мёртвое тело поверенного, но заклинание сработало. Над ним загорелся бледно-зелёный купол.

— Жизнь, — потребовала я, складывая из пальцев одну за другой три замысловатые фигуры. Так было проще плести другое заклинание. — Покажи мне жизнь!

Облегчение окатило волной прохлады. Над сердцем Монка появился золотой треугольник. Поверенный был жив.

— Зелье, — приказала я самой себе и рванула в нашу с Мери комнату.

Хвала матушке-природе, успела его закончить. Ещё не остыло толком, горчило и было дрянным на вкус без мяты и ягод, но думаю, Монк не станет возмущаться. Ему нечего терять. Стазис избавит его от боли буквально на пару минут, отложит смерть, но потом всё вернётся. Лишь бы магический шар не завершил начатое. Насколько артефакт кровожаден? Никто ведь толком ничего мне о нём не рассказал.

Я вернулась с флаконом зелья в кабинет учителя. Стазис до сих пор держал обожжённого поверенного в спасительном для него сне. К телу с почерневшим пятном на груди подходить было страшно. Красивое лицо мужчины исказилось от страданий.

«Глубокие ожоги, — сказала бы мама. — Смертельные. У тебя нет шансов».

Выбора у меня тоже нет. Я вытащила пробку из флакона и вылила зелье в открытый рот поверенного. Теперь нужно ждать и держать стазис на сколько хватит сил. Забирать из замка энергию и вливать её в заклинание. Господин Мюррей сделал бы что-нибудь ещё. Наложил целительные чары, договорился с духами предков, чтобы они не забирали Монка. А я умела так мало...

«Зато убивать научилась», — сказала бы бабушка.

Нет, пожалуйста! Никогда себе не прощу. Зачем бы поверенный не забрался в замок, оно не стоило его жизни! Даже проклятый шар-артефакт.

Я так нервничала, что энергия утекала песком сквозь пальцы. Тратилась впустую. Стазис бледнел и мерцал, зелье не торопилось спасти моего ночного гостя. Я представить не могла, что буду делать, если он умрёт. Похороню тело за стеной замка? Скажу господину Мюррею: «Не виноватая я, он сам

пришёл?»

— Ну же, скорее, — взмолилась я и вложила в стазис всё своё упрямство.

Зелье, наконец, подействовало. Страшная рана затянулась, кожа на груди Монка стала не чёрной, а просто красной. Да, мне не хватало знаний и умений, чтобы исцелять. Но что могла, я сделала.

Вторая волна облегчения усадила меня рядом с поверенным. Ужасная ночь. Я ещё и замок собиралась защищать? Чуть не сожгла его. Огонь вполне мог перекинуться на мебель в кабинете, на шкафы, на книги с бесценными знаниями. О, матушка-природа от чего ты нас всех уберегла! Да лучше мне сгореть вместе с господином Монком, чем потерять библиотеку учителя!

Поверенный тихо застонал. Я прикусила язык и потёрла пальцами лицо. Нет, со «сгореть» я погорячилась. Невыносимая боль. За сковородку-то нечаянно схватишься, не знаешь, куда себя деть. А то, что случилось с поверенным, врагу не пожелаешь.

— Лежите, — попросила я. — Вы не здоровы. Исцеляющее зелье в моём исполнении не совершенно. Я принесу мазь от ожогов, если вы пообещаете не двигаться, не сбегать и не копать в бумагах учителя.

Господин Монк скривился так, будто я снова швырнула в него заклинание огня.

— Нет уж, урок усвоен, благодарю. Я больше не буду нарываться на гнев колдунов. С меня хватило вашего. Извинения за «любовницу» на городской площади приносить нужно? Покаянное письмо написать? Или вы поверите на слово, как сильно мне жаль?

Я покосилась на его оголённую грудь, покраснела и отвела взгляд. Одежда-то сгорела. Я сама сидела в неподобающем виде. Если забыть об ожоге, то стыд и срам никуда не делся. Ещё и усилился многократно.

— Будем считать, что недоразумение исчерпано. Вы сполна искупили вину за оскорбление моей чести.

Или нужно было что-то другое сказать? Я уже один раз жестоко ошиблась с трактирщиком. А за минувшее время лучше понимать мужчин не научилась. Господин Монк то падшей женщиной меня считал, то на площадь с покаянной речью собирался.

— Сидите здесь, — разозлилась я. — И учтите. Я всё вижу. Магия замка позволяет.

Ой, этого не стоило говорить? У поверенного сначала вытянулось лицо, а потом он втянул голову в плечи. Но чувствовать, что он немного меня боится, оказалось приятно. Даже спина выпрямилась, и захотелось вздёрнуть подбородок.

— Я бы откланялся с вашего разрешения, — осторожно сказал Монк. — И был бы очень благодарен, сохрани вы мой визит в тайне.

— Ну уж нет, — улыбнулась я. — Спалились? Извольте отвечать.

— Спалился, — провёл ладонью по голой груди. — Извинился и хочу уйти. А если получится незаметно скрыться, то пришлю вам подарок.

Мери бы уже фыркнула и сложила руки на груди. Не прошло и дня от нашего знакомства, чтобы соученица не сказала: «Бель, мужчинам доверять нельзя. Запомни! Это закон. Особенно для тебя! Мало трактирщика? Так Мюррей обвёл тебя вокруг пальца, засунув шар в колодец. Гензеля не слушай. На повара Питера даже не смотри. Мужчин хлебом не корми, дай обмануть доверчивую девушку».

— Нет, — уверенно заявила я. — Вы останетесь здесь до прихода господина учителя. И расскажете ему, что искали в кабинете.

Монк тяжело вздохнул. Не ладилось с побегом, да? Если бросится к окну, то на ещё один стазис меня хватит. Шар поможет. Почему-то я не сомневалась, что ночной гость артефакту не нравился.

— Анабель, вам ведь не выгодно, чтобы история получила огласку, — заговорил поверенный. — Вон как оскорбляетесь на любовницу. А в спальне замка живёте. Одна. Без слуг. Практически без одежды. Мне, конечно, всё равно, какие у вас отношения с Мюрреем, но слава по городу пойдёт дурная. Не я, так кто-нибудь другой начнёт кричать, что замок превратился в бордель.

Я сжала сорочку на груди так, что ткань в кулаке затрещала. Приходилось ещё думать, не задрался ли подол? И так колени видно. Поверенный уже забыл о боли, что ему причинял ожог на груди. Вернулся его бесстыжий взгляд на моё тело. Матушка-природа, какой позор!

— Я ученица мага! Издревле заведено так, что мы живём в замке учителя, едим с ним за одним столом. Господин Мюррей выделил нам комнату!

— Нам? — переспросил поверенный и огляделся. — Вы здесь не одна?

Ай, катастрофа. Я выдала Мери. Как теперь будет лучше, приличнее и по правилам? Я не знала!

Монк смотрел на меня хитрым лисом, забравшимся в курятник. Выбирал, с какого бока откусить. Я поджала ноги под себя и натянула на колени короткий подол сорочки. Буду молчать. Больше он от меня ничего не узнает. По искусству допроса учитель может смело ставить мне низший бал. Вместо того чтобы выяснять, зачем Монк забрался в кабинет через окно, я уже рассказала то, что не следует.

— Поверьте, Анабель, вы должны меня отпустить. Так будет выгоднее для всех. Я понял, что замок под надёжной охраной. Клянусь, больше вы меня не увидите. А я сохраню в тайне любовь престарелого колдуна к молоденьким девушкам.

Зря он это сказал. Я опять закипела. Шарахнула поверенного стазисом и опомнилась только, когда он закрыл глаза и уронил голову на бок.

Нужно будет записать в дневник, что заклинание на людей действует, как снотворное. А пока связать гостя. И выволочь его из кабинета. Мало ли что. Пусть спит в подвале. Да. Там надёжнее.

Мерedit

Ночью я спала на сундуке. Мою старую кровать выбросили, а новую купить не успели. Отец как раз собирался в город, когда мама заболела. А мне что? Постелила на плоскую крышку два одеяла, накрылась сверху простышкой и провалилась в сон. Жаль, что не отдохнула. Кошмары одолели. Во сне у Карфакса никак не получалось спасти маму. Она умирала с криком: «Мери, Мери. Где Мери? Почему она не пришла, почему бросила нас?»

Проснулась я с опухшим лицом и мокрая почти насквозь. Забыла вечером дверь приоткрыть, вот пар в крошечной кладовке и скопился. Окна нет, щелей в досках нет, и всякие девицы лежат тут, дышат. Ох, а где колдун? Нельзя, чтобы он ушёл в замок один.

Я сменила рубашку, надела поверх одно из своих домашних платьев и вышла на кухню. Елена ещё спала, очаг никто не разжёл. Завтрак теперь только к обеду будет. Ладно, хватит ворчать, она тоже устала. Я на цыпочках подошла к родительской спальне, заглянула внутрь и улыбнулась, услышав ровное дыхание мамы. Жива, всё в порядке. Прочь от меня, кошмары, прочь! Но куда отец делся? Если уже встал, то почему к очагу даже не подошёл?

Неприятное предчувствие кольнуло под сердцем. Жутко захотелось бежать на конюшню. Вчера папа обещал поговорить с колдуном. Я опоздала!

- Нико! - зашипела змеёй, вламываясь в комнату братьев. - Нико! Когда отец ушёл?

- Да вот только что, - со свистом втянув воздух, ответил он и яростно потёр глаза. - Дверь хлопнула.

Мы все знали шаги отца. Тяжёлые, громкие. От них половицы не просто скрипели, они выводили особую мелодию. Не ошибёшься. Я подхватила юбки и рванула не на выход, а сначала обратно в кладовку. Там лежала праздничная посуда. Ага, прямо в сундуке. Я позаимствовала у родителей одну глубокую миску. В неё как раз влезет нужное количество воды для подслушивающего зелья. А пузырёк я теперь всегда носила с собой. Две капли на ведро. Брусника там, голубика. Спасибо, Анабель, я запомнила.

По деревне бежала так, что за мной пыль столбом стояла. В горле пересохло, дыхание сбивалось. Лошадей уже вывели, двери конюшни оставили открытыми настежь. А возле каморки конюха маячила знакомая спина. Я спряталась за сараем, чтобы не попадаться отцу на глаза. Колодец был рядом, лошадям много воды нужно. На моё счастье кто-то оставил наполовину полное ведро. Я зачерпнула воды, капнула зелье и представила каморку, которую знала с детства. Каждый её уголок, кровать конюха, его куртку на гвозде, тяжёлые сапоги. Магия откликнулась, не оставила меня в сложный момент. Вода пошла рябью.

- Неужели вы думали откупиться от меня капустой? - недовольно спросил Карфакс.

- Я уже сказал, что вам придётся вернуться в замок без Мерedit. Повторять не собираюсь. Её служба окончена.

- Дело не только в службе, - колдун понизил голос. Вода в миске едва колебалась. - Мерedit - смышлёная девушка, она учится. У меня хорошая библиотека.

- И куда она пойдёт с вашими книгами? Коровам хвосты крутить или быков очаровывать? Не морочьте девочке голову. Для неё то, что читают лорды – пустая трата времени. Ей замуж пора. Когда появятся дети, ни о чём другом, кроме пелёнок и кормления дитя думать не будет. Ни сил, ни желаний не останется. Какие уж книги? Мы и так затащили со свадьбой. Жених ещё в прошлом году сватался. Но тогда мы не могли её отпустить. Впроголодь жили, на свадебный стол было нечего поставить.

- А теперь на моё золото капустой запаслись? – усмехнулся колдун, и я зябко повела плечами.

Неприятно стало. В животе похолодело. Никто ко мне не сватался, отец врал.

- Урожай хороший был. Не бедствуем. Уходите, лорд Мюррей. Мы простые крестьяне, деньги старосте исправно платим, живём по чести. Никто из соседей кривого слова о моей семье не скажет.

- А я вам чем навредил?

«Он маму спас!» - хотела крикнуть я, но вспомнила, как далеко сидела от каморки конюха. Уже глотала слёзы от злости. Отец упёрся – не свернёшь. Но и Карфакс пока не хотел отступить.

- Ей нельзя в замок, неужели вы не понимаете? – продолжал настаивать папа. – Продажной девкой прослывет – жизнь себе загубит. Да ладно, если только себе. Соседи с нами здороваться перестанут. Я ни одну дочь замуж не отдам, жена будет людей сторониться.

«Вы же бывший каторжник, - мысленно закончила я за него фразу. – У вас в замке разбойничий притон, где женщины бывают только одного сорта. Гулящие, продажные. В приличных семьях такими брезгуют. В спину им плюют, если случайно на дороге встретят. А я не для того Мередит растил».

Святые предки, как стало сложно! Проклятый Монк! Проклятое наследство и придуманная история Альберта Мюррея! Отцу теперь не докажешь, что всё не так. Он доброе имя нашей семьи до последнего защищать будет. «У бедняков ничего дороже нет, - говорила бабушка. – Наше достоинство – вот истинная ценность». А мне крамольная мысль сейчас пришла. Не в достоинстве дело, а в том, как легко его можно потерять перед соседями. Достаточно одной сплетни, что я – шлюха. И всё. Люди тут же отвернутся. Таким презрением окатят, что хоть вешайся.

- А вам проще выдать дочерей абы за кого, лишь бы в них пальцем не тыкали? – спросил колдун. – Посторонние люди, которые видя, что вы голодаете, ничем не помогли? Которым искренне плевать на вас с высокой башни? Вы над их мнением трясётесь? Его ставите превыше всего?

Я представляла, как злился отец. Кожей чувствовала его ярость. Он ничего не мог сделать против соседских языков. Карфакс по лесам скитался, а мы жили рядом с Адель, женой плотника, Кларой, матерью мельника. Две эти уважаемые женщины позапрошлой весной только и говорили на каждом углу, что Гретхен до свадьбы мужчину познала и понесла. «Позор ей! Как ещё глазами своими бесстыжими смотреть на нас смеет? Как ей мать позволяет? Воспитала гулящую. Сама такая, вот и воспитала. От осинки яблочко не родится». Гретхен не выдержала и утопилась, а её мать уехала в другую деревню.

- Прощайте, господин Мюррей, - сказал отец. – Мередит выходит замуж. Это моё последнее слово.

Колдун промолчал. Я вглядывалась в спокойную гладь воды и не знала, что делать. Да, я могла пойти против воли отца и вернуться в замок. Читать книги, варить зелья вместе с Анабель, пока злые сплетники во главе с Монком портят жизнь моей семье. Приказчик одного дня не вытерпел, тут же разболтал всему городу о каторжнике-Мюррее. И дальше будет только хуже. Люди вдобавок к истории Карфакса насочиняют от души. Им волю дай - такую грязь выльют, что до конца жизни не отмыться. И я буду спокойно сидеть под защитой каменных стен? Ведь не добравшись до меня, Адель и Клара свою злобу на матери с Еленой выместят. Сестра мне этого никогда не простит.

А с другой стороны. Если я останусь дома, выйду замуж за сынка той же Адель, буду трястись, как бы кто что не сказал и забуду о магии навсегда, то я себе не прощу. Поздно, я уже не та Мери, что ходила по рынку в поисках любой работы. Я – колдунья. И проблемы со злыми языками могу решить колдовскими способами. Напугать мороком ту же Клару до икоты. Навсегда отбить у неё желание злословить.

Оставалась одна мелочь. Пустяк. Выяснить, нужна ли я Карфаксу, как прежде, или он уже от меня отказался? Потому что никто больше не научит управляться с даром.

- Кажется, вы забыли, кто я такой, - вздрогнула вода в миске. – Я – лорд и колдун. На этой земле последнее слово всегда за мной. Ваша дочь едет в замок. Точка.

Я выдохнула с облегчением и уронила миску. Подслушивающая магия исчезла, но это было уже не

ВАЖНО.

Глава 15. Господин Монк

Разгневанный колдун решил идти в замок пешком. Отказался брать лошадь, телегу, повозку и всё, что ему предлагали. Бабушкину капусту тоже оставил, а у меня язык не повернулся возразить. Да ну её, обойдёмся. Лишь бы уже уйти. Я вообще превратилась в молчаливую тень и бесшумно скользила по дороге. На отца так и не посмотрела ни разу, но его прожигающий взгляд ещё долго чувствовала спиной.

- Мери, ты ведь поняла, да? - Карфакс резко остановился на мосту через ручей и обернулся. - Раз твой отец боится сплетен, значит, они уже есть.

- Монк рассказал, больше некому. Он один слышал историю Альберта Мюррея, а теперь весь город в курсе. В трактире шумят, портной Гензель боится, что ему не заплатят. Новый лорд - бывший каторжник, преступник, убийца.

- Удавлю щенка, - зарычал колдун, - голыми руками. Магию на него жалко тратить. Где ж его научили разглашать дела своего господина? Приватные беседы, содержание документов. Приказчики нынче как-то по-другому работают? Или совсем ум, честь и совесть потеряли? Он бы ещё глашатая на площадь поставил и во все трубы трубил.

Воздух дрожал от магии. Сила Карфакса бурным морем разливалась по округе. У меня в горле першило и глаза слезились. И он ещё пугал нас с Бель, что вне стен замка мы станем слабее? Мы, может быть, и да. А он кем был, тем и остался. Шар-артефакт не при чём.

- В общем так, - припечатал колдун. - Плевал я на болтовню Монка. Оправдываться и прилюдно что-то объяснять не буду. Продолжаем сидеть в замке, как ни в чём не бывало. Народ погудит и притихнет. Знаешь почему? Потому что нет никаких разбойничьих притонов. Сплетникам неоткуда брать дрова, чтобы подкидывать в пожар скандала. Их очень скоро перестанут воспринимать всерьёз. А потом будет суд, оглашение завещания. И против нового лорда Мюррея тем более никто ничего не скажет.

Карфакс выдохнул, и земля у меня под ногами перестала дрожать. Монк неожиданно получил помилование. Обидное, кстати. Так старался очернить самозванца, а вместо этого был послан в бездну. Проигнорирован, как говорила начитанная Бель. Колдун решил не обращать на него внимания.

- А что делать мне?

- Что? - Карфакс поморщился и склонил голову на бок.

- Как мне быть? Вся округа в курсе, что я живу в замке. Отец прав, Адель и Клара не оставят нашу семью в покое. Даже когда разговоры в городе утихнут, в деревне только расцветут...

- Тебе тоже должно быть плевать, - оборвал колдун. - Не понимаю, откуда у деревенских столько мнительности, но обвинения в твой адрес яйца выеденного не стоят. Лучше меня знаешь, что до сих пор невинна. Я не прикасался к тебе! И никому другому не позволил бы.

Я знала, но Кларе этого не объяснить. Нельзя даже сравнивать то, что позволено лорду и то, что позволено мне. Городские погудят: «Ах, Альберт Мюррей убийца», и проглотят. Всё равно толпой к нему выстроятся и будут заискивающе заглядывать в глаза. Ждать милости, надеяться, что из хозяйских сундуков им перепадёт немного золота. Да господин Монк вообще мог рассказать, что угодно. Придумать убиенных младенцев, задушенных любовниц, городские бровью не повели бы.

- А мне любой мелочи достаточно, - тихо сказала я. - Косого взгляда, неудачной шутки. И всё. Клеймо гулящей девки уже стоит, не стереть. И ведь есть немного правды...

- Какой? - вспыхнул колдун, а я не заметила. Не остановилась. Стыд подхлестывал, стоило вспомнить то, что между нами было. Я уже слышала противный голос Клары. Квакающий, как у лягушки. «Чего позволила-то господину? Срам какой! До койки чуть-чуть осталось». И вслед за ней упрёк отца. Его брошенное в сердцах: «Юбки поднимет и вперёд». - Мери, говори! Какой правды?

- Обычной, - разозлилась я. - Вы меня в замке по углам обжимаете, с поцелуями лезете, а жениться не собираетесь. Вот вам и дурная слава. Шлюха и есть. Подстилка!

Голос зазвенел, слёзы из глаз брызнули. От меня тоже воздух задрожал. Магия вышла из груди и вернулась обратно жгучей болью. Всё правильно сказала, но зачем? Кого упрекнула? Как посмелато?

- С чего ты взяла, - тихо спросил колдун, - что я не собирался на тебе жениться?

Я дышать перестала. С трудом подняла взгляд и вытерла рукавом мокрые от слёз щёки. Карфакс

хмурился.

- Мери, мы с тобой последние колдуны. На ком ещё мне жениться?

- Уж точно не на мне.

Так я тоже не хотела отвечать. Не знаю, почему ляпнула. Объяснить нужно было очень многое, но я не успела.

Карфакс повернулся спиной и пошёл в замок. Я за ним. А вслед за мной качнулось душным облаком всё то, что мы здесь друг другу наговорили.

Анабель

Утром посыльный от Гензеля отдал наши с Мери платья. Я как безумная всю ночь просматривала окрестности замка и, когда заметила одинокую фигуру мужчины верхом на коне, то собралась воевать. А он одежду привёз. Да уж. Заклинания с пальцев я стыдливо стряхивала прямо у ворот замка и вполуха слушала, что над гардеробом господина Мюррея трудится вся мастерская.

- Мы немного не успеваем, - смущаясь, говорил посыльный. - Кройщик заболел, а без него страшно испортить дорожную ткань. Гензель сам с ножницами стоит. Прощения просит. Клянётся, что за неделю справится.

- Хорошо, - ответила я, стараясь не зевать.

В сон клонило. Раз уж битва за шар-артефакт не состоялась, то можно мне прилечь? Господин Монк в подвале спал уже без заклинания «стазиса». Храпел, кстати. Хвала матушке-природе, не так громко, как моя бабушка, но я всё равно глаз сомкнуть не могла. Караулила, ага. Сидела рядом, чувствуя несправедливость ситуации. Он забрался в замок, он виноват и спокойно спал, а я страдала.

- Приходите, как закончите, - пробормотала я посыльному и хлопнула дверью, уже за спиной услышав: «Спасибо, добрая девушка. Хорошего дня!»

Злая я. Человека вчера чуть не убила. Потом связала его беспмятного и оттащила в подвал. Руки снова начинали болеть, стоило вспомнить, какой господин Монк тяжёлый. Если бы не заклинание потери веса, я вообще его с места не сдвинула бы. А так представила, что приказчик - бревно, и мне нужно доставить его с лесной опушки во двор нашего дома. И ведь доставила. Мазью его ещё пару раз мазала. Не могла простить себе, что полного исцеления не вышло. И что на красивой груди мужчины навсегда останется след от ожога.

- Анабель! - громко крикнул учитель за воротами замка. - Открывай, мы пришли.

Ох, чтоб мне в бездну провалиться! Проморгала. Отвлеклась на пленника и забыла, что нужно следить за дорогой. А если бы мне не повезло и вместо господина Мюррея пожаловали разбойники? Нет, призраки старого замка были правы, когда смеялись ночью. Рано мне ещё брать на себя такую ответственность. Не доросла ни морально, ни интеллектуально, ни магически.

Первой во дворе появилась Мери. Она так сутулилась, болезненно морщилась и кусала губы, что я предположила худшее.

- Что с мамой? Она жива?

- Да, - тихо ответила соученица. - Обошлось. Альберт Мюррей - великий колдун, этого у него не отнять. А ты как провела ночь? Надеюсь, спокойнее, чем мы.

Ага, как же. Я не поднимала взгляд от земли и мысленно составляла покаянную речь. Выходило паршиво. Если начинать с самого начала, то слишком длинно, а если с середины, то слишком жутко. В итоге я зажмурилась и выпалила:

- Господин учитель, ночью в ваш кабинет пробрался господин Монк, увидел меня в неподобающем виде, оскорбил, я не смогла сдерживать эмоции, подохла на нём одежду, затем потушила, залечила раны, и он снова меня оскорбил...

- Монк? - переспросил учитель, а Мери расхохоталась.

Нет, серьёзно. Я стояла посреди двора с застывшим на губах признанием, а Меридит держалась за живот и вытирала выстывшие от смеха слёзы.

- Гениально, - выцедил сквозь зубы маг. - Мери, как говорят у вас в деревне? «Наш пострел везде поспел?» Экий ловкий-то. Шустрый. И что он искал? Колодец? Ты не могла его там утопить?

Я отчаянно не понимала, что происходит. С трудом догадалась, причём тут колодец. Когда я поступила на обучение, шар-артефакт мне подсунули в ведре с водой, а потом снова закопали его где-то под стеной замка. Но «утопить»?

- Вы шутите, да?

- Нет, - округлил глаза колдун, и Мери снова засмеялась. Но уже не так громко. Скорее, нервно. - И если вы не привяжете меня к стулу, то я переломлю Монку все кости. Имею право. Он вторгся в мои владения, пошёл на грабёж. Так что он пытался унести?

Я открыла рот, хотела взглядом показать на шар под стеной, но осеклась на вдохе.

- Не знаю. Он так и не сказал. Подарки мне обещал, чтобы не спрашивала. Просил его отпустить. А я его «стазисом» и в подвал.

- Правильно сделала, - остановил меня учитель, - показывай пленника.

Мерedit

Узлы Анабель вязала с мастерством опытного охотника. Я залюбовалась, как она стреножила Монка и скрутила его руки за спиной. Приказчик лежал на боку и тихо сопел. Бель сначала мямлила, заикалась, но потом, когда речь в рассказе дошла до сравнения замка с борделем, разошлась. Искры от неё летели во все стороны. Каким чудом не подпала наглое приказчика ещё раз, осталось загадкой.

- Надо было брать подарки, - усмехнулся колдун. - Сошли бы за моральную компенсацию. Ладно, он у нас заговорит.

- Пытать будете? - спросила я, а Бель побледнела. Весь праведный гнев сразу куда-то делся.

- Может, не надо? - пискнула она, но колдун её не слушал.

Медленно оглядел каменные стены подвала, пнул дырявое ведро в углу, сощурился на остатки разломанной ограды. Железные прутья в ней острые...

- А правда, что маги в древности умели варить зелье, развязывающее язык? - спохватилась Бель и заговорила быстро-быстро. - Его использовали на полях сражений для допроса шпионов. Кажется, в составе был тимьян, корень баду. Трёх капель хватало, чтобы человек начал говорить всё, как есть.

- Да, правда, - кивнул Карфакс. — Я знаю такое зелье. - У Бель глаза загорелись ярче звёзд. Она даже на цыпочки встала и с надеждой потянулась к колдуну. - Рецепт у него простой и название тоже. Это вино. Трёх капель для потока откровений маловато будет, но с двух бутылок разговор завяжется.

- Тьфу, - выругалась Бель, а я снова расхохоталась.

Не получилось сорвать колдуну затею с пытками, но появилась хорошая мысль.

- Так давайте я сбегая, - предложила ему. - У нас чудодейственного зелья, развязывающего язык, аж три полных корзины. Монк до следующего утра болтать будет.

- Вряд ли он захочет пить с врагами, - Бель насупилась и сложила руки на груди. - А если согласится, то специально высосет бутылку одним махом и снова уснёт. Допрашивайте его, старайтесь. Вот если бы настоящее зелье. Чтоб наверняка.

- Нет его, - вздохнул колдун. - Создать невозможно. Видишь ли, Анабель, правды, как таковой, не существует. Есть только вера, угол зрения и глубина знаний. «Правда у каждого своя», слышала о таком? А теперь по-простому. Если человеку с детства вдалбливать, что сосна - это осина, то он даже под пытками не скажет иначе. В его голове именно так. А ты о тимьяне рассуждаешь.

Бель расстроилась. Прислонилась спиной к стене и крепче обняла бумажный свёрток с нашими платьями.

- И что делать? Не пытать же его, в самом деле.

- А тебе жалко господина вора? - поддел колдун.

- Да, - вторая ученица кивнула. - Живой же. Ему больно. Нельзя так.

- Наивная простота.

Карфакс возмущенно закатил глаза, вздохнул и промолчал. Я понимала, почему у него чесались

руки схватиться за железный прут. Шар-артефакт настолько ценен, что церемониться с его хранителями никто не станет. Нас, не задумываясь, убьют. И раз уж один из врагов прикинулся поверенным в делах нового лорда, проник в замок и так глупо попался, то его нельзя отпускать. Из Монка нужно все кишки вытянуть, но выяснить, кто его послал.

- Ладно, - протянул колдун и поднял руки, - будет тебе бескровный допрос. Не хочу прослыть мясником у собственных учениц. Мери, неси вино. Двух бутылок хватит. Есть один способ превратить хмельной напиток в слабое подобие легендарного зелья правды.

Бель запрыгала от радости и захлопала в ладоши. Нравился ей Монк, ничего не изменилось. Вот и как мужчины это делали? Приказчик её то любовницей, то наложницей, то девицей из борделя называл, а Бель из-за него с колдуном чуть не поругалась. С учителем, чьё мнение ставила превыше всего. Вот как? Кто-нибудь мне объяснит? Никто, видимо. Я хмыкнула и пошла за вином.

Бутылки нашла, тщательно вытерла от пыли и захватила с собой два кубка. Не пристало господам хмельной напиток из горлышка хлебать, как всяким пьяницам трактирным. Хотя в том, что Монк - господин, я уже сомневалась. Нарядить в шитый золотом камзол кого угодно можно. Научить разговаривать, как лорды, смотреть свысока, ненавидеть простолюдинов. Да, любой актёр справился бы. Может, Монк пришёл к нам из бродячего театра?

Пока я ходила, Карфакс уселся на пустую бочку в коридоре и что-то тщательно растирал пестиком в ступе. У Бель шея вытянулась и стала похожа на лебединую, как ей было интересно. Я принялась, но ничего не поняла.

- Что там?

- Грибы, - сухо ответил колдун.

- Ядовитые, - Бель назидательно подняла палец и переступила с ноги на ногу. - Их нельзя есть. Вы же допросить хотели пленника, а не убить.

- Ничего с твоим Монком не сделается, - усмехнулся Карфакс. - Поверь, ему даже понравится. Грибы галлюциногенные. Внутренние барьеры от них только так падают. И доза здесь безопасная. Даже если пленник бутылку до дна выпьет, то всего лишь уснёт. Но я думаю, больше одного глотка он себе не позволит. Всё, пора будить незваного гостя. Наливайте воду в миску и доставайте пузырьки с подслушивающим зельем. Сегодня я разрешаю вам быть в курсе разговора.

Неслыханная щедрость, ага. Захотелось присесть в реверансе, будто я леди, и чопорно поблагодарить. Жаль, Карфакс не оценил бы шутку. Он после разговора на мосту был сам не свой. Анабель подвоха не чувствовала, она за Монка сильнее беспокоилась, но я жила в замке дольше и знала колдуна чуть лучше. Давил он в себе злость яростнее, чем грибы в ступе. Казалось, это не пестик скрипит, а Карфакс зубами скрежещет. Что-то совсем не так. Приказчик, конечно, вор и мерзавец, но слишком мелкий человек, чтобы из-за него великий колдун так сильно боялся сорваться.

- Отойдём в сторонку, - сказала Бель, потянув меня за рукав. - Здесь даже чашу некуда поставить.

Мы уединились в соседней комнате и добавили в воду пару капель зелья.

Будить приказчика не пришлось. Услышав шаги колдуна, он пошевелился и застонал.

- О, господин Мюррей. Какая встреча.

- Вы обещали, что мы увидимся только в суде, - съязвил Карфакс. Сел прямо на пол, но так, чтобы Монк хорошо его видел, и поставил бутылку между ног. - Неужели соскучились?

- Едва ли, - приказчик посмотрел на вино и непроизвольно сглотнул тягучую слюну. Долго лежал связанным. Жажду уже чувствовал. - Мне неприятны лжецы и самозванцы...

- Настолько, что вы решили обокрасть мой кабинет?

- Я проводил расследование.

- Однако, - цокнул языком колдун. - Теперь это так называется?

- Можете гримасничать, - скривился Монк. - И передразнивать меня. Вижу, юная Анабель уже поведала вам подробности случившегося между нами недоразумения. Да, я позволил себе дурно о ней отозваться, но успел поплатиться за это.

- Жаль, что вам попалась всего лишь ученица. Мой огненный шар обратил бы вас в пепел.

- Не сомневаюсь, - склонил голову приказчик, насколько позволяла его неудобная поза. - И в

доказательствах вашего колдовского могущества по-прежнему не нуждаюсь. «Зачем тогда пришёл?» - следуя логике, спросите вы. И я отвечу. Люди шепчутся, вы не чураетесь запретной магии. Держите у себя неприкаянные души на коротком поводке. И будто бы один из призраков - давно почивший колдун. Он мог бы рассказать всю правду о вас.

- Зря я вино с собой принёс, - с коротким смешком ответил Карфакс. - Тут и на трезвую голову сказки одна краше другой. Кто вас надоумил? Плюньте ему в глаза. Наверное, ещё и заплатили за такую правду обо мне?

- При всем уважении. Правда о вас не очень дорого стоит, - господин Монк улыбнулся уголками губ.
- Однако подтверждений ваших злодеяний я так и не нашёл.

- Вы признали поражение и сулили моей ученице дорогие подарки за право уйти. Да я знаю, но не верю. Слишком глупый повод, чтобы забраться в замок к колдуну. Даже без Анабель с её заклинанием огня здесь могли стоять хитроумные ловушки. Любой неверный шаг оборвал бы вашу жизнь. Зачем так рисковать?

- Мне много платят. Достаточно, чтобы я рисковал, получив приказ от своего лорда.

Монк выкрутился и разговор зашёл в тупик. Карфакс рассеянно смотрел перед собой. Думал, не забывая прикладываться к горлышку бутылки. Его кадык дёргался, по подбородку катились капли вина. Колдун вытер их рукавом, и приказчик не выдержал:

- Вы позабыли манеры, пока рубили камень в каменоломне? Или правильнее говорить - никогда их не имели? Знаете, что отличает человека знатного происхождения от всех остальных? Он не опускается. Ни при каких обстоятельствах. Вы же пьёте, как пастух.

- Да, - не стал спорить Карфакс и выпил ещё вина. Кубок он с собой не взял. Намеренно оставил его в коридоре. - И вам хочется выпить. Я вижу, как вы смотрите на бутылку. Как поджигаете пересохшие от жажды губы. Воды нет, сколько вы будете здесь лежать, не знаете. А кстати, сколько? Давайте сделаем ставки.

- Так вы решили меня пытать? Или просто забыть на полу в комнате, надеясь, что от голода и холода я стану сговорчивее. Что ж, вполне в духе бывшего каторжника. Но вынужден вас расстроить. Каждые два дня я пишу письмо лорду. Если оно не придёт, то за мной отправят людей. Вооруженных. Гринуэю известно, куда я уехал и зачем. Писать я должен был сегодня утром. Считайте сами. Послезавтра - крайний срок, замок окажется в осаде.

Колдун хмыкнул в ответ и низко опустил голову. Бутылку крутил в руках, постукивая дном о каменный пол. По-прежнему хотелось свернуть шею наглому приказчику, но нашёлся другой выход.

- Насколько вам жарко, господин Монк? Думаю, не очень. Подвал холодный, за окном не самый разгар лета. Вы быстрее застудите свои мужские причиндалы и останетесь без потомства, чем сдохнете от жажды. Но я знаю, как превратить ваше «буду терпеть до послезавтра» в «смилуйтесь, господин, я всё скажу». Да, это пытка. И вы сейчас узнаете, какая.

Колдун сложил ладони лодочкой, дождался, пока в них загорится огонёк и подул. Комната наполнилась горячим воздухом. Монк не видел, но девушки за стеной замечали, что волны жара окутывали тело пленника плотным коконом. Сгущались, проникали под одежду, заставляли потеть. Минуты не прошло, как лоб приказчика покрылся каплями воды, а губы, наоборот, высохли и растрескались.

- Я же всё рассказал, - Монк дышал часто и облизывался. - Чего вы хотите? Мольбы о пощаде?

- Правды. Зачем вы здесь, на самом деле?

Приказчик зажмурился, позволил себе тихий выдох и больше ничего. Колдун, не дождавшись ответа, продолжил пытку. В воздухе колыхалось марево. Тело Монка пыталось справиться с жарой так, как умело. Отдавая влагу. Рубашка промокла, волосы потемнели. От слабости и жажды уже должно было мутиться сознание. Глаза приказчика закатились. Он широко открыл рот и дёрнулся в судорогах.

- Дурак, - шепнул Карфакс, но первой сдалась Бель.

Дверь распахнулась. Ученица колдуна ворвалась в комнату, ставшую допросной, и закричала:

- Оставьте его! Прекратите немедленно! Он же умрёт. Смилуйтесь. Дайте воды!

- Что ты здесь делаешь? Я запретил...

Анабель его не послушала. Вырвала из рук бутылку и приложила горлышко к губам Монка. Если он

боялся яда в вине или брезговал о чём-то просить мучителя, то сейчас сдался. Жажда победила. Приказчик глотал вино с утробным бульканьем. Грибное «зелье правды» проникало в него, и вот-вот должно было дать нужный эффект.

- Хватит, - холодно сказал ученице Карфакс и отобрал бутылку. - Пошла вон. Ты будешь наказана за то, что вмешалась в допрос.

- Наказывайте, — Бель сжала кулаки и шумно задышала. — За то, что не смогла защитить замок. За то, что слушалась вас. Или за то, что не дала сорвать зло на беспомощном связанном человеке!

- Пошла. Вон.

Колдун встал на ноги и нависал теперь над хрупкой ученицей грозовой тучей. «Кокон жары» разрушился, в комнате стало невозможно дышать. Отважная Бель могла бы ещё много чего сказать о пытках и допросах, но вовремя вспомнила, в чьи глаза смотрела. Подобрала юбки и ушла.

Я вынырнула из видения допросной и вытерла лоб. Ещё удивлялась, почему он сухой и холодный. Замок показывал всё настолько ярко, будто я сидела рядом с Карфаксом и Монком. Но картинки исчезли. Только вода в чаше до сих пор колебалась голосами мужчин. Неясным бормотанием измученного приказчика.

Бель выскочила в коридор, как ошпаренная. Перевернула чашу, швырнула в угол недопитую бутылку и упёрлась руками в стену. Я думала, будет кричать или плакать, но она просто дышала. Считала вслух.

- Раз, два, три, четыре...

- Бель?

Трогать я её не решалась. Мне хватало одного взъярённого колдуна. Мы обе испугались, что он убьёт приказчика.

- Бель.

- Нет, я так больше не могу, - простонала она. - Немыслимое зверство. Если магия великих колдунов - такая, то я не хочу её знать. Верните мне зелья и хижину в лесу! Верните маму и бабушку! Они бы никогда так не поступили.

- Тише, - попросила я, поглаживая её по плечу. - Не в колдовстве дело. Пытать можно, чем угодно. Не бывает плохих и хороших заклинаний.

- Важно лишь то, как их использовать, - зло дёрнулась Анабель. - Ты права. Но я по-прежнему не понимаю. Как человек, спасший от смерти твою маму, мог устроить нечто подобное?

Я почувствовала, что мне хочется защитить Карфакса. Даже слова нашлись. «Моя мама не забиралась ночью в замок и не пыталась обокрасть другого человека. Не распускала мерзких сплетен, не охотилась за шаром-артефактом, дающим безграничную власть. Она просто жила и любила своих детей».

- Колдун жесток, но справедлив, - тихо сказала я. - Он защищает нас.

Бель не ответила. Смотрела в одну точку и молчала.

Глава 16. Отто

Меридит

Мы с Бель шатались по подвалу. Натыкались друг на друга, гремели разбитой утварью, считали шаги и ждали. Даже под действием грибов слова из Монка выходили с большой неохотой. Он скатывался в бред и долго бормотал что-то бессвязное. Бессмысленное. Я переживала, что приказчик полез в замок наобум. Просто так, без всякой цели. В зыбкой надежде, что у бывшего каторжника уж точно найдётся пара сундуков награбленного, Монк закричит: «Держи вора!» и оставит самозванца-Мюррея без наследства. Если так, то всё напрасно. Мы зря теряем время.

Дверь открылась с тихим скрипом. Я скорее почувствовала его, чем услышала и пошла к комнате. На колдуна было страшно смотреть. В его глазах разливалась тьма. Тягучая и чёрная, как смола.

- О, Бель, хорошо, что ты здесь, - произнёс он почти по слогам. - Наказания не будет, ты молодец. Ловко влила вино в глотку мерзавца. Я уж думал, ему насильно придётся челюсти разжимать, но тут явилась благородная спасительница и...

Он потерял мысль. Привалился спиной к стене и потёр пальцами виски.

- Воспитывал меня, щенок. «Вы пьёте, как пастух». Да-а-а. Перед тобой кривлялся, дурень, чтобы сам выпить не испугался. Глотал пустоту плотно сжатыми губами. Жаль, пара капель на язык попала. Мери, не ходи за мной. Колдун под грибами опасен. Магия вырывается спонтанно.

Карфакс повёл руками в воздухе, будто рисуя потоки энергии. Потом снова забыл, о чём говорил, отвернулся от нас и пошёл вглубь подвала.

- Господин, - я качнулась за ним.

Знала, что не удержу, если начнёт падать, но тянула руки. Колдун остановился. Демоны терзали его, тьма в глазах сгущалась. Он то хмурился, то беззвучно смеялся и вдруг положил мне ладонь на плечо.

- Я совершил ошибку, Мери. Она может стоить мне замка и всех земель. Три года назад, когда я выбрался из заточения и вернулся сюда умирать, сил ещё хватало на то, чтобы пить. А вино стоило денег. У нас то, что нельзя создать магией измеряется в золоте, представляешь?

Я не знала, как ему отвечать. Карфакс обращался ко мне, но видел совсем не служанку в подвале замка. Витал мыслями в другом месте и другом времени.

- Не так уж я и богат, оказывается. На триста лет хватило и кончилось. Замок пустой, продать нечего, да хлам никому и не нужен. Я поголодал неделю и сдался. Написал внуку старого друга, что готов уступить ему клочок земли. Парню она без надобности. Пустая, бесплодная, но через неё торговый тракт проходит. Томас в итоге выгоду смекнул. Согласился на тайную сделку. «А что старик Мюррей лицо прячет и по имени себя просит не называть так то его, стариковские чудачества. Совсем из ума выжил. Но подпись-то, подпись поставить мог». Мы встретились, я подписал купчую, забрал сундук с золотом и был счастлив. Напилился в тот же день. И только сегодня узнал от Монка, что Томас пошёл в городскую ратушу и зарегистрировал сделку. Чтоб всё честь по чести, да.

Колдун сжал моё плечо так крепко, что стало больно. Я не стонала, просто выдохнула, но он заметил. Отпустил. Ласково погладил по шее, коснулся пальцами подбородка.

- Ты красивая, когда переживаешь. С тебя картины писать бы. «Утешение сердцу».

- А что со сделкой, господин? Что с ней не так?

- Я умер, Мери. Земли Роланда Мюррея отошли Гринуэю. Я продал чужое имущество. И кто подписывал купчую? Кто? Альберт, наследник. Дата в реестре сделок такая, что Альберт уже был. Он преступник теперь. Мошенник. И знаешь, кто рассказал это приказчику? Отто, городской глава. Монк рисковал жизнью, забравшись в замок, потому что искал здесь мою купчую. Документ, где стоит якобы поддельная подпись умершего Роланда. Он хотел отнести её в суд и выиграть дело о наследстве. А потом отправить меня на каторгу уже по-настоящему.

Колдун вздрогнул и убрал руку. Тепло его пальцев пропало, мне стало холодно. Будто я вместо него осознала утрату.

- И как теперь быть? - далёким эхом спросила Бель.

- Я придумаю, - колдун со свистом втянул носом воздух. - Монк будет спать до вечера, потом его нужно отпустить. Я придумаю.

Развернулся и пошёл в другую сторону. Наверное, в кабинет или ещё куда в господском крыле. Оставил нас наедине с очень невесёлыми мыслями.

- Мери, скажи, - голос Бель по-прежнему звучал тихо, - можем ли мы что-то сделать или придётся ждать?

- Лучше подождать. Извини, у меня в голове каша. Видишь, как всё сложно? Полезем, куда не просили, ещё сильнее навредим.

Я растирала ладонями замёрзшие плечи. Почему замок такой большой? Его и десятком каминов не протопить. Тот, кто его строил, должно быть, страдал от лихорадки. Иначе зачем превратил его в ледяную глыбу? Вот и ходил бы тут сам по коридорам и прикладывал пылающий лоб к камням.

- Ладно, раз шар-артефакт никому не нужен, а в наследственных делах мы ничего не понимаем, то нужно возвращаться к хозяйству, - сказала Бель. - Давай вымоем пару комнат или приготовим обед. Потом второй обед, ужин. Займём себя чем-нибудь до вечера.

- Согласна. Кстати, мне помнится, колдун задал нам что-то учить.

- Да, - спохватилась Бель, и её потухший взгляд снова загорелся. - Да, перед тем, как уйти с тобой в деревню. Велел перечитать учебник общей магии и выписать три способа поднять предмет в воздух.

- Вот и прекрасно, - кивнула я. - Пойдём учиться. А заодно вымоем пару комнат, приготовим обед и ужин. Сами не заметим, как время пройдёт.

Учебник общей магии оказался самой скучной книгой из всех, что я когда-то читала или хотя бы протирали с их корешков пыль. Куда там занудным документам из кабинета Карфакса? Юридические премудрости, написанные канцелярским языком, можно было сложить десять раз, разбавить болтовнёй Анабель о магии и получилась бы только первая глава. А их десять. Мамочка, зачем я согласилась учиться колдовству?

- Да уж, господа магистры горазды лить воду в текст, - бубнила вторая ученица. - Её местами так много, что легче утопиться, чем выудить смысл. Вот зачем здесь два абзаца рассуждений об устаревших формах заклинания левитации? Кто будет тратить столько силы на бесполезное и громоздкое плетение? Когда можно взять обратную петлю...

- А ты на рыбалку любишь ходить? - зевнув, спросила я.

- Да. Мы жили далеко от реки, воду брали в ручье, но раз в несколько дней я просыпалась утром, закидывала тростниковую удочку на плечо и шла рыбачить. До обеда сидела, пока клёв был. На жарю потом целую сковороду карасей, хребты выкину и с луком их, с луком.

У меня слюна чуть не потекла по подбородку, а пустой желудок заурчал. Не вышло сытой жизни в замке, самой о пропитании беспокоиться приходилось. Сегодня Карфакс должен был выдать очередной золотой жалования, но он забыл. Думал, что делать с купчей на землю. Так громко думал, что мебель в кабинете падала, всё искрило, шипело, и каменные стены ходили ходуном. «Грибы виноваты, - хмурилась Бель, - спонтанные выбросы магии. Не обращай внимания». Ага, хорошо, договорились. Моё дело маленькое - прибраться потом. Но ещё пара неурядиц, эмоционально пережитых колдуном, и шару-артефакту заново придётся замок восстанавливать.

- Кто-то идёт, - встрепелась вторая ученица. - Многовато у нас сегодня гостей, не находишь?

- Угу, - отозвалась я, - и в кабинете стало подозрительно тихо.

Мы, не сговариваясь, сунули книги под кровати и встали по разные стороны единственного в комнате окна. Узкого, как бойница. Вдвоём не выглянуть, можно головами больно стукнуться.

Вечер давно наступил. Зубцы стен казались вырезанными из чёрной бумаги и приклеенными на синее небо. Фонарь у колодца Бель не стала зажигать, во всём замке горели два окна: наше и в кабинете. Так что темень во дворе стояла - глаз выколи. Но неизвестных гостей это не смутило. Я слышала ржание лошадей и видела, как по ту сторону стены вспыхнули факелы.

- Чем обязан, господа?

Голос Карфакса прозвучал так резко и неожиданно, что я присела.

- Интересно, а сейчас учитель позволяет нам подслушивать или нет? - прошептала Бель.

- Хочешь у него спросить?

- Нет, обойдусь. Не затыкать же нам уши.

- Вот-вот.

Всадники выстроились в шеренгу. Острое зрение позволяло мне разглядеть их лица, но я никого не узнала. На городскую стражу не похожи, на разбойников тоже. Уж больно рожи сытые и холёные.

- Господин Мюррей, приятного вечера, - раздался грубый голос. Колдуна приветствовал самый рослый и неприятный мужчина. Его узкое лицо покрывали глубокие морщины, подбородок обрамляла борода. Если бы не крупный нос и глаза навывкате, я перепутала бы его с высохшей сливой. - В гости не напрашиваюсь, я здесь проездом. По делам собрался в соседний Керби.

- На ночь глядя?

- Почему нет? - усмехнулся незнакомец. - Места у нас тихие, безопасные, не то что раньше. Никто больше не караулит в кустах зазевавшихся путников, дабы ограбить.

- Вы похвастаться решили, Отто?

- Отто, - шёпотом повторила его имя Бель. - Городской глава? Учитель о нём сегодня говорил.

- Не знаю. Одет богато, может, и он.

Соученица подвинулась у окна, чтобы я лучше его разглядела, но что толку? Многолетнего нанимателя своей бабушки я ни разу не видела. Только слышала рассказы о его семье. Должность городского главы не наследовалась. Но отец Отто был хорошим другом одного учителя из академии. Деревенские болтали, будто через него он и выпросил у тогдашнего лорда особую милость. Передать власть над городом своему сыну.

- Скорее посетовать, - ответил глава. - Места безопасные, а приказчик лорда Гринуэя пропал. Господин Монк. Вы не встречали его сегодня?

- Он за пленником нашим пришёл, - простонала Бель.

- Тихе, - я дёрнула её за рукав и приложила палец к губам. Наша комната была через три окна от кабинета Карфакса. Он мог услышать.

- Нет. Не встречал, - ответил колдун.

- Странно, - Отто тронул коня пятками, и закрутился на месте. - А мне господин Монк сказал, что собирается вас навестить. Ещё вчера. Уже ночь прошла, утро, день, настал вечер, а приказчик не вернулся.

- С чего вдруг такая отеческая забота о чужом слуге?

Вот мне тоже стало интересно. Слишком часто городской глава мелькал в последних разговорах о наследстве. И о сделке с землёй именно Отто рассказал Монку.

- Ох, он не простой слуга. Сами понимаете, чьей правой рукой является. И всё-таки. Как он, отправившись к вам, умудрился промахнуться мимо замка?

- Не знаю. - Карфакс терял терпение. Говорил отрывисто и зло. - Я всю ночь и всё утро провёл в деревне. Лечил женщину от горячки. Хельгу, жену Оливера.

Колдун выгораживал себя. Говорил правду, кстати. Если городской глава хотел, то мог послать кого-нибудь в деревню. Ему обязательно доложили бы, что моя мама действительно болела и чудесным образом спаслась от смерти благодаря стараниям бывшего каторжника Альберта Мюррея.

- Уж не та ли это Хельга, что дочь моей кухарки Марты?

- Не знаю, - повторил колдун. - Может быть.

- И вы спасли её?

- Да. Что за вопросы?

- Обычные вопросы, господин Мюррей, - в свете от пламени факелов взгляд Отто казался зловещим. - Умри Хельга, я бы сказал, что её забрали предки в свои чертоги. Но раз вы её вылечили, то, конечно же, приобрели перед этим в городской ратуше лицензию на аптекарское дело и врачевание. Не так ли?

Я в нашей с Бель спальне слышала, как зарычал Карфакс. Тень колдуна на мгновение пропала из окна, а потом снова появилась.

- Мне не нужна лицензия!

- Ошибаетесь, - протянул Отто и расхохотался. - Это при вашем дедушке Роланде колдуны странствовали по королевству и развлекались тем, что лечили крестьян. Кому-то помогали, честь и хвала, а кого-то быстрее сводили в могилу. Но те времена прошли. Теперь, чтобы напоить больного зельем или магией свести бородавку, пожалуйста в ратушу за документом. А до того извольте доказать, что должным образом обучены врачебному искусству. Колдунов давно нет, у лекарей своя гильдия. И у гильдии свои правила.

- Вы пришли учить меня им?

- Нет, я пришёл за господином Монком, - тон городского главы не менялся. Он будто бы веселился. Но у меня холодок по спине пробегал и в животе от нервов завязался узел. - И раз уж вы его не видели, то подожду ещё. Объявится. Парень молодой, загулял, наверное, с какой-нибудь прелестницей. Напился.

- Грибов объелся, - не удержалась я, а Бель шикнула:

- Тише.

- Постоялые дворы проверьте, - посоветовал колдун, - трактиры в Керби, раз уже едете туда по делам.

- Всенепременно, - Отто шутливо поклонился, привстав в стременах. - Благодарю за совет. И позвольте выразить вам своё восхищение, господин Мюррей. Замок с вашим приездом заметно преобразился. Брешь в северной стене осыпалась с тех пор, как я был маленьким, и становилась только шире. А сейчас её нет. Башни восстановлены, крыши. Признайтесь, всему виной могущественная магия?

- Нет. Простая забота о владениях моего деда и пара наёмных каменщиков.

- Вот и я так думаю, - широко улыбнулся Отто. - Никакого колдовства. Сам я не сведущ, но мудрые люди рассказывали, что магия не создаёт камни. Их добывают в каменоломне и привозят на место стройки. Однако же, какие у вас искусные каменщики. Так тихо и незаметно работали. Мне бы таких. Подскажите им, если снова встретите, что городской глава мечтает достроить западное крыло ратуши. Золотом не обижу. Всего доброго, господин Мюррей. Был рад перекинуться парой слов.

- Взаимно, Отто.

Городской глава натянул поводья, поцокал языком и кавалькада всадников тронулась с места. Жёлтые огни факелов поплыли в темноте.

- А ведь он прав, - тихо сказала Бель. - Я давно бьюсь над разгадкой шара. Пытаюсь взглянуть на него свежим взглядом, как приказал учитель. То, что вытворяет артефакт, призванный исполнять желания, нарушает законы мироздания. Нельзя создать материю из ничего. Достать камни из воздуха.

- Так разве не для этого Мюррей его придумал? Делать невозможное. Любое, что придёт в голову.

- Да, но не настолько, - насупилась Бель. - Должны быть какие-то рамки. Хотя бы те, на которых Вселенная держится. Шар же их в упор не видит.

Ага, старики молодеют, вода в колодцы возвращается, и обыкновенная служанка Мередит становится колдуньей.

- Тут я тебе не помощница. Если ты ничего не понимаешь, просидев семьдесят лет над книгами, то я и подавно.

- Зря ты так думаешь, - Бель покачала пальцем. - Как раз твой взгляд самый не замыленный и есть. Ты не хочешь поближе познакомиться с шаром? Поэкспериментировать с ним?

- Что сделать?

- Поэкс... поэкспи, - колдун со скрипом открыл нашу дверь, но слово никак не мог повторить. Язык заплетался. - В общем, я запрещаю. Плохая идея. Я велел изучать шар, а не играть с ним.

Выглядел Карфакс плохо. Такое чувство, будто снова постарел. Лицо осунулось, под глазами залегли глубокие тени. А ещё он смотрел в одну точку перед собой и замолкал в середине фразы.

- Мне тоже не нравится внимание Отто к замку. Не из праздного любопытства он дыры в черепице на крыше пересчитывал. Заботой о Монке прикрылся. Дался ему этот щенок? Даже если Гринуэй

пообещал золотом отблагодарить за содействие в избавлении меня от наследства, то какой ему интерес ночью по округе рыскать? Нет, здесь что-то личное. Тёмное.

Колдун снова мысль потерял. Устало сел на угол кровати Бель и протянул мне свиток.

- Вот. Я придумал, что делать с купчей. Десяток вариантов перебрал, на самом простом остановился. Я написал Томасу письмо. Свалил вину за подпись мёртвого Роланда на Карфакса. Удобно быть единым в трёх лицах. Отдаёт безумием, но позволяет придумать нужные комбинации. Я сказал, что мой приказчик обнаглел. Пользуясь тем, что прежний хозяин давно мёртв, а будущий наследник ещё не вернулся с каторги, ушлый старик решил нажиться на земле Мюрреев. Продать соседу кусок с дорогой. Сам Карфакс тоже мёртв, взыскивать ущерб не с кого, поэтому я предложил Томасу выход. Дождаться, пока я вступлю в права наследования, и переписать купчую.

- Вам всё равно придётся судиться с Томасом? - Бель нахмурила брови. - Нельзя просто так забрать у него землю. Никто не позволит. Да и согласится ли ваш приятель? Может, вы его обмануть хотите?

- Я не собираюсь ничего отбирать, в том-то и дело, - колдун сжал пальцами переносицу. - Я предупреждаю соседа, что купчая фальшивая, а сделку могут признать ничтожной. Тогда земля, где Томас уже развёл торговлю, вернётся к Мюррею или Гринуэю. Зависит от того, как суд решит дело о наследстве. А её бывший новый хозяин будет ждать возмещения убытка от потомков Карфакса до тех пор, пока не отправится в бездну. Моего приказчика не существует. Так вот чтобы этого не случилось я и предлагаю Томасу закрыть глаза. Потерпеть две недели до суда. Я получу наследство и тут же подпишу новую купчую. Уже как Альберт Мюррей. Так понятнее?

- Да, - кивнула умница-Анабель, пока я хлопала ресницами и сидела с приоткрытым от удивления ртом. - Если в суде выиграет Гринуэй, землю у Томаса он гарантированно отберёт. Кому помешают лишние деньги? А так у вашего соседа будет шанс остаться при своём.

- Верно, - вздохнул колдун и попытался встать с кровати. Ноги его не держали. Подогнулись, и Карфакс рухнул обратно. - Проклятье, ну что за дерьмовый день?

- Вам бы поесть, - предложила я. - Ужин готов. Бель собрала в лесу нормальных грибов, мы пожарили их.

- Я не голоден. Не хочу есть. Нужно Монка выволочь из замка и бросить в какой-нибудь канаве поближе к городу. Сколько у нас осталось бутылок вина?

- Семнадцать, господин.

Дурное предчувствие кольнуло в груди.

- Отлично, - прохрипел колдун, с силой выталкивая себя вверх. На этот раз на ногах удержался. Опёрся на стену и больше не падал. - Одной полупустой Монку хватит. Проснётся с тяжёлой головой, будет думать, что перепил. Если нам повезёт, грибы ему всю память отшибут. А если нет, то только момент допроса. И, может быть, встречу с Анабель. Не ходите меня искать, вернусь под утро. Ничего с вашим старым учителем не случится. Мередит, а ты завтра отдай письмо вестовым. Пусть доставят его Томасу.

- Хорошо, - ответила я.

Смотреть на его согнутую спину и шаркающую походку было больно. «Я не железный, Мери», - колдун так и не сказал. Столько всего свалилось на его плечи. И ведь держался. Думал, решал, делал что-то. Но над ним будто издевались.

- Надеюсь, с пленником тоже не случится ничего страшного, - пробормотала Бель в пустой проём двери. - Пойдём, сами поедим. Одни переживания с этим наследством и судами.

Глава 17. Истина в вине

Анабель

Господин учитель не вернулся ночью. Я никак не могла уснуть, лежала, всматриваясь в потолок, а перед глазами колыхались переплетения нитей силы. Шар улавливал наши голоса и наполнял замок магией, а она потом перетекала обратно к нам. Такой вот круговорот получался. И усиленная этой магией я могла слушать, как завывает ветер под дырявой крышей, как скрипят деревья за окном. Ну и как сопит Мери на соседней кровати. А шагов хозяйина замка не слышала. Ушёл колдун нетрезвой походкой, да ещё и Монка на себе понёс. Действительно бросит в канаве? Или убьёт, а нам не скажет? Пытал он незваного гостя с удовольствием. Будто и впрямь злобу вымещал. А я не знала, как должна себя чувствовать. Разрывалась между преданностью учителю и симпатией к приказчику лорда. Она заметно потускнела после всего, что он сделал, но до сих пор теплилась в груди и вызывала улыбку от воспоминаний. Красивый мужчина. Жаль, что такой мерзавец без стыда, совести и принципов.

Под утро у ворот замка объявился господин Мюррей. Его руки не были по локоть испачканы в крови, так что я успокоилась и почти сразу провалилась в сон.

Ненадолго.

Мерedit встала с рассветом, надела ученическое платье от Гензеля и позвала меня умыться. Я тоже нарядилась. Портные, конечно, постарались. На мне обновка сидела так хорошо, будто её часами подгоняли по фигуре, а не сняли десяток мерок и пошли шить.

- Теперь боюсь испачкать, - посетовала я, а Мери удивилась.

- Так передник тебе на что?

Ох, и не объяснишь вот так сразу. Дома я носила одежду, перешитую из старых нарядов бабушки. В пору её молодости юбки носили особо пышные. По десять метров ткани на одно платье. Меня можно было с ног до головы обмотать несколько раз. Я и не переживала, что порву «домашнее», пока бегаю в лесу. Новое будет очень скоро. А здесь единственное платье и для работы, и для учебы, и на выход к ужину с учителем.

Мы снова не заметили, как пролетело время. Чистили, мыли, скоблили, готовили и повторяли на ходу параграфы из учебника общей магии. Мери витала мыслями в облаках, никак не могла запомнить. Вот я и твердила ей теорию перемещения предметов, пока мозоль на языке не натёрла.

- Да что ж такое? - простонала подруга, остановившись возле закрытой двери в спальню учителя. На полу стоял поднос с нетронутым обедом. Мерedit приготовила омлет с грибами. Потратила на него последние яйца и молоко. Больше у нас продуктов с рынка не было. Я слюной давилась от запаха и вздыхала над своей горошницей. Если бы не шар-артефакт и быстро растущий огород, не знаю, что мы ели бы. А колдун носом крутил. Отказывался.

- Зато вина выпил пять бутылок, - Мери шагнула в угол коридора и легонько пнула скопившуюся там пустую тару. Бутылки обиженно зазвенели. - Нельзя так. Кто ж горе заливает на голодный желудок? Он там живой вообще? Тихо очень, мне не нравится.

- А ты постучи. Если спит, то проснётся. Нам урок сдавать нужно и ужин пора готовить.

- Вот да, - кивнула подруга. - Пусть хотя бы денег даст на продукты. Как мы вчера выяснили, достать их из воздуха не получится. Благодаря магии у нас один горох. Ты хочешь есть из него кашу три раза в день?

- Нет, - отрезала я и сама постучала в дверь. - Господин Мюррей! Как вы себя чувствуете? Мы волнуемся.

Устал маг. Столько проблем навалилось - за год не решить, вот силы и кончились. А мы со своим «дайте денег» ещё головной боли добавим.

- Молчит, - проворчала Мери, и вдруг дверь с тихим скрипом отворилась.

Я еле успела отойти в сторону. По воздуху, иллюстрируя второй способ перемещения предметов, летел кованный сундук. Маленький, аккуратный, красивый. Мама хранила в таком свои украшения. Мери обняла его, и дверь закрылась.

- Однако, - фыркнула подруга, но развивать мысль не стала.

Учитель нас слышал, желание получить золото выполнил, а разговаривать не желал категорически.

- Что ж. Давай посчитаем, насколько мы теперь богаты, - предложила я.

Холодный обед с собой забрали. Не пропадать же добру, раз господин Мюррей объявил голодовку. Мы сами омлет съели. Мери убрала посуду, вытерла стол и села перебирать монеты из сундука. За окном вечерело. Я уткнулась в свою тетрадь с заклинаниями и лишь изредка поглядывала, как растут столбики рассортированных кругляшей. Золото было всех оттенков. От тусклого и грязного до ослепительно яркого.

- Много получается? - не выдержала я.

Богатства мага выглядели внушительно. Я так много денег ни разу в руках не держала. Мы в лесу год бы на них жили, ни в чём себе не отказывая, но кто знает городских? Может, такого здесь на один хороший ужин в трактире и хватит.

- Достаточно, - ответила Мери, записывая цифры в столбик. - Бездна с ним, с моим жалованием, всё в дело пустим. Огород семенами засадим, кладовые забьём на месяц вперёд. Гензелю заплатим за гардероб Мюррея.

- Перьев, бумаги и чернил купим, - добавила я.

- Котелок ещё для варки зелий, я помню. На всё хватит. Но знаешь, вот считаю я, прикидываю и бояться начинаю, что это - последние деньги. Колдун их так молча отдал, рукой махнул и, наверное, опять к бутылке приложился. Три года ведь жил на то, что получил за землю. А теперь ничего не продать. Не хозяин он больше в собственном замке. Наследник только. И то, если суд выиграет.

- Да уж, беда, - вздохнула я. - Что теперь делать? Экономить? Совсем ничего не тратить? Чернила я сама могу из сажи сделать. С котелком подожду, в дырявом варить будем. Но есть-то нам надо.

- Вот именно.

Мери зажмурилась и долго тёрла глаза пальцами. Я страдала, что ничем не могу помочь. Мама зарабатывала нам на самое необходимо тем, что варила зелья для аптекаря. И меня научила. Но вчера городской глава ясно дал понять, что нужна какая-то лицензия.

- Слушай, Мери, а сколько лицензия стоит?

Соученица подняла на меня взгляд и шумно вдохнула.

- Надо же, как мысли сошлись. Я тоже о лицензии на торговлю подумала. Давай рискнём. Возьмём цыплят, поросят, пару телков. Сварим то зелье для ускорения роста скотины, что ты вспомнила. Вокруг шара попляшем и попоём. Немного мяса себе оставим, остальное Питеру в трактир сдадим. А что он не возьмёт - то на прилавок. Потом снова цыплят купим, и так по кругу. Лицензия дорогая, но она себя быстро окупит. Главное, всё точно рассчитать. Скотина после зелья как ест? Не в десять ли раз больше? Корм ведь ещё нужен.

Она воодушевилась, глаза заблестели. Действительно хорошо придумала, но я всё же пискнула тихо-тихо, как мышка:

- Прости, пожалуйста, я другую лицензию имела в виду. На аптекарское дело и врачевание. Так она называлась? Я тут опробовала исцеляющее зелье на господине Монке, оно работает. Если нам разрешат его продавать, то сколько можно выручить? Такая лицензия окупится?

Мери долго молчала. Я понимала, что если торговля зельями не пойдёт, то мы впустую потратим деньги. Цыплята и овощи надежнее. Их хотя бы самим съесть можно. А пузырьки с зельями куда деть? Для личного пользования сто штук не нужно. Мы же не на войне.

- Так всё, - подруга хлопнула ладонью по столу. - Мы возьмём обе лицензии. Тогда хотя бы одна торговля сложится. Питер не так уж надёжен. Откажется мясо брать - всё на рынок нести придётся. А там таких, как мы, два ряда. Попробуй ещё привлеки покупателя. Зато твоих зелий ни в одной аптеке нет. Точно тебе говорю. Они ж колдовские. Они помогают в отличие от припарок и примочек. Да, да, да, давай считать. Открывай свои записи с ингредиентами. Сорок штук, как я помню? Где их искать?

Так хорошо и радостно мне последний раз было на пороге замка. И когда учитель объявил, что берёт ученицей. Матушка-природа, чудеса продолжались! Нельзя вешать нос, даже если от всех бед и проблем охота пить, не просыхая. Выход всегда найдётся.

На следующий день Мери отправила меня в ратушу за лицензией, а сама осталась сторожить замок, шар и нашего учителя заодно. Сейчас господин Мюррей был способен только на ворчание из-за двери и грохот падающей мебели. Защитник артефакта из него никакой. А в запасах замка, как назло, ещё много вина.

Соученица объяснила мне, как найти ратушу на площади, и раз десять попросила ни с кем не разговаривать, пока не переступлю её порог. Можно подумать, за каждым углом прятался очередной трактирщик и мечтал меня обидеть. Хватит уже меня воспитывать. Усвоила я урок, что к мужчинам близко нельзя подходить, усвоила. Хотя одного сама к себе подпустила. Господин Монк видел меня практически обнажённой. Стоял так близко, что, готова поспорить на свою книгу рецептов, разглядел всё, что приличная девушка показывала только мужу после свадьбы. Стыд-то какой, мамочки.

Идти пришлось пешком, так что времени на самокопание и муки совести было достаточно. Чтобы отвлечься, я рисовала в воздухе фрагменты плетения сложных заклятий и повторяла заученные рецепты. Помогло. Неблизкий путь до города показался в два раза короче.

И вот я уже на центральной улице. Так. Нужно пройти мимо мастерской Гензеля, дойти до перекрёстка и повернуть налево. Потом ровно сто шагов и площадь. А посреди неё огромный дом из белого камня и аркой вместо обычных дверей. До монументальной величественности замка, ему, конечно, далеко, но тоже дух захватывает от красоты.

Я зазевалась и чуть не угодила под колёса повозки, запряжённой тройкой лошадей. Ох, как она быстро мчится! Нам бы такую. Теперь в городе придётся бывать часто, да и в трактир как-то нужно возить продукты. Опять же высокий статус лорда Мюррея требуется поддерживать. Мери сказала, ему положены два десятка лошадей и несколько экипажей, а в нашем пустом сарае, бывшем когда-то конюшней, даже худого старого ослика нет. И денег на него тоже.

Я отряхнула подол платья от дорожной пыли и выпрямила спину, как учила подруга. «Запомни, Бель, так ты будешь казаться суровее и представительнее. Ученица колдуна всё-таки. Сама колдунья. Не абы кто». Но я тряслась от страха. Ратуша казалась лабиринтом с толпой кровожадных чудовищ внутри. И мне предстояло вырвать из их клыков лицензию.

— Только не передумай, — шептала я, поднимаясь по ступеням крыльца, — не смей трусить! Ой!

Я нырнула в прохладу каменной арки и осторожно открыла глаза. В прихожую ратуши легко могли поместиться три наши с мамой лесные хижины. А людей здесь — раз два и обчёлся. Посреди огромной комнаты гордо стояла тумба с объявлениями. Глаза разбежались от названий гильдий, но свою я нашла. «Западное крыло, третья дверь». Чудесно. Я повернулась за заход солнца и пошла быстрым шагом к лестнице. Уже представляла, как взлетаю по ступеням, но окрик заставил споткнуться.

— Любезная. Кто вы и куда направляетесь?

— Анабель Лоренс, — выпалила я, втянув голову в плечи. Меня остановил мужчина в лёгком доспехе. Он здесь стражником поставлен, чтобы следить за порядком? Хорошо, правильно. Как иначе-то? — В гильдию лекарей. Нужна лицензия на аптекарское и врачебное дело.

— Проходите, — он кивнул на лестницу и освободил мне путь.

Надо же. А я настроилась на маленькую битву. Заготовила отговорки и оправдания. Но раз негодились, то оставлю себе. До чего же ноги противно дрожали. Ох, напугал проклятый! Отвыкла я от злых людей, пока общалась с Мери. Она всегда весёлая, деловитая и совсем не вредная! Не то, что господин стражник. Надел доспех и возомнил себя королём. Строжится на всех, вопросы задаёт. Скоро лопнет от собственной важности. Так и подмывало скорчить ему рожу и по-детски показать язык. И почти выполнила своё желание, даже голову повернула, но вдруг налетела на что-то твёрдое.

Угораздило же в стену впечататься! Ой. Посреди лестницы? В стену?

Я уперлась в преграду руками, а потом заметила пуговицы на чёрном камзоле. Медленно подняла взгляд и... моментально покраснела.

— Господин Монк?

— Анабель Лоуренс, значит, — с улыбкой сказал он. С такой открытой и приятной улыбкой, что у меня на сердце потеплело. — Надо же, в какие игры судьба играет. А я как раз о вас думал. Вспоминал чудодейственное зелье, спасшее мне жизнь. Даже к лекарям обратился, но они готовы были клясться на крови, что такого не существует.

— Бабушкин рецепт, — пробормотала я, отодвинувшись от мужчины. Почему он всё помнил? Учитель говорил, что грибы должны затуманить рассудок. Мамочки, а допрос и пытки в подвале господин Монк тоже не забыл? И моё выступление с гневной речью? — Он такой старый, что лекари могли и не знать о нём.

Я спрятала руки за спину и бросила на приказчика взгляд из-под ресниц. Помнит? Или нет?

— Удивительная у вас бабушка, — приказчик склонился ко мне, окончательно вогнав в краску стыда. — Но нечета внучке. Вы ведь дважды спасли мне жизнь, а я ни разу вас не поблагодарил.

Как можно не улыбаться, слушая подобные комплименты? Вот и я не сдержалась.

— Ох, перестаньте, господин Монк, я сама подвергла вашу жизнь опасности. Совершенно того не желала, но всё же. Навредила. Будем считать, что спасением загладила вину. Кстати, как вы себя чувствуете? Ожоги зажили?

— Да, — приказчик лорда огляделся по сторонам. Убедился, что стражник не оборачивается, больше никого в прихожей нет, и расстегнул камзол на груди. А за ним и рубашку. — Вот. Можете убедиться. Ровная, гладкая кожа с маленьким шрамом. Будто заботливые руки сотни лучших лекарей колдовали надо мной ни один год.

Я должна была зажмуриться, отвернуться и отчитать наглеца за бесстыдное поведение, но получилось только стоять истуканом и хлопать ресницами, словно забыла, как разговаривать. А ещё до дрожи хотелось проверить, правда ли рубец такой маленький? Провести пальцами по ровной коже. Красивой мужской груди...

«Не смотри! — приказала я себе. — И руки из-за спины не вынимай». Помогло.

— От шрама не останется и следа, если помазать его ещё раз-другой, — наконец, сумела выдавить из себя я. — И, прошу вас, оденьтесь, пока никто не увидел. Не докажете потом, что проходили осмотр у лекаря. У меня ведь даже лицензии ещё нет.

— Да, я слышал, зачем вы пришли в ратушу, — Монк торопливо застёгивал пуговицы и продолжал оглядываться. — Уж простите мне случайный шпионаж. А заодно совет. Я знаю, что на лицензию нужно сдавать экзамен. Есть выбор — устно отвечать на вопросы или продемонстрировать умения. К пациентам вас, конечно, не пустят, но смешать какую-нибудь мазь или микстуру попросят. Не стесняйтесь. Удивите их.

— Чтобы удивить их исцеляющим зельем, придётся сначала кого-нибудь слегка поджарить, — я едва сдерживалась, чтобы не рассмеяться. — Но спасибо за совет, господин Монк.

— Благодарить я вас должен, — напомнил он. — Скажите, пожалуйста, не будет ли против ваш учитель и опекун, чтобы я прислал подарок? Не сочтёт ли он такой знак внимания неуместным?

— Господин учитель не будет против, но это лишнее. Не стоит. Лучше приезжайте за мазью, — отважно и не совсем умно предложила я. — Нужно закончить ваше лечение.

— Боюсь, тогда вам придётся спасти мою жизнь в третий раз, — расхохотался приказчик. — Господин Мюррей на порог меня не пустит. Испепелит, как обещал. Нет, мазь лучше принимать из ваших рук на нейтральной территории. Знаете, я придумал выход. На постоялом дворе, где я ночую, неплохо готовят мясные пироги. Мы могли бы пообедать после того, как вы получите лицензию. Отпраздновать моё двукратное спасение и появление ещё одного славного врача. Трапезный зал общий. Ваша репутация честной девушки никоим образом не пострадает. Среди такой-то толпы благовоспитанных горожан. Постоялый двор всё же не трактир. Бояться не стоит.

— Хорошо. Только если не долго, — быстро ответила, чтобы не передумать.

В замке Мери и нетрезвый маг, за шаром, возможно, охота. Но Монк там точно не причём, мы уже выяснили. Учитель сказал, что под грибами не лгут. Всё по-прежнему крутится вокруг наследства, а я последнее время ничего вкуснее гороха не ела. Да и вообще ни разу не обедала наедине с мужчиной. С красивым мужчиной, который смотрит так, что сердце колотится и воздуха не хватает. Если разочек послушаться Мередит, ничего страшного ведь не случится, да? Я пообедаю и вернусь. Буду с Монком предельно осторожной и ничего лишнего ему не позволю.

— Вы дождётесь меня?

— Конечно, — приказчик взял мою руку и коснулся тыльной стороны ладони поцелуем. — Буду сидеть за столом, пока солнце не зайдёт или пока вы не осветите улыбкой постоялый двор.

Я аккуратно отняла у него ладонь и ушла, не прощаясь. Пылали даже кончики ушей, а лицо и вовсе напоминало спелый томат. Зато с губ не сходила улыбка. Глупая и нелепая.

Мамочка, я, кажется, попала в ту же ловушку, что и вы с бабушкой...

Мередит

До обеда я варила гороховую похлёбку с пряными травами и пыталась убедить себя, что раз Нико не примчался в замок за помощью, значит, с мамой всё в порядке. Никто не позволит ей встать с

постели раньше времени, хоть она и будет рваться изо всех сил. «Я здорова. Ну голова немного кружится... Ой, да ерунда. Вы поели? Чем Клауса с Гретой кормили? Я сейчас что-нибудь сварю». Нет, нет, нет. Братья натерпелись страха, сами всё сделают. И Елена стала какая-то другая. Тихая, серьезная. Будто повзрослела за одну ночь. Справятся. Мне не нужно жить всеми мыслями там. Своего больного в замке хватало.

Карфакс объявил голодовку. Питался одним вином и колодезной водой. Причём воду он пил утром, доставая её магией прямо из колодца. Ага, ведро летело по воздуху в открытое окно спальни, чтобы погасить похмельную жажду великого колдуна. Я почему-то представляла его деревенским пьяницей. Небритым, душным от того, что долго не мылся и наплевал на себя. А вспоминался отец. Он выпивал, когда Клаус с Гретой ещё не родились. Возвращался ночью, нагулявшись с друзьями, и падал на кровать. Мама снимала его сапоги. Умывала лицо, ставила рядом пустую бадю. И ни разу не пожаловалась. Не сказала, как сильно она устала возиться с детьми и хозяйством одна. Она любила отца. И что-то от её тихой заботы в нём перевернулось. В нашем доме больше не пахло спиртным. А мама округлялась от новой беременности и расцветала от счастья.

Я сняла котелок с огня и продолжила помешивать похлёбку. Карфакс мог бы меня попросить принести воды, но не стал. Почему? Ему было лень? Или, что хуже, не хотелось разговаривать именно со мной? Конечно, я ведь отказалась убирать бутылки из-под его двери. Специально расставляла их так, чтобы в узком коридоре было не пройти, не проехать. Считать-то должен. Рано ещё говорить, что весь разум пропил. Десять. Их стояло десять! Пять вчерашних и пять новых, хотя я тщательно их прятала. Как вообще можно столько выпить и не умереть? Ладно, не за один раз, за два дня, но всё же. Представить страшно, какой величины должна быть душевная боль, чтобы её так заливать. И ведь особого повода нет. Шар на месте, замок тоже. Мы с Бель рядом и готовы помочь. А приказчик Монк пусть катится к своему лорду и городского главу с собой заберёт. Тьфу на них три раза! Как они посмели довести моего господина?

Я слишком рьяно махнула ложкой, и горячая похлёбка выплеснулась из котелка мне на руку. Проклятье, больно! Где там кухонное ведро с колодезной водой? Ожога не будет, но красное пятно так сразу не сойдёт. А лечить магией я не умела. Кстати, почему все настойки и мази Анабель лечили только тело и не трогали душу? Я бы не отказалась от бальзама на сердце. Оно опять слишком громко стучало, когда я думала о колдуне. Нужно уговорить его поесть. Хотя бы две ложечки. Похлёбка такая вкусная.

Я поставила тарелку на разнос и пошла в спальню хозяина. Бутылки пинала больше для того чтобы заявить о своём присутствии. Такой грохот устроила, но Карфакс не отреагировал. Ладно, вторая попытка.

- Господин учитель?! - крикнула я. - К вам можно?

Дверь тихо отворилась. Будто мы завели невидимых слуг, и они успевали выполнять вместо меня мою работу. Запах в спальне стоял невообразимый. Неужели Карфакс лил вино на пол, оно там бродило дальше, скисало и испарялось? Сам колдун лежал на кровати, наполовину спрятавшись от меня за балдахином. Из-под одеяла торчали босые ноги.

- Я вам обед принесла.

Он промолчал в ответ, поэтому повторить пришлось ещё дважды.

- Господин учитель...

- Оставь у двери.

Святые предки, заговорил! Мамочки, какое счастье! Если служанка Мередит и дальше будет хорошей служанкой, то дело пойдёт на лад. Я верила. И тут же наплевала на приказ. В наглуго переступила через порог и пошла с похлёбкой к кровати.

- Тебе доставляет удовольствие наблюдать, как низко я пал?

Голос колдуна казался осипшим. Будто он долго кричал на кого-то.

- А зачем вы туда полезли? - спросила я, устраивая разнос на прикроватном столике. - Ну, туда, куда падали? Что такого эдакого случилось?

- Ты не понимаешь? - с вызовом спросил он, и на мгновение в том пьянице, что валялся на кровати, появился прежний Карфакс. Злой, ворчливый, но живой и сильный.

- Нет, - я решила играть роль деревенской дурочки до конца. Это было не сложно. Я, правда, не понимала. - Объясните, пожалуйста. И садитесь есть похлёбку. Одно другому не мешает.

Конечно же, он и ухом не повёл. Смотрел на меня из тени балдахина и отказывался чувствовать,

какой восхитительный аромат источала похлёбка. Но объяснить соизволил.

- Мешает. Одно другому. Есть куча не сочетающихся вещей, Мери. Их не подогнать друг к другу, даже если прикладывать и связывать. Например, я помолодел, но вернуть себе прежнюю жизнь не могу. Альберт – не Роланд, а самого Альберта никогда и не было.

- Вы сами не захотели говорить правду. Из-за шара.

- Да, - колдун раздражался, но вместе с желанием спорить к нему возвращалось и нечто более важное. Нет, не сила. Интерес жить. Он даже сел, не опираясь больше на подушки. - Шар – тоже тупик. Я не могу его уничтожить, потому что он поглощает всю силу, что идёт от дара колдунов и магию природы из зелий по рецептам бабушки Анабель. Его нельзя выбросить, закопать или забыть о нём. Я пытался не «кормить» его. Надеялся, что он зачахнет без моей силы и сдохнет вместе со мной, но и этого не случилось. Тебе мало проблем? Давай добавлю. У нас нет денег. Продать я больше ничего не могу, я – не хозяин на своей земле. Налоги собрать тоже, поручиться именем – туда же. Я сам себя загнал в ловушку и теперь не знаю, как из неё выбраться. Снова мало? – его голос возвысился, а взгляд заблестел. – Слухи, порочащие твою честь. Успела о них забыть?

- Нет, - тихо шепнула я, но колдун не услышал. Сам бросался словами, как деревенские мальчишки камнями.

- И совершенно зря. Они будут расти и звучать громче, смелее, а я должен защитить вас с Бель, объявить ученицами. Я обязан собрать званый ужин для местной знати, поить их, кормить, показывать, что колдуны вернулись и снова претендуют на положенное им место. Но я не хочу. А знаешь, почему?

- Денег нет? – пискнула я.

- Нет, - он улыбнулся так хищно, что у меня мороз пошёл по коже. – Потому что как только я напомню им старые правила. Скажу, что честь учениц колдуна неприкосновенна. В замке не бордель, а целая магическая академия для двух жутко талантливых девушек. Как только я запрещу им даже думать, что способен чувствовать похоть, глядя на вас, я не смогу взять тебя замуж. Будет нельзя. Так оцени дилемму. Или я тебя люблю и тогда Бель – просто шлюха. Или я для вас господин учитель и мне никогда не поцеловать тебя. Не уступить своей страсти, не зачать с тобой ребёнка. Я обречён вечно страдать, как узник в клетке, чей единственный глоток воды в кружке стоит так далеко, что до него не дотянутся. Вот и скажи, Мери. Мне есть из-за чего напиваться?

Глава 18. Поводы поговорить

Мерedit

Я не хотела отвечать ему. Собиралась позорно сдаться и сбежать, но тело не слушалось. Ноги подогнулись, пришлось сесть на угол кровати, иначе я рухнула бы.

Как он лихо взвалил на меня всю тяжесть проблем. «Оцени дилемму». Что это вообще такое? А со страстью как завернул, с ребёнком? Я думала, только девушки так умеют. Их зажмут в уголке, поцелуют разок, а они уже свадьбу представляют и общий дом. Нет, колдун тоже нафантазировал на десять лет вперёд. И чуть не поймал меня в ловушку. Я хотела спросить, как будет, если сначала жениться на мне, а потом объявить Бель ученицей. Тогда же её репутация не пострадает? А хитрый колдун ответил бы: «Выходи за меня, с остальным разберёмся». Проклятье, да невозможно это! Не женятся лорды на служанках, что бы Карфакс ни твердил о нашем равенстве по колдовскому дару.

Однако мой господин ждал ответ. И раз уж я осталась, то придётся или снова дурочкой прикидываться, или думать. Первое мне не давалось хорошо. Тут талант нужен. Другие девушки так мастерски ресницами хлопали и несли чушь, что все умилялись. А на меня смотрели, как на умалишённую. «Никогда глупостей не делала и вот взялась». Значит, буду рассуждать вслух со всей серьёзностью. словно я, правда, леди Мюррей или хотя бы мечтаю ей стать.

— А почему колдуну нельзя учить свою жену? Кто мешает?

— Учить никто не мешает, — Карфаксу понравилось моё любопытство. Он успокоился и лёг обратно на подушки. Даже говорить стал медленнее, вальяжнее. Ох, и язык начал заплетаться. — Вся моя библиотека в твоём распоряжении, любые ингредиенты для зелий, бумага под свитки. Беда в другом. Нельзя учиться бесконечно. Настанет момент, когда я буду должен вывести вас с Анабель в высший свет. Поручиться именем учителя за обретенное вами мастерство. Подписать дипломы, в конце концов. Анабель получит свой и уйдёт практиковать. А ты? Кто поверит, что ты действительно училась у своего мужа? «В койке с ним кувыркалась, а теперь больных и немощных лечить собралась». Нет доверия таким колдуньям. Никогда не было. Чтобы появилось, нужно искать тебе другого учителя. Как считаешь, кто-нибудь из колдунов, женатых на юных красавицах с магических даром, пошёл на такое?

— Нет, — уверенно ответила я. — Какой дурак отдаст молодую жену в замок к другому мужчине? Ещё и на несколько лет. Зачем тогда жениться?

— Верно, — ответил Карфакс из-под балдахина. — Поэтому так заведено, что либо жена, либо ученица. А ты не хочешь быть леди Мюррей. Я правильно тебя понял, когда мы возвращались в замок?

От него снова повеяло злостью, хоть он и старался выглядеть безразличным. Обида чувствовалась в голосе. Да чего там в голосе, я её всей кожей ощущала. Даже на мгновение поверила, что из всех бед до бутылки колдуна довёл именно мой отказ. И ведь посмела же какая-то деревенская девка сказать «нет» лорду. Другая на моём месте уже бы платье у Гензеля заказывала, штат прислуги собирала, смеялась и плакала от счастья. А я? Так и подмывало спросить: «И чего тебе, дура, надо? Признаний в любви мало? Карфакс ещё что-то должен сделать? На колени встать, кольцо подарить, просить у твоего отца руки его дочери?»

«Хотя бы», — рвалось с языка, но я до боли его прикусила.

— Ну какая из меня леди Мюррей, господин учитель? Деревенщина невытая. Писать не умею, красиво говорить тоже. Что ещё аристократкам нужно? Ходить, вытянув спину, сидеть, чинно сложив руки, вышивать? Главное — выглядеть настоящей леди. Нет, мне не дано. Ни лицом, ни фигурой не вышла. Я слишком толстая, в конце концов! Леди же они вот, — я втянула щеки. — Будто всю жизнь голодают. На хлебе и воде сидят, мяса ни разу не пробовали. А у меня бёдра широкие, грудь огромная. Такое ни одним дорогим нарядом не исправить! Знаете, как у нас говорят? Если на корову седло надеть, лошадьё она всё равно не станет!

— Мери, Мери, подожди, — попросил Карфакс и сел рядом со мной на кровати. От его дыхания пошла волна винного перегара, но взгляд стал на удивление ясным. Даже язык меньше заплетался. Колдун накрыл мои пальцы ладонью и заговорил: — Ты не права совершенно. Я уже вижу, что накрутила себя почём зря. Если бы сразу сказала, что тебя заботит, то я давно развеял бы сомнения. Но сейчас тоже можно. Во-первых, Мерedit, ты прекраснее всех леди, что я знал. Это правда, можешь не заливаться румянцем смущения. Во-вторых, про седло на корове я больше не хочу слышать. Магический дар ставит тебя настолько высоко, что ни одной нынешней аристократке не дотянуться. Их кровь пуста. Если следовать прежнему порядку вещей, то они и титула-то не достойны. А ты о породе рассуждаешь. Кончилась порода. Пора начинать всё заново с таких как ты и Анабель.

Да, Анабель. Вот кого стоило сделать колдуньей с титулом. Умна, начитана и всё умеет. Ей бы очень шло обращение «леди Лоуренс».

— И, в-третьих, — Карфакс вдруг поднёс мою руку к губам и поцеловал поочерёдно каждый палец. Сердце замерло, меня бросило сначала в жар, потом в холод, и слова колдуна зазвучали сквозь густой туман в голове. — Если других причин для отказа нет, то скажи: «Да, лорд Мюррей, я согласна стать вашей женой». Бездна с ним, с ученичеством, я знаю, что делать. Найду вам с Анабель другого учителя, согласного поставить своё имя в диплом. Напишу отшельникам письма, брошу клич по королевству. Кто-то ещё из колдунов должен жить, иначе твоя подруга не появилась бы на свет. И всё, документ об образовании обеспечен, осталось разобраться с репутацией честных девушек. Но и здесь я проблемы не вижу. Завтра же прикажу Анабель собирать вещи и возвращаться в хижину. Будет учиться самостоятельно. А тебя объявлю невестой. Просто скажи «да», Мери.

Ох, Карфакс был пьян и не понимал, что говорит. Пять бутылок — не шутка. Мужчин после долгих возлияний ещё не так несло в душевном порыве. Выпьют последний кубок, уснут, а утром вспомнить не могут, что было. Одну ученицу замуж позвал, другой диплом пообещал. Где он возьмёт ещё одного колдуна, если сам настаивал, что мы — последние, у кого есть дар? Обман это. Желание выставить Бель за дверь, чтобы поскорее жениться на мне и утолить свою страсть. Можно прямо сегодня, не дожидаясь свадьбы. А что? И такое бывало. Сколько историй ходило по деревне — не сосчитать. «Люблю, жить не могу, женюсь!» А утром будущий муж просыпался с похмельной головой и начиналось: «Разве я замуж звал? Тебя? Да я бы никогда!» Нет, мне нельзя поддаваться на горячность Карфакса и верить его словам. Наломает сейчас дров, выгонит Бель из замка, а потом руками разведёт: «Ну нет другого учителя». И что тогда? Обратю её звать? Прекрасно. Да, это выход. Раз нельзя совмещать, то одна из нас будет ученицей, а другая женой. Одна получит диплом, а другая так никогда и не назовёт себя колдуньей.

«И что тут такого? — спросила бы мама. — Дочка, счастье женщины — семья. Муж, дети. Ну какая магия? Тем более тебе».

Да, я глупая и зелья варить не умею. Лучшая судьба, что я могу выбрать — стать женой колдуну. Матерью его детей. Верной спутницей, помощницей, хранительницей голубого шара. И никакой магии. Больше никогда.

Я облизнула губы и беспомощно опустила взгляд.

— Не делай так, пожалуйста, — попросил Карфакс. — Меня тянет тебя поцеловать.

Голова кружилась, мысли путались и я уже не понимала, где пол, а где потолок в комнате. Карфакс сидел рядом, молчал. Невероятное тепло шло от его рук. Мягкое, обволакивающее. Нет, себя не обманешь. Не заставишь поверить, будто колдун безразличен мне и я готова оттолкнуть его навсегда очередным отказом. Что я буду делать без его голоса? Песен под звуки клавесина, танцев, долгих вечеров в замке. Но и без магии я тоже не смогу. Святые предки, да летающие по двору чурки и спасение Бель от трактирщика — мои лучшие воспоминания! Самые яркие. И хоть я криворукая неумеха, хоть я не сидела семьдесят лет над книгами, но мне тоже есть, что терять.

«Колдуна, — шепнул чей-то голос в голове, — лорда Мюррея. Мужчину, которому ты тоже не безразлична».

Мамочки, как сложно! Как больно делать выбор. Тем более, что ни крепкой любви между нами, ни уверенности, что мне покорится собственный дар пока нет. Правильнее будет — подождать. Сказать: «Простите, учитель, но сейчас я хочу остаться вашей ученицей и только». Запретить Карфаксу выгонять Бель из замка. Самой засесть за книги и учиться всему: колдовать, варить зелья, быть леди. Учиться и ждать. Быть может, через десяток лет найдётся ещё один колдун. Тогда я поеду к нему в замок, заработаю себе диплом, и, наконец, стану достойной невестой для лорда Мюррея. Но вот беда, время уйдёт, а Карфакс остынет. Я потеряю его. Опять тупик.

«Ничего не тупик, — гордо сказала бы бабушка. — Если колдун по-настоящему любит, а не врёт тебе, то дождётся. Ишь ты, страсть у него. Пусть узелком завяжет! Деньги у него на свадьбу есть? Замок и земли он себе уже вернул? То-то же. Никакой женитьбы!»

Я и за помолодевшего старика Карфакса без роду и племени замуж вышла бы, носом крутить не стала, но в чём-то бабушка права. Настолько, что подсказала мне выход.

— Простите, учитель, но я не могу согласиться на свадьбу. Во-первых, у нас нет денег на бал и грандиозный пир. А, во-вторых, праздновать придётся без гостей. Никого постороннего к шару приглашать нельзя. Вы ведь не забыли о нём, да? О господине Монке ещё, городском главе Отто, суде за наследство?

«О незаконно проданной земле», — хотела добавить я, но передумала. Перебор уже.

Колдун отпустил мою руку, зажмурился и глухо зарычал. С такой болью и отчаянием, что у меня всё внутри скрутило. Лучше бы швырнулся мебелью. Разнёс половину комнаты, разлил похлёбку, но не страдал вот так.

— Упрямая ты, — хрипло сказал колдун. — Вся в отца. Уходи, Мери. Я буду дальше пить. И убери пустые бутылки из-под двери.

— Хорошо, господин.

Я встала с кровати, поклонилась и вышла за дверь.

Ноги дрожали. Страшно за него было и так больно самой, что хоть волком вой. Ничего мы не решили. Кажется, что из болота проблем и вовсе невозможно выбраться.

Анабель

Западное крыло. Третья дверь. Гильдия лекарей. Я трижды перепроверила, правильно ли посчитала. Трижды прочитала табличку на двери. Думала, что боялась ошибиться, но на деле тянула время. Чудилось, что вместо гильдийских лекарей там сидят маги-ровесники господина учителя. Вот я сейчас войду, и меня станут проверять по каждой странице книги рецептов. «Что значит вы не помните сколько щепоток яблоневого сажи нужно для зелья от желудочных колик?» Но я помнила. Столько раз снадобья варила, что наизусть выучила. Помнила, в каком месте рука соскользнула и строчка вышла неровной. Смотрела перед собой и видела собственный почерк прямо в воздухе.

— Хватит трусить, Бель, — проворчала я, заставляя себя взяться за дверную ручку. — Мередит на тебя надеется. Учителю нужна помощь.

Я постучалась, и мужской голос разрешил войти. Не было больше времени на сомнения и страхи. Рывком открыла дверь, вошла и захлопнула, чтобы не передумать. Отрезала себе путь единственно верным способом.

— Добрый день, — я кивнула, выпрямила спину и скользнула взглядом по кабинету. Лекарей, к сожалению, не увидела. Гильдию представляли три чиновника. Сидели за разными столами, пили чай и наблюдали за мной с усмешками. — Я хотела бы сдать экзамен для получения лицензии на аптекарское дело и врачевание.

— Добрый, — неприятно улыбнулся самый толстый мужчина. — А я хотел бы петь в столичном театре. Видите ли, не все мечты сбываются. У меня нет голоса. Вы слишком молоды и явно не подготовлены, чтобы получить такую лицензию. Идите учиться, милая девушка. Лет через десять возвращайтесь. Может быть, тогда всё сложится.

— Я читала правила гильдии на тумбе. Там ничего нет о возрасте. Значит, вы обязаны разрешить мне сдать экзамен, — я гордо вздёрнула подбородок и только потом поняла, что скопировала интонацию господина Мюррея. Случайно решила, что говорить нужно, как лорд. С достоинством. Уверенно. Да, мне далеко до его титула, но разве магический дар не даёт привилегий, как у аристократов? Жаль, что нельзя во всеуслышание объявить, что я — маг. Господин Мюррей просил вести себя в городе очень тихо. — Я ведь не прошу подарить мне лицензию просто так. Я сдам экзамен, заплачу гильдейский взнос и спокойно пойду торговать зельями.

— Зельями? — второй чиновник громко рассмеялся.

Он не был таким толстым, как первый, но всё равно казался неприятным. На лице и шее у него красовалась мелкая сыпь. И с того момента, как я вошла в кабинет, ореол красноты расширился. Недуг мучил его прямо сейчас и господин лекарь палец о палец не ударил, чтобы сварить для себя мазь. Однако. Я вообще по адресу попала?

— Госпожа, — обратился он ко мне, жестом требуя подсказать фамилию.

— Лоуренс, — ответила я, внимательно разглядывая мелкие пузырьки на красной коже. Их стало ещё больше. Уже на руках появились. А что он пил? Отвары из некоторых трав организм не переносит и реагирует вот так. — Анабель Лоуренс.

— Очень приятно, — чиновник-лекарь поправил ворот рубашки, пытаясь спрятать проявление недуга. — Меня зовут господин Абрамс. Слева от вас господин Кнелл, а справа господин Гультраст, старший лекарь. Итак, госпожа Лоуренс. Да будет вам известно, что зелья варят колдуны и колдуньи. Приличные аптекари готовят лекарства. Сборы трав, мази, микстуры. Понимаете? Если уж путаетесь в таких мелочах, то вам действительно лучше сначала чему-нибудь научиться, а потом прийти снова. Мы с удовольствием проведём для вас устный опрос, чтобы выявить глубину знаний.

— Я готова сдать экзамен прямо сейчас, — с нажимом повторила я. — Найдите, пожалуйста, стакан

молока, ложку мёда и череду. Я приготовлю мазь и избавлю вас от сыпи.

— Черета от неё не помогает, — возразил он, шумно прихлёбывая из кружки. Я аж дыхание затаила, впившись взглядом в пузырьки. Если диагноз «непереносимость» поставлен правильно, то состояние чиновника ухудшится. — Я пробовал три разных рецепта. А ещё полынь, зверобой и крапиву. Или вы считаете, что пришли с улицы, ограничились беглым осмотром и сможете посрамить усилия опытных лекарей, сходу приготовив лекарство? Не смешите, милейшая Анабель Лоуренс. Дверь там. Уходите.

— Мне нужно десять минут и названные ингредиенты, — я сложила руки на груди. — Раз уж вы всё перепробовали, то терять нечего, не так ли? Я предлагаю пари. Если моя мазь поможет, то вы подпишете лицензию. Если нет, то я извинюсь и пойду учиться.

Конечно, они могли позвать стражу и приказать силой вытолкать меня за дверь, но тогда страдающий господин Абрамс точно останется без лечения. А ему становилось хуже, я не ошиблась. К сыпи и красноте добавился отёк.

Ох, как злость придавала мне сил. Мгновение назад боялась переступить порог гильдии, а теперь требовала устроить экзамен. И пусть колени до сих пор дрожали и в животе разливался холод, но я не лгала, когда говорила, что не сойду с места, пока мне не позволят показать, на что я способна.

— Боги с ней, — махнул на меня рукой господин старший лекарь. До сих пор он молчал. Только задумчиво поглаживал седую бороду. — Черета, молоко и мёд тебе точно не навредят, Абрамс. Пусть попробует. Вдруг случится чудо, и ты исцелишься?

Удивительно, но мою затею поддержал не только он.

— Я принесу ингредиенты, — сказал толстый господин Кнелл.

Потом медленно встал со своего кресла и вышел из кабинета. Топот его тяжёлых ботинок был слышен даже из-за закрытой двери.

— Хорошо, — сдался больной и шумно почесал шею. — Давайте устроим экзамен. Если сыпь исчезнет и не вернётся, то вы получите лицензию.

— Договорились, — не скрывая ликования, ответила я.

— Что ещё вам нужно для приготовления зелья, госпожа Лоуренс? Простите, болотных жаб, летучих мышей и чёрных кошек в нашей гильдии не держат.

Страдал, но продолжал язвить. Ладно.

— А зачем кошки? — притворно удивилась я. — Для ритуала жертвоприношения нужен чёрный петух. Но, увы, не сегодня. Я обойдусь молоком, мёдом и чередой. Но к ним ещё нужен котелок...

— Горелка, лопатка для размешивания и баночка под мазь, — закончил вместо меня старший лекарь. — Выдай, Абрамс. Не скупись.

«Пациент» что-то проворчал под нос и пошёл доставать из шкафа старый чугунный котёл. Запылившийся, но целый. На пять-шесть стаканов. Там же нашлись: горелка, лопатки и круглая банка. Кхм. Необычно. Наш аптекарь пользовался квадратными. Их было проще перевозить в ящиках.

— Поскольку я в вас верю, — с теплотой в голосе сказал господин Гультраст. — То предлагаю заполнить бланк лицензии. Наш Кнелл ходит медленно, а череду в кладовке гильдии ищет долго. Так что не будем терять время. Ваше имя я запомнил, благодарю. А как звали учителя? Где он родился, работал, сколько лет учил вас?

Ох, врать придётся напропалую. Ни бабушка, ни мама лицензий на аптекарское дело и врачевание не имели, учить никого не могли и сами торговали зельями исключительно тайно.

— Господин Крайн, — назвала я первое попавшееся имя. — Официально я его ученицей не была, но пять лет он давал мне уроки по выходным. В Дрилоне. Там он родился, жил и работал. Маленький город где-то под Крангом.

В Дрилоне не было аптеки. Закрыли, чтобы переделать здание в трактир. А если бы я назвала настоящее имя того человека, что покупал мамины зелья и помогал нашей семье не умереть с голоду, то сильно его подставила бы.

— Вы жили там же?

— Нет, в деревне Шобли. Рядом, — я прикусила губу, наблюдая, как пожилой Гультраст выводит

буквы на слегка пожелтевшем листе. — А зачем вам моя деревня?

— Для отчётности, — улыбнулся он. — Пустая формальность. Гильдия сдаёт данные о каждом лицензированном специалисте городскому главе. Тот, в свою очередь, отчитывается королевскому проверяющему. До Его Величества доходят голые цифры, но его человек строго следит, чтобы эти цифры совпадали с количеством золотых монет, уплаченных в качестве сбора.

Я выдохнула, прикрыв глаза на мгновение. Значит, проверять, была ли я ученицей несуществующего Краста никто не станет. Не хотелось бы попасть в тюрьму за такой обман. Господин учитель закопал бы меня в огороде рядом с проклятым горохом. Сначала вытащил бы из тюрьмы, а потом закопал.

— За-ме-ча-тель-но, — чиновник протянул мне заготовку лицензии.

Я перечитала скупые строки о своём прошлом и кивнула, что всё верно. Через пару минут вернулся третий представитель гильдии. В руках у него был поднос со стаканом молока, небольшой миской мёда и пучком череды. Я понюхала растение и осталась довольна. Конечно, эффект будет сильно зависеть от времени и места сбора. Но мазь поможет в любом случае.

Главная сложность состояла в том, что в кабинете не было очага. Аптекари выдали мне горелку под котелок. Но пока крошечный язычок пламени будет прогревать чугунок, выпрошенные десять минут на изготовление мази давно пройдут. Поэтому я решила нагреть котелок магией. Приложила к нему ладони и прошептала заклинание. Кажется, аптекари ничего не заподозрили. Уф-ф-ф, хорошо бы. Если обнаружится, что я — маг, то мне не только в лицензии откажут, но и диплом, подписанный господином учителем, потребуют. Нельзя колдовать за пределами учебной комнаты без документа о завершении образования. Мама предупреждала. А диплома нет. И не появится, если я не справлюсь с сегодняшним заданием раздобыть лицензию.

Я залила в горячую посудину молоко и положила ложку мёда. Пока смесь нагревалась, я измельчила траву череды. Чтобы довести молочно-медовую основу до кипения, пришлось снова греть ладонями металл. Зато сразу после я добавила основной ингредиент и стала помешивать будущую мазь, едва слышно нашёптывая заговор.

Аромат в кабинете стоял восхитительный. Чиновники сначала делали вид, что им всё равно, а потом дружно вытянули шеи. Я даже смутилась немного и пару раз неловко стукнула лопаткой о котёл.

— Как там мазь? — спросил Абрамс. — Время вышло.

— Почти готово, — пробормотала я, разглядывая бледно-зелёную субстанцию. — Нужно остудить. И можно использовать.

— Вот так вот, — протянул он. — Смешали молоко с мёдом и избавили меня от многолетней болезни. Очень сомнительно.

— Проверьте, — я пожала плечами. — Или уже готовы отказаться от нашего пари?

— Нет, — он распахнул на груди камзол и начал расстёгивать пуговицы рубашки. — Юным и самоуверенным полезно потерпеть публичное поражение. Оно сбивает спесь и ставит на место. Я готов.

— Не только юным, — вполголоса заметила я, вспоминая совсем другого мужчину с расстёгнутой рубашкой. Бесстыдные мысли о господине Монке помогли отбросить последние крохи неуверенности. Я варила мазь от сыпи чаще обычного супа. Перепутать что-то или испортить её невозможно.

Я зачерпнула со дна котелка, переложила ароматное лекарство в баночку и пошла к господину Абрамсу. Боги, главное, чтобы меня не заставили наносить её самостоятельно! Тут уже никакие мысли о молодом и красивом приказчике не помогут. Буду невежливо морщить нос, хотя лекарю не положено. Но лицензии же пока нет. Значит, я не совсем лекарь.

На моё счастье, пациент уже так настрадался от недуга, что не обращал внимания на церемонию. Зачерпнул мазь и начал втирать её в покрасневшую кожу. Сила природы, усиленная наговором, набросилась на сыпь. Два других лекаря хмурились, но взгляда от Абрамса не отрывали, а он чувствовал больше, чем видел.

— Проходит. Святые предки, проходит!

Толстый Кнелл фыркнул, а старик Гультраст достал из кармана зеркало.

— Посмотри поближе. Лично я ничего подобного ни разу не видел. Такое ощущение, что ты зря сегодня шутил о колдовстве. Зелье и есть. Зато работает.

— Самая обычная мазь, — я довольно улыбнулась. Казалось, за спиной крылья вот-вот вырастут, и я взлечу. Ещё чуть-чуть и лицензия у нас в кармане! — А у вас такая же обычная аллергия. В чашке травяной сбор, да? Вы, когда его пьёте, сильнее чешетесь. И цвет сыпи на глазах становится ярче. Используйте баночку до конца, откажитесь от чая, и, я гарантирую, от вашего недуга не останется и следа.

Абрамс демонстративно снял котёл с горелки и отнёс на свой стол. Не будь мазь такой горячей, обнял бы, наверное, чтобы никто не украл. Старший лекарь следил за ним, пряча смех за глотками чая. Дождлся, пока пациент намажет руки, лицо, шею и сказал:

— Пари проиграно, насколько я понимаю. Подписывать лицензию?

— Да, — пробурчал Абрамс. — Адреса лавки в ней нет?

— Пока нет, но мы сейчас спросим у госпожи Лоуренс. Моя драгоценная победительница, не томите. Где вы будете торговать своими лекарствами?

— У нас, — я пощелкала пальцами, пытаюсь вспомнить, как можно назвать то, что мы собирались делать, — домашнее производство. Пока лавки не будет.

— Считайте, что выбрасываете деньги на ветер, — чудом исцелённый чиновник желчно усмехнулся, и я пожалела, что мазь готовила с приятным запахом. Нужно было что-нибудь забористое варить. Чтобы птицы, пролетающие над Абрамсом, падали замертво, услышав запах. — У вас и расчётов нет, наверное. Себестоимость зелья, расходы на тару, запас на срок годности — слышали вообще о таком? Клиентов ведь тоже нет. Зато производство. Сразу — в омут с головой. Ох, неразумно, милая госпожа Лоуренс.

— А я плавать умею. Разберусь как-нибудь, не утону. Я могу, наконец, получить свою лицензию?

— Да, — старший лекарь протянул мне подписанный бланк. — Всего хорошего. Надеюсь, ещё не раз услышу ваше имя из уст других лекарей.

Глава 19. Свидание

Не обманул господин Монк, постоянный двор выглядел достойно. Рядом с его монументальным великолепием трактир казался сараем. Комнаты богатым гостям города сдавались на втором этаже, на третьем жил хозяин с семьёй, а на первом поставили столы и угощали ужином.

— Доброго вечера, — вежливо сказал юноша на входе. — Вас ожидают?

— Да, наверное, — я попыталась взглядом найти приказчика лорда, но не вышло. — Господин Монк уже здесь?

— С обеда не уходил, — вежливо улыбнулся он. — Прошу, госпожа Лоуренс.

В зале играла музыка. Клавесин, как у лорда Мюррея. Под возвышенные, но слегка скрипучие звуки слуги выносили блюда, а гости тихо разговаривали. Единственный стол, где сидел один человек, располагался у окна. Приказчик заметил меня и пошёл навстречу.

— Ваши глаза сияют ярче звёзд. Удалось получить лицензию, я угадал? Расскажите, как покорили комиссию талантом? Оливер! — господин Монк жестом привлёк внимание слуги. — Горячее можно подавать. Прошу за стол, Анабель. Надеюсь, вы не против цыплёнка с пряными травами?

— Доверюсь вашему вкусу, господин Монк, — я смущённо улыбнулась. — А экзамен прошёл интереснее, чем я рассчитывала.

— О, зовите меня по имени, — он взял мою руку и слегка сжал пальцы. — Питер.

— Хорошо. Питер, — кивнула я и постаралась вспомнить всё, чему учила бабушка. Она ушла в лес, жила отшельницей, но считала важным, чтобы дочь и внучка могли сидеть с прямой спиной, правильно держать вилку и с достоинством смотреть на аристократов. Наши уроки закончились вместе с её здоровьем. Мама учила меня только магии, светские манеры казались ненужными. А сейчас я жалела, что не слушала советов бабушки. От мысли, что могу испортить вечер неловким движением или неуместным словом, ладошки потели.

— Так что же там случилось? — приказчик пододвинул мне стул, сел напротив и потянулся за бутылкой вина. — На экзамене?

Пьянящий напиток наполнял бокал, отчаянно напоминая, что в замке господин учитель пил и страдал от наших неразрешимых проблем. Интересно, уже протрезвел или Мери до сих пор за ним ухаживала? Я пить не умела. «Засыпала, понюхав пробку», как шутила мама.

— А можно воды?

— Зачем? — Питер поставил бутылку на стол и, слегка нахмурившись, посмотрел на меня. — Поверьте, вино гораздо приятнее.

— Хорошо, только немного, — поспешно согласилась я, чтобы не расстраивать господина Монка. — На экзамене меня ожидаемо не приняли всерьёз. Пришлось предложить одному из врачей пари. Вы были правы, кстати, что стоило упираться не на теорию, а на практику. Сама бы я не догадалась. Ох, Питер, видели бы вы его лицо, когда покраснение сошло!

— Жалею, что меня там не было, — лучезарно улыбнулся приказчик и отвлёкся на мгновение, чтобы кивнуть слуге. Нам принесли цыплёнка. Аромат специй защекотал ноздри. Я могла бы разложить букет на составляющие, но обаяние господина Монка не давало сосредоточиться даже на таком роскошном блюде. — Думаю, господа аптекари лишились дара речи. Мир не готов к магам, дорогая Анабель. Отвык от чудес, разучился слыша гром, вспоминать, не прогневал ли кто-нибудь из великих? Однако я бесстыдно отвлекаю вас от цыплёнка. Давайте ужинать.

— Не готов, да. Поэтому про магию я пока и не говорила, — я отрезала кусочек ароматного мяса. Только сейчас поняла, насколько голодна. Кажется, устала на экзамене сильнее, чем думала. — Господин учитель запретил.

— Он у вас строг, я заметил, — Питер сделал глоток вина и долго наслаждался его вкусом. — Будь я вашим отцом, отправил бы любимую дочь в замок вместе с охраной. А то учитель пытки практикует, галлюциногены в напитки подмешивает. Незнакомцы опять же в окна лезут...

Приказчик подмигнул мне, предлагая считать сказанное шуткой и оглядел зал постоянного двора. Никто больше не слышал? Все спокойны?

— Я не знала своего отца. Мама умерла не так давно. У меня нет никого, кроме господина учителя и Мери, — призналась, прикусив губу. — К тому же, пытаться он предпочитает незнакомцев, что лезут в окна.

— Мери? — удивился приказчик. — Она ваша сестра?

— Нет, — я бросила на Питера быстрый взгляд и решила соврать. Вернее, сказать полуправду. Я не знала, сколько можно рассказать человеку, проникшему в чужой дом, чтобы раскрыть тайны его хозяина. — Мередит — экономка в замке.

— Важный человек, — кивнул он. — Соболезную вашему горю. Потерять мать — тяжёлый удар. Она тоже была колдуньей? Ох, простите. Если я слишком любопытен и позволяю себе бестактность, вы можете не отвечать.

— Ничего, — постаралась улыбнуться я. Но говорить о маме всё же было трудно. Последние дни её жизни отпечатались в памяти, словно мне нельзя было забыть ни слова. Она много рассказала перед смертью. Дала наставления. — Да, она была магом. Но отец, кажется, смертный. Так что чистокровной колдуньей я себя назвать не могу.

— Во мне вообще нет ни капли дара, — с грустью в голосе сказал приказчик. Но потом будто бы отвлёкся на другую мысль. — Говорят, наша аристократия потеряла право так себя называть. Среди лордов ни одного колдуна. Тем удивительнее, что господин Мюррей унаследовал дар от деда. И ещё удивительнее, что нашёл ученицу. Ваши предки были знакомы?

— Наверное. Магов всегда было не очень много, — я нахмурилась. — Бабушка предполагала, что скоро аристократы с даром перестанут появляться на свет. Но магия всегда найдёт дорогу к своим наследникам. Если род достаточно древний, то даже через три-четыре поколения в нём может родиться одарённый ребёнок. Возможно, появление Альберта Мюррея — знак, что скоро лорды вновь обретут колдовскую силу.

Ох, насочиняла. Половину слов родительниц переиначила, но Питеру не догадаться. Он ведь ничего не смыслит в магии. Можно сказать, что на заднем дворе замка ходят восставшие мертвецы — приказчик поверит. Врать неприятно, но ничего умнее в голову не пришло.

— Жестокая будет делёжка власти, — поморщился господин Монк. — Много крови прольётся. Новые аристократы захотят уничтожить прежних. Ваши дети, например, или внуки. Но я снова вынужден извиниться. Неподобающая тема для ужина. Предлагаю выпить за исцеляющую магию. О, если бы все колдуны использовали свой дар именно так и не иначе.

— Умей колдуны только исцелять, нас точно уничтожили бы, — меня едва не передёрнуло от мысли о подобном.

Да, лечить больных — прекрасное и достойное дело. Но как быстро алчные аристократы поняли бы, что маги не могут за себя постоять? Надели бы на одарённых кандалы, построили бы башни. Чтобы мы занимались своим лекарским делом днём и ночью, а главное — думать не смели о власти. Нет, я слишком хорошо помнила свою беспомощность. А ведь трактирщик — не самый страшный вариант. Мередит нарасказывала историй о жестокости людей, чтобы научить внимательности.

— Я готов взять вас под полную опеку, — неожиданно предложил Питер. — Защищать от алчных аристократов, нестандартных методов вашего учителя и необходимости разучивать боевые заклинания. Но не думайте, что бескорыстно. Я — деловой человек, и хорошо понимаю цену вашим способностям. Исцеляющее зелье способно озолотить целый город. Но! Только если грамотно наладить производство и продажу. Лицензия — это ещё не всё. Вы же не будете открывать лавку прямо в замке. А земля в городе дорого стоит.

Ах, вот о чём речь. «Деловой человек». А я-то глупая нафантазировала себе невесть что. Таяла от его взглядов, улыбки. На постоялый двор примчалась, рискуя разозлить Мери и получить нагоняй от господина Мюррея. Спустилась с небес на землю, да. Питер Монк — не хозяин трактира, но ему тоже от меня нужна отнюдь не любовь. Деньги. Аж неприятно стало. Обидно.

— Защищать меня от учителя всё равно, что лишиться возможности колдовать. Я чуть ноги в кровь не истоптала, чтобы найти его. Видите ли, в Кранге совершенно не осталось магов. До слухов о возвращении господина Мюррея я вообще считала себя единственной и думала, что ничему больше уже не научусь.

Высказавшись, я положила нож и вилку на тарелку и сделала небольшой глоток вина. Обида не проходила, но я старалась задвинуть её подальше и услышать голос разума. Теперь такой трюк давался легче, чем в замке во время наших первых встреч. Сейчас Господин Монк говорил то же, что и чиновники из гильдии. Кроме хороших зелий и лицензии, нам понадобится учесть вещи, в которых мы ничего не понимаем. Питер не смыслит в магии, а мы в торговле. И, если в продаже продуктов Мередит разберётся, то аптекарское дело должно быть сложнее, не так ли?

— Что вы хотите предложить, Питер? — я, наконец, справилась с собой и набралась смелости спросить. — Работать вместе и делить прибыль?

— Да, — ответил он, прожевав кусочек мяса. — Вы будете варить зелья, а я за небольшой процент с продажи арендую лавку, закуплю ингредиенты и напишу письма своим знакомым. Буду отчаянно нахваливать не только исцеляющее зелье, но и другие чудеса, созданные вашими руками. Так мы найдем первых клиентов. Потом разделим золото, продлим аренду, я куплю новые ингредиенты и напишу ещё пару десятков писем. Аптекарское дело строится с нуля примерно так.

— Вы хотите взять на себя всю организацию, — повторила я суть его предложения, стараясь настроиться на деловой лад. — Насколько «небольшой процент» возьмёте себе?

— Двадцать. И я сразу хочу уточнить, что стоимость ингредиентов и арендная плата идут отдельно. В моих интересах экономить наши деньги, чтобы получать прибыль. Иначе вам будет нечем со мной делиться.

— Мне нужно подумать, посоветоваться с лордом Мюрреем, — ответила я после небольшой заминки. — Лицензию оплатил он, ему решать, как мы будем вести дело.

— И вы думаете, он одобрит союз с проходимцем, забавшимся к нему в кабинет через окно? — в глазах Питера заблестели лукавые искорки. — Анабель, я не зря предлагал вам защиту в том числе от него. Вы можете учиться, но полностью зависеть от Альберта Мюррея не обязаны. Если вопрос во взносе за лицензию, то я его компенсирую. Подумайте о своём будущем. Обучение закончится, а собственная аптека будет кормить вас всю жизнь.

Нет, по правде говоря, я думаю, что он намылит мне шею за то, что я вообще вас слушаю. Скажет, что глупо было соглашаться на «свидание», а Мери добавит: «Видишь? Я же говорила, чтобы ты не доверяла ему!»

— Обучение может длиться ещё лет двадцать, — я улыбнулась, по-своему наслаждаясь шоком приказчика. Готова поспорить на свою книгу рецептов, он ни за что не отгадает, сколько мне лет. — За это время я успею десять аптек открыть. А доверие единственного колдуна, способного чему-то меня научить, вернуть уже не смогу. Нет, Питер. Мой учитель разумный человек. Если он сочтёт ваше предложение интересным, я с удовольствием поработаю с вами. А если нет, значит, у него есть другой план, как вести дела.

Конечно, он был разочарован ответом, но вида не подал. Допил вино из кубка и медленно проговорил:

— Я умею отличать вежливый отказ от дипломатичного «я подумаю». Но не спешите сжигать мосты, Анабель. Моё предложение будет оставаться в силе как минимум до суда за наследство. Пока я здесь. Других причин ставить такой срок просто нет. Потом, если ваше «подумаю, посоветуюсь» не превратится в «да», я уеду. Признаюсь, вы мне симпатичны. Настолько, что я после недвусмысленного обещания «удавлю, щенок, если ещё раз увижу» от Мюррея не теряю надежды наладить с вами отношения. Почему? Пусть ответ не покажется вам слишком идеалистичным, но я хочу отблагодарить за спасение своей жизни чем-то большим, чем брошь с бриллиантами. Подарить вам своё дело. То, от чего ваши глаза сияют ярче звёзд.

— А заодно заработать на чужом таланте? — я не выдержала. С головой выдала обиду и расписалась в неравнодушии. Не могла слушать, как нравлюсь господину Монку, а в голове держать мысль, что он лжёт. Питер ведь смотрел прямо в глаза, улыбался будто бы искренне. Неужели, кто-то будет обманывать о собственных чувствах? — Бессмысленно говорить о симпатии, если на уме одни деньги.

Приказчик поморщился, словно я ударила его наотмашь. Так же хмурил брови, когда терпел невыносимую жару, скорчившись на каменном полу в подвале замка.

— Я заговорил о деньгах, считая, что Мюррей уже настроил вас против меня. Предложи я тоже самое от всего сердца, за одну вашу улыбку, вы согласились бы? Разве не утвердились бы во мнении, что моё поведение слишком подозрительно? О, юные и прекрасные девы обязаны думать об осторожности. Слишком много мужчин, желающих обмануть. Но я — спасённый вами человек. Мои помыслы чисты. Хоть мгновение назад я и зародил в вас сомнения.

Я смотрела на Питера долго. Пыталась понять, насколько он честен со мной. И чем больше думала об этом, тем сильнее стыдилась своих подозрений. Не все ведь лгут? Не все хотят использовать других?

— Простите, — я опустила взгляд. — Я слишком подозрительна. Это было невежливо и глупо. Но мне действительно нужно сначала поговорить с учителем.

Он снова нахмурился и тихо ответил:

— Хорошо. Я буду ждать.

Мерedit

Я представляла, как Карфакс снова напивается у себя в спальне, и от злости всё валилось из рук. Что он хотел доказать? «Ты виновата в том, что мне плохо?» Да, виновата я. Мне не хватало наглости, чтобы назвать себя леди, будучи служанкой. И не хватало безумия слепой влюблённости, чтобы пожертвовать желанием стать колдуньей в угоду положению жены. Будь на моём месте Анабель, а на месте Карфакса господин Монк, разговор после вопроса «ты выйдешь за меня замуж» сложился бы иначе. Святые предки, да они уже бежали бы в ратушу и требовали у городского главы зарегистрировать брак. Или нет? Отказалась бы Бель от уроков магии ради счастья с приказчиком лорда? Или сидела бы на кухне, как я, и плакала: «Не знаю, не знаю».

Шанс проверить появился ближе к ночи. Именно тогда Анабель вернулась из города. Я чудом её заметила на тропинке к замку и спустилась из комнаты во двор, чтобы встретить.

— Не томи, — сказала я, закрыв калитку за её спиной. — У нас есть лицензия?

— Да, — лицо Бель озарила улыбка. — У нас есть лицензия и необычное предложение — ни за что не угадаешь, от кого!

— От городского главы? — нахмурилась я, фонарём освещая нам путь до входа на кухню. — Или от лекарей-аптекарей? Ты пропустила ужин. Я оставила тебе немного похлёбки.

— Лекари предложили мне только смириться с тем, что деньги за лицензию мы выкинули на ветер, — соученица опустила взгляд. — Господин Монк подтвердил, что такое возможно. Но он может помочь. Хочет процент за организацию аптеки. Мы будем готовить зелья, а он искать покупателей. Я сказала, что нужно посоветоваться с учителем.

Я чуть фонарь не выронила от такой новости. Смотрела на Бель и пыталась угадать, что она на самом деле пообещала приказчику. Поди всё уже схвачено, а «посоветоваться» прозвучало для успокоения совести?

— Лорд Мюррей спит, — проворчала я, заходя на кухню. — Или пьёт. Завтра спросим. Конечно, если колдун проснётся свежим, отдохнувшим и вообще захочет нас слушать. Пока придётся решать без него. Сама-то как думаешь? Надо соглашаться?

— Не знаю. Приказчик был убедителен, когда говорил о выгоде, — она замаялась ненадолго. — Питер... Господин Монк сказал ещё кое-что. Он признался, что я ему нравлюсь. Лгал, чтобы я ответила сразу?

Мне хотелось закрыть лицо руками и стонать. Жаль, что Карфакс спал. Он подкрепил бы фразу «да лгал он тебе, лгал» парочкой молний, выпущенных из ладоней.

— А ведь колдун велел нам не шататься по городу как раз для того, чтобы не встретиться с Монком. Где он тебя поджидал? Возле ратуши?

— Он не поджидал! — негодуяще воскликнула Анабель. — Мы встретились случайно!

— Разумеется. А я — манерная леди в седьмом поколении. Ужинать будешь? Не то похлёбку в третий раз разогревать придётся.

— Я поужинала, — Бель улыбнулась. — А ты и есть леди. Причём настоящая, а не самозванка, как нынешние аристократы.

Я запнулась за черенок упавшей метлы и чуть не выругалась. Карфакс говорил то же самое. Вот бы взять их уверенность и положить в мою голову. Как бы хорошо стало! А то пройдёшь мимо ручья, увидишь в отражении воды деревенщину, и не веришь в рассуждения об аристократии.

— Ладно, не хочешь есть, твоё дело, — вздохнула я тяжко, — давай сядем за стол и прикинем, насколько нам нужна помощь Монка. Не начнёт ли он специально отбивать покупателей, если ты скажешь «нет»? Ну из мести или просто из вредности. Сами-то найдём, кому зелья продавать будем?

— А зачем ему нам вредить? — насупилась Бель и затеребила в руках полотенце, забытое мной на столе. — Он говорил, что благодарен мне за спасение. Что хочет помочь совершенно искренне. Что я... Нравлюсь ему.

Я уже слышала, но она решила повторить. Значит, не отпускала мысль. Зудела внутри. Монк, поди, соловьём разливался, мёд и патоку источал. Конечно. Такой красавец-мужчина, молодой, умный. Заметил, что колдунья к нему неровно дышит и выгоду решил поиметь. А она и рада обмануться. Влюблена же по самые уши. «Вот так, Мери, не чета тебе. Смотри, как настоящие чувства в спину толкают, — сказал один голос в голове. А второй его поддел: — Нравится тебе?»

Так всё, хватит войны чувств с разумом. Если мы сейчас наделаем глупостей и потеряем последние деньги Карфакса, то сами помрём с голоду вместе с ним. Надо рассмотреть наше будущее со всех сторон. Я ведь, правда, не знаю, как должна работать аптекарская лавка. Если приказчик лорда в курсе, то надо хотя бы выслушать его предложение.

— Хорошо. Допустим, Монк хочет помочь нам безо всякой задней мысли, — сказала я, решив не нагнетать обстановку и не стыдить Бель за её наивность. Заведём сугубо деловой разговор. — Чего он просит взамен?

— Процент, — пояснила она. — Это когда все заработанные деньги делятся на сто частей, а потом двадцать отдаётся приказчику. За аренду лавки мы платим отдельно, ингредиенты тоже покупаем сами.

— Экий он шустрый! — фыркнула я. — За ему тогда почти четверть всего золота?

— За продажи, — уверенно ответила Бель. — За то, чтобы они вообще были. Он посоветует мою исцеляющую мазь друзьям, они попробуют, потом посоветуют своим друзьям и так по кругу.

— В деревне это называется: «Скажи одной курице, а она всей улице».

— Не совсем так, — продолжала улыбаться соученица. — Курица кудахчет, не принося деньги. А богатые друзья приказчика могут позволить себе платить золотом за лекарства.

Я хотела ответить ещё что-то резкое, но прикусила язык. Поняла, о чём речь. Я собиралась торговать мясом и овощами. Договорилась с поваром Питером, чтобы он забирал наш товар. Приказчик Питер Монк предлагал делать то же самое. Забирать готовые зелья и находить для них покупателей. У них даже имена совпадали. Бабушка сказал бы: «Это знак от предков, Мери. Тебе хотят помочь». Или, наоборот, заманить в ловушку? Ох, как тяжело забыть, что Монк мечтал навредить Карфаксу. Лишить его наследства. Неужели такое выгодное предложение — всего лишь хитрый ход? И разговоры о симпатии Бель туда же? Нет, у меня в голове не укладывалось, настолько продуманными бывают лжецы и проходимцы. Совесть у него есть вообще?

Так, деловой разговор снова упёрся в чувства. На этот раз в ненависть Монку. Я бы метлой гнала его через весь город, лишь бы не приближался к Бель, но что делать с аптекой? Соученица права, деньги на лицензию мы потратили. Теперь нужно хоть что-нибудь сварить и продать, чтобы она окупилась. И решение уже стучалось в мысли. Ай, как оно было похоже на то, что я сказала Карфаксу в спальне. «Дорогая Бель, не отвечай пока господину Монки ни «да», ни «нет». Мы сначала попробуем поработать сами. И, если у нас не получится, то обдумав пути отступления и заготовив боевые заклинания, согласимся с предложением приказчика». Хорошая идея? Замечательная. Вот только смеяться над ней хотелось, а потом сразу плакать.

— Нет, Бель, — отрезала я. — Будем тверды в своих намерениях. Питер Монк — злейший враг Роланда Мюррея. Он хочет замок у него отобрать. Мы не можем согласиться. Никак. Хоть задаром он будет помогать, хоть сам приплачивать. Ответ — нет. Всё. Закрыли тему. Давай отмотаем разговор чуть-чуть назад. За столом уже сидим, пора думать, какие зелья будем варить и кому продавать. Ты говорила, что приготовишь список. Успела? Или вместе напишем?

— Я написала, — Анабель вздохнула. — Разделила по сроку годности. Некоторые зелья можно использовать только три дня, потом они становятся либо бесполезными, либо вредными. Готовить такие снадобья нужно в последнюю очередь, когда уже будем знать, как продавать. Иначе испортим целую партию, используем зря ингредиенты. Кстати, их тоже нужно собрать заранее. Если мы говорим «нет» Питеру, то нужно придумать другой способ искать покупателей.

— Уж точно не через аптечную лавку, — покачала я головой. — Аренда слишком дорогая. Никто не пустит нас торговать в долг. Мы же — не известные купцы с гильдией за плечами. Имени нет, доверия к нам тоже.

Потому и нужен был Монк. Сдавалось мне, он знал, как договориться, сославшись на благосклонность лорда Гринуэя и свой тугой кошелек. Но мы уже отказались. Отказались!

— А что тогда делать? — Бель нахмурила брови. — Не можем же мы ходить по домам с корзинкой, полной зелий.

И тут меня словно оса в бок ужалила.

— Почему нет? Можем! Если не будет собственной аптеки, то единственный способ донести товар до покупателей — стучаться в двери. Рыночные зазывалы приглашают к прилавку. А мы сами станем тем прилавком. Понимаешь? Живым прилавком на ножках. Да, многие горожане откажутся, половина даже двери не откроют, но кто-то купит!

— Надо узнать, где живёт господин Абрамс. И обходить его дом по широкой дуге. Не хочу, чтобы он

рассмеялся мне в лицо, когда поймёт, что был прав. Если бы лицензии и корзинки с лекарствами было достаточно, никто не стал бы открывать аптеки. Нет, много заработать у нас точно не получится.

— Кто такой Абрамс? — не поняла я. — И в чём он был прав?

— Один из экзаменаторов. Чиновник-аптекарь, — соученица почесала шею и отдернула руку. — Меня не хотели слушать, но я заметила, что у него сыпь. Предложила пари. Лицензия взамен на действенное средство. Он согласился, а когда я победила, разозлился. Сказал, что лицензия — пустая трата денег, раз у нас нет точных расчётов. «Ох, неразумно, милая госпожа Лоуренс.» Видите ли, мы ныряем сразу в омут с головой! А теперь получается, что он был прав? Если нет аптеки, не будет денег. А денег на аренду лавки у нас нет. Замкнутый круг.

— Да уж, — сморщилась я и потёрла пальцами лоб.

Аптека — это очень хорошо. Солидно, богато, по-взрослому. А девушек с корзинками точно начнут гнать со двора, не дослушав до конца, какое расчудесное зелье они предлагают. Грядёт провал. И что теперь? Идти на поклон к Монку? Ну уж нет! лучше к самому городскому главе или к этому Абрамсу.

Ох, осы сегодня разлетались по замку и продолжали метить в мои бока. Я снова чуть не подпрыгнула от пришедшей идеи.

— Бель, а у самого Абрамса аптека есть? Может, ему, как повару Питеру, предложить наши зелья на продажу? Что думаешь, возьмёт? Ты же вылечила его.

— Он вредный высокомерный чинуша, — Анабель сложила руки на груди и задумалась. — Но аптека у него должна быть. Он точно не лекарь, иначе сам бы понял, что у него аллергия на чай. Значит, аптекарь. Не может же представитель гильдии не иметь никакого отношения к целительству?

— Его бы тогда не приняли, — согласилась я. — А сходи к нему ещё раз. Понимаю, что много прошу, но вдруг получится? Только не с пустыми руками. Свари ещё раз то чудо-зелье, возьми пару склянок с другими и попытай удачу. Ну же, Бель, что мы теряем?

— Веник череды, — фыркнула она. — Схожу, не растаю, если он надо мной немного посмеётся.

Вот и договорились.

Глава 20. Утренние хлопоты

Мерedit

Утро выдалось на редкость хлопотным и суматошным. Мало того, что усы гороха добрались до двери кухни и дорогу себе пришлось вырубать топором, так мы ещё и грядки Бель проглядели.

— Переросла трава, — вздыхала соученица. — Листья стали грубые. Измельчать такие в ступке замучаешься. Что случилось с шаром ночью? Почему всё так выросло?

Я не знала ответа. Спала, как убитая, и ничего не видела. Может, Карфакс ночью приходил к колодцу и разговаривал сам с собой? Мужчины пьют, чтобы пожаловаться на проблемы, а мы его одного оставили. Нет, меня, он конечно, сам выгнал, но всё равно. Совесть грызла яростнее бешеной собаки. Я уже жалела, что вообще пошла к нему с похлёбкой.

— Заново придётся семена сажать?

— Да, наверное, — нахмурилась Бель и пошла за лопатой. — Не веники же из неё делать.

— Действительно, — выдала я в ответ умное слово и продолжила бороться с горохом.

На завтрак мы жевали чёрствый хлеб, запивая его колодезной водой. Готовить что-то отчаянно не хотелось. Нас ждал список ингредиентов к зельям. Нужно было выбрать пять самых простых, дешёвых и ходовых.

— Исцеляющее зелье отпадает, — ворчала Бель. — Готовить долго и сложно. К тому же оно одно заменяет половину списка. Зачем пытаться продать его втридорого, когда можно обойтись чем-то попроще?

— Чем например?

— Мазь от кожных высыпаний с молоком, мёдом и чередой — точно да.

— Молоком деревенских не удивить, — возразила я. — Мёдом тем более. Услышат рецепт, сделают сами, поймут, что не помогает и откажутся иметь с нами дело.

— Оно без наговора и не поможет.

— Вот! — подняла я палец. — Значит, рассказывать, из чего ты его варишь не стоит. Давай придумаем красивое название, добавим пару секретных ингредиентов и раструбим на всю деревню, какое замечательное зелье получилось.

Бель прикусила согнутый палец и задумчиво смотрела в стену.

— Деревенские умеют читать?

— Умеют, — радостно ответила я, а потом, смутившись, поправила: — Не все и не очень хорошо.

Анабель посмотрела в потолок, будто искала на нём подсказку.

— Тогда вот как я предлагаю. Для всех мазей и микстур придумывать красивые названия мы точно замучаемся. Да и покупателям будет проще запомнить цифру, чем витиеватое словосочетание. Давай пронумеруем каждое снадобье. Например, «Эликсир один. От кожных высыпаний».

— Ты считаешь «эликсир» простым словом? — фыркнула я. — Да половина наших об него языки сломает. Зато городским понравится, да. А нельзя разные этикетки нарисовать? Городским «эликсир», а деревенским «мазь»?

— Можно, почему нет? Ох, сколько придётся подписать этикеток. Как только определимся с первой партией, начну их рисовать, — Бель допила свой стакан колодезной воды. — Будем крупно ставить номер лекарства, а ниже указывать его назначение. «Мазь номер один. От кожных высыпаний». Ещё можно писать наши имена. Чтобы покупатель знал, чьё средство помогает.

— Идеально, — похвасталась я ещё одним умным словом, прочитанным в книгах.

— Время покажет, насколько вы угадали с таким подходом.

Я по привычке втянула голову в плечи и оглянулась на дверь. В проёме стоял колдун и щурился на нас. Винным перегаром не пахло, одежду он надел новую и собрал волосы в хвост.

— Доброе утро, господин учитель, — зашебетала Бель, — а мы тут...

— Я слышал, — отрезал он и за три тяжёлых шага оказался посреди кухни. — Понял уже, что задумали. Мысль дельная, если не напортачить.

— Помогать нам некому, — проговорила я, старательно показывая Бель глазами, чтобы молчала про Питера Монка. — Будет сложно.

— А я на что? — Карфакс отодвинул от стола скрипучий стул и сел. — Давайте буду череду измельчать или мёд с молоком смешивать.

«Зачем?» — хотела спросить я и увидела тот же вопрос во взгляде Бель.

— Не гоже лорду ладони об пестик бить. Мы сами...

— Мери, — вздохнул он, растирая глаза пальцами. — Как ты думаешь, я жил триста лет, пока прятался? Шар не позволял иметь слуг. Самому приходилось всё делать. Носить воду, собирать грибы в лесу, потрошить зайцев, колоть дрова, разводить огонь в очаге. Ладно, пламя я всегда магией зажигал, пока силы были. Но другой работой меня не испугать. Кончился «лорд Мюррей» уже очень давно. Напрасно я пытался делать вид, что это не так.

— От замка теперь откажетесь? — прошептала Бель и округлила глаза. — От библиотеки?

— Нет, — Карфакс впервые улыбнулся. Чем-то тёплым от него повеяло, родным. И совсем не тем, что полагалось, когда человек отказывался от себя. — Из замка нас никто не прогоняет. Но за право называться лордом Альберту Норфолку придётся долго и тяжело бороться. Пока я — просто Альберт. Ваш учитель и третий колдун в замке. И раз уж мне тоже хочется есть, то нужно помогать вам зарабатывать деньги. Лицензию вы уже оплатили, как я понял?

— Да, — кивнула соученица.

— Чудесно. Осталось приготовить зелья. С чего начнём?

— С этикеток, — промямлила я, чувствуя, что голос сел и язык заплетался. Глубокий шок, как говорили книжные магистры. — Ваш красивый почерк придётся очень кстати.

Ну не могла я заставить его смешивать куриный помёт с железной стружкой. До сих пор не верила, что он тоже решил работать. Боялась, что колдун сейчас фыркнет, рассмеётся и объявит об очередной проваленной проверке. «Как вы могли подумать, чтобы я...» Но он сидел смиренно и смотрел на меня очень серьёзно.

— Да, ты права, Мери. Этикетки должны хорошо выглядеть. Нарисую под номером основной ингредиент тонкими чернильными линиями. Добавлю росчерков и строгих линий. Нужен эскиз. Попробую разные варианты, а лучший выберем вместе.

— Нужно определиться, что включаем в первую партию, — заметила Анабель. — Пока мы не знаем, какие этикетки рисовать. И, наверное, не стоит магу с вашим опытом, заниматься такими пустяками.

— Напекаешь, чтобы я встал к котлу? — Карфакс вопросительно изогнул бровь.

— У меня почерк красивее, — улыбнулась соученица. — А вы лучше справитесь с нашим дырявым котлом.

— На счёт почерка я бы поспорил, — колдун просиял довольной ухмылкой. — Предлагаю эксперимент. Напишем пару фраз, скрутим бумажки трубочкой, положим в пустой котёл и перемешаем. Мери будет вытаскивать их, не зная автора. Чья надпись понравится больше — тот и пишет этикетки. А варить зелья будем в новом котле. Я схожу за ним на рынок. Знаю, у кого взять дешевле.

— Не надо на рынок, — всплеснула я руками. — Есть же Нико! Брату будет в радость исполнять такие поручения за монету в день. Заодно принесёт нам молоко, мёд и другие ингредиенты из тех, что не растут на колдовском огороде.

— Ему котёл не продадут, — упрямылся Карфакс. — Но за молоком он сходить может. Договорились. А что на счёт эксперимента?

— Пишите бумажки, — сдалась я. — Самой интересно, кто победит.

Бель с энтузиазмом принялась рвать бумагу на тонкие полоски. Потом взяла перо и села в другой угол кухни. Ещё и плечом от нас закрылась, чтобы не подглядывали. Сколько времени собралась потратить на свой шедевр? Час, два? И всё ради того, чтобы великий колдун не занимался неподходящей его таланту работой. Честно говоря, я его и к котлу бы не подпустила. Как мне тогда учиться варить зелья? Ну испорчу несколько партий, зато потом дело на лад пойдёт. Покупателям

только идеальные зелья по флаконам разливать будем.

И всё-таки мне не верилось, что Карфакс вышел из запоя и сразу к нам. Выглядел не слишком паршиво. Немного сонно, помято, но прилично.

— Третий колдун, значит?

— Да, и больше не лорд, — ответил он и вытянул спину, как истинный аристократ. Я чуть со смеху не прыснула, но он продолжил. — А ты не служанка, Мери.

По спине холодок прошёл. Захотелось сесть так же прямо, как колдун, изогнуть бровь и спросить: «В смысле?»

— Вы шутите?

— Нет, — Карфакс толкнул пальцем скрученный свиток и смотрел несколько мгновений, как он катится по столу. — Положение служанки унижает тебя, Мери. Прости, что позволил тебе продолжать работу. Нужно было запретить сразу, как я узнал, что ты наделена колдовским даром. Или хотя бы, когда появилась Анабель. Я смалодушничал. Надеялся подстроить ещё пару таких сцен, какая случилась с купанием в ванне. Что ни говори, а служанка гораздо ближе к господину, чем ученица к учителю. Страсть затуманила мне разум. Я надеялся дождаться от тебя взаимности. Напрасно. Вчера я это понял. Теперь всё будет так, как должно быть. Мы — три колдуна, полностью равные друг другу. Сами зарабатываем деньги, сами готовим, убираемся и пропалываем грядки на огороде.

У меня в животе похолодело, а на языке появился привкус горечи. Проблема выбора решилась сама собой. Карфакс не стал ждать несколько лет, пока мои чувства к нему созреют. «Не хочешь замуж? Ну и не надо. Будешь ученицей». Спасибо, господин колдун, но я снова недовольна. Почему вы решили за нас обоих?

«Потому что он мужчина, — подсказал внутренний голос. — И раз ты вчера не смогла, то кому же ещё?»

Главное теперь — не разрыдаться от обиды. Я провела ладонью по краю стола и ответила со всем мужеством, на какое была способна:

— Мудрое решение, господин.

Кажется, он скрипнул зубами. Ох, нет, мне послышалось. Убеждать себя, что ему жаль — последнее дело. Почему ему должно быть жаль, если это я всё испортила? Неправильно себя вела, и говорила что-то не то. Вот уж, правда, ценить начала только, когда потеряла.

— Альберт, — сказал он. — Называй меня по имени, пожалуйста. На людях можно господин учитель, но в замке церемонии не нужны. И раз уж мы определились, то я могу официально объявить вас ученицами. Анабель, ты закончила? Вернись, прошу тебя, есть важный разговор.

Бель отвлеклась от своего занятия, собрала ленточки и подошла к колдуну.

— Что может быть важнее этикеток для зелий? — она натянута улыбнулась. — Или вы уже готовы признать поражение?

— Нет, я готов собрать званый ужин, — усмехнулся Альберт-Карфакс. — И сообщить городской знати, что в замке живут две мои ученицы. Подумайте, как быстро мы сможем позволить себе накрыть богатый стол. Сам праздник можно отложить хоть на месяц. Главное сейчас — заявить, что вы живёте здесь не просто так, а ради знаний. И я вам не один любовник на двоих.

— Зачем? — Анабель моргнула несколько раз, словно не понимала, о чём говорил колдун. — Последний раз званый ужин по такому поводу собирали лет сто назад. А то и сто пятьдесят. Уже при маме было достаточно представить учениц городскому главе. Где вы откопали такие древние обычаи? Ох, простите! Забыла!

Она всплеснула руками, сдерживая порыв спрятать пылающее лицо. Сначала сказала, а потом вспомнила, сколько лет Карфакс скитался с шаром, чтобы он не достался королю. Теперь боялась, что по больному месту ударила?

Колдун поджал губы и долго смотрел на дощатый пол.

— Простите, — шёпотом повторила соученица, — я не хотела оскорбить...

— Всё в порядке, — остановил он её. — Я думаю, стоит ли представлять вас Отто. Учитывая, что он проявлял интерес к замку и, возможно, к шару, то утолить его любопытство не помешало бы. Пусть считает, что перемены произошли из-за двух молодых колдуний. Я могу соврать, что каменная

кладка восстановилась благодаря вашим стараниям. Хотя не соврать, конечно. Именно вашу сил и пил шар. Но Отто желательно не посвящать в наши тайны. Так, решено. Заканчиваем с делами и вы идёте наряжаться. Вечером представлю вас местной власти. А дальше слухи поползут уже без нашего участия. Народ в ратуше работает глазастый и языкастый. Любой деревенской сплетнице фору даст. Кстати, Мери, на счёт тебя тоже все успокоятся.

— Надеюсь, — пробормотала я, опустив взгляд. Замужество больше не грозило, осталось уповать на образ прилежной ученицы колдуна.

— Так и и так успокоились бы, — Бель пожала плечами. — Люди всегда найдут, что обсудить. Но одно и то же долго мусолить скучно.

— Ты не жила в деревне, — фыркнула я. — Осуждать «этих бесстыжих молодух» нашим образцам благочестия никогда не надоедает. Хорошо, господин учитель. Наряжаемся мы с Бель быстро. Пойдём, куда скажете.

Он кивнул и вытащил бумажную ленту из пачки таких же в руке соученицы. Корпел над этикеткой не очень долго. Мы успели выйти из кухни на огород, поспорить немного о том, какие зелья варить на продажу, как раздался голос Карфакса.

— Готово! Мередит, можешь судить наш спор.

Я опаской посмотрела на дно тарелки, где лежали скрученные в трубочку этикетки. Подсуживать никому не собиралась, потому что осознавала ответственность. Никого нельзя обидеть. Победа должна быть честной.

Но, как на зло, первая бумажка показалась мне более «женской», чем вторая. Круглые буквы, красивые рисунки, завитки. Вторая вышла строгой, будто вычерченной по линейке. Но, может, меня решили запутать? Карфакс вроде обмолвился, что хочет сделать рисунки. Так вот же они. И завитки вроде его. Я помнила такие на письмах.

Что же делать? Раз я угадала, то выбирать придётся не из этикеток, а между колдунами. Бель нужен шанс хоть в чём-то опередить учителя. А Карфаксу после долгого запоя хочется почувствовать себя нужным.

Нет, этикеток будет слишком много. Колдун с ума сойдёт, рисуя каждую. Ещё и с завитушками... Да он проклянёт всю нашу аптеку!

— Эта, — уверенно сказала я, ткнув пальцем в «строгую» этикетку.

Анабель вытянула шею, чтобы увидеть, кто победил.

— Я поддавалась, — она сложила руки на груди и улыбнулась. — Значит, зелья на нас с Мери. Эх! Самое интересное вам досталось!

Колдун ответил ей аристократичным поклоном.

Проклятье! Они всё-таки обвели меня вокруг пальца!

Анабель

Я не расстроилась, что проиграла. Смотреть на деятельного мага было верхом удовольствия. Он рвался в бой и хватался за любую работу. Даже совестно становилось, сидя рядом с ним, бездельничать. Я вцепилась в список зелий с краткими рецептами, собираясь немедленно решить, что мы варим на продажу.

Но всё равно в груди противно ныло от того, что придётся отказать Питеру. Вдруг он обидится ещё больше и передумает насчёт симпатии ко мне? Чем ярче я себе представляла его холодное равнодушие, тем неприятнее становилось. Разум снова спорил с чувствами, но на этот раз победил. Если господин Монк после отказа работать вместе решит, что я ему больше не нравлюсь, значит, Мередит была права во всём. Приказчик пытался меня использовать. Не ради шара, так ради денег.

— Каким зельям будем давать номера эликсиров? — спросила я, отметив, что буквы расплывались перед глазами. Не получалось сосредоточиться на деле. — Предлагаю начать с противостудного. Оно традиционно нужно всем.

— Но не в разгар лета, — возразил учитель. — Болеют сейчас по глупости или по нелепому стечению обстоятельств.

— Если кто-нибудь пьяный перекупается в реке, — поддержала его Мередит. — Твоё зелье от сыпи сейчас куда полезнее. Тем более один раз оно нас уже выручило.

— Так ли уж часто встречается сыпь? — не сдавалась я. — А лихорадит всех от мала до велика.

— Хорошо, — внезапно согласился господин Мюррей. — Давай присвоим ему номер один. А мази для здоровья кожи или для улучшения цвета лица, если мы хотим продавать её городским дамам, номер два.

Я кивнула, записывая удачные названия. К аптекарю в Дрилоне часто обращались за омолаживающей мазью. Верили, будто она разглаживала морщины. А моё зелье действительно помогло бы. Восстановило упругость кожи, придало ей ровный цвет.

— А можно мне посмотреть? — учитель потянулся за свитком, и я его немедленно отдала. — Состав снадобий тоже имеет значение. На дорогие ингредиенты у нас не хватит золота. Что скрывается под названием «крепость дуба»?

— Зелье, увеличивающее мужскую силу, — смутившись, ответила я.

— Не будут покупать, — фыркнула Мери. — Постесняются принести домой и поставить на видное место.

— А зачем размахивать пузырьком перед носом гостей? — удивился маг. — Принесут и в самый потайной сундук спрячут. Вещь-то нужная. Хотя лично я не отказался бы от снадобья с противоположным эффектом. Устал, знаешь ли, бороться с потребностями тела.

У второй ученицы вспыхнули кончики ушей. Румянец должен был залить щеки, шею и грудь, но Мери быстро справилась с чувствами. Расправила плечи, высоко подняла голову... И ничего не ответила.

Я с подозрением взглянула на учителя. То, что он пытался ухаживать за Мередит, было очевидно. Но способ, выбранный мудрым магом, казался мне заведомо проигрышным. Нет, такие слова только отпугнут. Я едва сдержалась, чтобы не предложить господину Мюррею взять пару уроков у Питера. Вот кто говорил так, что хотелось развесить уши и бежать на край света! Не научился наш учитель за триста лет охмурять девушек.

— Пусть будет пятым эликсиром, — распорядился он, рисуя цифру в свитке. — А третьим и четвёртым то, что Анабель называет «тонизирующим» и «болеутоляющим». Будет на них спрос. А что рецепт сложный — невелика беда. Со временем можно усовершенствовать.

— И ингредиенты не очень дорогие, — согласилась я. — Пяти зелий нам хватит? Надо узнать у аптекаря, какие снадобья ещё раскупают. Уверена, мы сможем подобрать рецепт более действенного.

— На первое время хватит, — ответил учитель, продолжая читать. — И раз уж ты собралась к аптекарю, то узнай, где он берёт флаконы для снадобий. Из стекла ему кто-то пузырьки дует или из глины запекает? Я не вижу в твоих расчётах расходы на тару. Пробки от вина будешь брать? Или бумагой закрывать и бечёвкой перематывать?

О, мать-природа, сколько мы всего не учли! Я пришла в ужас от самых простых вопросов господина Мюррея, а что будет дальше? На первую партию мне хватит запасов из лесной хижины, но потом всё закончится.

— Я сохранила пробки, — сказала хозяйственная Мередит. — И бутылки от вина тоже.

— Сомневаюсь, что наши эликсиры будут бутылками пить, — проворчал маг. — Хотя, если «крепость дуба» действительно хороша...

Соученица покраснела гуще и быстрее. Я уже собралась сказать ей, что в лекарствах нет ничего постыдного. Как и в недугах, от которых их пьют. Что не обязательно опускать взгляд каждый раз, когда упоминается «эликсир номер пять», но тут за стеной замка раздался шум. Кто-то бил в звонкий колокол.

— Я скоро остатки вежливости растеряю с таким нашествием гостей, — вздохнул учитель и вышел из кухни.

Мы с Мери, подобрав юбки, поспешили за ним. Я прислушалась к замку, считывая образ визитёра. Магия шара не давала совсем уж чёткой картинки, но я разглядела Гензеля и повозку, из которой кучер вытаскивал два сундука.

— Портной с заказом, — шепнула я Мередит. — Быстрый какой.

Мы подошли к воротам, и господин Мюррей открыл их взмахом руки. Я залюбовалась на его работу. После такого количества выпитого вина его должно было жутко мутить, а колдовать, когда тебе

дурно, — жутко неудобно. Магия только усугубляет неприятные ощущения. Учитель же будто играл с потоками энергии. Всё-таки верно бабушка говорила, что мастерство пропить невозможно!

— Может, уже хватит терзать колокол? — маг вышел из замка, и портной немедленно опустил инструмент привлечения внимания. Выглядел Гензель не менее любезным, чем в день нашей первой встречи. Низко поклонился учителю, подмигнул Мередит, улыбнулся мне и заговорил:

— Долгих лет жизни, господин Мюррей. Низжайше прошу меня простить, что так задержал ваш заказ. Хотелось исполнить работу с качеством, достойным нового лорда наших земель.

Учитель поджал губы, услышав лесть. Другой на его месте вытянул бы спину, возвращая себе осанку аристократа, но великому магу ни к чему доказывать своё величие.

— Гардероб готов?

— О, да. Позвольте внести сундуки в замок на последнюю примерку?

Гензель жестом велел слуге поторопиться. Мальчишка пыхтел, ворочая неподъёмную ношу. Камней они наложили в сундуки вместо нарядов? Зачем так надрываться, когда есть заклинание, уменьшающее вес? Я уже собралась предложить свою помощь, как учитель строго спросил:

— Неужели вы ошиблись, снимая мерки?

— Нет, всё тютелька в тютельку, — заверил Гензель, сложив ладони у груди. — Но любой идеально сшитый камзол может понадобиться посадить по фигуре. Когда вы стоите, расправив плечи, это совсем не то же самое, когда идёте или садитесь в кресло.

— Нужен он нам здесь, — прошептала Мередит, наклонившись к моему уху. — С нашими-то секретами в колодце.

Я успела забыть про шар, спрятанный за стенами! Из-за хлопот с лицензией, аптеками и наследством из головы вылетело, какой секрет на самом деле хранит наш замок.

— Вы опытный мастер и наверняка всё предусмотрели, — я шагнула вперёд, привлекая внимание портного и учителя. Даже кучер посмотрел на меня удивлённо. А уж взгляд мага кричал о том, что мне бы стоило помолчать. — Примерка — формальность, отнимающая слишком много времени. А у нас дела, господин учитель. Задания на сегодня сами себя не проверят.

В другой день мне крепко влетело бы за дерзость. Матушка и вовсе ухо бы выкрутила, как в детстве, а бабушка пригрозила розгами. Но сейчас я была готова терпеть любое наказание. В упор смотрела на Альберта Мюррея, надеясь, что он ухватится за возможность отослать гостя из замка как можно скорее.

— Ах, да, — кивнул он, снимая с пояса кошелёк, набитый монетами. — Опасный эксперимент по превращению травы в ядовитых змей. Надеюсь, они не вырвутся из подвала и не расползутся по окрестностям. Вот что, Гензель, здесь ровно столько золота, на сколько мы условились. Я принимаю работу без примерки. Вы пришли в разгар занятий с моими ученицами. Боюсь, нам действительно нужно возвращаться в замок. Или вы хотите помочь с ловлей змей?

Гензель вытаращил глаза, а мальчишка-кучер спрятался за сундук. Судя по тому, как побледнел и заозирался, он уже верил, что змеи притаились под каждым кустом. Как же хорошо иногда работала дурная репутация колдунов!

— Если так, то конечно, — пробормотал Гензель и протянул дрожащую руку к кошельку. — Я польщён оказанным мне высоким доверием. Готов поклясться, что брака в работе нет, и вы останетесь довольны гардеробом...

— Змеи, — напомнил учитель.

— Да-да, я понял, — заторопился портной, пряча кошелёк за пазуху. — Не смею больше отвлекать. Однако не могу уйти, не выполнив просьбу одного достойного человека. Анабель Лоуренс, господин Питер Монк шлёт вам свою любовь и просит принять от него подарок.

Я глупо захлопала глазами, будто подарок мне не приказчик нынешнего лорда передал, а умершая много лет назад бабушка. Взглянула на учителя, ожидая запрета принимать от господина Монка что-либо, но он молчал. Только Мери зло дёрнула меня за рукав.

— Подарок, — повысил голос портной, оборачиваясь к кучеру. — Ульрих, ты там уснул?

Ах, вот, зачем был нужен маленький сундучок, стоящий на самом краю повозки. Мальчишка сгрёб его в охапку и принёс ближе к воротам. Откинул крышку, показывая содержимое. Я на носочки приподнялась и шею вытянула, чтобы разглядеть подарок Питера. Кучер тут же подошёл ко мне, не

желая мучить.

— Ох, святые предки, — пробормотала я. На синей бархатной подушке змейкой вилась золотая цепочка с кулоном в виде четырёхлистного клевера. И кольцо с таким же листиком и россыпью мелких зелёных камешков. Символ удачи. Никаких магических свойств, зато сколько смысла! — Разве так можно?

— Только если он одновременно с подарком зовёт тебя замуж, — проворчал господин Мюррей. — Пока ты учишься, я тебе вместо отца. И я хочу услышать, в честь чего такая щедрость?

— Наверное...— начала я, но прервала себя на полуслове и нахмурилась. — Я не знаю. Но просто отправить подарок назад будет невежливо? Лучше вернуть лично и объяснить, почему я не могу его принять?

Маг разглядывал меня внимательнее, чем новое заклинание внезапно встретившееся на страницах старых книг. Нет, я не набивалась на очередное свидание. Я выросла в лесу и действительно не знала, как правильно поступить.

— Гензель, — обратился к портному учитель, — передайте, пожалуйста, господину Монку, что быстрее солнце сядет на востоке, чем я позволю кому-нибудь из своих учениц порочить имя знакомством с ним.

— Я понял, — ответил он, хлопнув кучера по плечу. — Будет сделано, господин Мюррей.

Подарок бесследно исчез в сундуке, а потом в повозке. Мне оставалось только глубоко вздохнуть и надеяться, что я не выглядела слишком расстроенной. Никакие кулоны не затмят возможность учиться у господина Мюррея, но обижать Питера мне не хотелось. И так предстояло озвучить отказ вместе открыть аптеку, а теперь я ещё и оскорбила его. Пусть не сама. Но я не помешала учителю отправить подарок обратно с таким нехорошим словесным посланием в ответ. Деликатности за триста лет маг тоже не научился.

Глава 21. Артефакт-ошейник

Мередит

Я едва держала язык за зубами, дабы не ляпнуть: «Всё, Анабель, помрёшь теперь в старых девах. Карфакс из принципа тебя замуж не отдаст. Не то, что за Питера Монка, а вообще ни за кого. Оставит учиться, чтобы я не передумала».

Уж наказывать, так наказывать за отказ стать леди Мюррей.

— Ну вот, — показала я рукой на сундук с гардеробом. — Идти к городскому главе есть в чём. Однако я на вашем месте отложила бы красивые штаны и новые плащи в сторону. Тут нужно какое-то старьё, чтобы проплыть по лужам от замка до ратуши. Лошадей-то нет, и дождь всю ночь лил.

— Ага, — скучилась Анабель, разглядывая раскисшую дорогу. Гензель еле протащился от нас по грязи обратно. — Так бы я сбегала в город и нашла лошадь. Думаю, за пару монет никто не откажется одолжить запряжённую повозку на время. Но в распутицу мы можем просто застрять на полпути.

— Городские лошади — неженки, — фыркнула я. — И повозки у них к бездорожью не приспособлены. Колёса красивые, тонкие, застревают только так. Деревенскую бы кобылу. Нашу Стешу, например, с телегой.

— Я тебе одну домой не отпущу, — припечатал колдун. — Отец запрет в сарае и не отпустит обратно. А идти всем троим за лошадью — слишком большая честь.

— И что делать? — я сложила руки на груди. — Пойдём в город, когда всё просохнет? Тогда точно успеем договориться с наёмным кучером.

— Да, я считаю, что нам некуда спешить, — согласилась Бель. — Представимся ученицами колдуна на следующей неделе. Уж больно облака висят густые. Завтра тоже будет дождь.

Колдун и здесь решил показать свой вредный характер. Недавно же был сама доброта и внимательность. Но как услышал, что ученицы с ним спорят, сразу плечи развернул, нос задрал. Ну лорд Мюррей, да.

— Мне некогда расшаркиваться перед Отто. Раз обойдёмся без пира, то и с визитом вежливости не стоит затягивать. Выдвигаемся в путь сегодня вечером, как я и говорил. Готовьтесь, девушки.

— Как скажете, господин учитель, — вздохнула соученица. — Но новую одежду будет жалко испортить.

Я легонько ткнула её локтём в бок, чтобы не спорила. Во-первых, стирать всё равно нам. Как бы не твердил колдун о равноправии, а ткань у Гензеля деликатная. Если с грубой мужской силой о доску пошоркать — протрётся в первую же стирку. А во-вторых, далеко он не уйдёт. Вляпается в первую же лужу, сплюнет зло и вернётся.

— Пойдём собираться, — позвала я Бель, когда лорд скрылся в господской части замка. — Ещё волосы плести. Леди не положено, чтобы они по ветру развевались. Умеешь сотню мелких косичек на голове сделать?

— Магией нет, — она заговорила тише, — волосы путаются, не расчешешь потом. Придётся вручную. Можно венком на голове косу уложить. Мама любила так заплетать.

— Давай, — согласилась я. — Всё лучше, чем просто под платок их убрать.

Мучились мы в итоге часа три. Уже вспотели от усердия, а волосы не ложись, как надо. Бель распустила подол своего «городского» платья на ленты, и дело пошло быстрее. Корзинка с тряпичными цветами получилась, а не причёска.

— Как у бабушки, — одобрила соученица. — Старомодно, наверное, но мне нравится.

— Пусть только кто-нибудь возмутится, — цокнула языком я. — По лбу воздушным ударом получит. Колдуньи мы или кто?

У Бель глаза загорелись, как она была со мной согласна. Похихикав ещё немного, и взяв корзинку с дневниками заклинаний, мы вышли во двор. Хотели ещё несколько склянок с зельями захватить для солидности, но решили, что перебор будет. Итак выйдем странно.

— Главное, что по-колдовскому, — проворчала я, разглаживая юбку ученического платья, и обернулась на скрипнувшую дверь.

Карфакс выволакивал на крыльцо господского крыла скатанный в трубу ковёр. Пыльный, проеденный молью. Сколько я его не выбивала, сколько не раскладывала по огороду, а голубой шар никак не хотел латать в нём дыры. Брезговал могущественный артефакт.

— Вы занялись уборкой, Альберт? — звонко спросила я, рискуя вызвать гнев хозяина замка.

Но он сделал вид, что вместо моего голоса над ухом просвистел ветер. Деловито развернул на земле ковёр и смерил его шагами.

— Не может быть! — Бель подпрыгнула на месте и вытянула шею. — Заклинание ведь утеряно! Вы собираетесь трансформировать ковёр в повозку? Нужен чертёж деталей...

— Не нужен, — хмуро ответил колдун. — Вставайте в центр и держитесь за руки. Крепко. Свернёте шеи — на меня не пеняйте.

— Но без подготовки, — упорствовала начитанная соученица, — что-то может пойти не так. Мы застрянем в дверцах! Безопаснее потренироваться без пассажиров.

— Урок номер три, — отчеканил Карфакс. — Или четыре, я уже сбился. Никогда не усложняйте то, что можно сделать щелчком пальцев. Вставайте на ковёр! Я должен понять, выдержит ли он ваш вес. А то лопнет ещё во славу предков прямо по середине.

Я почти догадалась, что он собирался делать, поэтому намертво вцепилась в Бель. А посрамлённая отличница всё хмурила брови и бормотала под нос:

— Нет, повозка получилась бы, материала хватает. Ткань схожа по структуре с деревом. Те же волокна-нити и направление роста. Ай, мама!

Края ковра парусом захлопали от ветра, опора стала ненадёжной, и фамильное наследие Мюрреев взмыло в воздух.

— Ядрёный корень! — выругалась я, чуть не уронив корзину. — Не надо выше, а-а-а-а!

С земли на расстоянии в три моих роста раздавался смех великого колдуна. Решил проблему проще некуда, ага. Зачем лепить повозку, если всё равно, что толкать к городу магией?

Соученица охнула и плюхнулась на зад. Судя по тому, что стала белее простыней — высоты боялась. Я ободряюще сжала её плечо и прошептала: «Не трусь. Держись за меня и не отпускай». А колдун всё веселился. Приятно было, что силы через край?

— А когда же вы к нам, господин учитель? — крикнула ему, пытаясь не сверзиться с ковра.

Наша летающая повозка плавно покачивалась в воздухе.

— Скоро. Пару манёвров проверю. Ты помнишь, Мери, как коршун парит?

— И как ястреб камнем падает. Пощадите учениц, Альберт. Мы вам ещё пригодимся, клянусь.

Он усмехнулся, спустил нас ниже и очень нежно толкнул вперёд. Бель стало полегче. Она открыла глаза и с опаской оглядывалась. А во мне детский восторг просыпался. Всегда мечтала летать. Колдовские чудеса продолжались.

Ковёр сделал круг над огородом, по-хулигански сшибая со стеблей цветки гороха. Ветер свистел в ушах и трепал ленточки в косе. Душа разворачивалась. Вот и зачем нам повозка, когда так хорошо? Свободно, весело. Бель сначала жалась ко мне, а потом освоилась и заглянула за вышитый край летающего средства.

— Надо же. Нигде о таком не читала. Даже в сказках.

— Ты училась не переставая, — хохотнула я. — Схемы от всяких занудных господинов Белфастов зубрила. А мне мама рассказывала о колдунье, летающей в ступе.

— Большая была ступа, — почесала в затылке Анабель. — Пестик-то она куда дела? Если сопоставить по размерам, то там бревно получилось.

— Не знаю, метлой рулила. Или загребала, как веслом.

Я показала движение в воздухе, и тут ковёр пошёл на снижение.

— Хватит, — заявил Карфакс, поднимаясь на борт. — Управляется хорошо, потоки силы держит прекрасно. До города точно дотянем. Ну что, красавицы, полетели?

Я кивнула, чувствуя, что щёки от избытка чувств покраснели. Наша домотканная лодка снова взмыла в небо, чтобы перемахнуть через забор. Колдун уселся на край и следил за дорогой. Заходящее солнце красило золотом лужи, ветер качал ветви кустов. Ни о чём не хотелось говорить. Просто смотреть на то, что видели птицы, паря в вышине. Безлюдные окрестности замка кончились, пошли крестьянские поля. Зелёное море ржи и пшеницы. Тёмные точки колодцев, красные крыши лачуг. Я иногда закрывала глаза, чтобы слушать ветер. Чувствовать себя так, как никогда в жизни. Будто я больше не я, а кто-то другой. Колдунья. Леди Мередит.

— Город начинается, — сказал учитель, — осторожнее, возьму повыше.

Задрал край ковра и мы нырнули вверх. Дома, попадающиеся на пути, стали больше, выше, богаче, улицы оделись в панцирь булыжника. Рынок казался лоскутным одеялом. Я зажмурилась, вспоминая, какой там стоял запах от рыбы и сырого мяса. Как же всё-таки здорово не толкаться в толпе, а смотреть на всех с высоты. Мы облетели вокруг ратуши, и великий колдун под истошные вопли городской стражи посадил нас прямо на балкон.

Бравые вояки брэнчали доспехами и лязгали мечами. Под невыносимо громкий топот поднялись по лестницам на самую высокую башню. До кабинета городского главы — одна дверь, а тут посторонние. Воры! Ага, украли ковёр и долетели на нём, чтобы обчистить ещё и ратушу.

— Стой, кто идёт! — загомосил самый усатый стражник и вытащил меч из ножен.

— Альберт Мюррей, я полагаю, — тихо сказал из своего кабинета Отто Вайниц.

Узорчатая дверь распахнулась. Я привыкла, что все богачи поперёк себя шире и сейчас сильно удивилась. Камзол болтался на высоком мужчине, как на вешалке. Бородка клинышком удлиняла и без того узкое лицо. Зато круглые глаза казались выпученными, будто он с каждым вздохом чувствовал боль.

— Господин Вайниц, — коротко поприветствовал его колдун.

Стражники чувствовали себя идиотами. Чуть лбы не расшибли, пока спешили наверх, а здесь никто на них не обращал внимания. Подумаешь, три гостя прилетели к городскому главе прямо на балкон. Эка невидаль!

— Оставьте нас, — распорядился Отто, махнув усатому рукой. — Всё в порядке. Но впредь я попрошу вас, господин Мюррей, сообщать заранее о своём визите. Я мог быть занят.

— Очередными розысками Питера Монка? — оскалился колдун. — Приказчик-пьяница вернулся на постоянный двор? Давно? Прекрасно. А вы меня подозревали невесть в чём.

— Прошу прощения, — городской глава поклонился, приложив руку к груди. — Однако не будем смущать благородных дам рассказом, где его нашли и в каком состоянии. Молодо-зелено. Привыкнет ещё следить за репутацией. Вы представите меня своим спутницами?

Городские стражники постояли минуту и обиженно убрались восвояси. Бель с любопытством обшаривала взглядом балкон. Да, ратуша — не старый замок. Тут всё красивое, белое, дорогое.

— С удовольствием, — Карфакс обернулся сначала ко мне. — Мередит, моя первая ученица и будущая колдунья. Анабель, — он положил ей руку на плечо. — Вторая ученица, талантливый лекарь и травница. Обе по древней традиции будут жить со мной в замке до конца учёбы. Дамы, Отто Вайниц.

Отто остолбенел. Разодетый городским щёголем Мюррей только что сообщил ему, что в мире на двух колдунов скоро станет больше. Они с Монком не знали, что делать с одним-единственным, а тут такой удар. Прямо больно. Прямо ниже пояса по самому дорогому.

— Однако, — выдохнул городской глава. — И одеты они в одинаковые платья не просто так. Прошу меня извинить, дамы, я теряюсь от вашей красоты и чушь несу. Пойдёмте в кабинет. Как радушный хозяин я обязан предложить вам вина.

Я подозревала, что Карфакс специально оделся в тон нашим ученическим платьям. Гензель прислал целый ворох одежды, а он выбрал песочный камзол и штаны цвета коры дуба. Даже волосы подравнивал, не попросив никого о помощи. Теперь они были такими же короткими, как у всех не-лордов.

В кабинете Отто так сильно пахло свежей выпечкой, что у меня желудок подвело. Анабель тоже слюну сглотнула и опустила взгляд. Церемонии длились долго. Мужчины усадили нас в кресла с высокими спинками, Отто налил вина, раздал всем кубки и только потом городской глава задал вопрос.

— И что же, господин Мюррей, традиции позволяют вам брать учениц до того, как подтвердится благородное происхождение?

— А у вас есть сомнения, что я выиграю суд и верну себе земли вместе с титулом лорда?

Колдун пригубил вино и облизал губы. До суда оставалось чуть меньше двух недель, но я тоже считала, что глупо тратить время впустую. Отто хорошо. У него булочки, вино и полные кладовые, а мы, если не будем учиться колдовству и варить зелья — от голода умрём.

— Какие могут быть сомнения, если вы так похожи на деда? — Отто обвёл кубком квадрат, будто раму картины нарисовал. — Одно лицо. Признаюсь, увидя вас, я испугался, что Роланд Мюррей восстал из могилы. Однако когда имеешь дело с законом, возможны всяческие выкрутасы. Не та подпись на свитке, потерянная бумага, или, наоборот, не вовремя найденная. Что вы будет делать, если проиграете суд?

— При всём уважении, — колдун поставил кубок на стол и сел рядом со мной в кресло. — Это не ваше дело.

— Отнюдь, — приподнял брови городской глава. Морщины на его лбу собрались в глубокие складки.
— Очень даже моё. Взгляните.

Он убрал со стола пару свитков и откинул крышку сундучка.

— Что там? — спросил Карфакс. — Я не вижу отсюда.

— Я покажу поближе.

Отто вышел из-за стола, поворачивая сундук так, чтобы все разглядели. На дне лежали два обруча с железной цепью.

— Их называют ошейниками, — объяснил хозяин ратуши. — По решению суда я буду обязан выселить вас из замка. Вежливо попрошу собрать вещи и убраться с земель лорда Питера Гринуэя, куда глаза глядят. И если вдруг вам или вашим ученицам взбрѣдет в голову воспротивиться справедливому требованию, то маленький отряд стражников, рискуя жизнь и здоровьем, наденет на вас ошейник. И прости-прощай колдовская сила.

Я громко икнула и тут же зажала рот. Глупый вопрос чуть не сорвался с языка. «Разве колдуны — не всемогущи?» Конечно, нет. Карфакс сам расписывал в красках, как их убивали. А ведь были те, кого наказывали за убийство. В каменоломню отправляли камень рубить, как придуманного Альберта Норфолка. В таком ошейнике, да? Иначе же не удержать.

— Я рад, что вы обеспечены необходимыми артефактами, — сухо ответил Альберт. — Но смею вас заверить, они не понадобятся. Приказчик Гринуэя — пьяница и волокита. Он проиграет дело, даже если я — трижды обманщик. Подумайте лучше, куда сами отправитесь, когда я выберу нового городского главу. Ваша власть только называется королевской. На деле грамота подписывается с моего ведома. По моей просьбе. Король в столице, а я здесь. И мне не нужен человек Гринуэя в ратуше.

Отто застыл на месте. Осознал угрозу? Поджилки затряслись?

— Мой отец верой и правдой служил городу...

— А вы получили место по его протекции, — отрезал колдун. — Не по таланту или заслугам. Но демоны с ними, со связями. Надѣжные люди всегда нужны. Надѣжные, Отто, лояльные. Так что передавайте мои наилучшие пожелания господину Монку. Визит окончен. Дамы, прошу вас.

Мы с Бель тут же встали из кресел и зашуршали юбками на выход.

Карфакс стал мрачнее тучи. Махнул рукой, чтобы мы зашли на ковѣр и только в небе, уже далеко за городом, сказал:

— Скоро в сундуке будет три ошейника. Отто в лепѣшку расшибѣтся, чтобы найти управу ещё и на Мередит. Один артефакт у него был, как у городского главы. Второй точно привѣз с собой приказчик Гринуэя. Они договорились сотрудничать, и раз уж Монк застал ночью в замке тебя, Бель, то отдал артефакт на хранение тому, кто должен исполнять решение суда.

— А где он третий возьмѣт? — спросила я. — И как долго будет возиться? Может, кто-то из нас успеет магией раскидать стражу, чтобы вас на каторгу не забрали? Есть же в учебниках заклинания, ядрѣнее «щита», «огня» и «отвода глаз»? Тот же паралич. Его можно швырнуть в толпу?

— Нет, — покачал головой колдун. — Паралич накладывается на конкретного человека и с

непривычки читается долго. Забудь. Мне приятна твоя самоотверженность, Мери, однако ничему серьёзному я вас с Бель учить не буду. Не рискуйте собой, не лезьте в драку. За любую попытку освободить меня из-под стражи вы сами отправитесь на каторгу.

— Но мы должны что-то предпринять, — поддержала меня Бель. — Всё зашло слишком далеко. Если лорд так хочет оставить себе земли, он может подкупить судью! Не проще ли сказать правду, что вы и есть Роланд Мюррей? Тогда никто не назовёт вас самозванцем и сделка с проданной за бутылку вина землёй тоже станет законной. Или загадайте шару желание...

— Нет, — Карфакс топнул по летающему ковру. — Я приказываю отставить панику. Мы ещё не проиграли суд. А если вдруг решение будет не в пользу Альберта, то мы просто уйдём. Нет смысла держаться за замок и земли, если они не приносят золото. Каторгой мне грозит только афера с продажей земли Томасу. Она не вскроется за один день. Мы успеем исчезнуть и замаскировать новое жилище так же, как я триста лет назад замаскировал своё. Вы же хотели учиться? Обе. Вот я и буду вас учить, пока уже об Альберте Мюррее никто не забудет.

— Снова прятаться? — поджала губы Бель. — Вы же так хотели вывести нас в свет...

«Жениться», — чуть не ляпнула я.

— ...а теперь готовы сдаться и уйти, лишь бы сохранить проклятый шар? Загадайте ему жареного гуся, как хотела Мери, и признайтесь уже, кто вы такой.

Ни разу её такой дерзкой и боевой не видела. Словно другой человек стоял передо мной. Что же придавало ей сил? От чего горели глаза?

— Ты за аптеку боишься? — строго спросил колдун. — Или что господин Монк не успеет сделать тебе предложение выйти за него замуж? Я знаю привычки юных девиц. В своих фантазиях ты уже детей от него нянчишь. А если мы уедем, то «милый приказчик» тебя не найдёт. Верно?

Она опустила взгляд и смахнула побежавшие по щекам слёзы. Зачем он с ней так жестоко? Не проще ли было дождаться суда и дать Бель увидеть, как возлюбленный уезжает, не оглянувшись? Никакой симпатии там нет, это и козе понятно. Но мы, женщины, имеем право, жить с надеждой о любви столько, сколько нам нужно.

— Об аптекарской лавке она беспокоилась, — заступилась я за вторую ученицу. — Неужели не видно? Восемьдесят лет в лесу просидела, только-только жить начала, а вы её обратно под замок.

— Ладно, — сдался колдун. — Паниковать, и правда, рано. Поедем в столицу и там разберёмся.

— Куда поедем? — выдохнула я, чувствуя, как широко открылся рот.

— В столицу, Мери. Дела о наследстве в принципе рассматривает королевский суд, а у меня ещё и вопрос с титулом спорный. Наёмная повозка, день в пути, и мы на месте. Анабель придётся остаться, чтобы заниматься аптекой и сторожить шар в замке.

— А я зачем вам нужна?

Карфакс так улыбнулся, будто я сморозила глупость.

— Для компании. Королевский суд — безумно скучное место. В дороге делать нечего, в пустой комнате на постоялом дворе тоже. Возьмёшь книги, будем учиться. Заодно походим по столичным аптекам. Посмотрим, что продают от кожной сыпи самому королю. Если хотим сделать свою лавку лучшей, то равняться нужно не на местных горе-аптекарей.

Настала моя очередь опускать взгляд и прикладывать ладони к пылающим щекам. Одна с господином колдуном несколько дней! Да, уже, как ученица. Да, никто пальцем тыкать не будет и подстилкой не назовет. В столице нравы свободнее, там плевать, что соседи подумают. Бабушка так говорила. Но всё равно.

— А номера на постоялом дворе у нас разные будут?

— Если золота хватит, — ответил Карфакс, склонив голову на бок. — Оно нужнее на еду и чтобы купить несколько зелий.

— Да, для образца, — тихо ответила Бель. Голос ещё дрожал от недавних слёз, но держалась она бодро. — Хорошая идея со столичной аптекой. Спасибо, господин учитель.

— Не за что, — обернулся к ней колдун. — Ты ведь не против посторожить шар или сама хочешь поехать?

— Я останусь. Мери будет слишком тяжело одной и зелья варить, и за замком приглядывать и

этикетки подписывать, а я привычная. Пусть посмотрит столицу.

У меня язык не повернулся спорить. Бель права, я тут такие этикетки нарисую, что и городские и деревенские в ужасе разбегутся. Ничего у нас не купят. Только зря бумагу испорчу.

Ох, святые предки, ехать-то всё равно страшно! Не нравилось мне мечтательное выражение на лице колдуна. Только что молнии был готов швырять с высоты летающего ковра, в лес бежать прятаться, и вдруг резко переменялся. Ага, сообразил, что меня в столицу можно взять, чтоб не скучно было. Нет, Бель, это плохая идея, отвратительная, но выбора не было. Кто-то должен проследить, чтобы Карфакс не напился на постоялом дворе после суда. Домой доехал.

— Тогда нужно золото копить, — с унынием ответила я. — И как можно быстрее варить зелья.

— Да, с утра приступим, — распорядился колдун.

Глава 22. Аптекарская лавка

Анабель

Мы решили одну проблему, прикинули, как решить вторую, но ещё десять висели над головой. Да, мелкие, но важные. Что нам есть? Как зарабатывать золото? От аптеки, которую господин Мюррей уже собирался бросить, если проиграет суд, у нас были только лицензия и список зелий. Ни чернил, ни пергамента для этикеток, ни большинства ингредиентов. Я могла набрать трав в лесу, болотную воду и птичий помёт. Да чего уже там, большие запасы сделать. Все кладовые набить. Но мёд, металлическую стружку, некоторые ягоды так не соберёшь. Их можно только купить на рынке за блестящие кругляши. И у нас их осталось мало.

В итоге на маленьком совете трёх колдунов мы решили рискнуть. Вложить все свободные средства, как сказал господин Мюррей. Он лично летал на рынок закупать недостающие ингредиенты и вернулся с новой посудой. Я чуть не расплакалась от умиления, поглаживая круглые бока блестящего котелка.

Зелья в нём варились легко и быстро. Уже на третий день мы приготовили первую партию, разлили по бутылкам и наклеили на дорогущее стекло красиво написанные этикетки.

— Хоть самому королю продавай, — всплеснула руками Мери.

— Пока нам и восторгов аптекаря Абрамса хватит, — мрачно возразил маг, подавая мне полную корзинку. — Уверена, что тебя не нужно провожать? На ковре доберёмся быстрее.

— Не могу же я всё время вашей силой пользоваться, господин учитель. Да и если мы хотим подрядить Нико таскать корзину, то желательно знать, насколько это тяжело, чтобы не перетрудить мальчика.

Мери сначала фыркала, мол, не переломится, а потом пожалела брата. Бегать ему придётся из деревни. Мы не могли позволить шару получить ещё одного пленника тайны.

«А зачем бегать, если Абрамс откажется? — спрашивала соученица. — Вот уломаем его, и я пойду к родителям отпрашивать к нам работника по всем правилам, чтоб честь по чести было».

В итоге я вышла за ворота замка почти в полдень. Дорога, к нашему счастью, просохла. Шагалось мне легко, но потом я поняла, что погорячилась с количеством бутылок. Если Абрамс закажет сразу большую партию, её точно придётся на ковре везти. Ох, руки оттягивались до земли. У города я уже в десятый раз поставила корзинку у ног и сдалась. Хлебнула из пузырька исцеляющего зелья. Сила природы тут же вернула мне бодрость. Хорошо, чтобы успокоить нашу с Мери совесть, подарю его Нико.

Аптека господина Абрамса была меньше нашей кладовой. С красивой резной дверью и крупной вывеской. Красные буквы на белом дереве. Ярко так. Отовсюду видно.

Я вошла внутрь, бочком, протаскивая корзину. Зазвонил колокольчик, и из-за прилавка вышел хозяин.

— Госпожа Лоуренс, если я правильно помню?

Я кивнула и поставила зелья на пол. Огляделась украдкой. Нет, кроме размера с нашей кладовой аптеку ничего не связывало. Тут шкафы были высокие, на изящных ножках. Мази и настойки стояли в глиняных горшочках. Маленьких и пузатых. Наши зелья на их фоне будут выделяться, но на таких полках стекло смотрелось бы уместнее. Дороже.

— Доброго дня, господин Абрамс, — с улыбкой поздоровалась я. — Как ваша сыпь? Не беспокоит?

— Пока нет, — ответил он. — И раньше болезнь отступала временами, а потом возвращалась. Посмотрим, что будет дальше. Вы принесли мне пожизненные запасы мази?

Аптекарь взглядом указал на корзину и сложил руки на груди. Не нравилось ему моё появление на пороге, да ещё и не с пустыми руками. Хорошо, что не выгнал. Значит, готов выслушать.

— Нет, — я достала первый попавшийся бутылёк и передала его Абрамсу. — Это моё предложение. Вы были правы, когда говорили, что у меня нет расчётов, места для своей лавки и плана действий. Зато всё это есть у вас.

Он принял зелье с величайшей осторожностью. Будь у него под руками щипцы, воспользовался бы.

— Вы пришли меня с этим поздравить?

Да чего же несносный старик! Лишь бы уколоть, ущипнуть и съязвить.

— Нет, я хочу предложить вам сотрудничество, — я старалась подобрать слова, но в голову лезла одна чепуха. — Я буду каждую неделю приносить такую корзину с лекарствами, а вы станете продавать их, забирая себе процент. Вы сами проверили, насколько мои мази и эликсиры действенны. Покупатели в очередь выстроятся к вашей аптеке. Вам не нужно тратить на ингредиенты, стоять у горячего котла...

— Здесь написано «Аптека Мюррей», — Абрамс повернул склянку этикеткой ко мне. — Покупатели будут знать, что лекарства варил не я. Зачем мне это? Излечение всегда идёт от доверия между лекарем и пациентом, понимаете, госпожа Лоуренс? На доверии. А в моей аптеке вдруг появятся чужие средства пусть даже прекрасного качества. Что я скажу покупателям? Что я уже стар и мне лень стоять у котла?

— Лорд Мюррей таким образом показывает своё расположение вашей аптеке, — заметила я. — Сами подумайте, смутит кого-то имя владельца этих земель на этикетке снадобья или нет? К тому же, Альберт Мюррей — маг. Так и скажите покупателям, если кто-то вдруг начнёт задавать вопросы.

Сначала он испугался и не поверил мне. Долго перечитывал название, хмурился, беззвучно шевелили губами и хмыкал. Да, теперь я могла сказать правду. Господин учитель представил нас с Мери городскому главе и наделил официальным статусом в том числе себя.

— Простите, я не знал. Почему вы не сказали, когда приходили за лицензией, что работаете на господина Мюррея?

— Это ведь нечестно, — вздохнула я. — Вы и ваши коллеги сочли бы, что я пытаюсь давить на гильдию, используя имя нашего лорда.

— В тот момент оно ещё звучало как Норфолк и обрастало самыми невероятными слухами, кхм, — откашлялся Абрамс и натянуто улыбнулся. — Но я рад, что вы пришли именно ко мне. Да, я возьму зелья и поставлю в витрину. Какую цену вы хотите назвать?

— За мази — одна серебрушка, за эликсиры — пять, — озвучила я цену.

Мы долго думали, сколько должны стоить наши снадобья. На мазях заработать много не получится, но они и предназначены для простых людей. Даже одна серебряная монета — большие деньги, а на золотой жалованья в день Мери умудрялась семью содержать.

— Приемлемо, — согласился Абрамс, но по блеску его глаз я поняла, что продешевила. — А какой процент вы мне оставите за труды?

— Пять медяшек с мазей и двадцать пять с эликсиров, — ответила я.

Мери предупредила, что аптекарь может завянуть цену, а нам не сказать. Мы договорились дать ему хорошее вознаграждение и приходиться изредка, спрашивать у покупателей, сколько они заплатили за снадобье.

— Мои коллеги берут десять, но исключительно из уважения к вам и лорду Мюррею я согласен на пять, — расплылся в улыбке Абрамс и потянулся к моей корзине. — Однако здесь мало. Советую завтра принести ещё. Так же к середине дня, если вас не затруднит.

— Конечно, — расцвела я от самых тёплых чувств. — Спасибо за доверие, господин Абрамс. Уверяю, я вас не подведу. Наше сотрудничество будет приятным и полезным.

— Не сомневаюсь, — приподнял брови аптекарь. — Всего доброго, госпожа Лоуренс.

Я оставила корзинку у него на прилавке и пошла домой, насвистывая под нос легкомысленную песенку. Если всё сложится, то голод нам больше не грозит.

Меридит

Уйти в деревню, чтобы отпросить Нико на работу в замке мы не успели. Ждали Анабель из города. Мне даже показалось, я почувствовала её через магию замка. Бросилась открывать калитку для слуг и чуть не рухнула там на землю. По дороге шёл целый караван. Мой отец, Нико и сын Клары, Людвиг. Торговец цыплятами. Трактирный повар Карл отправлял меня к нему, предлагая взять пару сотен на откорм, чтобы потом мясо продавать. Какого лысого и горбатого демона Людвигу понадобилось в замке? И почему меня терзали самые нехорошие предчувствия? Колдун расстался с моим отцом очень плохо. Поругались мужчины на всю деревню. «Я здесь лорд! Последнее слово всегда за мной». Сейчас лорд сидел в своём кабинете и, высунув кончик языка от усердия, подписывал этикетки для зелий Бель. Принимать удар мне придётся одной.

— Мери! — позвал отец. — Мери, как хорошо, что ты сама вышла. Не придётся беспокоить господина Альберта. А то Нико уже свистеть собрался.

Я посмотрела на брата лишь для того, чтобы поймать его виноватый взгляд. Да, всё ещё хуже, чем я думала. Руки мне выворачивать будут? Мешок на голову наденут и силком домой потащат? Как только что купленную скотину с рынка? Поросята в такие моменты истошно визжали и брыкались. У меня всегда за них сердце болело, но кто меня пожалеет? Пока девушка не замужем, она — собственность отца.

— Лорд Мюррей занят, — ответила я, высоко подняв голову. — Гостей в замке не принимает.

— Да мы к тебе, — махнул рукой Людвиг, будто я не поняла. — Ты подойди поближе. Брось дверь, закрой её. Разговор есть.

Сын Клары всех девушек считал туповатыми. Говорил, как с детьми, махал руками, показывал пальцем, что надо сделать и постоянно улыбался. Святые предки, как я ненавидела его ухмылку.

— Я тоже занята. Ужин готовлю.

— Подождёт ужин, — отец начал сердиться. — Мы и так все традиции нарушаем. Сватаем тебя на пороге чужого дома. Но как ещё, если ты дорогу в свой родной забыла? К матери ни разу не пришла, не спросила о её здоровье.

— Как мама? — перебила я. — Елена ей помогает? Справляется?

— Как же, — Нико пнул мелкий камень. — Три дня полы помыла, устала. Мы с Лукой тряпками возим. Мама давно встала и по хозяйству хлопочет, но тяжело ей.

Ах, вот оно что. Помощников не хватает. Елена отказалась, и никто ей ремнём грозить не стал. Конечно, кто тронет любимую дочь? Проще зазнавшуюся Мередит из замка вернуть.

— Кто-то должен зарабатывать деньги, — напомнила я. — Разве я мало вам присылаю?

Отца аж перекошило. «Золотом попрекнула, негодная. Неблагодарная. Мы для неё всё, а она к господину на работу сбежала. Семью бросила».

— Достаточно, чтобы собрать приданое, — отрезал отец. — Ты ведь за ним в замок шла, не собиралась всю жизнь на лорда спину гнуть. Год как в девках пересидела. Хватит, Мери, завязывай со своей работой.

«Кто же вас кормить будет?» — застряло на языке. Золото у Карфакса кончилось, мы из кожи вон лезли, чтобы самим не сдохнуть. Но всё равно я не хотела бросать учёбу. Малодушно размечталась позвать колдуна, чтобы он как в прошлый раз топнул ногой. «Мери остаётся. Я так сказал!» Но лорд Мюррей на самом деле был занят.

— Год в девках пересидела и сейчас торопиться некуда, — ответила я отцу. — Жениха-то нет...

И тут Людвиг расправил плечи. Приосанился, грудь колесом выпятил.

Мать честная! А петуха-то я в нашем курятнике и не заметила.

— За меня пойдёшь, — заявил жених. — Родители наши сговорились уже. Ты девка видная, рукастая. Мать сказала, и пряхь, и шить, и вязать умеешь. То, что читать научена — плохо, конечно. Не доглядели твои, распустили. Предками же как завещано? Жена работать должна, за детьми следить. А коли в книжку с утра до зари пялится, то хозяйка из неё дурная. Ну ничего. Я дома книг не храню. Отвлекаться тебе будет не на что.

Приплыли! Сели в дырявую лодку и утонули у берега.

— Какая забота, — съязвила я. — Книг у него дома нет.

— Повежливее, Мери, — нахмурился отец. — Зачем грубишь? Разве так я тебя воспитывал?

Ответить мне было нечего. До зубовного скрежета уже хотелось развернуться и уйти в замок. Отец с матерью нашли мне жениха, благодетельствовали старшую дочь. И рассчитали всё верно. Против собственной невестки Клара ни одну сплетню не даст распространить.

— Как уговорили-то? Клару. Горы золота в сундуках под приданое наобещали?

— Да знаю я, что семья у вас бедная, — махнул рукой Людвиг. — Ни медяшки за душой. Зато люди хорошие, честные. Я ж не жадный, Мери, я не ради золота тебя беру. Хозяйство у меня большое. Три тыщи курей. Почитай, весь город у меня закупается. Так развернулся, что в люди вышел, а

детей нет. Тридцать скоро, всё бобылём хожу. Мать уж кого только не приводила. Чернявых, белых, рыжих, стройных, толстых, но ни одна сердце не тронула. Ты там сидишь с тех пор, как мы на ярмарке погуляли. Да, мать была против, я уговорил. В ногах валялся, что никого, кроме старшей дочери Оливера и Хельги не хочу. Чуть не разругался с ней в пух. И вот к отцу твоему пошёл. Выходи за меня.

Он неуклюже повёл плечами и подошёл ко мне. Здоровый, как бык, белобрысый, туповатый и с такими мыслями, что учить девушку читать — только портить. И на ярмарке ведь один танец станцевали. Я в толпе стояла, он в толпе. А поди ж ты, запомнил. «Ни одна сердце не тронула, ты там сидишь».

— Извини, — ответила я. — Уж очень книги люблю, не пойду за тебя.

Нико прыснул со смеху, получил подзатыльник от отца и всё равно улыбался. Людвиг сердито засопел. Был бы в руках стальной прут, погнул бы, как соломину. Ах, какая я невоспитанная! Отказать посмела. И кому? Первому парню на деревне!

— А ты не торопись, Мери, — тихо сказал отец, — подумай. Крепкие семьи долго строятся. Тебе повезло. Муж тебя уже любит. Поживёте вместе, ты смиришься, привыкнешь. Оценишь его потом по достоинству. Мы ж с твоей матерью тоже не сразу душа в душу были, а сейчас как хорошо.

Я вздохнула, посмотрев в небо. Как ещё говорить? Какие слова взять? У Карфакса одолжить из умных книжек? Нет, Людвиг тогда совсем ничего не поймёт. Наконец, я сдалась и мысленно позвала колдуна. Бель говорила, мы все через магию шара-артефакта связаны. Раз уж видеть можем, кто по замку где ходит, то и слышать должны. Чувствовать. Слышать только через зелье «три капли на ведро». Хоть бы Карфакс догадался его использовать. Но, с другой стороны, зачем ему? Хозяин замка, подслушивать не с руки. В любой момент выйти может.

— Нет, отец. Я буду думать год или два, ответ останется прежним. Я не пойду замуж за Людвига. Вообще ни за кого не пойду. Поздно уже, старая. К рождению детей не пригодная.

— Глупости говоришь, — припечатал жених и кулаком в воздухе рубанул. — Ладная ты вся, крепкая. Здоровая. Такие, как ты, рожают одного за другим круглый год. Мама твоя опять же не бездетная. С чего тебе быть?

«Да хотя бы с того, что я — не она», — крутилось в мыслях, но возражать вслух уже не хотелось. Людвиг не отступится. Он, наверное, успел десяток бочек вина на свадьбу купить, сотне цыплят голову отрубил, а тут я со своим «нет». Кому оно нужно? Родители по рукам ударили и всё. Нормальной невесте положено молча достать из сундука свадебное платье матери, подогнать по своей фигуре и ждать самого радостного дня в её жизни.

— Мери, — позвал отец, взял меня за локоть и потянул в сторону от жениха. — Ну чего ты? Лучше мужа не найти. Верный, надёжный, с руками и головой. Мы с матерью хотя бы за тебя будем спокойны. Дочь вырастили и в люди вывели. Дался тебе этот замок с колдуном-каторжником? Плюнь, разотри и забудь. С Людвигом как за каменной стеной будешь. В тепле, сытости и достатке. Мери, мы любим тебя и хотим, чтобы ты была счастлива.

Я прикусила губу, чтобы не разрыдаться. Родители перестали меня понимать, потому что я стала другой. Они любили прежнюю Мери. Для неё отец согласился породниться с противной Klarой. Ради неё он спорил с самим лордом и колдуном. За неё боялся больше, чем за свою жизнь. Но той Мери больше нет.

— Прости, папа, — я взяла его за руку. — Я правда не могу выйти замуж за Людвига и уйти из замка. Уже не могу, прости...

Шар не отпустит. Проснувшаяся магия не позволит деревенской девушке стать прежней. Поздно. Я — другая. Не такая, как они все, и это навсегда.

— Мери, — отец выдернул руки из моих ладоней и снова вцепился в мой локоть. Сжал его так, что в глазах потемнело. — Ты с ума сошла? Я же просил, я предупреждал! Как ты могла... Ты всё-таки стала подстилкой колдуна?

Я отшатнулась, но не смогла вырваться. Отец смотрел с ненавистью. За мгновение самый родной и близкий человек превратился в того, кто готов убить.

— Отвечай! Ты опозорена? Моя дочь забыла всё, чему её учили и легла под лорда? Дрянь!

Он замахнулся, чтобы ударить. От страха я зажмурилась и попыталась закрыть голову. Оплеуха прилетела звонкая. Как в детстве. Но сейчас отец бил с яростью, со всей силы. Я едва удержалась на ногах, а потом прилетела вторая.

— Мери! — закричал Нико и бросился к нам. — Папа не надо!

— Оливер! Сдурел? Она ничего не говорила! Отпусти!

Надо же, Людвиг за меня заступился. Чужой человек не стал рубить сгоряча и судить за то, чего я не делала. Брат повис на плечах отца, жених перехватил меня поперёк живота и дёрнул на себя. Голова гудела. Слёз не было, зато перед глазами плавали красные и чёрные круги. От побоев душа болела сильнее, чем руки и плечи. Нет, я не заслужила! Я ничего плохого не делала!

— Др-р-рянь! — рычал отец. — А ну пошла домой! Месяц в погребке сидеть будешь! На хлебе и воде!

«Это уже слишком, — прозвучал в моей голове голос Бель. — Никто не должен так с тобой обращаться».

И я была согласна с ней. Впервые в жизни я чувствовала в себе силу не сжаться и перетерпеть, а ответить. Магия рвалась с кончиков пальцев, горела пламенем в груди.

— Горацим деи, — прошептала я и шарахнула отца щитом.

Хвала богам, Нико успел его отпустить. Облако жара опрокинуло отца на землю и подняло клубы пыли. Меня трясло, как в лихорадке. Зубы стучали. Хватка Людвига ослабла, неудавшийся жених поставил меня на землю.

— Спокойно, господа! — голос Карфакса прозвучал неизбежным громом после вспышки молнии. Колдун плечом распахнул калитку и чуть не вывалился во двор. — Всем стоять! Мери, иди ко мне.

Я была бы рада, но ноги не слушались. Кажется, отец ударился не слишком сильно. Мотал головой, кряхтел и пытался встать.

— Лежать, — приказал Карфакс и сжал кулак. Между его пальцев вспыхнуло что-то синее, а отец замер. — Нашёл, с кем драться. Воспитатель, чтоб тебе демоны душу рвали. Мери, ты как? Ты меня слышишь?

— Да, — захрипев, ответила я, прокашлялась и повторила: — Да, учитель.

Людвиг тихо присвистнул.

— Типа ты тоже, да? — Нико выглядел самым ошарашенным. Стоял с открытым ртом и водил пальцем от меня до Карфакса. — Колдовала сейчас?

— И она может повторить, — припечатал хозяин замка. — Так что в ваших интересах поскорее отсюда убраться.

— Мередит не колдунья, — осипшим голосом сказал отец. — Я бы заметил, что по дому тряпки и щётки летают. Это всё ваши фокусы! Откуда колдовская сила в моей дочери?

Только бы он не бросился выяснять у матери, от кого она меня нагуляла. Хорошо, что Нико ничего не понял. Хлопал глазами и тарачился на нас. А вот Людвиг запыхтел.

— Хельга — порядочная женщина. Она бы никогда ни с одним колдуном не спуталась.

— К достойной матушке Мередит ни одного вопроса и нет, — продолжал злиться Карфакс. — Колдовскую силу в вашу дочь посадил я. Замок большой, а служанка всего одна. Она должна была справляться с работой. Так что не грешите на близких. Я уверен, в вашем роду никого, кроме крестьян, не было. А Мередит теперь моя ученица. Книжки будет читать и заклинаниями швыряться. Увы, замуж ей действительно нельзя. По крайней мере, за простого человека. Колдунов осталось слишком мало, чтобы по преступному недомыслию разбавлять свою кровь.

Отец не мог пошевелиться, паралич опутал его с ног до головы. Говорил он тоже с трудом.

— Мери, это правда?

— Да, папа, — ответила я, опустив взгляд. — И ничего между мной и господином учителем не было. Я намертво привязана к замку из-за магии. Здесь моё место. Среди колдунов.

Отец побагровел и скрипнул зубами. Готова спорить, десяток ругательств проглотил, чтобы не оскорбить лорда. Вспомнил, что в прежние времена за это и плетей могли всыпать на городской площади у позорного столба.

— Вам придётся отменить свадьбу, — снова заговорил Карфакс. — Объяснить родственникам, какой я злодей и что сделать уже ничего нельзя. Мередит — не единственная ученица, есть вторая. Она как раз потомственная колдунья, здесь всё в порядке. Не повезло, если можно так выразиться,

только вашей дочери. Видеться я вам не запрещаю. Потрудитесь впредь обойтись без сцен подобной той, что я наблюдал через магию замка. Другими словами: следите за языком и держите руки в карманах. Ещё раз увижу, что вы пытаетесь её воспитывать — паралич станет вечным. Это понятно?

Мужчины будто в рот воды набрали. Людвиг растерянно чесал пальцем лоб, а отец никак не мог смириться, что потерял старшую дочь. Тяжело ему было.

— Снимите заклятие, лорд Мюррей, и я уйду, — наконец, ответил он. — Мередит может остаться, раз уж так случилось.

Смотреть на него было больно. Карфакс разжал кулак, и отец встал сначала на колени, а потом на ноги. Таким взглядом меня одарил, что сердце чуть не остановилось.

— Нико, — прошептала я. — Тебе точно никто приходить не запрещает. Наоборот, работа есть. Сейчас иди, а дома поговори с родителями и возвращайся. Золото вам по-прежнему нужно.

Брат хмуро кивнул и пошёл за отцом. Остался один Людвиг.

— Я хочу, чтобы ты знала, Мери, — сказал он, честно и открыто глядя мне в глаза. — Как по мне, то твоё колдовство ничего не меняет. Я тебя и с книгами был готов взять, и с магией не откажусь. Подумаешь, мётлы по двору летали бы. Эка невидаль. Главное ведь, чтоб человек был хороший.

— Нельзя, Людвиг, — я чуть до крови не прокусила губу. — Ты не понимаешь. Совсем нельзя, уходи, пожалуйста.

Ярмарка, где мы танцевали, два года назад была. Два года он молчал, ждал чего-то. А теперь вздохнул, повернулся и ушёл. Медленно так, почти волоча ноги.

Прости, Людвиг. Прости, папа. Прости, Нико.

— Пойдём в кабинет, — позвал Карфакс. — Этикетки пересчитаем. Бель скоро вернётся с новостями от аптекаря...

— Иду, господин учитель, — тихо ответила я.

Глава 23. Чёрная полоса

Анабель

Бабушка говорила, что жизнь ей раньше напоминала причудливого полосатого зверя: хорошие промежутки чередовались с плохими. Но позже она осознала, что то не полосы, а разноцветные пятна. Я только после переезда в замок стала понимать, о чём она говорила.

У нас были проблемы из-за наследства лорда Мюррея. Предстоял суд, который мог закончиться как угодно. Но утром господин учитель получил ответ от Томаса. Лорд соседних земель согласился признать старую сделку недействительной и подписать новую купчую уже от имени Альберта Мюррея.

«Под Ваше честное слово, — предупредил он. — Я знаю, что для колдунов оно по-прежнему многое значит».

Мы, конечно, обрадовались, что всё сложилось наилучшим образом. Но пир не закатили, потому что золото в сундуке заканчивалось. Я уже несколько раз ходила к Абрамсу, а тот лишь разводил руками. Не доверяли люди колдуну Мюррею и его ученицам. Ни одной медяшки мы не получили за наши снадобья. Я нервничала, что зря сбила Мери с мысли о покупке лицензии на торговлю продуктами. Мы надеялись, что зелья будут разлетаться с прилавка с невероятной скоростью, но ошиблись. Теперь, чтобы не умереть с голоду, Мередит начала выращивать на огороде репу. Пела над саженцами, рассказывала истории, чтобы шар щедро питал овощи магией.

— Схожу к Абрамсу ещё раз, — заявила я за завтраком. — Если понадобится, буду стоять у аптеки и зазывать покупателей, как торговка на рынке. Не может такого быть, чтобы никто даже из любопытства не купил эликсир от самого лорда Мюррея!

— Что-то темнит аптекарь, — согласилась со мной соученица. — Если сегодня опять скажет, что покупатели нос воротят, я завтра с тобой пойду. Вместе ему объясним, почему обманывать нехорошо.

Навряд ли такой уважаемый человек станет портить репутацию грубой ложью. Я приходила через день к самому открытию аптеки и пересчитывала склянки. Ни одной до сих пор не пропало. А как прикарманить деньги, если не продавать мази и эликсиры?

Тонко зазвенел колокольчик над головой, и тишина утренней улицы сменилась бранью незнакомого мужчины. Я закрыла за собой дверь аптеки и отошла в сторонку, по привычке бросая взгляд на полку, выделенную под наши зелья. Стекланные бутылки аккуратно стояли в два ряда этикетками к покупателю. Даже издали на них легко читалась фамилия лорда. Никаких хитростей.

— Господин Зиак, — попытался перекричать недовольного мужчину аптекарь. — Я уверяю вас, никто раньше не жаловался на мои лекарства. Я продаю исключительно качественный продукт.

— Вы издеваетесь надо мной? — кипятился покупатель. Его щёки горели румянцем, а взгляд отдавал безумием. — Я выпил вашу «крепость дуба» в надежде на приятную ночь в компании дамы сердца, а в итоге покрыл себя позором. Лекарство не сработало! Вы продали мне пустышку! Подкрашенную водичку. О, вам это с рук не сойдёт! Я требую компенсацию в тройном размере! Да я вас на весь город ославлю. Больше ни один уважающий человек не переступит порог вашей помойки! Аптекарь, тоже мне.

Абрамс открывал и закрывал рот, постепенно багровея. Будь его воля, вытолкал бы скандалиста взашей, но первое правило любой торговли гласило: «Покупатель всегда прав». Даже когда он ругается, брызгая слюной, он всё равно прав.

— Позвольте взглянуть на бутылёк, — Абрамс протянул руку. — Если рецептура не нарушена...

— Да уж пожалуйста, — Зиак с размаха выложил на прилавок туго скрученный узелок. — Проверьте сами. Выпейте и проверьте. И если ваш корень не поднимется в штанах, то готовьтесь к дурной славе!

Абрамс развернул тряпье, чтобы достать пузырёк. Я вытянула шею, разглядывая знакомую этикетку, и нахмурилась. Уж за зелье мужской силы я могла поручиться головой. Нет, мы его не пытались опробовать, но я часто варила «крепость дуба» под руководством мамы, чтобы продавать в городе. Её уроки въедались в мозг и не отпустили никогда. Ошибка была исключена по определению. Так чем недоволен господин-покупатель?

— Сколько глотков вы сделали? — вмешалась я в диалог. — Иногда нужно два или три, чтобы добиться стойкого эффекта.

— Да я полпузырька выпил, — окончательно разозлился он. — Не учите меня принимать лекарства, юная... А кстати, кто это?

— Так получилось, что ученица колдуна Мюррея, — развёл руками аптекарь. — Видите ли, господин Зиак, я польстился на громкое имя и принял от неё несколько бутылочек на реализацию. Проверил их на яды, ничего опасного не нашёл. Кто знал, что положительного действия тоже нет? Колдун всё-таки. С лицензией.

— Куда смотрит гильдия? — взвился покупатель. — Там теперь за взятки лицензии раздают?

— Господин Абрамс лично принимал у меня экзамен и сам видел, насколько чудодейственные мази я варю, — я сложила руки на груди и впилась взглядом в господина Зиака.

Злость кипела где-то внутри, гнев горячей лавой тёк по венам. Я ещё держала себя в руках, но уже была близка к срыву. Вот так слава пойдёт об ученице мага, что учинила скандал на ровном месте!

— Знаете что? — Я кивнула покупателю на полку со стеклянными пузырьками. — Возьмите любую из склянок с «крепостью дуба» и при мне сделайте два глотка. Если снадобье не сработает, я сама возьму вам его трёхкратную стоимость, заберу все свои зелья и никогда не вернусь в эту аптеку. А если с ним всё в порядке, оплатите выпитое снадобье и извинитесь перед господином Абрамсом за ту безобразную сцену, что устроили.

Он молчал, глядя на меня исподлобья. Не решался на эксперимент. Почему? Потому что знал, что моя «крепость дуба» даст нужный эффект.

— Смелее, — подбодрила его я. — Надеюсь, мне не придётся силой вливать в вас лекарство? Если переборщу с дозой, неделю будете ходить с оттопыренными штанами. Говорят, это неудобно и даже весьма болезненно.

Боги! Да я так сильно разозлилась, что забыла про запрет на колдовство. Взмахнула пальцами в воздухе, заставляя магию искриться на самых кончиках. Никакой пользы от такой игры силой не было, зато выглядело устрашающе. Аптекарь отступил на два шага, а недовольный покупатель вжал голову в плечи.

— Я сейчас городскую стражу позову, — срывающимся голосом заявил он. — Вы не смеете угрожать честным людям. Стража! Стража!

— Святые предки, перестаньте! — взмолился аптекарь и расставил руки, чтобы защитить полки с лекарствами. — Госпожа Лоуренс, это вас касается! Немедленно «потушите» свои пальцы и убирайтесь из аптеки! Я подам прошение об отзыве у вас лицензии. Вы — позор всех лекарей. Угрожать пациенту! Неслыханно. Убирайтесь!

— Я уйду, — пообещала я. — Как только вы вернёте мои зелья.

— Да забирайте, — Абрамс схватил корзину и стал сбрасывать туда бутылочки с полок. — Все до единого. Мне тут пустышки не нужны. И забудьте дорогу в мою аптеку и в гильдию. Шарлатанка! Дешёвая фокусница!

— С удовольствием, — гордо заявила я. — Но вы ещё вспомните, чьё имя было на этикетках наших лекарств.

Я взялась за плетёную ручку и с трудом подняла свою ношу.

Надеюсь, господин учитель закроет эту аптеку, как только суд вынесет решение в его пользу. А если нет... Да я всех крыс города на неё натравлю, нашествие саранчи на сад Абрамса организую!

Но это потом. Сейчас нужно продать зелья, пока у меня лицензию не отобрали.

«Мери расстроится, если я вернусь без денег. Мюррей разозлится, что я едва не использовала магию против простого человека, а потом откажется меня учить. Вот и кому лучше сделала?»

Жутко хотелось домой, в лес. Лечь на старенькую кровать, отгородиться книгой от всего мира и ждать, что проблемы решатся сами. Почему нельзя, как в детстве, спрятаться за спину мамы? Позвать бабушку, чтобы она топнула на обидчика ногой. Или мужа, на худой конец? Да, я знала, что к Мери приходил Людвиг и зачем он приходил. Не могла осуждать её за отказ. Но в редкие минуты отчаяния нет-нет да мелькала мысль, что пара жареных цыплят очень бы нас выручили. Ох, я слюной давилась, стоило представить золотистую курочку с ароматом трав. Выйди Мери замуж она бы уже сейчас ни в чём не нуждалась. Жила в большом доме, управляла хозяйством и засыпала с полным желудком. А мы с господином учителем так уж и быть продолжали бы варить зелья и пытаться их продать.

«Стыдись, Анабель, — прозвучал мамин голос в голове. — Желать колдуну навсегда отказаться от магии — жестокий поступок».

Мередит выбрала замок. А ещё господина учителя, потому что любила его. Нет, я ни слова ей не сказала. Сама поступила бы так же. И теперь обязана достать для нас золото.

Я ушла от аптеки на соседнюю улицу и постучала в первую попавшуюся дверь.

— Кто там? — зло спросил мужской голос.

— Попрошайки опять, — ответил женский. Такой же низкий и неприятный.

— Гони их в шею! Топор возьми. Сил уже никаких нет. Я отважу их от своих дверей. Кто бы там ни был, пусть катится в ямы демонов!

Дождаться, когда ко мне выйдут, я не стала. Прижала корзину к груди и убежала. Да, горожане злые. Уставшие, потерявшие связь с природой и глубоко несчастные. Но зачем же мне топором грозить?

Во втором доме было проще. Там открыла служанка, долго слушала, как я расхваливала лекарства. Покачала головой, что не знает никакого Мюррея, а потом сжалилась надо мной.

— Хорошо, я спрошу у хозяев не нужно ли чего.

Я чуть её не расцеловала. Приплясывала на месте от радости, пока она медленно шла в другую комнату и вполголоса с кем-то разговаривала. У хозяйки сильно болела голова. Услышав о новом лекаре, пока ещё не открывшем свою аптечную лавку, она велела спросить нет ли чего-то способного облегчить её страдания.

— Три капли на стакан воды, — радостно объявила я, протягивая служанке «эликсир номер четыре». Болеутоляющее.

Испытать лекарство решили сразу же. Я терпеливо стояла на пороге и ждала, когда щедро одобренный магическим заговором отвар трав подействует. Головная боль прошла, хозяйка осталась довольна. Пятнадцать первых медяшек я победоносно зажала в кулаке.

«Хвала богам и спасибо предкам, дело пошло!»

Жаль, что в итоге недалеко ушло. В других домах меня встречали чуть ласковее, чем в первом. Держали эликсиры в руках, но услышав цену, отказывались брать. Дорого.

— Ну раз дорого, значит, не очень нужно, — успокаивала я себя и шла дальше.

К вечеру удалось выручить ещё двадцать медяшек. Маленькая дочь торговца мётлами простудилась. Ко всему прочему её лечили согревающими компрессами и обожгли кожу на груди. Отец был против «колдовского зелья от каторжника», но мать, как истинно волевая и смелая женщина, послала его на кухню за тёплым молоком. А когда он вышел, сунула мне деньги.

— Если мазь и эликсир помогут, я помолюсь за вас богам.

— Лучше расскажите соседям, что у господина Мюррея прекрасные лекарства, — шёпотом попросила я, оставила две склянки и убежала.

Вечер быстро сменился ночью. На свечах горожане экономили, шторы на окнах плотно закрывали, так что я едва плелась в потьмах. С тоской вспоминала летающий ковёр учителя. Путь до замка неблизкий, корзина стала ненамного легче и я, кажется, заблудилась. Ходила кругами. Вот бы взлететь, как птица, и посмотреть, куда мне надо. Хотя что я разгляжу ночью? Даже фонаря с собой не было.

— Эй, красавица, — окликнул меня кто-то и лихо свистнул. — Не меня ищешь?

Я снова прижала корзинку к груди и зашагала быстрее. Бояться нечего, магия при мне. Любому негодяю отпор дам, не хуже Мередит. Трактирщик там или господин Монк, забравшийся в кабинет учителя.

— Куда же ты? — расхохотался незнакомец. — А поговорить? Негоже отказывать солидному мужчине. Я ж со всей лаской.

— А я ведь и поджечь могу, — пробормотала под нос и побежала так быстро, как позволяли уставшие за день ноги.

Свернула в совсем уж тёмный переулок, запнулась о бочку, сбила что-то с крыльца и оно шумно

покатилось по улице. Мужчина не отставал. Я сама не давала потерять себя из виду. Святые предки, как бы зелья не разбить! У нас не было денег, чтобы сварить новые. На стеклянные бутылки уж точно. Из глины посуду обжигать?

— Стоять! — кричал мой преследователь. — Ишь, прыткая коза. Догоню, целой не останешься!

Ног я уже не чувствовала, дышала, жадно хватая воздух открытым ртом и почти вывалилась из переулка на широкую площадь. Луна вышла из-за туч. Где-то громко заржала лошадь, а я беззвучно засмеялась, увидев яркий свет, льющийся из окон постоянного двора. Спасена, спасена! Здесь слишком много людей. Ни одному лиходею в голову не придёт творить надо мной бесчинство. Но помочь себе надо.

Я судорожно вздохнула и закричала:

— Помогите! Грабят!

Больше ничего не успела сделать. Озверевший от погони городской сначала толкнул меня в спину, а потом схватился за плечо. Корзинка выскользнула из ослабевших рук. Слякоти разбрызгались с оглушительным звоном, в воздухе остро запахло травами. Мне до слёз стало обидно. Столько работы, столько надежд!

— Добегалась, кобыла? — зарычал городской, обдавая вонью перегара и гнилых зубов. — Ща заплатишь за мои больные ноги. А ну пошла!

— Помогите! — крикнула я и тут же почувствовала, как жёсткая ладонь зажала рот. Хватка городского стала железной. Он потащил меня обратно в переулок.

«Нужно колдовать, нужно колдовать» — стучало в голове, но от страха я не могла сосредоточиться. Искры вспыхивали на ладонях и гасли. Мамошка, как звучит заклинание щита? Два слова нужны были, и оба вылетели из головы.

— Щас заплатишь, — ворчал городской. — Щас, подожди.

Я дернулась из последних сил и закрыла глаза. Полный постоянный двор людей, Питер Монк где-то там, и как в трактире... Никто не поможет, всем плевать.

Я заплакала и почувствовала, как что-то горячее выходит из меня. Яростное, бесконтрольное, магическое. Лиходей зашипел, отдернув руки. Я рухнула на землю и смогла закричать:

— Питер! Питер Монк! Помоги!

Над моей головой расцвёл огненный цветок, светло стало, как днём. Сквозь одолевшую меня глухоту я кое-как расслышала шум шагов. Кто-то бежал к переулку.

— Пошёл прочь, собака, — ругался знакомый голос, а городской подвывал.

Больно ему было. Руки, наверное, обожгло, лицо и грудь. Плевать! Пусть меня схватит стража и потащит в темницу. Я защищалась, как могла.

Огненный цветок погас, и вместе с ним я потеряла сознание.

«Вот и продала зелья», — мелькнула последняя мысль.

Голова болела так сильно, будто я вернулась в детство, когда только училась колдовать. Снова не рассчитала силу и упала в обморок после тренировки с бабушкой. Только тогда меня отпаивали тонизирующим зельем, а теперь простой водой. Я чуть не захлебнулась. Вода пошла носом, я долго кашляла и тёрла глаза.

— Простите, госпожа Лоуренс, — спаситель убрал от моего лица глиняную кружку и помог сесть в кровати.

Стало только хуже. От резкого приступа тошноты я согнулась пополам и зажала рот рукой. Выпитая вода отчаянно просилась наружу. И если обратно она тоже пойдёт носом, но отвратительный кислый запах будет преследовать меня половину дня.

— Хотел отчитать вас за безрассудство, но вижу, что пора бежать за лекарем, — снова заговорил мужчина.

Голос я узнала, но никак не хотела признавать, что из лап лиходея меня спас приказчик лорда. Да, я звала Питера, мысленно умоляла Мать-природу, чтобы он пришёл, а теперь стало стыдно. «Хороша» колдунья. Попала в неприятности, рухнула в обморок, и в довершение ко всему меня вот-вот вырвет.

— Оставьте лекаря... Не тревожьте. Я погорячилась с подъёмом, нужно лечь.

Он молча взял меня за плечи и уложил обратно на подушку. Приятная на ней была наволочка. Такая гладкая, будто из тысяч тончайших нитей сотворённая. Нечета грубой дмотканной материи.

— И тем не менее у меня внутри всё кипит, — громко сказал приказчик лорда Гринуэя. — Чем вы думали? За какой такой срочнейшей надобностью мотались ночью по улицам города? Вам жить надоело?! Я понимаю, колдунья, способная поджечь две улицы вместе с домами, горожанами и домашним скотом...

— Вы мне льстите, — перебила я. — Один цветок всего и получился.

Он шумно выдохнул вместо ответа, и я, наконец, открыла глаза.

Питер Монк в белой рубашке сидел на краю кровати. Серые глаза потемнели от гнева. Тёмные волосы, обычно лежащие в идеальном порядке, он нервно взъерошил рукой.

— Простите, — сказала я. — Сегодня был очень сложный день. Сначала я поссорилась с господином Абрамсом, забрала из его аптеки наши зелья. Потом пыталась их продать и не заметила, как стемнело. Скажите, пожалуйста, тот, кто за мной гнался, хотя бы жив?

— Обгорел слегка, но так ему и надо, — нахмурился Питер. — Без бровей и волос остался, руки тряпьем замотал. Стражник увёл его. Не знаю, куда, в тюрьму, наверное, я не спрашивал. Как получилось, что вас огонь не тронул?

Я опустила взгляд, проклиная очередной приступ тошноты. Не до лекций по теории магии сейчас. Пospать бы ещё немного, раз до тонизирующего зелья мне, как до замка пешком. Ох, до чего точная метафора получилась.

— Магический огонь не вредит тому, кто им управляет. Ведь там не настоящее пламя, а сгусток энергии. Тело обычного человека её отторгает. Отсюда и ожоги.

— Понятно, — склонил голову на бок Питер.

— Теперь меня арестуют? Наденут ошейник и отправят на каторгу?

А что ещё городской страже делать? После скандала в аптеке, где я угрожала одному человеку, «опасная колдунья» сразу же «поджарила» другого. Если повезёт, то накажут только меня, а учитель и Мери не пострадают. Они ведь не виноваты, что одна нерадивая ученица не умеет управлять собственной силой.

— Нет, вас не тронут, — приказчик расправил плечи и посмотрел на меня чуть свысока. Словно он сам лорд. — Я объяснил стражникам, что вы под моей личной защитой. Им не с руки ругаться с поверенным в делах хозяина этих земель. А вот бродяга, напавший на вас, получит по заслугам.

Мне впервые с тех пор, как я открыла глаза в комнате Питера, стало хорошо. Легко, свободно и даже чуть-чуть весело.

— Спасибо, Питер. Ещё бы лицензию удалось вернуть и я была бы просто счастлива.

— А что не так с вашей лицензией? — нахмурился он.

Я сглотнула, снова чувствуя, как к горлу подступает дурнота. Бабушка учила, что приличные девушки не жалуются посторонним мужчинам на проблемы. Особенно незамужние девушки. Этим мы вроде как навязываем себя и своё общество. Но что делать, если я уже ляпнула о лицензии? Сказанного слова обратно не вернёшь.

— У нас с господином Абрамсом случилось недоразумение. Зелья сначала не продавались, а потом один пациент пожаловался, что «крепость дуба» на него не подействовала. Но я точно повторила рецепт...

Голос задрожал, стоило вспомнить о той вопиющей несправедливости. Нужно было хотя бы петуха поймать, напоить его зельем и отпустить в курятник. Сомнений точно не осталось бы. Куриц только жалко. Их удивлённое кудахтанье раздавалось бы на весь город.

— А вы уверены, что зелье не подменили? — Питер сощурился и стал ещё больше похож на лорда. На лорда Мюррея, когдa он пытался подловить нас с Мери на обмане со «стазисом» и «морокком». — Вылить ваше лекарство на землю и залить в бутылку, допустим, отвар крапивы, проще простого. Она не вредная, но и не полезная настолько, чтобы творить чудеса.

Я хотела возразить, что разбившиеся зелья пахли правильно, а потом задумалась. Действительно никто не мешал заменить всего одну бутылку.

— Но зачем ему такой скандал в своей аптеке? Да и процент мы ему с каждой продаже пообещали.

— Затем, что ему не нужны конкуренты, — приказчик говорил, облокотившись на изголовье кровати. — Я видел разбитые бутылки, там стоит имя Мюррея. Колдуна. Абрамс ведь не дурак и понимает, что распробовав настоящих лекарств, которые лечат, а не засыхают на коже бесполезной плёнкой, люди за его мазями и притираниями больше не пойдут. Плевал он на процент, он за лавку свою испугался. За доходное дело, за тёплое место в гильдии. Столько лет авторитет зарабатывал, а тут пришла молоденькая колдунья и своим исцеляющим зельем не оставила ему ни одного шанса. Я бы тоже испугался. Ещё и подставного пациента нанял бы. Чтобы дело наверняка выгорело. Лицензии он вас лишил, я правильно понял?

— Да.

Я заёрзала в кровати и снова села. Тошнило уже не так сильно, голова кружилась. Сколько раз я попадала впросак, доверяя людям? Неужели опять?

— Я разберусь с Абрамсом, — пообещал Питер. — Можете больше не волноваться за лицензию.

Глава 24. ...и рассвета не видно

Мередит

Я копала новые грядки на заднем дворе замка и отчаянно переживала за Бель. Ночь прошла, Карфакс вернулся из города, но то, что рассказал, мне не нравилось.

«Угадай, где я её нашёл?»

Первый вариант «в трактире» он сразу отмёл. Ещё и рассмеялся мне в лицо. Дескать, не такая уж Анабель дура, но это как посмотреть. Второй на ум пришла аптека, и я снова промазала.

— Нет, она была закрыта, — вспоминал колдун. — Сам Абрамс тоже куда-то делся. Я поднялся по уличной лестнице на второй этаж, постучал, и его жена, любезная женщина, ответила, что с обеда его не видела.

— В лес вместе пошли, — предположила я. — Искать редкие ингредиенты.

В этот раз Карфакс даже не смеялся. Смотрел на меня, как Нико на маленького Луку, когда он писал в штаны вместо того, чтобы сесть на горшок.

— Если бы, но нет. Всё гораздо хуже. Когда я бродил по переулкам, надеясь почувствовать хоть какой-то след, в небе расцвёл огненный цветок. Так поэтично колдуны называют мощнейший неконтролируемый выброс энергии.

— Мамочки, — простонала я. — Что случилось?

— Анабель отбивалась от какого-то бродяги. Пока я добежал, пока разобрался, в чём дело, проклятый Монк уже на руках унёс её на постоянный двор. Выжила она. Но читать заклинания ещё долго не сможет. И поделом! Первое, чему должен научиться колдун — контролировать свою силу.

— Да, учитель, — ответила я и зажмурилась.

После нервной ночи, да от радости, что с Бель всё в порядке, появление Монка не казалось проблемой. Но я не взяла в расчёт то, насколько сильно лорд Мюррей ненавидел приказчика Гринуэя.

— Рано улыбаешься, Мери, — зарычал колдун. — Теперь Бель — лёгкая добыча. Во всех смыслах. Наглый щенок опять пролез, куда не просили и обернул всё в свою пользу. Встречу — убую!

Карфакс так взъярился, что ушёл из кухни, хлопнув дверью, и больше ничего мне не сказал.

И вот я ровняла лопатой третью грядку под овощи. Солнце поднялось над замком, день близился к полудню, а моя соученица так и не вернулась. Застряла на постоялом дворе.

— Ладно, — сказала я голубому шару, закопанному где-то под стеной. — Анабель — колдунья взрослая, восемьдесят лет, как-никак. Сама разберётся. А мы с тобой пока ужин вырастим. Какие песни предпочитаешь? Трактирные вспоминать?

— Лучше деревенские, — ответил Карфакс у меня за спиной. — Что твои подружки поют, когда урожай собирают?

Я уже не вздрагивала. Просто обернулась и уставилась на него. Колдун переоделся в тёмно-синий камзол и льняные бриджи. Туфли надел на босую ногу.

— О любви поют, лорд Мюррей. О предательстве, разлуке. О том, как замуж выдают не за того, за кого хотела.

— Тогда трактирные, — поморщился он. — Не хочу пальцем в незаживающую рану тыкать. Семена уже бросила в землю? Говори, чем помочь, я устал без дела сидеть.

— Да, я посадила морковь, лук, свеклу.

— Почему не хлеб, мясо и молоко? — в шутку спросил колдун. — Или котелок с супом, чтобы не мучаться.

— Пшеница растёт на первой грядке, — невозмутимо ответила я. — Пожну колосья, будет мука. Лепёшек испеку или пирог с морковью. Рыбы наловить бы, господин учитель. Никакого хитрого заклинания нет, чтобы ведро подставил, а она сама из воды выпрыгивает?

— Такого нет, — вздохнул Карфакс. — Можно водой управлять, чтобы косяк в ловушку заманить, но я забыл, как плести ловушки. Разберусь, обещаю. А сейчас давай петь. Вон всходы уже

проклюнулись.

Да, шар по-прежнему черпал нашу колдовскую силу и ярче разгорался от слов. Я прокашлялась, чтобы не смазать начало песни. Затянула уже знакомую Карфаксу балладу о стаканах и посуде. Колдун подпевал на припевах, хлопал в ладоши. Когда листья на грядках распустились и к солнцу потянулись стебли с бутонами, лорд Мюррей пустился в пляс.

Ну как пустился? Выпил бы пару бутылок, возможно, и выкручивал бы ногами кренделя. Но на трезвую голову да со старомодным воспитанием получалось только чинное расхаживание по огороду. У нас так старики на ярмарке танцевали. Один длинный шаг вперёд и короткий назад. Начинать всегда нужно с левой ноги, от сердца, а возвращаться с правой.

— Танцем раньше признавались в любви, Мери, — бормотал колдун, не забывая отстукивать себе ритм. — Позволяли телу говорить то, о чём в обществе полагалось молчать. Только представь, юный лорд с дамой сердца виделся раз в пару месяцев на балу. Под присмотром её строгих родственников. Под угрозой быть вызванным на магический поединок её разгневанным отцом. И всё что мог сделать — пригласить её на танец. А сейчас что?

Карфакс резко остановился, опустил руки и посмотрел на меня исподлобья.

— Сучий сын Монк провёл ночь с Бель на постоялом дворе, прекрасная зная, что уничтожает её репутацию леди. Родители умерли, колдун-учитель ей вместо отца. И у меня всего два выхода: убить подонка или заставить его жениться. Что бы ты выбрала?

Я не знала, что. Ком встал в горле, и я никак не могла его проглотить.

Анабель

Мясной пирог на постоялом дворе подавали и на завтрак. Вкусный, особенно на голодный желудок. А я ничего не ела после ухода из замка. Ох, учитель, наверное, злится, что я так задержалась, Мери волнуется. Как бы не пошла к трактирщику, требовать ответа, куда я делась. Сил на колдовство до сих пор не было, так что предупредить Мередит я не могла. Даже поймать быстроногого мальчишку не получилось бы. Питер запер дверь, когда уходил. Оставил записку с извинениями на подносе, где уже стояла тарелка с остывающей едой.

«Для вашей безопасности, — заверял он. — Надеюсь вернуться до того, как вы проснётесь».

Но о пироге всё равно позаботился. Разве злодей стал бы думать о моём комфорте? Нет, господин Монк слишком добрый, чтобы оказаться тем чудовищем, каким его представлял лорд Мюррей. Я свалилась на голову Питера со своими проблемами, а он не отмахнулся и не стал корить за глупость, а бросился их решать. Вчера защитил от бандита, принёс в свой номер, а сегодня проснулся ни свет ни заря и ушёл к аптекарю Абрамсу. Хотел поговорить с ним до того, как лицензию отзовут. Я боялась, что уже поздно. Повезло, если в замок ещё не отправили кого-нибудь сообщить дурную новость. Лучше самой во всём признаться.

Я доела пирог, вытерла полотенцем пальцы и тут в замке повернулся ключ. Питер вернулся в комнату. Светился улыбкой так, будто победил в войне, а не просто одолел парочку бюрократов в неравном бою за мою лицензию.

— Госпожа Лоуренс, танцуйте, — он помахал документом в воздухе. — Ваше право лечить горожан наисвежайшими колдовскими зельями восстановлено!

Я не поверила. Забрала у Монка бумаги и считалась в ровные буквы почерка господина Абрамса. Аптекарь выражал искренние и глубочайшие извинения, признавал покупателя, устроившего скандал, лгуном и аферистом, и заверял меня в том, что лицензию никто не отозвал. Всё выяснилось раньше, чем городской глава успел поставить подпись и печать на приказе.

— Как вам удалось?

— Я тоже немного колдун, — приказчик сделал вид, что смутился. — Заклинания читать не умею, но владею высшей магией шантажа, угроз и вранья исключительно во благо. Я бесстыдно прикрылся именем своего лорда, когда пообещал отозвать лицензию у самого Абрамса. За что? А просто так. Почему ему можно, а мне нельзя? Городской глава — мой друг. Так уж получилось. Мы слишком тесно общались, пока я выискивал компромат на Мюррея, вот и сошлись. Видите ли, Анабель. Документ на право лечить и продавать лекарства подписывает гильдия. А вот чтобы отозвать полученное право, нужна подпись Отто. Ведь тогда придётся возмещать пострадавшим пациентам стоимость негодных зелий, закрывать аптеку, распродать имущество. Столько хлопот, столько хлопот. Вот город и берёт их традиционно на себя. Иначе ушлые аптекари выдавали бы лицензии друг другу и забирали каждый день. Скучная же работа, а тут хоть какое-то развлечение.

— Значит, Абрамс не сам передумал, а господин Отто его заставил? — переспросила я. Дружба Монка с городским главой стала неожиданностью, но сразу вспомнилось, как Отто приехал к замку искать его. Учитель не зря удивился тогда. Думал, они сговорились. Оказалось, дело в личных отношениях. — Жаль, что в следующий раз вас не будет рядом. Придётся ходить по улицам города с осторожностью. И, наверное, больше не появляться в аптеках гильдии.

— Почему же? — на лбу Питера появились хмурые складки. — Я взял с господ бюрократов клятвенное обещание пальцем вас больше не трогать. Продавайте зелья на здоровье. И раз уж пошёл такой разговор, то я посмею напомнить. Моё предложение помочь всё ещё в силе.

«Которое?» — хотела спросить я, но вовремя вспомнила разговор на постоялом дворе, мясной пирог и предложение торговать зельями, задействуя знакомства господина Монка. А ещё вспомнила категорический отказ Мередит и учителя.

— Я боюсь, даже то, что вы спасли мне жизнь и лицензию, не поменяет мнение лорда Мюррея, — тихо ответила я. — Он видит в вас врага. Сотрудничать не захочет.

— Анабель, — шумно вздохнул Питер и взъерошил волосы. Камзол на нём был новый. Чёрный с серебрянной вышивкой. Очень дорогой, насколько я знала цены Гензеля. — Меня подкупает ваша чистота и наивность, но зачем же ставить господина Мюррея в известность? Не всё ли ему равно, откуда у вас деньги? Вы принесёте мне очередную корзинку с зельями, я сразу же отдам вам столько золота, сколько они стоят, а сам возьмусь за продажу. Повешу объявление на тумбу возле ратуши, найду здание под аптеку. Как обустроюсь — с удовольствием пушу вас за прилавок. Колдун и не узнает, кто вам помог.

Узнает. Он же колдун. Но Мередит и учитель скоро уедут на суд. Пока им будет достаточно того, что Абрамс якобы вовремя расплачивается с нами за зелья. А потом Питер перестанет быть нашим врагом. Мюррей вернёт свои земли и статус, опасности выдать новому лорду тайну фальшивой купчей на землю больше не останется. Мне, конечно, влетит. Накажут за ложь и своеволие. Но полученного к этому моменту золота должно хватить, чтобы покрыть расходы на лицензию.

— Хорошо, — решительно сказала я. — Давайте попробуем. Только нужно придумать, почему меня так долго не было в замке. В аптеку я ушла утром. Получить золото от продажи и вернуться обратно должна была максимум к полудню. Учитель обязательно спросит, чем я занималась весь день и где ночевала.

— Я думаю, сильнее его будет волновать, с кем вы ночевали, — усмехнулся Питер. — Такова уж природа мужчин. Судить всех по себе и подозревать худшее. «Ах, репутация юной леди разрушена». Будто я — подонок, способный оскорбить вас непристойными ухаживаниями. Нет, дорогая госпожа Лоуренс, я человек чести. Прекрасно знаю, что в жилах всех колдунов течёт благородная кровь, а потому всё должно быть по правилам и традициям. Но разговор уходит в сторону. Вернёмся к необходимости лгать Мюррею. Скажите ему, что нашли давно потерянного отца и так увлеклись беседой, что потеряли счёт времени.

— Мой отец скорее всего давно мёртв, и лорд Мюррей это знает, — я покачала головой. — Нужно придумать что-то более правдоподобное.

Уж если врать великому колдуну, то так, чтобы не быть пойманной на лжи в первое же мгновение. Как мой смертный отец спустя восемьдесят лет после того, как меня зачал, сумел найти силы, чтобы отыскать дочь и добраться до неё? Да ему сейчас минимум сто лет, а то и больше!

— Если верить Альберту Мюррею, — приказчик поднял палец, — то он сам достаточно молод и пятьдесят лет сидел в каменоломне. Вряд ли он успел познакомиться с отшельниками. А вот мой лорд когда-то навещал их убежище и был представлен истинной, хоть и подзабытой уже аристократии. Я вспомнил об этом почти сразу, как вы залечили мой ожог. И подумал — не может быть, чтобы последние из оставшихся в живых колдунов не приходились вам родственниками. Хотя бы дальними. И не может быть, чтобы они запросто отправили юную леди в незаконно захваченный замок на обучение к каторжнику. Вот я и написал письмо Францу Девилю. Представляете, он ответил. И даже был столь любезен, что приехал в город. Как раз вчера. Его комната на постоялом дворе по соседству с моей. Я думаю, это знак свыше. Вы просто обязаны познакомиться.

Я не сразу нашла слова, чтобы ответить. Мама ничего не рассказывала про отца, лишь отмахивалась от вопросов. Бабушка обещала ей, что тоже сохранит секрет. Но однажды она рассказала рецепт подслушивающего зелья, и мне удалось узнать малую часть. Маму разыскали и вручили какие-то бумаги. Документы она сожгла сразу, а потом долго слушала, как её отчитывала глава нашей семьи.

«Зачем было давать дочери его фамилию, если даже не собираешься отвести её на его могилу?» — возмущалась бабушка.

Так я узнала о смерти отца, которого никогда не видела. Почему же не думала найти кого-нибудь из

его близких? Возможно, у меня есть братья и сёстры? Седые и дряхлые, но ещё живые. Или племянники? Те должны быть помоложе. Я могу отыскать их по фамилии.

— С удовольствием, — выдохнула я, наконец. — Но я не совсем понимаю, чем нам поможет лорд Девиль? Я — Лоуренс, как вы знаете. Значит, все мои родственники по отцу тоже должны быть Лоуренс.

— Не совсем, — склонил голову на бок Питер. — Однако, вам лучше всё услышать от самого Фридриха. Подарите мне пару минут ожидания, и я устрою встречу.

Господин Монк одернул полы камзола, поправил воротник и вышел из комнаты. У меня ноги подкосились. Мало того, что в обществе Питера я смущалась и краснела от каждой мелочи, так сейчас сюда придёт ещё один великий колдун. Мать-природа, платье-то мягкое! Спала я в нижней рубашке, а когда оделась к завтраку, то обнаружила ученический наряд в жутком беспорядке. Пятна грязи на подоле, ткань в заломах. Дорого мне обошлось падение в обморок. И колдовать до сих пор не получалось. Я щёлкала пальцами, но не единой искорки высечь не могла. Ох, а если лорд Девиль не поверит, что я тоже маг? Увидит перепуганную девчонку и рассмеётся? Мамочки, какой будет позор!

Питер постучал в дверь и откашлялся. Я не видела, как мужчины заходили в комнату. Держала спину прямо, а взгляд не отрывала от пола. Лишь когда они замерли передо мной, позволила себе поднять голову.

Фридрих Девиль был статным привлекательным мужчиной. Его светлые волосы едва подёрнулись сединой, а уголки глаз украшали морщины.

— Фридрих, — обратился к нему Питер, — позвольте представить вам госпожу Анабель Лоуренс...

— Как похожа-то, — улыбнулся маг. — Вылитая мать, вылитая Кейтилин. Девочка моя. Знаю, тебе будет трудно поверить, но, кажется, я твой отец.

Голова закружилась, а перед глазами встала наша маленькая кухня в хижине. Бабушка размахивала половником перед носом у мамы и требовала всё мне рассказать.

— Вам кажется? — я сглотнула колючий комок в горле. — Как это возможно?

— Мы встречались с Кейтилин, — тихо ответил он. — Были близки, хотели пожениться. Судьба сложилась так, что разругались из-за мелочи. Сущего пустяка. Я до сих пор жалею, что гордость тогда не позволила мне попросить прощения. Но если бы я знал, что она носит под сердцем ребёнка, то на коленях приполз бы к её хижине. Фамилии Лоуренс не существует. Я её выдумал в нашу первую встречу с Кейтилин, потому что твоя бабушка, Анабель, ненавидела колдунов. Но ты урождённая леди Девиль. Иначе не унаследовала бы часть моей родовой силы. Какой именно? Все наши спонтанные выбросы энергии распускаются огненными цветами. Да, Питер рассказал мне, и сомнений не осталось. Ты моя дочь.

Ох, да, бабушка терпеть не могла всех магов. Говорила, что из-за их алчности, распущенности и глупости мы прячемся в лесу. Чтобы ничего общего не иметь с ними. И, конечно, она не пустила бы на порог нашей хижины одного из таких «ленивых глупцов».

«Лживых и ленивых,» — напомнила я себе.

Нельзя верить всем подряд. В конце концов Девиль — один из тех, кого мог бы опасаться господин учитель. Вдруг он узнал про шар и обманул Питера, чтобы подобраться к могущественному артефакту?

— О дурном характере моей бабушки ходят легенды, — заметила я вслух, — а про то, что мой выброс распустился огненным цветком, вам рассказал господин Монк. Простите мне моё недоверие, но всё выглядит очень неправдоподобно. Чем вы можете доказать своё отцовство?

— Я даже не знаю, чем. — Он растерялся. С беспомощной полуулыбкой оглянулся на Питера, а потом неуверенно продолжил: — Принадлежность к роду всегда определяли по особенностям дара, но раз уж ты не поверила... А давняя история поможет тебя убедить? Такая, что известна только мне, самой Кейтилин и твоей бабушке. Ты помнишь шрам на пятке у своей мамы? Он похож на полумесяц.

— Да, она получила его в детстве, — пробормотала я.

— Нет, — строгие черты лица лорда Девилья смягчились. — Во второе наше свидание. Твоя бабушка не хотела отпускать Кейтилин ко мне. Посадила её в погреб, а вокруг дома наставила ловушек. Магических, разумеется. И спасибо, что не капканов на медведей. Убегая, твоя мать наступила в одну из них. С ядовитым туманом справилась, но пятку о камень рассекла. Вышла ко мне на

опушку, хромая, кровавый след тянулся по траве. Я не смог залечить рану как следует. Твоя бабушка знала толк в ловушках.

Это точно. Иногда такие полосы препятствий выстраивала, чтобы я не ходила в опасную часть леса, что я все книги заклинаний перечитывала, а лазеек не находила. Мама, видимо, справлялась лучше. Потому что было ради чего.

— Верю, — призналась я, пытаюсь разглядеть в колдуне свои черты лица. Не находила. Не видела себя в нём. Чужой человек стоял напротив и говорил, что он мой отец. — Но что будет дальше?

И снова он замешкался, словно ждал подсказки от Питера.

— Честно говоря, я не придумал. Ехал в город, не зная, кого встречу. Лорд Гринуэй — мой давний знакомый. Он уже лет пять просит меня стать кем-то вроде его придворного мага. А тут письмо от господина Монка. Уловка? Хитрая ловушка, чтобы выманить старого отшельника из леса?

— Я тоже не ожидал, что вас обоих расстроит воссоединение семьи, — откашлялся приказчик, стремясь скрыть неловкость. — Надеялся на крепкие объятия, слёзы счастья, а вышло, что оказал медвежью услугу. Но нет худа без добра. Фридрих, если я не ошибаюсь, вы тоже можете учить Анабель магии?

— Разумеется, — с готовностью кивнул он. — С удовольствием и огромной радостью. Но раз вы говорите «тоже», значит, у Бель уже есть учитель?

— Лорд Альберт Мюррей, — подтвердила я.

У Девиля вытянулось лицо. Впервые за время знакомства с восьмидесятилетней дочерью он по-настоящему удивился. Открыл рот, всем телом развернулся к Питеру и медленно выдохнул.

— Альберт Норфолк, — усмехнулся приказчик. — Бывшему каторжнику ещё нужно доказать, что он имеет право на титул Мюррей. Долгая история, я вам её чуть позже расскажу, Фридрих. Но сейчас ситуация действительно выглядит щекотливой. Два лорда претендуют на одну землю.

— Гринуэй — мой старый знакомый, — повторил он. — Будет ли удобно, что Анабель учиться у его соперника в суде?

— Конечно, нет, — с жаром подтвердил Питер. — Я считаю, что госпоже Лоуренс нужно как можно скорее покинуть замок. Первое время она может снимать комнату на постоялом дворе, а потом, когда вы найдёте в городе подходящий дом, переехать туда. Анабель собирается открыть аптеку.

— Да, её матушка варила зелья лучше, чем бабушка ставила ловушки, — широко улыбнулся Фридрих Девиль. — Что скажешь, Бель? Ты согласна переехать в город, чтобы учиться у меня?

«Тебе нужен Мюррей, только он поможет,» — шептала мама в горячке перед самой смертью. Даже тогда не вспомнила про Фридриха. Значит, не доверяла ему или сомневалась, что он может научить меня справляться с выбросами. Но если это наша семейная особенность, он должен знать лучше, как взять магию под контроль.

— Мне нужно подумать, — я прикусила губу. — Не просто было уговорить лорда Мюррея взять ученицу.

— Их у него целых две, — фыркнул Питер, — в накладе не останется.

— Тише, — остановил его мой воскресший отец. — Не будем давить. Бель права, новость такая, что не сразу переваришь. Пусть подумает. Я в любом случае задержусь в городе. А сейчас ей нужно возвращаться в замок. Колдуны — те ещё учителя. Наказания придумывать горазды. Я за малейшую провинность в клетке сидел, привязанной к зубцу самой высокой части крепостной стены. Воробьём ошипанным себя чувствовал. От ветра не спрячешься, от дождя и снега тоже.

— Ужасы рассказываете, Фридрих, — покачал головой приказчик. — После такого я тем более не хочу её отпускать.

— Глупости, — Девиль постарался загладить неловкость сдержанным смехом. — Я учился сто пятьдесят лет назад. Не думаю, что сейчас практикуют настолько жёсткие методы по отношению к юным ученицам. Лучше найдите для Анабель повозку.

— Я и пешком могу дойти, — возразила я. — Тут не так уж далеко.

Но меня никто не послушал. Питер нанял возничего, погрузил опустевшую корзинку из-под зелий в повозку и отсчитал мне монет медяшка в медяшку, сколько мы должны были получить от господина Абрамса.

— Если Мюррей подсадит вас под замок, — шепнул Питер на прощание, — постарайтесь дать хоть какой-то знак. Я буду смотреть на замок весь день и всю ночь.

Я сомневалась, что господин учитель будет так строг. А если и запрет меня под замок, то только в комнате с каким-нибудь скучнейшим учебником. И выпустит не раньше, чем я выучу самую зубодробительную главу наизусть. Но беспокойство Монка отзывалось приятным теплом в груди.

— Если мне будет нужна помощь, то в небе над замком распустится огненный цветок, — пообещала я, чтобы его успокоить.

— Глаз не спущу со шпилей, — приказчик лорда взял мою руку и поцеловал тыльную сторону ладони. — Берегите себя, Анабель.

Я пробормотала в ответ какую-то чепуху. Ехала потом в повозке и долго гладила пальцами то место на коже, которого касались губы Питера.

«Ах, мама как же тяжело. Даже воскресший отец значит для меня меньше, чем господин Монк».

Глава 25. Возвращение Бель

Мередит

Петь и танцевать мы с колдуном перестали только, когда грядки покрылись ровным зелёным ковром. Широкие листья свеклы с красными стеблями покачивались на ветру. Помидоры стоило бы подвязать к колышкам, а морковь прополоть, но я всё равно осталась довольна.

— Знатная уха будет, господин Мюррей.

— Я помню про обещание сделать ловушки для рыбы, — устало улыбнулся он.

И тут вдалеке за замковой стеной послышался стук колёс повозки.

— Анабель вернулась, — дёрнулась я к воротам.

— Стой на месте, — приказал колдун. — Сам её встречу. Сильно удивлюсь, если будет не одна.

И я помнила про обещание убить Монка. Конечно, приказчик не настолько глуп, чтобы лезть под горячую руку разгневанного колдуна, но вдруг он приехал с городской стражей? И с какой-нибудь пакостной бумажкой в придачу. Бель знала о фальшивой купчей на землю. Было неприятно так думать о соученице и моей подруге, но могла сдать Карфакса. Влюблённость ещё никого не сделала умнее. Тем более первая. Тем более к такому красавчику, как Монк.

Колдун взмахом руки заставил подъёмный механизм поднять ворота. Стук копыт и грохот колёс повозки стал ближе. Явно возницу в городе нанимали. Деревенские жалеют лошадей. Не стегают их кнутом ради того, чтобы домчаться куда-то с ветерком. И не вламываются во двор замка, как к себе домой.

— Тпр-р-ру, — скомандовал кучер, натянув поводья.

Дверь крытой повозки распахнулась. Карфакс даже не подумал подавать руку, так и стоял каменным изваянием.

— Господин учитель, я вернулась с хорошими новостями!

Румяная от жары Бель помахала пустой корзинкой. Но пока повозка не уехала, больше ни слова не проронила. Золото кучеру не пихала, значит, в городе рассчиталась. Торговля зельями пошла настолько удачно?

— Господин учитель, — повторила она тише. — Я золото принесла.

— Предлагаешь расцеловать тебя от радости? — зло спросил Карфакс.

— Почему вы сердитесь? — Бель поставила корзину на землю перед собой. — Мне пришлось задержаться, зато все зелья удалось распродать. Можно готовить новую партию, покупателей полно...

— Сама за прилавком стояла? — продолжал наседавать на неё колдун. — Всю ночь?

— Нет, — она замялась. — Пришлось походить по домам, предлагая зелья, чтобы получить золото быстрее. Мне не хотелось возвращаться с пустыми руками... А потом я кое-кого встретила...

— Монка, — перебил Карфакс. — И он был столь любезен, что утром ты проснулась в его комнате на постоялом дворе без зелий и без своей девичьей чести. Зато с полными карманами золота.

— Да... То есть нет! — Бель приложила ладони к пылающим щекам. — Господина Монка я тоже встретила, но ночевала не с ним. Вы несправедливы к нему, учитель! Даже если бы мы оказались наедине, он не покусился бы на мою честь!

Я дёрнулась и прикусила себя за язык, чтобы не напоминать, из какой передрыги я спасла Бель в трактире. Все мужчины одинаковы, когда думают, что можно без свадьбы заполучить девушку из приличной семьи. Чистую, наивную и падкую на щедрые обещания. Что ей наплёл Монк? Обыкновенное «мы поженимся» или аптечную лавку хотел подарить? Под юбку лез и рассказывал, сколько полок будет на стеллажах?

Сразу вспомнилось, как отец ударил меня. Карфакс сейчас тоже едва держался.

— Мне плевать, обрюхатил он тебя или просто за руку подержал, — выцедил колдун сквозь зубы. — Дурной молве тоже. Можешь спросить у Мери, на что способны злые языки, когда юная леди даёт повод. «Шлюха» — самое ласковое, что ты будешь слышать за спиной. И уж поверь мне, мало кто

захочет покупать лекарство у опозорившей себя женщины.

— На лекарствах ваше имя, значит, покупать его будут у вас, а не у меня, — поджала губы Бель. — А мне наплевать на слухи, господин учитель. Я знаю, что происходило на постоялом дворе. И вы узнаете, если выслушаете до конца!

— Избавь меня от подробностей, — отрезал он. — Их с удовольствием придумают люди. Я придушил бы мерзавца Монка, но тогда точно отправлюсь на каторгу. Поэтому мы поступим по-другому. Я напишу письмо своему соседу Томасу. Его старшему сыну давно пора жениться, а тут такая подходящая партия. Колдунья благородного происхождения. Магическая сила вернётся в его древний род. Чувствую, это единственный способ раз и навсегда отвадить от тебя ушлого приказчика. Ты выйдешь замуж, Анабель.

— Так вот в чём дело? Может, вам Томас ещё и выкуп за меня заплатит? Раз невеста такая завидная? — Бель сжала кулаки и пнула пустую корзину. — Нет уж! Тут вы ошиблись! Не получится меня замуж отдать! В город приехал мой отец. Значит, вы больше не несёте за меня ответственность и не можете выбирать мужа. Неужели, вам так не терпелось отправить меня подальше, что вы готовы были с Томасом о свадьбе договориться? Можно было сразу сказать, что одной ученицы с вас достаточно! Не волнуйтесь. Я прямо сейчас соберу вещи и уеду, чтобы вам больше не мешать!

Она взмахнула руками, обошла колдуна и с твёрдым намерением окончательно сломать себе жизнь отправилась в замок.

— Перестаньте! — крикнула я и схватилась за голову. — Вы с ума сошли. Оба! Бель, ты никому не мешаешь. Господин Мюррей, ну какая свадьба? Деньги взялись из воздуха? Или, может, жених с невестой спят и видят себя в святилище предков?

— Что ещё за отец? — Карфакс меня не услышал. — Анабель Лоуренс, я с тобой разговариваю. Немедленно остановись!

— А я не Лоуренс! — крикнула она через плечо. — Анабель Девиль, господин учитель. Но вам это неинтересно, правда? Лучше пообсуждайте с городскими сплетницами, где я ночевала. Это важнее!

— А ну стой! — рявкнул он и взмахнул рукой.

Заклинание щита заискрило прямо перед носом Бель. Ученица врезалась в него с размаха и тихо ойкнула.

— Ты говорила, твой отец — простой смертный, — напомнил ей колдун. — Откуда взялся Нельдор Девиль?

— Фридрих, — ответила Бель. — Господин Монк думал, что вы удерживаете меня силой и решил разыскать родственников, чтобы те меня защитили. Родственников с магическим даром. Написал отшельнику, а он и оказался моим отцом. Они с мамой встречались, но скрывали от бабушки, что он тоже колдун. Эмма Олив настолько их не любила, что увезла бы дочь на край света, лишь бы разрушить её счастье. В этом вы с бабушкой очень похожи.

Она топнула ногой и сложила руки на груди, а Карфакс потемнел лицом. Сдавалось мне, он знал Эмму олив не хуже самой Бель, но почему-то не хотел о ней говорить. Великий колдун втянул голову в плечи и постарел на все триста лет, что сидел в заточении, охраняя магический шар.

— Того Девилья, что я знал, звали Нельдор. Он жил отшельником, но вполне мог завести семью. Я представить не мог, что твоя мать — дочь Эммы. И всё равно тебе нельзя уходить. Не хочешь замуж за сына лорда, выбери другого жениха. Но только не Монка. Заклинаю тебя светлой памятью ушедших предков. Мать-Природой, наконец.

— Я не хочу замуж, — она прикусила губу. — Ни за кого, кроме него, лорд Мюррей. Я люблю его, понимаете?

Карфакс промолчал. Бель смотрела на него глазами, блестящими от слёз, а господин учитель ничего ответить не мог. Неделю назад он просил меня стать его женой. Просил так, как мог позволить себе просить великий колдун, но я отказалась. Выбрала учёбу, а не любовь. Анабель поступала иначе.

— Призчик Гринуэя со дня на день уедет в столицу на суд, — едва слышно проговорил Карфакс. — И забудет о тебе навсегда. Он обманул тебя, Бель. Он никогда не ответит на твоё чувство. Такие расчётливые подонки просто не умеют любить.

— Тогда давайте просто подождём, — Бель опустила руки. — Монк уедет на суд, а потом или вернётся ко мне, или исчезнет. Если вы правы, ничего не изменится. Я буду дальше учиться, варить

и продавать зелья. А если нет, то вы не станете нам мешать. Благословите наш брак, позвольте продолжить обучение, несмотря на то, что я стану его женой.

— Так между вами всё-таки случилось близость? — снова помрачнел колдун.

— Вы невыносимы! — топнула она ногой. — Не было ничего. Не бы-ло! Приведите лекаря, если не верите.

— И мы получим четвёртого хранителя тайны шара? — фыркнула я. — Нет, всё, завязывайте, господин учитель. Я верю Бель, чего и вам советую. А на счёт злых языков не вы ли мне давеча говорили, что «посудачат и отстанут»? Или честь леди как-то отличается от чести деревенской девушки? Она особенная? Золотая?

Двух рассерженных учениц Карфакс уже не выдержал. Махнул на нас рукой и сам пошёл в замок.

— Прекрасно, — проворчала я ему в спину. — Давайте оборвём разговор на полуслове. Что делать с Монком? Как теперь быть с лордом Девилем? Бель, ты это видела?

— Пусть остынет, — вздохнула она. — Потом всё обсудим. Надо посчитать золото и подготовить новую партию зелий. Завтра опять пойду в город.

— И про Абрамса ты ничего не сказала. Чем всё-таки занималась весь день и всю ночь?

— Я расскажу, — поморщилась Бель. — На кухне. Вы обедали? Чем помочь?

Я молча махнула, чтобы шла за мной. Одна беда с этими зельями, аптекой и Монком.

Лучше бы цыплятами торговали, но что уж теперь?

Анабель

Я рискнула рассказать Мередит всю правду. Всё, что случилось, начиная от сцены в аптеке с недовольным покупателем «крепости дуба». Так разволновалась в итоге, что руки задрожали. Я путала ингредиенты и всё роняла.

— Отдай нож, — попросила соученица. — Сама череду нарежу. Займись лучше пустырником. Вода под него в котле вскипела.

Пока я отрывала веточки от листьев, дошла в рассказе до пробуждения в комнате Питера. Запнулась на моменте, где он предложил обмануть учителя и беспомощно уставилась в чуть желтоватую воду.

— Мне нужно в город, Мери. Я боюсь, что учитель сам пойдёт разбираться с лордом Девилем и наломает дров.

— Гнать их нужно обоих в шею, — проворчала соученица. — И Монка твоего и отца. Я тут подумала. Если Абрамс догадался подговорить покупателя, чтобы он соврал, то кто мешал приказчику подкупить лорда-отшельника?

— Фридрих слишком хорошо знает мою семью. Он точно был знаком с мамой.

Мередит тяжело вздохнула, сгребая ножом череду в небольшую кучку. Хотела что-то сказать, но во дворе послышались шаги.

— Чем занимаетесь? — строго спросил лорд Мюррей, переступив порог кухни. — Бросайте варить зелья, торговля временно прекращается. Мередит, сколько золота пришло из города?

— Сорок монет, — немедленно отчиталась она. — И две у меня оставались из наших запасов.

Питер дал больше, чем мы могли выручить за лекарства из первой партии, но я не стала заострять на этом внимание.

— Прекрасно, — ответил колдун. — Отложили тридцать нам на поездку в столицу, а двенадцать вручи Анабель. Пусть тратит их на еду, пока мы не вернёмся. А с господами Монком и Девилем поступим так. Бель, ты дашь мне магическую клятву, что в течении двух недель под страхом смерти не покинешь замок и никого сюда не пропустишь. Разговоры, переписка и всевозможные знаки в воздухе тоже под запретом.

Решение было кардинальным, в духе колдунов старой закалки. Бабушка рассказывала, что раньше клятвам уделялось особое внимание. Формулировали их так, чтобы не осталось лазеек, скрепляли магическими чарами. В голубой шар-артефакт, по сути, тоже была вплетена клятва. Учитывая, что мы с Мери не произнесли ни слова, когда она связала нас по рукам и ногам, о мастерстве лорда

Мюррея можно было писать в учебниках.

— Только если вы поклянетесь, что не станете устраивать мою судьбу, — ответила я. — Никаких переписок с Томасом или его сыном, никаких намёков на нашу свадьбу.

— Твой диплом о завершении обучения магии — тоже судьба, — приподнял бровь Роланд Мюррей. — Прикажешь мне и сюда не вмешиваться? Я тебе сейчас вместо отца, Бель. Родственную связь с Девилем ещё нужно доказать. Лично меня не устраивают басни о шраме на пятке. Поэтому «устроить судьбу» в широком смысле я в текст клятвы включать не готов. Точнее формулируй своё условие. Со свадьбой тоже будь осторожнее. Без моего благословения ты в святилище предков с женихом не войдёшь.

Проклятье! Права была бабушка о хитрости колдунов!

— Поклянётесь, что не станете выдавать меня замуж против моей воли.

— Уже лучше, — согласился он и достал из-за спины туго скрученный свиток. — Я свою часть текста уже написал. Добавишь?

— Подождите, — Мередит отвлеклась от смешивания мёда с молоком и вышла на центр кухни. — Вы там тоже лишка хватили. Что значит «не покидать замок под страхом смерти»? А если пожар будет? Прикажете Бель прыгать прямо в огонь? И не надо говорить: «Пусть потушит, она же колдунья». Вон после своего огненного цветка только резать траву и может. Все заговоры над зельями я читаю. Осторожнее надо с запретами.

— Ты права, — Мюррей задумчиво склонил голову на бок. — Но если она специально устроит пожар или наводнение, чтобы сбежать из замка прямо в объятия Монка?

Мери скривилась, щёлкнула языком и посмотрела на меня.

— Я бы до такого не додумалась, — честно призналась я. — Тогда предлагаю расширить пункт о запрете покидать замок. Клятва не будет действовать при реальной угрозе моей жизни, но я сама не должна её создавать.

— Вижу простор для для вольных трактовок, но согласен, — уступил колдун. — Так мы дадим тебе шанс сбежать, если на замок нападут. Шар возьми с собой, не нужно его здесь оставлять. В подвале сохранился спуск в единственный потайной ход. Он ведёт к реке. Ещё вопросы к тексту есть?

— А вы вписали в свиток условие, что я обязана вынести шар с собой?

— Нет, но впишу, — пообещал Мюррей. — В конце концов, главная наша задача — защищать тайну шара. Свет клином на твоей свадьбе с Монком не сошёлся. Артефакт важнее.

Значит, у меня не получится отправить Мери с запиской на постоянный двор и предупредить Питера, что выйти я смогу только при угрозе жизни со стороны. Мне придётся взять с собой шар. Если приказчик его увидит, будет худо. Что же делать? Не сидеть же мне затворницей две недели. Я тогда останусь и без аптеки, и без любимого мужчины.

— Снова опасно, — вмешалась соученица. — А если её как раз и будут ждать у потайного хода? Сколько замок стоял пустым? Лиходеи всякие и деревенские мальчишки тут были, как у себя дома. Почему вы решили, что тайных ход до сих пор тайный? На месте охотников за артефактом я пошумела бы под крепостной стеной, попускала горящие стрелы во двор. Вынудила Бель сбежать и взяла её тёпленькой прямо у реки.

— Ещё раз назовёшь себя глупой или вспомнишь о корове под седлом, я очень разозлюсь, — нахмурился учитель. — Рассуждаешь, как настоящая колдунья. Тогда давайте думать, куда деть шар, если Анабель придётся уйти. Закопать его нельзя. Ты видела наш колдовской огород. Воры будут шуметь во дворе и заметят неладное.

— А если сделать обманку? — предложила я. — Артефакт-пустышку поставить на видном месте, а настоящий спрятать под ним. В полу или под землёй. Любой поисковик сработает на место. Вор подумает, что нашёл настоящий шар и заберёт его. А я как-нибудь потихоньку вернусь и выкраду его?

— «Как-нибудь» мгновенно превращается в «никак», — проворчал Мюррей. — Худшее, что может сделать колдун — надеяться на случай.

— Но нам придётся уехать, — напомнила Мери. — Оставить в замке Бель и надеяться, что никто за шаром не придёт. А голубая обманка хоть как-то отвлечёт лиходеёв.

Учитель сверлил нас взглядом. Я кожей чувствовала, как ему не нравится идея с фальшивым

артефактом, но ничего лучше не придумывалось. Никак.

— Хорошо, я закопаю настоящий шар поглубже и защиту на него повешу. Ту же самую, что я делал в своём логове триста лет назад. Теперь мне хватит на неё сил. А в сундук положу обманку. Сделать так, чтобы шар разгорался голубым пламенем от слов людей, достаточно просто. Договорились, Бель. Сейчас я перепишу слова клятвы и ты её прочтёшь. Только в кабинет вернись, у вас свиток раскатать негде.

Он развернулся на каблуках и ушёл, а я подняла взгляд на Мери.

— Спасай, — жалостливо попросила я. — Я должна увидеть Питера до суда в последний раз. Он тоже поедет в столицу. И если вы с господином Мюрреем правы на его счёт, то приказчик уже не вернётся. Передай записку на постоялый двор. Прошу тебя, Мери. Там будет написано «приходи к замку» и всё. Клянусь!

Глаза у второй ученицы колдуна стали большими, круглыми. Она с трудом вдохнула и выдавила из себя.

— Может, и шар-артефакт ему сразу подарить? Забудь о свиданиях, Бель! Я знаю, у тебя розовая каша в голове от влюбленности, белые кони по радуге скачут. Но я согласна с учителем. Пусть Монк уезжает. Если у вас взаимное чувство, то он в лепёшку расшибётся, что угодно напоёт лорду Гринуэю, лишь бы вернуться. Просто жди.

— А если что-то пойдет не так, то я упущу единственную возможность с ним попрощаться. Поговорим через порог, а потом Питер уйдёт. Неужели ты никогда не любила, Мери? Неужели не понимаешь, что я чувствую?

Она отвела взгляд. Долго молчала, сжимая деревянную ложку. Зелёе подгорело, едкий запах наполнил кухню, и соученица ответила:

— Ладно, попрощаться вы можете. Не лопнет колдун от злости, даже если узнает. Пиши записку. Моему кривому почерку приказчик не поверит. Решит, что его разыгрывают или заманивают в ловушку. Пиши, я передам.

— Спасибо, Мери! — я бросилась к ней на шею и крепко поцеловала в щёку. — Спасибо, спасибо, спасибо!

Меридит

Анабель бабочкой порхала по кухне и драила котёл от пригоревшего зелья, насвистывая под нос весёлую песенку, а мне было странно.

С одной стороны, меня саму чуть насильно не отдали замуж за Людвига и я понимала, как ей не хочется всю жизнь страдать. А с другой, Монк — такой проходимец, что аж страшно. Никуда он не уедет. Будет бродить под замком, лезть на стену и врать о своих чувствах до тех пор, пока не получит желаемое. Невинность Бель? Ха-ха три раза. Фальшивую купчую и проигрыш Карфакса в суде. Но кажется, пока сердце второй ученицы не разобьётся, она ничего не поймёт. Пусть встречается со своим Питером, купчую мы с колдуном в столицу заберём.

Карфакс вернулся, когда на кухне уже было чисто. Две женщины перемыли всю посуду, сложили склянки, горшки, котелки, а мужчина всего лишь исписал лист бумаги. Устал, наверное.

— Ну, у меня всё готово, можно читать.

Бель забрала у учителя листок и пробежалась по тексту взглядом прежде, чем произносить его вслух.

— Вижу, вы ничего не забыли, — поджала она губы. — Хорошо.

Удобно устроившись на табурете, моя соученица вытянула руку ладонью вверх и начала читать. Вроде бубнила не слишком быстро, но я всё равно едва за ней поспевала. Отвлекалась на искорки, вспыхивающие над ладонью. Это так каждое условие отмечалось? Занятно. Мне почему-то казалось, что магическая клятва будет светиться кандалами на руках и ногах. Шипастым ошейником ляжет на шею. Но колдуны сделали всё проще. Бель дочитала свиток и сжала кулак. В то же мгновение разноцветные огоньки взвились вихрем, а потом рассыпались и исчезли.

— Кажется, клятва скреплена, — выдохнула она. — Теперь ваша очередь, господин учитель.

Карфакс забрал свиток и красочное представление, как на ярмарке, отыгралось ещё раз. Правда, искр было меньше и взлетели они не так высоко. Колдун своё условие сделал коротким. Зато Бель хлопала в ладоши и праздновала победу. Теперь никто не отдаст её замуж за противного и толстого

сына соседского лорда. Почему я думала, что он толстый и уродливый? А закон есть такой. Если тебе твердят «стерпится — слюбится», значит, жених чуть симпатичнее племенного борова.

— Так, с клятвой закончили, — колдун скатал свиток в трубу и обернулся ко мне. — Можешь собираться в дорогу, Мередит. Я решил, что мы отправляемся завтра днём. Возьмём в городе повозку. Лучше приехать в столицу раньше и пожить немного на постоялом дворе, чем опоздать к началу суда.

Я вслух похвалила его дальновидность, но про себя чуть не застонала. Времени в обрез. Если я сегодня ночью не передам записку Монку, то завтра утром тем более к нему не попаду. Просто не успею. Пока разложу новый гардероб Карфакса по сундукам, пока запасусь продуктами в дорогу. На рынок нужно сходить, овощей с колдовского огорода набрать.

«Эх, не поспать тебе ночью, Мери».

Ничего. Вспомню первые дни в замке, когда ходила к реке и убиралась до утра.

— Тебе помочь? — подскочила с табурета Бель.

— Не откажусь, — закивала я ей в ответ так, что чуть голова не оторвалась.

Глава 26. Хитрая колдовская проверка

Мередит

Сборы очень быстро встали нам с Бель поперёк горла. Сундук в замке нашёлся всего один и тот Карфакс занял под книги. Так что мы по-крестьянски завязывали новые вещи господина в его же старье. Хихикали ещё, что въехать в столицу, сияя богатством, уже не выйдет. Хорошо, если повозка не опрокинется в грязь и нас не ограбят разбойники. Хотя ехать с колдуном было не так страшно. Он-то огненных цветов в небо не запускал и сил имел больше, чем на несколько искр магической клятвы.

— Себе пару платьев возьми, — напутствовала Бель, завязывая очередной узел.

— Их всего два, — ворчала я. — Ученическое от Гензеля и моё старое.

— Нижних сорочек тогда побольше.

— Она одна.

Колдунья посмотрела на меня, как на нищую сиротку, и покачала головой. А что делать? Пока с лицензией бегали и зелья варили, на себя золота не осталось. Своё жалование служанки я записывала на отдельный листик и уже не надеялась его когда-нибудь получить. А если вспомнить, что Карфакс заявил Отто, мол служанок у него нет, одни ученицы, то там и вовсе пора было ставить прочерк.

— Возьми мои туфли, — предложила Бель. — Если свои в луже утопишь или они развалятся по дороге, будет в чём по столице ходить.

— А ты здесь босиком по колдовскому огороду бегать будешь?

— Я так по лесу ходила. Ничего, как видишь, со мной не случилось. Бери и не отказывайся. Обмотки сделаю. Чай оно не в первый раз.

Упрямо отказывалась я ещё пару мгновений. Потом соученица пригрозила, что тайком засунет их в какой-нибудь узел. Пришлось брать.

— Как вернёмся, пойдём к сапожнику, — пообещала я. — А то любой ушлый, пришлый или деревенский нас на смех поднимет. Босые колдуньи!

— Да, уж, торговля зельями нужна как никогда, — согласилась Бель. — Подумаю, что я смогу без вас сделать.

Проговорили мы так до середины ночи. Всё ждали, когда Карфакс уснёт, чтобы я вышла из замка. Но колдун как будто ждал нас. Так что пришлось пойти на хитрость. Улечься в кровати и задуть лампу. Помогло. Вместо шороха и шума из миски с подслушивающим зельем раздалась тишина.

— Всё, — шепнула Бель. — Пора.

Я смахнула заклинание, сунула записку для Монка в рукав и осторожно выглянула в коридор. Лунный свет чертил косые полосы из узких окон. Пришлось разуться, чтобы очень тихо пройти мимо спальни колдуна, но тут его дверь открылась.

У меня чуть сердце в пятки не ушло. Хотелось прижаться спиной к стене и превратиться в столб, но ноги не слушались.

— Мередит? — удивился лорд Мюррей. — Куда ты собралась?

Тьфу, пропасть! Что ему врать, если я попадусь, мы с Бель не придумали.

«На рынок за хлебом? В гости к маме и Нико?»

— А вы куда? — пролепетала я и чуть себя по лицу не треснула.

За что он меня хвалил недавно на кухне? «Думаешь, как колдунья?» Нет, я стояла посреди коридора и глупо хлопала глазами.

— Нужно разобраться с Девилем, — признался колдун и вытянул шею в сторону ученической спальни. — Бель спит?

— Да, она без магии сильнее устаёт, — зачем-то ляпнула я. — Спит, как младенец. А можно с вами?

Карфакс даже в темноте удивился так, что я почувствовала. Проклятье. Если сейчас не выкручусь,

придётся целовать его в губы и бежать обратно в комнату. Утром совру, что ходила во сне.

«Ничего не помню, господин учитель. Ничегошеньки».

— Даже не знаю, — замялся он. — Если с Девилем будет конфликт, случится поединок...

— Я смогу хоть как-то помочь, — выпалила я. — Прикрою вас щитом. У меня вроде хорошо получается.

— Мери, там будет опасно.

— Не опаснее, чем здесь среди трёх колдунов, магических клятв на смерть и голубого шара-убийцы. Я правда хочу помочь. Поняла, что вы не спите и вот. В коридор выскочила.

Он промолчал, разглядывая меня во мраке. Пора было пускать в ход женские хитрости. Строить глазки, ковырять ножкой пол. Но какой толк от ужимок, если света из окна хватало лишь на то, чтобы отличить меня от тени?

— Ты просто хочешь пойти со мной?

— Да, — выдохнула я и, как девчонка, подпрыгнула на месте. — Можно? Бель в город ходит, а я нет. Сижу в замке на хозяйстве и всё интересное пропускаю. Да, там ночью страшно, но с вами нет.

Ох, всё, пора закрывать рот, а то перегну палку. И так выгляжу наивной восьмидесятилетней колдуньей, недавно вышедшей из леса.

— Хорошо, — ответил Карфакс и подошёл ближе. — Тогда снова ковёр возьмём. И на постоялом дворе ничего не делай без моего разрешения. Не говори первая и не колдуй. Договорились?

— Да, господин Мюррей.

«Летающая повозка» ждала нас во дворе. На этот раз колдун велел мне сесть в самый центр и крепко держать фонарь.

— Ночью ни зги не видно. Не буду рисковать, поднимусь повыше, но там холодно. Возьми вот.

Он сбросил с плеч новёхонький камзол и протянул мне. Пока луна светила, белая рубашка сама была, как фонарь. Тонкая, шёлковая, совсем она не грела. А если вспотеть, то и простудиться можно.

— Не возьму, — топнула я ногой. — Вы ночью полуголый полетаете, потом с горячкой сляжете, а мне ухаживать. Не выдумывайте, одевайтесь обратно.

— Мери, мне до одури приятно, что ты обо мне заботаешься, — низким, будто вибрирующим голосом ответил колдун. — Однако мы только что договорились. Я приказываю, ты подчиняешься.

О приказах ни слова не было, но я не стала спорить. Может, вместе с колдовской силой к Карфаксу вернулось и его отменное здоровье. Шутка ли больше трёхсот лет прожить? Вдруг он в своём убежище на снегу спал, а я тут за летний ветер волнуясь?

— Да, господин учитель, — медленно протянула я и забрала камзол.

Гензель сбрызгивал одежду для благородных цветочной водой. Не знаю, как её готовил, заговаривал, наверное, втихаря, но аромат долго не выветривался. Лорду Мюррею досталась фиалка. Я утонула в широком камзоле по самый нос и вдыхала её запах.

— Так, хорошо, — колдун вступил на ковёр и уселся прямо у меня за спиной. — Фонарь можешь зажечь, снизу его всё равно никто не увидит. Дорогу он, конечно, не осветит, но будет не так страшно. Готова? Взлетаем.

Я зажмурилась, почувствовав, что ковёр натянулся струной. Колдовская сила Карфакса оторвала его от земли и понесла прочь от замка. Ледяной ветер налетел сразу же. Кончики ушей защипало и в горле запершило, а мы всё поднимались и поднимались. От страха я задрожала. В потухший фонарь вцепилась мёртвой хваткой, и тут колдун меня обнял.

— Воробушек мой нахохлившийся, — прошептал он где-то над воротом камзола. — А ты ещё одеваться отказывалась.

Глаза я не открывала. Без толку при такой-то темени. Зато ощущала полёт всем телом. Дрожала, пока не начала согреваться в объятиях Карфакса. Вот как он умудрялся и колдовать, и нежно поглаживать большим пальцем мой живот? Просунул руку под полу камзола и положил ладонь прямо на платье. Бесстыдный жест. До пунцовых от жара щёк наглый, но я не возражала. Между

небом и землёй на такой высоте близость колдуна успокаивала. Он держал меня, оберегал от всего.

Жаль, ученической благодарности к лорду Мюррею так и не появилось. Я видела в нём мужчину, одновременно ощущая себя женщиной. Той, которой плевать на титулы, происхождение и всякую ерунду. Просто женщиной.

Я отпустила ворот камзола, и ветер тут же под него забрался. Объятия колдуна стали крепче.

— Согрелась? Скажи мне что-нибудь, Мери.

— А мы не упадём?

Ничего другого на ум не приходило. Ладонь колдуна скользнула выше и легла под мою грудь. Голова уже плыла. Я расслабилась, чувствуя, что падаю на него. Хотелось забыться, никто ведь нас не видит. Никто не осудит и не прокаркает: «Развр-р-рат, развр-р-рат».

— Ковёр летит сам, — прошептал Карфакс, — я почти его не контролирую.

Он снова погладил меня сквозь ткань платья и осторожно сжал грудь. Воздуха стало не хватать. Я заёрзала на ковре, но колдун не позволил от него сбежать. Ласка продолжалась. Никогда бы не подумала, что я такая чувствительная. Платье, сорочка под ним, а будто голая.

— Лорд Мюррей.

— Тише, — попросил он. — Я всё-таки отвлекаюсь на колдовство. Собьюсь — точно упадём.

Сердце забилося чаще. Колдун гладил меня подушечкам пальцев и тело ныло. Жар растекался по груди, по животу, спускался к ногам. В платье стало тесно.

«Что вы делаете? — хотелось закричать ему. — Остановитесь!»

— Доставлять удовольствие женщине — это тоже магия, Мери, — чуть охрипшим голосом сказал Карфакс. — Ты сама-то до свадьбы дотерпишь?

Я вцепилась в его руку и заставила убрать её с моей груди. Во рту пересохло, губы пришлось облизывать.

— Не нужно проверять, прошу вас. Смотрите в небо. Кажется, я вижу огни на башнях городской ратуши.

— Да, мы почти прилетели, — он со вздохом от меня отстранился. — Пора снижаться.

Дышала я всё ещё с трудом и сама себе повторяла:

«Ох, интересная тебя ждём поездка в столицу, Мери».

Вся стойкость понадобится. Всё мужество. Я взаправду едва терпела, чтобы не обернуться к Карфаксу и не нарваться на свой первый поцелуй.

Ковёр накренился, заходя на посадку.

Смущать Отто мы больше не стали, летающая повозка мягко опустилась между двумя домами. Карфакс скатал ковёр и постарался спрятать так, чтобы никто не нашёл.

— Не ахти, какая ценность, — проворчал колдун, — но надо же нам возвращаться домой. Пойдём, Мери. На постоялом дворе слуги не спят до утра. Проводят нас к Девилю.

Ноги у меня от слабости подкашивались. Раскрасневшееся лицо остудил ветер и туман из головы исчез, но я нет-нет, да вспоминала, как руки Карфакса лежали на моей груди. Хвала предкам, он велел молчать и никуда не лезть! Отдохну, успокоюсь. Лишь бы господу колдуны не передрались.

На постоялый двор мне раньше был вход заказан. Гоняли тут деревенских и слуг пускали лишь вместе с хозяевами. «Не про вашу честь, голытьба». Ага. Теперь я — колдунья. Спину держала прямо и старалась не опускать взгляд, пока Карфакс рассказывал работнику на входе, что Альберт Норфолк с ученицей Мередит хочет видеть лорда Девиля. Уж не знаю, какие слухи о бывшем каторжнике ходили по городу, но пропустили нас без лишних вопросов. Даже в пояс поклонились. А когда дворовой разогнул спину, махнул рукой мальчонке лет семи. Тот дунул вверх по лестнице, только пятки засверкали. Предупредить воскресшего папеньку Бель, что её учитель пришёл с разговором.

— Ждал он нас, — вполголоса бубнил Карфакс, поднимаясь по лестнице. — Держи ухо востро.

Ой, мамочки, а как искать ловушки я у Бель так и не спросила! Магия шара, показывающая замок, мне тут не помощник. Придётся самой пыхтеть. Сразу стало холодно, неудобно. И дворовой устался на меня, как на бесстыжую продажную девку. С чего бы вдруг? Я скосила взгляд на грудь и только сейчас заметила, что край сорочки выбился из-под лифа платья. Проклятье!

— Лорд Девиль, — дворовой отвернулся от меня и постучал в дверь. — К вам господин Альберт Норфолк.

Дверь тут же распахнулась. Блудный папаша был похож на свою дочь, как я на королеву. Анабель вся из себя белокожая, черноволосая, а Фридрих смуглый и белобрысый. Глаза на выкате, нос картошкой. Нет, ничего общего.

— Альберт Мюррей, я полагаю, — слегка наклонил голову Девиль. — Не имел чести знать вашего прославленного деда. Родился уже после того, как он погиб, и титул вернулся к королю. Но я рад, что древний род не угас.

— Боюсь, Гринуэй считает иначе, — усмехнулся Карфакс.

Эхо от его улыбки тенью скользнуло по губам Девилья. Что бы это значило? Папашу-самозванца искренне веселила грызня за землю?

— Я благодарен его приказчику за письмо. Без господина Монка я бы никогда не узнал, что у меня от Кейтилин осталась дочь. Полагаю, вы, как учитель, пришли обсудить её будущее? Не стану скрывать, я хотел бы сам преподавать ей магию. На подпись в дипломе уже давно никто не смотрит. Кому смотреть, если кодунов осталось меньше десятка? Я же хочу наверстать упущенное время. Дать Анабель всё своё внимание и заботу.

— Сначала докажите, что вы родня по крови.

Карфакс сложил руки на груди и слегка наклонил голову, разглядывая Девилья. В комнату нас папаша Бель не приглашал. Понятное дело, оскорблял этим жутко. На пороге даже с врагами не разговаривали.

— Разве родовых особенностей дара недостаточно? — он будто бы решил прикинуться дурачком. — Во все время колдуны только так отличали своих бастардов от чужих.

— Есть древнее заклинание, — ответил мой учитель. — Оно даёт стопроцентный результат. Я не отпущу Анабель из замка, пока не удостоверюсь, что вы её отец.

Девиль сложил руки на груди и набычился не хуже Нико, когда мама заставляла его мыть посуду или мести двор вместо игр с мальчишками.

— При всём уважении, господин Норфолк, но то, о чём вы говорите — выдумка старика Белфаста. Магистр выжил из ума перед смертью и был горазд сочинять небылицы об изобретённых им заклинаниях.

— Половину потом взяли на вооружение, — заспорил с ним Карфакс. — А в схеме заклинания определения родства не хватало четверти узора. Но я придумал, как соединить нити. Всё дело в крови. Нужна одна капля от предполагаемого отца и вторая от сына или дочери.

В спальне Девилья послышался шум. Колдун боязливо оглянулся, но не успел закрыть дверь. За его плечом появился приказчик лорда Гринуэя.

— Откуда нам знать, что вы не врётё? Любой дешёвый фокус можно выдать за древнее заклинание.

— Во-первых, доброй ночи, господин Монк, — скрипнул зубами Карфакс. — А во-вторых, действие заклинания можно проверить. Приведите тех, в чьём родстве вы не сомневаетесь и тех, у кого нет и быть не может общих предков. Вопросов не останется.

— Допустим. И вы порежете руки Анабель? — приказчик повысил голос.

Камзол где-то забыл. Стоял перед нами в одной рубашке.

— Достаточно проколоть палец и выдавить одну каплю. Вы же не заставите меня повторять проверку, если результат вас не устроит?

Питер молчал. Задумчиво жевал губы и смотрел в стену. Карфакс не спрашивал, какое ему дело до семьи Лоуренс. Сразу было ясно, что именно он притащил в город Девилья и пытался забрать Бель из замка к новому учителю. Кстати, на пороге нас держали тоже из-за Монка. Горе-отец не хотел его показывать, чтобы не злить Карфакса, но приказчик сам вылез.

— Такое доказательство принял бы даже суд, — нехотя ответил Монк, но потом его глаза

загорелись. — Скажите, господин Норфолк, а через сколько поколений зелье покажет родство? Можно ли с его помощью, например, проверить внука, а не сына?

Карфакс не выдержал — расхохотался. Так веселился, разве что по полу не катался. Затем пробормотал под нос «воистину наш пострел везде поспел» и всё-таки объяснил.

— Да, конечно, заклинание сможет доказать, что я имею право называться лорд Мюррей, но где вы найдёте кровь дедушки Роланда? Он сгинул триста лет назад, и вся королевская конница, вся королевская рать... Впрочем, кровь Генриха вам тоже не достать. За те годы, что я провёл на каторге, останки отца истлели.

— О, не беспокойтесь так, господин Норфолк. Мне всего лишь стало любопытно, — даже не стараясь, соврал приказчик. — Я думаю, проверка будет не лишней, лорд Девиль. Так мы развеём все сомнения и окончательно закроем вопрос с тем, где должна жить Анабель.

— Тогда я готов, — лесной отшельник нервно одёрнул полы сюртука. — Приводите мою дочь на постоянный двор и читайте заклинание.

«Ага, хитрый какой», — усмехнулась я.

Тут её сцапает городская стража и уже не вернёт в замок. Пусть даже заклинание скажет, что она не дочь Девилью. Судя по рассказу Бель, городской глава радостно пляшет под дудку Монка. Ещё бы, приказчик самого лорда. Вернуть лицензию? Да пожалуйста. Щёлкнуть по носу гильдию аптекарей? Сделано.

— Зачем отвлекать её от книг? — пожал плечами Карфакс. — Пропитайте платок каплей своей крови, и этого будет достаточно.

— Вы нас за дураков держите? — вскинулся приказчик. — Нет, я требую, чтобы проверка проводилась на нейтральной территории. Городская площадь вас устроит?

— Вполне, — примирительно поднял руки мой учитель. — Но тогда её придётся отложить до моего возвращения из столицы. Скоро суд, если вы не забыли. Уезжаю я завтра, Анабель, как и положено ученице, остаётся в замке. Будет присматривать за хозяйством, варить зелья и разучивать заклинания. Не советую беспокоить её своим присутствием. Я оставил сигнальные артефакты. Маячки, как говорят, колдуны. И если по возвращении я обнаружу, что хотя бы один сработал, буду вынужден считать Анабель скомпрометированной и выдать её замуж за старшего сына Томаса Граззо. И выдать быстрее, чем соглашусь на проверку родства.

Питер Монк скрипнул зубами и медленно выдохнул. Будь он колдуном, давно бы икрами сыпал или мебелью швырялся, как Карфакс. Но магической силы не было даже у лора Гринуэя, не то, что у его приказчика.

— Угрозы были лишними, — холодно ответил Девиль. — Я не собираюсь вредить дочери. Могу поклясться, что за время вашего отсутствия близко к замку не подойду.

— А господина Монка я предупредил, — слегка склонил голову Карфакс. — Всего доброго, господа. Мередит? Мы уходим.

Я замешкалась, нарочито долго собирая ткань юбки, чтобы поднять её. Хвала святым предкам, колдун не стал меня ждать. Отвернулся и пошёл по коридору. А я успела достать из рукава записку Бель и уронить её на пол.

Дело сделано.

Глава 27. Трудный выбор

Анабель

Мери и учитель уехали ранним утром. Попрощались, в сотый раз напомнили, чтобы я была осторожной, и отправились в путь. Я впервые со дня знакомства с лордом Мюрреем осталась одна так надолго. Уже привыкла, что рядом всегда Мередит. Вслушивалась в тишину пустого замка и нервно вздрагивала от каждого шороха. Под крышей всего лишь завывал ветер, а я дрожала от ужаса.

«Лиходеи! — вопила трусливая часть меня. — Нужно спастись немедленно!»

Но клятва крепко привязала меня к шару. Сбежать, бросив артефакт, я могла только если возникнет реальная угроза моей жизни. А придуманная опасность таковой не являлась. Пусть мне и очень хотелось, чтобы было иначе.

— Займись делом, — приказала я себе вслух.

Зелья варить больше не имело смысла, мы заготовили всё с долгим сроком хранения, а остальные могли бы испортиться. Я не знала, когда придёт Питер, и придёт ли он вообще. Мередит передала ему записку, но он ничего не написал в ответ. Возможно, Монк решил, что ему не нужны такие сложности. Зачем рисковать собой и идти в замок могущественного колдуна? Ради свидания со мной? Смешно!

— Урожай, — напомнила себе я.

Вот огород моего внимания требовал, а мысли о красивом и, скорее всего, недостижимом Питере Монке — нет.

Пока меня не было, Мери посадила морковь, лук и свёклу. Капусточки бы ещё и мяса, сварила бы щи. Но наши запасы до сих пор были скуднее, чем в деревенском доме. Пришлось перекусить молодой морковкой, а затем продолжить выкапывать овощи и раскладывать по мешкам. Свекольную ботву и стрелки лука тоже решила не выкидывать. Бабушка и листочки моркови сумела бы приготовить, а у меня получался суп только из ботвы.

Через пару часов я разогнула спину и прислушалась к новым звукам. Ворота скрипели, будто кто-то пытался их открыть. Глупость, конечно, учитель наложил защитные чары. Обманка могла бы отвлечь мародёров, но мне ведь требовалось время, чтобы сбежать.

Но я не стала уходить. Понадеялась, что Питер пришёл на свидание. Долго его не было, на душе кошки скреблись. Я выбежала к воротам и испуганно замерла рядом с ними. Клятва запрещала говорить, писать записки и посылать гостю любые знаки. Чтобы магия позволила мне выйти, нужна была прямая угроза жизни.

По коже мурашки пробежали — кто-то с той стороны воспользовался заклинанием определения. Я боялась, что наказание за нарушение клятвы настигнет меня за любой шорох, но рискнула подойти вплотную к воротам и заглянуть между створок. Через щель было плохо видно, зато хорошо слышно.

— Маячков нет, — заметил лорд Девиль. — Есть защита от взлома, и я могу её обойти. Но, говоря откровенно, мне бы не хотелось ломиться к Норфолку без приглашения. В замке есть что-то, природу чего я определить не могу. Мощное и опасное. Лучше не злить такую магию.

Шар сию же секунду откликнулся на попытку его прощупать. По моим рукам побежали голубые искры. Яркие, колючие. Пока артефакт всего лишь предупреждал, что рядом опасность. И на голос ещё одного колдуна не реагировал. Стены не тряслись, земля из-под ног не уходила. Далеко мой воскресший отец стоял от места, где закопали артефакт.

«Мамочки, что будет?» — мысленно простонала я.

Нужно было шар изучать, как велел господин учитель. Хотя бы изредка на него от зелий отвлекаться. Что случится, если колдун-отшельник метнёт в «голубого друга» нечто посерьёзнее поисковых чар? Земля под гостями пламенем вспыхнет? Или подо мной? Мередит не раздражала шар сильнее, чем на вежливое предупреждение. Мы ничего о нём не знали!

— Я должен войти в замок, — с властными интонациями в голосе сказал Питер. — Речь идёт о невинной девушке! Её держат здесь насильно. Зря я вас послушал, Девиль. Стоило взять отряд городской стражи.

— Подождите, господин Монк, — зашипел колдун. — Не кипятитесь. Все ловушки ставят на дураков, летящих в драку впереди всех. Я ни разу не видел Альберта Норфолка, но про его якобы

родного деда слышал достаточно. Роланда Мюррея не зря называли великим.

— Он мёртв уже триста лет! И если бы каторжник нашёл в развалинах замка хоть что-то ценное. Книги, знания, артефакты — не важно. Жил бы он впроголодь? Нет! У Анабель единственное платье! Какие ещё доказательства его крайней нищеты вам нужны? Я открываю ворота. Ничего страшного в замке нет. Такой же блеф, как сигнальные маячки!

— Остановитесь, Питер! — лорд Девиль заговорил громче. — И себя погубите и любимую девушку. Анабель стоит за воротами. Да-да, она там стоит, я чувствую её магическую силу. Слышит вас, но сама не подаёт голос. Вы не находите, что это странно?

Я прикусила губу и задержала дыхание. Кажется, мой отец был очень умным и проницательным мужчиной. Оставался призрачный шанс, что он уговорит Питера не ломиться в замок. И чем я думала, когда назначала встречу?

— Странно, — тихо отозвался приказчик. — Очень. И что делать?

— Для начала отставить панику. И давайте отойдём от ворот на пару шагов. Мало ли что. Вот теперь можно подумать. Самое простое, что приходит на ум — написать ей записку. Ведь смогла же она как-то передать свою.

Да, но когда я её писала и просила Мери помочь, клятва ещё не действовала. Теперь же в присутствии других людей я молчала как рыба. Даже с учителем не смогла нормально попрощаться. Кивала в ответ на его слова и махала вслед наёмной повозке. Перо тоже не двигалось в моих пальцах. Я проверяла. Магический договор перестал действовать лишь, когда я осталась одна. А сейчас вернулся.

— Перо и чернильницу я с собой не ношу, — ворчал Питер. Его голос звучал так тихо, что приходилось прижимать ухо к воротам. — Не угольком же писать?

— Я думаю, мы обойдёмся без длинных посланий. У вас сохранилась записка Анабель? Просуньте её в щель между створками ворот. Моя дочь не глупа, она догадается, какие фразы будут для неё безопасны. А перо и чернила в замке точно найдутся.

— Bravo, лорд Девиль, — голос Питера заметно повеселел. — Ваша мудрость придаёт мне сил. Так и поступим.

Я поймала бумагу, нервно сжала её в кулаке и едва не выругалась. Господин учитель будто бы знал, что до записок Монк может додуматься, и предусмотрел прямой запрет на них в формулировке клятвы. Магия не позволила бы написать ответ — убила на месте. Со злости я долбила пятками землю. Проклятый колдун! Почему он такой великий?

— И долго нам ждать? — поинтересовался Питер.

— Не знаю. Снова что-то не так. Анабель не двигается. Стоит на месте.

— С ней всё в порядке? Пусть выпустит огненный цветок. Мы договаривались на такой знак!

— Не думаю, что колдовство ей сейчас под силу. Она выгорела.

— Да, я знаю, — не унимался Питер. — Но неужели магии не хватит даже на крошечную искру?

Увы, «передавать знаки по воздуху» лорд Мюррей тоже запретил. Я дрожала, прижимая ладони к лицу. Жестокая пытка — вот так стоять рядом с любимым и ни разу даже не взглянуть на него. На сколько хватит терпения мужчин? Чужало моё сердце, они скоро махнут рукой на женские причуды и уйдут. «Сама позвала и молчит!»

— Есть тысяча других способов передать знак, — возразил Фридрих Девиль. — Анабель, девочка моя, если ты нас слышишь, дай о себе знать.

«Запрещены знаки по воздуху, — мысленно повторяла я клятву, — переписки и разговоры».

Значит, любая другая стихия подошла бы. Но колдовать я по-прежнему не могла. Будь сила при мне, вырастила бы цветок у ног Питера или заставила ворота заледенеть. А так только теребила в руках свою же записку, понятия не имея, как показать мужчинам, что я здесь и всё слышу. Мери обязательно придумала бы. Она всю жизнь без колдовства жила и мыслила по-другому.

«Думай, как Мередит», — наставляла я себя, оглядываясь по сторонам.

Заметила колодец и замерла. Вода в него прибывает без магии. Даже выгорев, я могла подать Питеру и Фридриху знак. Выплеснуть целое ведро в щель под воротами и надеяться, что знак достаточно явный.

Я сложила из мятой записки кораблик, поставила в лужу и подтолкнула пальцем.

«Плыви», — попросила, не рискнув даже дышать в его сторону.

Знак должен был добраться исключительно по воде. И он поплыл.

— Вот так уже лучше, — одобрительно поцокал языком Девиль. — Диалог налажен. Теперь установим правила. Я буду говорить сам и задавать вопросы. Если ответ да, то ты, Анабель, выльешь ещё немного воды под ворота. Если нет, то ничего не делай. Хорошо?

Я выплеснула четверть ведра и отчаянно закивала, будто колдун мог меня видеть.

— Отлично! — воскликнул Питер. — Ты заперта? Тебе нельзя выходить?

— Подождите, друг мой, — громким шипением осадил его Фридрих. — Не тратьте драгоценную воду на вопросы с заранее известным ответом. Куда важнее выяснить, чем мы можем помочь. Анабель, скажи, пожалуйста, не повредит ли тебе то, что мы сами войдём в замок? Сломаем замок на воротах и войдём. Да — повредит. Нет — не повредит.

Я надеялась, что нет, но боялась ответить неверно.

Мой план на свидание с Питером изначально был слишком сложным и зависел от россыпи случайностей. Едва учитель озвучил условия клятвы, я сразу поняла, что никак не извернусь и не выйду из замка самостоятельно. Любые попытки подстроить нападение будут считаться угрозой жизни, созданной самой себе. Не сработает уловка. А настоящих лиходеев я сама как огня боялась. Оставался мизерный шанс передать с Мери записку, пока клятва ещё не действовала.

Да, я обманула свою добрую и сердечную подругу, сказав, что хочу просто попрощаться. Нет, я надеялась, что Питер примчится в замок вызволять меня. Приказчик ненавидел Альберта Мюррея так же сильно, как он его. Искренне считал чудовищем. А тут я. Онемевшая, заторможенная, пальцем не способная пошевелить. Любое движение в ответ на вопрос клятва сочтёт «знаком, переданным по воздуху». Я не смогу ни кивнуть, ни махнуть рукой, ни скорчить рожу. Любой нормальный человек должен испугаться. Причём испугаться так сильно, чтобы схватить меня и вытащить из замка. Только так получится избавиться от клятвы. Через похищение. Нет, это не прямая угроза жизни, но ситуация, когда заклинание уже не сможет действовать в первоначальных условиях. Нет задачи выйти из замка — нет клятвы. Она распадётся. Победа? Ещё бы! Но Питер решил перестраховаться и взял с собой Фридриха Девиля. А колдун путал мне все карты. Он останавливал горячего приказчика. Останавливал! Мать-природа, зачем? Ну украдите уже меня из замка! Сломайте ворота, стены, башни. Украдите! Я люблю Питера. Мне нужно одно-единственное свидание с ним и пусть уезжает. А я спокойно вернусь в замок и продолжу охранять шар.

«Нет, если Девиль ломает ворота, это мне не навредит», — решила я и не стала выливать воду.

Взлом замка — не угроза жизни, и я никого внутрь не приглашала. Клятва не должна разволноваться.

— Превосходно, — ответил мой отец по ту сторону замковой стены. — Отойдите, пожалуйста, господин Монк, чтобы заклинание вас не зацепило. Бель, тебе тоже лучше где-нибудь спрятаться. Ненадолго. Я ломаю ворота.

Я отступила к сараю с дровами и зажмурилась. Ворота содрогнулись от мощного удара. Воздух заискрился от магии. Я испугалась за реакцию шара, но голубые искры на руках не появились. Значит, недавнее предупреждение было не для Девиля и Монка, а для меня, как для хранителя тайны. «Мною тут интересуются, не забывай, что рот нужно держать на замке».

Да-да, я помню.

Защитные чары слетели, ворота распахнулись, и Девиль первым вошёл на землю, принадлежащую колдуну Мюррею. За его спиной появился Питер и тут же бросился ко мне.

— Анабель, хвала богам! Скорее дайте руку. Повозка с кучером ждёт, мы уезжаем.

Я попятилась, чтобы не подпустить к себе приказчика. Ни взглядом, ни жестом не могла ему подать знак. Он протянул мне ладонь, но я отшатнулась от неё как от огня.

— Бель, — тихо позвал Питер. — Норфолк запугал тебя?

Я прижалась спиной к двери сарая и продолжила смотреть на лучшего из мужчин стеклянными глазами. С дохлой рыбой было бы проще говорить, чем со мной.

— Фридрих, что с ней? — засуетился Монк. — Её околдовали? Почему она дрожит?

— Бо-оится, — протянул отец и начал оглядываться.

Я видела благодаря магии замка, как во все концы двора летят поисковые чары. Одна вспышка чудом не попала в основание западной башни, где учитель закопал настоящий шар. Как же его остановить? Что делать?

— Идём со мной, — с металлом в голосе повторил приказчик и дотронулся до моего плеча.

Я отскочила и заозиралась в поисках путей к отступлению. Сердце замерло, когда я заметила полено в паре шагов. Взвесила его в руке, замахнулась и ударила Питера по ногам. Он едва не упал. Защищел и посмотрел на меня исподлобья. Злился и не понимал, почему я словно с цепи сорвалась.

Чтобы магия клятвы меня не поджарила за нарушение условий, приходилось сражаться в полную силу, но бить по голове я всё же побоялась. Слишком опасно! Ноги потом вылечить несложно, я рецепты нужных зелий знаю. А смерть ни одно колдовство вспять не обернёт.

— Она не в себе, — вынес вердикт лорд Девиль. — Но я не могу понять, почему. Не приближайтесь пока, целее будете.

Питер громко фыркнул, хотя ушибленную ногу всё же потёр, пытаясь унять боль.

— При всём уважении к вашей дочери, Фридрих, я с ней справлюсь.

И приказчик лорда Гринуэя снова попытался схватить меня. Я не далась. Нырнула ему под руку и с размаху опустила полено на спину. Попала под лопатку и перепугалась, что удар получился слишком сильным. Выкинула своё оружие и приготовилась убежать. Земли вокруг замка много, можно час в догонялки играть. Если сил хватит.

— Не больно-то у вас получается, Питер, — захохотал отец. — А ещё жениться собирались на колдунье. Не пришлось бы вот так всю жизнь за ней бегать...

Я замерла с открытым ртом. В последнее мгновение прикусила язык, чтобы не спросить, шутит Девиль или господин Монк и впрямь обсуждал с ним нашу свадьбу? Даже мысленно «наша свадьба» звучало странно. Восемьдесят лет сидела затворницей, а потом в одно мгновение обрела учителя, подругу, отца, а теперь ещё и жениха? Голова закружилась.

«Сначала клятва, — приказала я себе. — Потом любовь! Потом, говорю!»

— И побегаю, мне не сложно, — проворчал приказчик, бросаясь мне на перерез.

Я не успела увернуться. Намёк на будущее с Питером выбил из колеи, потому что учитель слишком уверенно говорил, будто всё закончится после суда.

— Попалась, — довольно улыбнулся Монк.

Для успокоения совести я попробовала вывернуться из крепких мужских объятий, но отпускать меня никто не собирался. Питер приподнял меня, чтобы ноги не касались земли, и вынес из замка.

«И пусть локти давят на рёбра, — подумала я. — Зато жених на руках носит!»

Магическая клятва сдалась. Я задержала дыхание, когда приказчик отпустил меня. Сердце стучало в ушах, ладони похолодели. Мгновение ничего не происходило, а потом руку обожгло зелёной вспышкой, и давящее напряжение внутри исчезло.

— Та-а-ак, — несмело начала я. — Кажется, говорить могу, наказания нет. Да, всё, я свободна! Спасибо, лорд Девиль, спасибо, Питер!

— Хвала духам предков, — вскинул он руки и посмотрел в небо. — А то ещё два круга по двору замка, и я рухнул бы замертво. И где только юная леди научилась драться поленьями?

— Вижу, — проворчал приказчик, задирая штанину и осматривая наливающийся синяк. — Помню. Хорошо, что не огнём бросалась. Но хватит ныть. Жаловаться на боль — недостойно мужчины. Так с чем мы столкнулись, кто-нибудь объяснит?

— С магической клятвой, видимо, — Фридрих испытующе смотрел на меня. — И формулировка была невероятно жёсткой. Постарался Норфолк. И вы рискнули назвать его недо-колдуном, Питер? Плевать, сколько лет он провёл на каторге. Школа у него старая, знает много, умеет ещё больше. Один вопрос меня волнует. Что такое я ощутил в замке, что он там прячет?

Шар-артефакт снова напомнил о себе голубыми искрами на моих плечах.

— Ага! — Девиль покачал пальцем в воздухе. — Вторая клятва!

— Сколько их там? — возмутился приказчик. — Я вообще-то хотел забрать Анабель. Только не говорите мне, что нельзя.

— Небезопасно, — осторожно ответил мой обретенный отец. — Условие клятвы она нам точно не расскажет, а какково действовать наобум вы уже видели.

— И что делать?

— Мы можем поговорить здесь, — робко предложила я. — Лорд Девиль прав, мне нельзя отходить от замка.

— От тюрьмы, — поправил Питер. — С магическими кандалами и гороховой похлёбкой вместо еды.

Я со вздохом опустила взгляд. Приказчик был прав. Тюрьмой для меня, Мередит и лорда Мюррея замок и являлся. Я с удовольствием поехала бы с ними в столицу, погуляла по улицам, почитала книги в королевской библиотеке. Заглянула бы с Мери в каждую аптеку, как мы мечтали. Посмотрела бы, как живут люди. Но должна была охранять шар, исполняющий желания.

— Я не могу покинуть владения рода Мюррей до конца обучения. Простите, лорд Девиль, но клятва, о которой вы догадались, не позволит мне сменить учителя и переехать на постоянный двор. Даже если вы мой отец. Даже если это так. Узы заклинаний сильнее.

Мужчины тяжело молчали в ответ. Питер выглядел таким несчастным и потерянным, что у меня дыхание перехватывало.

— Я ведь могу не дожить до конца вашего обучения, Бель, — тихо сказал он. — Во мне нет ни капли магического дара, мой век короток. Подумайте, от чего вы отказываетесь, я же люблю вас. Хотите, на колени встану, хотите произнесу десять магических клятв, я люблю вас!

Его признание птицей улетело в небо и долго звенело у меня в ушах. Нет большей сладости для девичьего сердца, чем пылкие слова влюблённого мужчины. Я верила ему. Теперь понимала, почему все злые слова о Питере пролетали мимо ушей и ненависть господина Мюррея не задевала меня. Я дала себе обещание быть его навсегда, кажется, в тот момент, когда впервые увидела. Чувство зрело во мне, крепло, тянулось к солнцу, как колдовской горох с огорода Мередит. И вот прорвалось ответным признанием.

— Я тоже люблю вас, Питер, — слёзы собрались в уголках глаз, голос звенел. — Люблю всем сердцем, но не могу уйти из замка. Предать учителя, Мередит...

— Клятва убьёт тебя? — спросил Фридрих Девиль.

«Нет!» — хотела прокричать я правду, открыть условия сделки с шаром, но искры снова вспыхнули голубым сиянием. Уже у горла, собираясь кольцом в удавку.

— Так, Питер не торопись, — отец крепко сжал его предплечье. — Теперь будем двигаться медленно и выверять каждое слово. Из замка Анабель вышла, то, что ей мешало, исчезло, но препятствия остались. Хорошо, что мы видим предупреждения от клятвы, они помогут. Молчи, моя девочка, мы сами. Откажись от учёбы у Альберта Норфолка. Откажись!

Магия шара не отозвалась. Артефакту было плевать, кто даёт мне учебники и проверяет, выучила ли я урок.

— Хорошо, — подбодрил Девиль. — Дальше. Собирай свои вещи, мы немедленно едем на постоянный двор. Собирай!

И снова мимо. Шар не возражал, если я уеду. Спокойно отпускал нас с Мередит в город, в деревню, ей вообще позволил уехать в столицу. Куда угодно, лишь бы мы не болтали о нём.

— Чудесно! — улыбнулся Монк, набрав полную грудь воздуха, но отец запретил ему говорить, приложив палец к губам.

— Тише. Ещё не всё. Клятву можно обойти, делая то, что она не запрещает. Помните воду и бумажный кораблик, понимаете принцип? — Питер кивнул. — Вот. Поэтому дайте мне прощупать границы. С жильём разобрались, остался один важный шаг. Анабель, приказчик лорда Гринуэя, господин Питер Монк просил у меня твоей руки. Ты согласна выйти за него замуж? Ты можешь ответить ему «да»?

Сердце почти остановилось, а потом стало гонять кровь в два раза быстрее.

«Да, да, — стучало в голове. — Шар не запрещает, а господин учитель оставил идею написать Томасу Граццо с предложением выдать меня замуж за его сына. Я не связывала себя обещаниями, не была помолвлена».

Никто не мешал мне хотя бы ответить так, как я мечтала больше всего.

— Да, — сорвалось с губ и теплом разлилось в груди. — Да!

— О, Бель! — с облегчением выдохнул Питер, взял мои руки и надолго прижался к ладоням поцелуем. — Да, да, нет предела моему счастью! Но что же тогда мешает? Девиль, в чём дело?

— Не знаю, — честно ответил отец. — Думаю, что проблема в спрятанной глубоко в сердце замка магии. Древней, мощной. Норфолк сделал Анабель хранительницей тайны. Там не одна клятва, а целый клубок. Видишь, искры снова зажглись? Да, мы на верном пути. Но говорить и даже думать о ней для твоей невесты опасно. Поэтому мы до сих пор стоим у ворот.

— Две когорты демонов и один полк! — зарычал приказчик. — Кто позволил каторжнику-Норфолку вешать на хрупкую леди непосильную задачу по охране древней магии? Как ему совести хватило?

— У него, скорее всего, не было выбора, — предположил Девиль. — Тайна замка могла достаться в наследство от деда.

Голубая удавка затянулась на моей шее, мешая дышать. Я захрипела, инстинктивно царапая пальцами горло.

— Всё, всё, я молчу, — перепугался отец. — Слишком близко подобрался. Теперь тема будет под запретом. Ты меня понял, Питер?

— Сделаю для себя соблюдение тайны непреложным заветом, — пообещал приказчик. — И если дело только в ней, и мы можем уехать, то я предлагаю следующее. Земля под замком до решения суда является собственностью лорда Гринуэя. Как его доверенное лицо, я имею право выставить охрану. Ворота будут закрыты, солдатам запретят заглядывать внутрь. Поверьте, после слухов о каторжнике-колдуне желающих порыться в кладовых замка не найдётся. Дело не в уме или в глупости, а в суеверном страхе, укоренившемся в душе нескольких поколений, помнящих, на что способны люди, наделённые магическим даром.

— Не надо охраны, — взмолилась я, дёрнув Питера за рукав. — Не привлекайте к замку лишнего внимания. Если он перейдёт лорду Гринуэю по решению суда, то так тому и быть, а пока достаточно вашего обещания хранить тайну. И одного стражника у ворот. Наверное.

Я зажмурилась, понимая, откуда взялись последние слова. Во мне уже созрело желание идти с Питером хоть на край света. Но по-прежнему было очень страшно оставить шар без присмотра.

— И стражник не нужен, — веско сказал Девиль. — Вот что, господин Монк. Доверяете ли вы мне, как мастеру по магическим клятвам? Доверяете, знаю. Сейчас мы отпустим Анабель в замок, чтобы «вернуть всё, как было», а сами поедем в город. Есть у меня пара идей. Не спорьте, Питер. Шагом марш к повозке!

Приказчик грустно улыбнулся на прощание и отпустил мою руку.

Глава 28. Тонкая игра

Мередит

Как говорила моя бабушка, дороги в королевстве строились ещё при первых колдунах. Тогда их мостили гладким камнем, а на обочину втыкали столбы так часто, чтобы любые два никогда не пропадали из вида. Но время шло. Особо ушлые лиходеи растаскивали камень, спиливали столбы. И теперь редкий путник мог добраться до столицы без провожатого. Десять золотых монет из наших с Карфаксом тридцати мы заплатили за повозку и кучера. Ещё пятнадцать должны были отдать на обратную дорогу. Великий колдун рвал и метал от ярости, клеймил всех городских извозчиков «проходимцами», но деньги отдал.

— Правильно, господин Норфолк, — осклабился толстяк-кучер, — народ у нас всякий. Себе на уме и о своей выгоде думает. Продешевите, а вас в ловушку к разбойником завезут. Разницу от них получают звонкой монетой. Оно вам надо? Я человек надёжный. Самого Отто до столицы пару раз возил. Где теперь городской глава? На месте. Жив, здоров и целёхонек. Так что несите сундуки и покатым. Солнце поднимается, до ночи бы успеть. Лошадка резвая, но уж не взыщите, ежели притомится и помедленнее пойдёт.

Карфакс молча протянул ему ещё две монеты.

— Так я её кнутом, — обрадовался кучер. — Ух, полетит, сами демоны из бездны не догонят! Садитесь, садитесь.

А сам на козлы полез, будто у нас толпа слуг. Кто тюки-то перетаскивать будет? Кучера, что из замка нас привёз, уже и след простыл. Весь наш нехитрый скарб лежал на мостовой.

— Заклинание перемещения предметов по воздуху, Мери, — напомнил колдун. — Или я зря вас с Бель учил?

«Ох, голова моя дырявая!»

Я стукнула себя ладонью по лбу и приноровилась поднять магией первый тюк. Опять силу не рассчитала! Он птицей взлетел в воздух, а Карфакс поймал под восторженный свист мальчишек-попрошаек и отправил на крышу повозки. Чумахая орава как на ярмарке в праздничный день побывала. И овощей от меня перепало с колдовского огорода, и бесплатное представление им господин Норфолк устроил. Так что уезжали мы весело. Мальчишки до самых ворот бежали вокруг повозки и всё просили показать что-нибудь. На прощание Карфакс оставил им пару огненных цветов в небе.

— Господин учитель, — позвала я, прижимая книгу к груди. Хотела читать дорогой, но трясло так, что на лавке бы удержаться. — А лорд Девиль-то настоящий? Колдун-отшельник или ряженный слуга, нанятый для отвода глаз?

— Вроде похож на отца, — вздохнул Карфакс. — Или кем ему Нельдор приходится? Дедом? Сила у него есть. Я по-наглomu метнул в него определяющим заклинанием и получил отклик. Да и Фридрих в долгу не остался. Послал вдогонку такую же проверку.

— А я ничего не поняла, когда на постоялом дворе были.

— Потому что не следила, — нахмурился он. — Кого я просил держать ухо востро?

— Виновата, господин учитель.

— Виновата, — проворчал колдун, крепко обнимая меня за плечи. — В годы моего ученичества розог получила бы за промашку, а у меня рука не поднимается. Словами объясняю. На пороге комнаты мы друг друга проверяли. Сразу же, как поздоровались. Хотя нет. На фразе Девиля, где он радовался, что род Мюрреев не угас.

Так вот от чего они оба ухмылялись! Ловко, ничего не скажешь. И быстро! Посмотрели друг на друга, что-то там в воздухе прожужжало и всё.

— Значит, наша Бель может быть леди Девиль? Вы взаправду решили брать у неё кровь и колдовать то жутко древнее заклинание?

— Я, конечно, великий колдун, но не настолько, — расхохотался Карфакс. — Нет никакого заклинания, Мери. Я придумал его, чтобы хоть как-то осадить прыть Монка. Отшельнику-то всё равно. Он придёт на городскую площадь, выцедит каплю крови и, услышав, что Бель не его дочь, пожмёт плечами. «Ну ошибся, с кем не бывает». А у приказчика всё сорвётся.

— Что именно? — не поняла я. — Мы увезли фальшивую купчую с собой и суд скоро начнётся. Даже

если он попадёт в замок, то уже ничего не сможет изменить.

— Девиль ему нужен для свадьбы. Чтобы он дал благословение Бель в обход моей воли. Колдунья с даром — завидная невеста. Вот только нужна она не самому Монку, а его господину. Я долго думал и только сейчас всё понял. Магический дар в роду Гринуэй давно иссяк. Свадьба с Бель вернёт Питеру право называть себя аристократом.

— Питеру? — у меня дыхание перехватило. — Лорда Гринуэя тоже зовут Питер?

— Почему тоже? — слегка улыбнулся колдун. — Я думаю, Монк и есть Гринуэй.

Я с трудом сглотнула ком в горле. Вот теперь всё сходилось, всё! Дорогой камзол, его манеры, замашки господина. То, как он сорил золотом, обещая Бель помочь с лавкой.

— Нам нужно назад! — бросилась я к окошку, чтобы велеть кучеру остановить повозку. — Скорее!

— Сядь, пожалуйста, — тихо попросил Карфакс, поймав меня за руку. — Если Бель любит его, если придумает, как избавиться от клятвы, то пусть бросается в омут с головой. Я не буду больше мешать их свадьбе. Хватит, пытался уже написать соседу и сосватать его сына. Ты помнишь, как она кричала, чем пригрозила. Да, Бель где-то глупа и наивна, но я стар и сам влюблён. Я не выдержу её слёз. Ваших, потому что ты будешь её жалеть. Хватит с меня несчастных женщин.

Я погладила его по руке и на мгновение прижалась к ней щекой. Нежность переполняла, выплёскивалась через край.

Тяжело быть учителем и почти отцом, но Карфакс старался.

Я никак не могла сосредоточиться, всё валилось из рук. Вспоминалось то обещание Питера вернуться, то моё путешествие за ворота замка у него на плече. А ещё я, кажется, согласилась выйти за него замуж. Ох, Мать-Природа, как горели щёки! Умываться пришлось студёной водой из колодца. Глотать её, не чувствуя, как из тяжёлого ведра капли текут по подбородку и падают на грудь. Хороша ученица колдуна в мокром платье.

Шар успокоился, спрятавшись в свою нору, искры больше не пробегали по моим рукам, угрожая убить. Тайна осталась неприкосновенной. Но за высокой стеной замка опять послышался шум. Я закрыла глаза, пропуская через себя потоки энергии. Питер! Его повозка! А на козлах рядом с кучером служитель храма наших богов.

Когда-то считалось, что вся сила колдунов дарована им богами. В храмах служили жрецы из древнего рода с сильнейшим даром. Те, кто слышал голоса Высших. Но годы шли, магический дар угасал, служителями в храме становились обычные люди. Да, потомки тех первых жрецов-колдунов, но теперь совершенно обычные.

Повозка остановилась, с козел сошёл тучный, лысеющий мужчина в растоптанных башмаках. Чёрная мантия побелела от пота на спине, груди и в подмышках. Жрец с гримасой мученика шурился на жаркое солнце. В руках он держал маленький сборник молитв. Из самой повозки вместе с Питером вышел Фридрих Девиль.

— Анабель! — крикнул он, подходя к воротам. — Анабель, девочка моя! Открой нам, пожалуйста.

Я бросилась к воротам, искренне жалея, что магия ещё не вернулась. На просушку платья сил бы точно не хватило.

— Секунду, — крикнула, отодвигая тяжёлый засов. — Сейчас-сейчас.

Питер стоял, заложив руки за спину, и напряжённо улыбался. Зато лорд Девиль сиял, как новенькая монета.

— Если гора не идёт к колдуну, то колдун идёт к горе, — вспомнил он старую поговорку. — Анабель, позволь тебе представить почтенного отца Шерлока Трюдо. Он был так добр и внимателен к нашим затруднениям, что согласился провести свадебную церемонию не в храме, как завещали предки, а прямо в замке.

— К-как в замке? — переспросила я.

Когда сказала «да» Монку не рассчитывала, что стану его женой так стремительно. Я не успела сшить подвенечное платье, поговорить с Мери, успокоить учителя. Да я даже поверить не успела! Подумать, осознать...

— Для церемонии достаточно двух любящих сердец, — заверил меня отец Трюдо. — Их искренних чувств и горячего желания быть вместе. Что такое свидетельство богов? Благодать, ниспосланная с небес. Именно она имеет значение, а сделать запись в храмовой книге я могу в любом месте.

Не знала, что жрецы настолько свободно относятся к ритуалам. Была уверена, что без стен храма, алтаря и ликов высших на гобеленах, свадьба не состоится. Гости ведь должны свидетельствовать добрую волю молодых. Родители благословлять. Так бабушка рассказывала!

— Простите, но я не готова, — призналась тихо, в панике оглядываясь на Фридриха. — Слишком быстро всё случилось. Предложение ещё не успело растаять в воздухе. Да у меня даже платье нет!

И кольца, и гостей, и накрытого стола — ничего нет. Забавно, но это никого не смущало. Лорд Девиль всё с той же радостной улыбкой подошёл к распахнутым воротам замка и протянул мне пухлый бумажный свёрток, перевязанный лентой.

— Господин Монк побеспокоился о соблюдении традиций, — заверил меня он. — Дерзкий получился ход, но, признаюсь, лучший в нашей ситуации. Мы отправились к Гензелю и забрали из его мастерской почти готовое платье. Портной на ходу пришивал ленты и украшал сердцевины цветов жидким золотом. Конечно, оно не сядет тебе по фигуре, но есть же магия. Подгоним. Так что всё будет по правилам, не переживай. И наряд, и брачные клятвы.

Ощущение, что я сплю, усилилось. Как Гензель так легко расстался с подвенечным платьем, заказанным для другой девушки? Почему жрец согласился провести обряд в замке? На них навели морок или зацепили заклинанием принуждения?

«Золотом их кошельки набили, — ответила бы Мередит. — Деньги не хуже магии решают проблемы. А иногда и лучше».

Ещё она сказала бы, что я жуткая трусиха. Сама заварила кашу, согласившись выйти за Питера. Нарушила клятву, обманула магию шара, такие преграды преодолела и теперь пряталась в кусты. Как маленькая девочка. Нужно держать слово. И слушать сердце. Оно по-прежнему билось в предвкушении счастья, и я взгляд не могла отвести от Питера.

— Хорошо, — прошептала я и забрала у отца свёрток. — Пусть церемония состоится здесь.

— Моя отважная Анабель, — расцвёл улыбкой Питер и тоже шагнул ко мне. — Клянусь богами, второй такой во всем мире не найти.

— Она влюблена, — осторожно напомнил Фридрих. — Юных девушек глубокое и искреннее чувство толкает на безумства...

— Нет, — замотал головой господин Монк. — Не только. Тут характер и сила. Невероятная сила. О, Бель, как же вы прекрасны. Сколько в вас...

— Мне неловко слово молвить, — откашлялся за спинами мужчин служитель храма. — Но солнце высоко, дорога до замка была дальняя и меня ждут к вечерней молитве.

— Да-да, — тут же спохватился Питер. — Но не читать же клятвы, стоя у ворот. Анабель, ты пригласишь нас внутрь? Ничего больше не мешает?

Шар был закопан достаточно глубоко, чтобы не поймать в силки клятвы незваных гостей. Лорд Мюррей специально проверил несколько раз, реагирует ли магия на голос. Не цвёл горох, замок перестал ремонтировать дыры в крыше и стенах сам собой. Значит, звуки перестали касаться древнего артефакта.

— Проходите, — смущённо улыбнулась я и впустила мужчин. — Клятва больше не помеха.

Мужчины выгрузили из повозки корзинки со свадебным обедом, я проводила их в трапезный зал и ушла в нашу с Мери спальню, бережно прижимая свёрток к груди. Руки подрагивали от волнения и нетерпения. Мне нравилось ученическое платье от Гензеля, но свадебное должно быть ещё красивее. Ткань зашуршала под пальцами, камни в вышивке заиграли солнечными бликами.

— Мать-природа, — выдохнула я, разглядывая прозрачные капельки бриллиантов на вышитых золотой нитью цветах. — Какой узор!

Я даже забыла, что платье предназначалось другой девушке. Рисунок будто под меня придумали. Он напомнил о домике в лесу. Диких травах и росе, точно так же сияющей на солнце.

Наряд оказался великоват в груди. В отличие от Мери, мне почти не досталось женской красоты. И жаль, что магия ещё не вернулась. Подгонять подвенечное платье пришлось лорду Девилью.

«Отцу», — мысленно поправила себя.

Ни разу на него не посмотрела, пока заклинания утягивали на мне ткань. Удерживали её вместо швов.

— Волнуешься? — раздался шёпот над ухом.

— Да, — призналась я, кусая губы. — Всё так быстро происходит, что голова кругом.

— Питеру нужно ехать на суд, иначе он потеряет расположение своего лорда. Приказчик и так задержался сверх меры, — колдун повёл рукой в воздухе, поправляя складки пышной юбки. — Я немного знаю о наследственной тяжбе. Поверь, куда больше честности в том, чтобы предложить тебе свадьбу сейчас. Питер не хочет зародить в тебе и тени подозрений насчёт его намерений. Ведь если Норфолк выиграет суд, ты станешь ученицей колдуна с титулом и обширными землями. Тогда сватовство простого приказчика будет воспринято, как попытка выйти в свет, держась за твою юбку.

— Я понимаю, — не стала я спорить.

Учитель действительно зацепился бы за такой повод, чтобы отговорить меня от свадьбы. Сказал бы, что Питеру нужна не я, а положение в обществе. Ученица колдуна, истинная аристократка по крови, неплохая травница. К концу обучения я смогу переехать в столицу, открыть аптеку и жить в достатке, благодаря дару и навыкам.

«А теперь и обучение может закончиться», — подсказал внутренний голос.

Лорд Мюррей вернётся, увидит, что клятва слетела, а я — замужем за его врагом. Вспылит, голову даю на отсечение. Выгонит меня из замка, и я снова останусь наедине со своими магическими проблемами.

«Питер того стоит! — напомнила я себе. — Моя мама и бабушка выбрали магию вместо любви. Я насмотрелась на их страдания и не хочу повторять их путь».

Раз шару-артефакту всё равно, останусь я в замке или уйду, то можно жить своей жизнью. Да, лорда Девилья никто не называл великим, но знаний у него от этого меньше не стало.

«Уйду, — решила я. — Дождусь Мери, господина Мюррея, попрощаюсь по-человечески и уйду. К мужу, к отцу, к новой жизни».

И тут же стало жаль нашу с Мери затею с аптекой. Мы столько вынесли ради лицензии. Так радовались, когда клеили первые этикетки на бутылки.

«Питер точно того стоит?» — ехидно переспросил внутренний голос.

Я хлюпнула носом и промолчала.

— Пора, моя девочка, — объявил лорд Девиль и подал мне руку.

Платье шуршало, подметая подолом каменный пол замка. Я держала спину прямо и старалась не думать, в каком не праздничном беспорядке оставила волосы. Туфли отдала Мери. Замуж выходила в самодельных башмаках. Язык не повернулся попенять Питеру, что он забыл зайти к сапожнику. Хвала богам, некому было замечать мою оплошность. Вместо гостей в блестящих костюмах меня провожали взглядами предки Роланда Мюррея с потускневших портретов. Когда-то мы с Мередит искали в забытых всеми лицах сходство с господином Монком. Подозревали в нём кого-то из благородных. Смешно представить — самого хозяина здешних земель лорда Гринуэя. Как же его звали? Почему я никак не могла вспомнить.

— Дети мои, — торжественно обратился к нам отец Трюдо. — Предстаньте же пред ликами богов!

Мой жених обернулся от окна. Его чёрный камзол смотрелся необычно просто и в тоже время строго. Ворот рубашки украшал шейный платок. Я скользнула по нему взглядом и замерла. Нам придётся целоваться! Впервые в моей жизни!

Ноги тут же стали заплетаться от слабости. Я вцепилась в локоть отца и улыбнулась, надеясь, что щёки не пылают румянцем.

— Кто отдаёт замуж эту женщину? — спросил жрец.

— Я. Отец, — ответил лорд Девиль.

Всё плыло перед глазами. Меня подвели к алтарю, сооружённому из пустых сундуков. Я задыхалась от жара и не смела даже обернуться к тому, кого собиралась назвать мужем.

— Клянёшься ли ты, Анабель Лоуренс, ценить, любить и во всём подчиняться своему избраннику перед богами?

— Клянусь, — словно шагая прямо в небо, ответила я.

— Клянёшься ли ты, Питер Монк, ценить, любить и защищать свою избранницу перед богами?

— Клянусь.

Музыка звучала в его голосе, птицы пели за стенами замка. Я всем своим существом осознавала, что моя жизнь больше не будет прежней. Что десятилетия одиночества над книгами закончились. Мои пляски над колдовским горохом закончились. И ветер уже гнал от дверей, колыша лепестки цветов, то новое, что ждало меня.

— Скрепите свои клятвы кольцами, — попросил жрец.

Питер взял меня за руку и надел на безымянный палец золотой обруч с крупным прозрачным камнем в центре и россыпью маленьких. Я видела украшения бабушки в детстве, до того, как она всё распродала, но такой красоты в заветной шкатулке никогда не было. Бриллианты переливались, играли бликами и приковывали взгляд.

«Сколько мяса можно было бы купить! — проворчал у меня в голове голос Мери. — И платьев с башмаками».

Священник закашлялся и выпучил глаза, будто тоже ни разу не видел таких крупных и чистых камней.

— Оно замечательное, — выдохнула я, поднимая взгляд на жениха.

В ответ он улыбался самой светлой и тёплой улыбкой.

— Едва ли оно достойно твоей красоты, но пусть будет. Клянусь, я привезу тебя в наш дом и ты забудешь о гороховой похлёбке навсегда. О тяжёлой работе, о причудах старика-Мюррея. Ты моя главная драгоценность, Анабель.

— Второе кольцо, — деликатным кашлем напомнил о себе отец Трюдо.

Питер не стал на него сердиться. Протянул мне в раскрытой ладони кольцо побольше. Гладкое и без камней.

Руки подрагивали, надеть его на палец любимого мужчины с первой попытки не получилось. Но он снова ласково улыбнулся мне, и я справилась.

Всё? Теперь я замужем?

Голова закружилась от этой мысли. Поцелуй Питера казался глотком вина. Ярким, сладким, пьянящим. Я то падала в глубокое море, то летела. А когда очнулась, услышала:

— Счастья молодым! Счастья!

— Не пора ли отобедать, господа? — смущенно поинтересовался отец Трюдо.

Конец!